

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ NEORHINOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2025

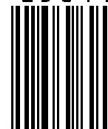
TOM 11 | № 1

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

25041 >

Print ISSN 2587-6953
Online ISSN 2782-5868

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2025. Том 11. № 1

Сквозной номер выпуска – 41

NEOPHILOLOGY

2025, volume 11, no. 1

16+

Политика журнала

Научно-теоретический журнал «Неофилология» – один из немногих в мире периодических изданий, предназначенных для обсуждения теоретических и практических проблем в области современной гуманитаристики. Отличительной особенностью журнала является разнообразная тематика статей, направленных на обсуждение актуальных вопросов в области традиционной и когнитивной лингвистики, теории текста и дискурса, речевой деятельности общества, межкультурной коммуникации, интернет-дискурса и языковой личности, что отражает «моментальный снимок» развития гуманитарной парадигмы XXI века – взгляд на язык, познание, культуру и сферы жизни общества как базовый гештальт образа современной неофилологической мысли. В своей издательской части концепция журнала опирается на русский язык, что обосновано ролью русского языка в сотрудничестве и взаимопонимании при освоении и присвоении человеческой культуры на межнациональном и глобальном уровнях. Русский язык укрепляет российское государство и одновременно является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, отражающей историю русского народа и его духовные искания.

Цели и задачи

Цели журнала – широкое освещение новых направлений развития филологической науки, научных достижений гуманитарной направленности в современном многополярном мире; содействие сохранению и развитию русского языка в отечественных и зарубежных СМИ и в сети Интернет.

Важнейшими задачами являются не только распространение результатов научных исследований в области современного гуманитарного знания, но и создание платформы для научного диалога и дискуссий, которые ведутся вокруг языка и когниции, языковой картины мира и динамики её фрагментов, а также развития интереса российских и зарубежных учёных к этим проблемам в связи с практикой применения результатов исследований в осмыслении проблем взаимоотношения вербального и невербального в языке и когниции.

К публикации принимаются оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках.

Авторами являются учёные из российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, БРИКС, ближнего и дальнего зарубежья.

Все статьи проходят проверку в программе «**Антиплагиат**» и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Индексирование, представлен в каталогах DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ, ResearchBib, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации; **5.9.3** – Теория литературы; **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России; **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология).

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издаётся с марта 2015. **Периодичность:** 4 раза в год.

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

DOI: 10.20310/2587-6953

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440

Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <https://neophilology.elpub.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ant_scherbak@mail.ru

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР: Мызников Сергей Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт Славяноведения РАН, г. Москва; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, myznikovs@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ильина Ирина Валерьевна, ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, irina.ilyina@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Республика Казахстан, agmanova@mail.ru

Акматалиев Абдылдажан Амантурович, действительный член Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы им. Ч. Айтматова, Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика, melis.a.-50@mail.ru

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра «Русская литература и христианская традиция», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация, Lanfra87@mail.ru

Бабакулов Исмаил Туркманович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания языков, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, Ургутский филиал, г. Ургут, Самаркандская область, Республика Узбекистан, ismailbabakulov@mail.ru

Бирюков Сергей Евгеньевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, sibirjukov@gmail.com

Гегелова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, mikhail0001@mail.ru

Григорьева Елена Ивановна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой управления и экономики культуры, Московский государственный институт культуры, г. Москва, Российская Федерация, grigorev_tmb@list.ru

Зверева Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, katya9_2001@mail.ru

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, s.ilchenko@spbu.ru

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivaleon@mail.ru

Накано Юкио, доктор филологических наук, ассистентный профессор факультета глобальных и региональных исследований, Университет Досея, г. Киото, Япония, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Новикова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, novikova58@bk.ru

Осмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, osmukhina@inbox.ru

Пронина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор, директор, Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Прохоров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, proh_and@rambler.ru

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, racib@yandex.ru

Розенберг Наталья Владимировна, доктор философских наук, доцент. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация), заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Elya@sura.ru

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Российская Федерация, smeyha@yandex.ru

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, suprun@vspu.ru

Сысоев Павел Викторович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иноязычного образования Института международного образования, Московский педагогический государственный университет, г. Москва; руководитель Тамбовского Научного центра Российской академии образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, psysoyev@yandex.ru

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, г. Павлодар, Республика Казахстан, zifakakbaevna@mail.ru

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, gnt@mail.ru

Урюпин Игорь Сергеевич, доктор филологических наук, доцент. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, isuryupin78@mail.ru

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liudmila.furs@gmail.com

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru

Черникова Наталия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация, chernikvanat@mail.ru

Чжан Цзе, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, z-jie1016@hotmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, sharandin@list.ru

Шемчук Юлия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, shemchuk.j@mail.ru

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, shesterina8@gmail.com

The mission of the journal

The scientific-theoretical journal “Neophilology” is one of the world’s few periodicals designed to discuss theoretical and practical problems in the field of modern humanities. The distinctive feature of the journal “Neophilology” is its diverse subject matter of articles aimed at the discussion of relevant problems in the field of traditional and cognitive linguistics, text and discourse theory, society’s speech activity, intercultural communication, Internet discourse and linguistic personality, which represents the “snapshot” of the development of the humanitarian paradigm of the XXI century – a view on language, cognition, culture, and spheres of social life as the basic gestalt of the image of modern neophilological thought. In its publishing part, the journal’s concept is based on the Russian language, which is substantiated by the role of the Russian language in cooperation and mutual understanding during exploration and appropriation of human culture on international and global levels. The Russian language strengthens the Russian state, and at the same time it is an integral and most important part of national culture that reflects the history of Russian people and their spiritual quest.

Aim and Scope

The goals of the journal are to broadly cover new directions of the development of philological science, including those of an interdisciplinary nature, new scientific accomplishments of the humanities direction in the modern multipolar world; to assist the preservation and development of the Russian language in domestic and foreign media and on the Internet.

The most important tasks of the journal are not only to disseminate the results of scientific research in the area of modern humanitarian knowledge but also to create a platform for scientific dialogue and debates that take place around language and cognition, linguistic worldview and the dynamics of its fragments, as well as the development of interest of Russian and foreign scientists to these problems in connection with the practice of applying the results of research in understanding the problems of the relationship between the verbal and non-verbal in language and cognition.

Original articles by Russian and foreign authors in Russian and English are accepted for publication.

The authors are scientists from Russian scientific and educational organizations, as well as from the CIS countries, BRICS countries, near and far abroad.

All articles are **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: journal’s financing is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

Indexed by the DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, RSCI, ResearchBib, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”.

Themes of the journal. Three main types of works are published: review scientific articles, original articles, reviews of monographs.

The main **headings** of the journal are:

Paradigms of Languages and Modern Linguistics

Literature Map in Persons, Facts, Events

Modern Media Text and Internet Discourse

Intercultural Communication: National Identity

Ideas of Young Scientists

Reviews

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Published since March 2015. **Issued** 4 times a year.

State Registration: Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ no. ФС77-70137 of June 16, 2017

DOI: [10.20310/2587-6953](https://doi.org/10.20310/2587-6953)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <https://neophilology.elpub.ru>

EDITOR-IN-CHIEF: Antonina S. Shcherbak, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language and General Linguistics, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, ant_scherbak@mail.ru

SCIENTIFIC EDITOR: Sergey A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Philology), Chief Research Scholar of Center for Areal Linguistics, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of Dialect Lexicography and Linguogeography of Russian Language Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, myznikovs@rambler.ru

EXECUTIVE EDITOR: Irina V. Ilyina, Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, irina.ilyina@list.ru

EDITORIAL BOARD

Valeria G. Andreyeva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Research Scholar of Scientific Center “Russian Literature and Christian Tradition”, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science (IWL RAS), Moscow, Russian Federation, Lanfra87@mail.ru

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology), Leading Research Scholar of the Scientific Laboratory of Comparative Literary Behavior and Creative Practices, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, sibirjukov@gmail.com

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, chernikvanat@mail.ru

Lyudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liudmila.furs@gmail.com

Natalia S. Gegelova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, mikhail0001@mail.ru

Elena I. Grigoreva, Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Head of Management and Economics of Culture Department, Moscow State Institute of Culture. Moscow, Russian Federation, grigorev_tmb@list.ru

Sergey N. Ilchenko, Dr. Sci. (Philology), Candidate of Art History, Associate Professor, Professor of “Higher School of Journalism and Mass Communications” Institute, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, s.ilchenko@spbu.ru

Zhang Jie, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People’s Republic of China, z-jie1016@hotmail.com

Liudmila E. Khvorova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru

Ivan V. Leonov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Culture Department, Saint-Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, ivaleon@mail.ru

Olga N. Novikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, novikova58@bk.ru

Olga Yu. Osmukhina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Andrey V. Prokhorov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, proh_and@rambler.ru

Lyudmila A. Pronina, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Director, Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Modern Russian Language and General Linguistics Department, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, racib@yandex.ru

Natalya V. Rozenberg, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of Philosophy and Social Communication Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, Elya@sura.ru

Anatoliy L. Sharandin, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, sharandin@list.ru

Yuliya M. Shemchuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Linguistics and Professional Communication in the Humanities and Applied Sciences Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, shemchuk.j@mail.ru

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Dean for Research of the Higher School (Faculty) of Television Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, shesterina8@gmail.com

Viktoriya V. Smeyukha, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism Department, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation, smeyha@yandex.ru

Vasiliy I. Suprun, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language Department, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, suprun@vspu.ru

Pavel V. Sysoyev, Dr. Sci. (Education), Professor, Professor of the Department of Foreign Language Education, Institute of International Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation; Head of the Tambov Scientific Center of the Russian Academy of Education, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, psysoyev@yandex.ru

Zifa K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, zifakakbaevna@mail.ru

Galina N. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, gnt@mail.ru

Igor S. Uryupin, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Literature of the 20th – 21st centuries Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, isuryupin78@mail.ru

Nakano Yukio, Dr. Sci. (Philology), Assistant Professor of Faculty of Global and Regional Studies, Doshisha University, Kyoto, Japan, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Ekaterina A. Zvereva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, katya9_2001@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

9

ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ефремов В.А., Пименова Е.С. Речевая агрессия в гендерно маркированных интернет-сообществах: номинации лиц своего пола	10
Фурс Л.А. Когнитивно-прагматический подход к интерпретативной репрезентации	21
Николаев Е.Р. Русизмы в диалектных названиях орудий охоты в якутском языке	31
Ребковец О.А., Милянчук Н.С. О жанровом разнообразии современных научно-популярных текстов о языке	42
Терских М.В. Лексика ограниченного употребления в рекламе: функциональный аспект	56
Финаев К.А. Фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и его репрезентация в английском языке	69
Туарменский А.В. Интерпретация медицинской дипломатии в современном английском языке	79

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА В ЛИЦАХ, ФАКТАХ, СОБЫТИЯХ

Пронченко С.М. Специфика диалога с натуральной школой в рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» А.К. Толстого	88
Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник. Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин)	98
Абраменкова Л.Е. «Хирург» М. Степновой и «Синдром Петрушки» Д. Рубиной как современные образцы «романа творения»	112

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС

Трофимова Г.Н., Комлева М.В. Стратегии убеждения в медицинском медиадискурсе: функционально-прагматический анализ	124
Шестерина А.М., Богуславская В.В. Проблема кибербуллинга в зеркале видеоблогинга	139
Рогалева О.С. Спортивный дискурс на «Ютьюб»: структура и специфика контента	148

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Анисимова Т.В. Место риторики в процессе междисциплинарной интеграции наук	160
Тарасов М.И. Полисиллогистические структуры в современной ораторской речи (эпихейрема)	172
Орозова А.К. Фразеологизмы с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках	183
Елибаева Р.Д. Урботекст лингвистического ландшафта г. Шымкента	194
Кривуля Н.Г. Роль референсов в работе художника анимации	204

CONTENTS

PARADIGMS OF LANGUAGES AND MODERN LINGUISTICS

Efremov V.A., Pimenova E.S. Speech aggression in gender-marked online communities: same-sex nominations	10
Furs L.A. Cognitive-pragmatic view on interpretative representation	21
Nikolaev E.R. Russisms in dialect names of hunting tools in Yakut language	31
Rebkovets O.A., Milyanchuk N.S. On genre diversity of contemporary popular science texts about language	42
Tersikh M.V. Limited use vocabulary in advertising: functional aspect	56
Finaev K.A. Frame BENEFACTIVE EVENT and its representation in English	69
Tuarmenskiy A.V. Interpretation of medical diplomacy in modern English	79

LITERATURE MAP IN PERSONS, FACTS, EVENTS

Pronchenko S.M. The specifics of dialogue with the natural school in the story “Artemy Semenovich Bervenkovsky” by A.K. Tolstoy	88
Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin) Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin)	98
Abramenkova L.E. “The Surgeon” by M. Stepnova and “Petrushka Syndrome” by D. Rubina as contemporary examples of “creation novel”	112

MODERN MEDIA TEXT AND INTERNET DISCOURSE

Trofimova G.N., Komleva M.V. Persuasion strategies in medical media discourse: a functional and pragmatic analysis	124
Shesterina A.M., Boguslavskaya V.V. The problem of cyberbullying in the mirror of videoblogging	139
Rogaleva O.S. Sports discourse on “YouTube”: structure and specificity of content	148

INTERCULTURAL COMMUNICATION: NATIONAL IDENTITY

Anisimova T.V. The place of rhetoric in the process of interdisciplinary integration of sciences	160
Tarasov M.I. Polysyllogistic structures in modern oratorical speech (epicheireme)	172
Orozova A.K. Phraseological units with the semantics of “evil” in Russian and Kyrgyz languages	183
Elibaeva R.D. Urbotext of a linguistic landscape of Shymkent city	194
Krivulya N.G. The meaning of references in the work of an animation artist	204

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1:659

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20>

Шифр научной специальности 5.9.5

Речевая агрессия в гендерно маркированных интернет-сообществах: номинации лиц своего пола

Валерий Анатольевич Ефремов , Екатерина Сергеевна Пименова

ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук»

199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

 valef@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В XXI веке в Рунете возникли радикальные интернет-сообщества, объединяющие пользователей на основе гендерной идентичности и разделяемой гендерной идеологии, отстаивание которой зачастую происходит с помощью речевой агрессии. Цель исследования – анализ языковых единиц, используемых феминистками и маскулистами для выражения речевой агрессии в адрес представителей своего пола, не разделяющих соответствующие идеологические установки. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили агональные интернет-сообщества, представленные самыми массовыми феминистскими и маскулистскими группами «ВКонтакте». В ходе исследования, проведённого в виде ручного интернет-поиска, применялись лексикографический и стилистический, контекстуальный и семантический анализ, а также элементы дискурсивного анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Гендерный язык вражды реализуется как с помощью уже существующих в русском языке лексем, предназначенных для выражения отрицательных эмоций, так и с помощью специально созданных неологизмов, которые предназначены для оскорбления представителей противоположного пола. Особый научный интерес представляет анализ пейоративно окрашенных лексем, которые сторонники радикальных гендерных идеологий используют в адрес лиц своего пола, не разделяющих их взгляды. Проанализированы ключевые для современного гендерно маркированного интернет-дискурса феминистские (*патриархалка*, *мудроженщина*) и маскулистские (*каблук*, *бабораб*, *алень*, *куколд*, *терпила*, *падальщик*) номинации. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением языка ненависти маскулистов и радикальных феминисток.

Ключевые слова: речевая агрессия, интернет-коммуникация, радикальный феминизм, маскулизм, инвектива, язык вражды, группы ненависти

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.А. Ефремов – разработка концепции исследования, научное руководство, анализ текстов постов и комментариев агональных интернет-сообществ, окончательное редактирование рукописи. Е.С. Пименова – сбор и анализ научной литературы, обобщение опыта исследователей, сбор и анализ данных, обработка материала, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ефремов В.А., Пименова Е.С. Речевая агрессия в гендерно маркированных интернет-сообществах: номинации лиц своего пола // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 10-20. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20>

OECD 6.02; ASJC 1203

Speech aggression in gender-marked online communities: same-sex nominations

Valeriy A. Efremov , Ekaterina S. Pimenova

Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, 199053, Russian Federation

 valef@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. In the 21st century, radical Internet communities have emerged in Runet, uniting users on the basis of gender identity and shared gender ideology, the defence of which often takes place with the help of speech aggression. The aim of the study is to analyse the language units used by feminists and masculists to express speech aggression against members of their own sex who do not share the relevant ideological attitudes. **MATERIALS AND METHODS.** The material of the study are agonal Internet communities represented by the most mass feminist and masculist groups “VKontakte”. The study, conducted as a manual Internet search, applied lexicographic and stylistic, contextual and semantic analysis, as well as elements of discourse analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** Gender hate speech is implemented both with the help of lexemes already existing in the Russian language, intended to express negative emotions, and with the help of specially created neologisms, which are intended to insult representatives of the opposite sex. However, of particular interest is the analysis of pejorative lexemes that supporters of radical gender ideologies use to address people of their own sex who do not share their views. The study analyzes the key feminist (*patriarkhalka* ‘patriarchal woman’, *mudrozhenishchina* ‘wise woman’) and masculist (*kabluk* ‘henpecked’, *baborab* ‘slave of a woman’, *alen* ‘deer’, *kukold* ‘cuckold’, *terpila* ‘endured’, *padal'shchik* ‘scavenger’) nominations that are key to modern gender-marked Internet discourse. **CONCLUSION.** Prospects for the research are related to further study of the hate speech of masculists and radical feminists.

Keywords: speech aggression, Internet communication, radical feminism, masculism, invective, hate speech, hate groups

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: V.A. Efremov – research concept development, supervision, analysis of texts of posts and comments of agonal Internet communities, manuscript final editing. E.S. Pimenova – scientific literature collection and analysis, generalization of researchers' experience, data collection and analysis, material processing, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Efremov, V.A., & Pimenova, E.S. Speech aggression in gender-marked online communities: same-sex nominations. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):10-20. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20>

ВВЕДЕНИЕ

Речевая агрессия как сложный психолингвистический феномен давно привлекает внимание исследователей: механизмы возникновения агрессии и процесс её вербализации описаны во многих психологических и лингвистических работах. Так, Ю.В. Щербина, рассматривая жанры речевой агрессии, представила довольно полную классификацию, охарактеризовав возможные формы агрессивной коммуникации [1]. Однако в отечественных работах при анализе вербальной агрессии не всегда учитывается гендерная идентичность участников конфликта.

В рамках исследований вербальной агрессии в Интернете чаще всего в поле зрения учёных попадают крайне радикальные сегменты Рунета, представленные политическим и/или религиозным дискурсами [2]. Однако можно констатировать, что «в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своём появлении и другими важнейшими аспектами человеческого существования, <...> к примеру, гендерным» [3, с. 235]. Так, в социальной сети «ВКонтакте» существует множество гендерно маркированных пабликов, организованных последователями радикального феминизма и маскулизма, цель которых – не только трансляция тех или иных гендерных стереотипов [4], но и защита прав представителей своего пола и соответствующей гендерной идеологии.

Новизна нашего исследования обусловлена тем, что прежде лингвисты (в отличие от психологов [5]) не рассматривали проявления речевой агрессии с учётом принадлежности коммуникантов к тому или иному социальному движению. Более того, на сегодняшний день нет отечественных исследований вербальной агрессии, в которых анализировались бы уникальные лексические номинации, используемые представителями радикального феминизма и маскулизма.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель исследования – анализ языковых единиц, используемых феминистками и мас-

кулистами для выражения речевой агрессии в адрес представителей своего пола, не разделяющих соответствующие идеологические установки.

Материалом исследования послужили тексты постов и комментариев к ним, опубликованных в феминистских и маскулистских пабликах социальной сети «ВКонтакте». Для исследования отбор групп был произведён по следующим критериям:

1) возможность свободного комментирования публикации (группы с отключённым комментированием не анализировались);

2) активность администраторов и подписчиков; ежедневная публикация постов и их комментирование;

3) количество участников: малочисленные группы (меньше 5 000 подписчиков) не рассматривались.

Таким образом, базой исследования стали (1) **фемсообщества** «Подслушано Феминизм» (<https://vk.com/public69629007>), «Куны Не Нужны» (<https://vk.com/knndev>), «Wrong Fem» (<https://vk.com/wrongfem>), «Подслушано у женщин» (https://vk.com/pusyam_net) и (2) **маскулистские сообщества** «Мужская республика» (<https://vk.com/club131156366>), «АнтиАлень» (<https://vk.com/club182144681>), «Мужское Движение» (<https://vk.com/mens-rights>), «ALPHA» (<https://vk.com/truealfa>).

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе анализа спискам лексем с использованием Google и специальных программ на базе социальной сети «ВКонтакте». Применялись лексикографический и стилистический, контекстуальный и семантический анализ, а также элементы дискурсивного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С развитием технологий коммуникация стремительно переходит в виртуальное пространство. Люди разного возраста и гендерной принадлежности обмениваются информацией по тому или иному вопросу в социальных сетях, чатах, на сайтах. Интернет трансформирует и как бы «размывает» личность автора, что приводит к относительной

анонимности пользователей. Анонимность и возможность скрыть личную информацию от других пользователей приводят к игнорированию речевой культуры, к снятию коммуникативных ограничений, к редукции этической составляющей: «нейтрализуются сдерживающие механизмы, создаются высказывания, нарушающие не только языковые, но и нравственные нормы, открыто говорится то, что было бы скрыто, смягчено в непосредственном общении» [6].

В интернет-коммуникации стираются социокультурные границы, которые обычно предохраняют живое общение от агрессивных и враждебных проявлений. Так, Интернет как место «свободного общения» способствует более широкому распространению агрессии, при котором гендерная принадлежность объектов агрессии постепенно утрачивает принципиальную значимость для агрессоров. Механизм запуска конфликтной коммуникации в Сети достаточно прост: «Участники интернет-коммуникации эмоционально-экспрессивно реагируют на определённые (провокативные) типы сообщений собеседников-отправителей в результате того, что данные сообщения включают некие содержательно-смысловые провокативные элементы, которые служат в качестве раздражителей, побуждающих получателей к ответной реакции» [7, с. 68].

Учёными уже установлено, что ситуации речевой агрессии характеризуются применением разных агрессивных стратегий в зависимости от пола объекта агрессии. Если жертва – женщина, то в речи агрессора возникает «актуализация пола адресата, содержащая оценку с точки зрения несоответствия гендерным нормам, принятым в обществе», а также «брань сексуального характера» [8, с. 201]. Если и объект, и субъект агрессии – женщины, то речевая агрессия может быть направлена на внешность адресата, с акцентом на её недостатки и дефектах. (Одновременно для женщин в большей степени характерен такой малоисследованный феномен, как речевая аутоагрессия [9].)

В ситуациях, когда и субъект, и объект агрессии – мужчины, часто используются номинации жертвы «с точки зрения несоот-

ветствия гендерной норме гетеросексуальной ориентации» [8, с. 201]. В подобной коммуникации в адрес мужчины агрессор активно использует жаргонизмы и инвективы, что реже встречается в ситуациях женской агрессии: «женщины меньше мужчин склонны использовать нецензурную лексику, ругательства и брань» [10, с. 52].

Существует также точка зрения, которая утверждает, что мужчины более агрессивны, чем женщины, потому что выбирают активные тактики агрессивного поведения, стремясь воздействовать на оппонента напрямую. Меньшая степень агрессивности женщин обусловлена наличием психологического блока, представленного чувством вины и эмпатией, что препятствует полной реализации агрессивного намерения. Однако «женщины более склонны к проявлению имплицитных форм враждебности, которые выражаются в пренебрежительном обращении, игнорировании или обесценивании социального статуса объекта агрессии» [6, с. 192].

Гендерная принадлежность субъекта агрессии – один из важнейших факторов, влияющих на проявление речевой агрессии (см. например, [11]). Однако необходимо отметить, что на выбор объекта речевой агрессии и способов её реализации влияют и социальные факторы, к которым можно отнести принадлежность коммуниканта к тому или иному общественному движению, идеология которого обуславливает его поведение, систему ценностей и мировоззрение. К таким движениям можно отнести радикальный феминизм и маскулизм.

Анализ речевого поведения участников феминистских и маскулистских сообществ «ВКонтакте» показывает, что одним из основных способов проявления речевой агрессии представителей этих социальных движений в адрес оппонентов является использование особых инвективных номинаций: «Резиденты Сети используют слова в качестве «оружия» для нападения на отдельных пользователей или их группы» [12, с. 30].

В феминистском и маскулистском дискурсах используются лексемы, которые не просто употребляются участниками какого-то одного публика, а входят в активный сло-

варь большинства последователей соответствующих идеологических движений. «Социально, экономически и психологически обусловленная потребность говорящих в новых номинациях способствует появлению в интернет-текстах значительного количества нестандартных средств репрезентации категорий фемининности и маскулинности: лексических заимствований, словообразовательных инноваций, игровых трансформ и неосемантов, – при этом многие из них употребляются регулярно и, входя в узус интернет-опосредованного общения, могут способствовать вербализации отдельных фрагментов гендерной картины мира» [13, с. 132].

В гендерно маркированных сообществах адресатами вербальной агрессии, как правило, выступают представители противоположного пола. Интересно, что в исследуемых пабликах речевая агрессия «может рассматриваться и как способ нападения, и как способ защиты» [14, с. 86]. В феминистских пабликах (и в описаниях сообществ, и в правилах поведения) указано, что их деятельность направлена против мужчин. Маскулистские интернет-сообщества характеризуются наличием агрессивных выпадов как в сторону женщин, так и в сторону мужчин. Однако особый научный интерес вызывают номинации, используемые апологетами радикальных гендерных идеологий, в адрес лиц своего пола, не разделяющих их взгляды.

Анализ языковых единиц, используемых феминистками и маскулистами для номинации лиц своего пола.

И. Радикальные феминистки не только пропагандируют женскую солидарность, но и призывают всех женщин объединиться против общего врага – мужчин. Если же женщины не разделяют эти идеи и живут в согласии с традиционными гендерными представлениями и ценностями, то они провоцируют у участниц феминистских интернет-сообществ неприязнь и даже ненависть к ним. Так, в феминистическом лексиконе появляются номинации *патриархалка* и *мудроженщина*.

Патриархалками в феминистских сообществах называются ярые противницы феминизма, которые не видят в мужчинах

врагов. При этом лексема *патриархалка* встречается в комментариях и в постах гораздо чаще, чем производящее *патриархал*. С точки зрения феминизма, «состояние патриархалки» должно быть глубоко чуждо женщине, поскольку патриархат подразумевает угнетённое положение женщины и в семье, и в обществе. Защищая такой уклад жизни, женщина тем самым защищает и доминирующее и беспрекословное положение мужчины-угнетателя, что и делает её *патриархалкой*: *Маргарита, чему у вас учатся? Там где вы учитесь, я преподаю. А учится обслуживать мерзкое тело у себя в квартире я не намерена. Я не сплю со старперской свиньёй и не рожая от такой- как вы. Живи своей куриной жизнью убогой, только не надо её никому пропорандировать, тут поумнее тебя сидят и свою жизнь в мусорку выкидывать не планируют, патриархалка¹*».

Важно отметить, что номинация *патриархалка* не используется в адрес тех женщин, которые относятся к феминизму нейтрально или не принимают в нём никакого участия.

Мудроженщина – единственная из проанализированных лексем, уже получившая фиксацию в академических словарях: «Ирон. О женщине, придерживающейся патриархальных взглядов на взаимоотношения полов»². В языке феминисток мудроженщины – это те, кто использует принятую в патриархальном обществе народную мудрость, направленную на поддержание традиционных отношений между мужчиной и женщиной (типа «стерпится – слюбится», «муж – всему голова» и т. д.). Мудроженщины отрицают факт самостоятельности современной женщины и её способность жить без мужской опоры. Они, по мнению феминисток, навязывают женщинам тот идеалистический образ традиционной, патриархальной семьи, который в современном мире уже не существует. Как и *патриархалка*, слово обладает ярко

¹ Стена ВКонтакте. Wrong Fem. 09.05.2024. URL: https://vk.com/wall-199375886_91330 (дата обращения: 02.12.2024). Здесь и далее орфография и пунктуация анализируемых интернет-записей сохранены полностью.

² Новое в русской лексике. Словарные материалы–2015 / отв. ред. С.Д. Левина. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 62.

выраженной пейоративной коннотацией. Обе лексемы активно используются в постах и в комментариях фемсообществ, хотя слово *мудроженщина* появилось в фемлексиконе позже *патриархалки*.

Обе лексемы предназначены для негативной номинации лиц женского пола, не только не разделяющих феминистских взглядов, но и выступающих против них, однако они не синонимичны. Разница заключается в поведении и установках, которые транслируют представительницы этих двух категорий. С точки зрения феминистской оптики, *патриархалка* выступает как 'женщина, которая воспринимает других лиц женского пола как соперниц в борьбе за внимание и расположение мужчин, поэтому ненавидит и унижает их'. Подобное отношение женщин друг к другу формируется в результате внушённой им традиционным обществом ложной ценности мужчины в их жизни. Негативное воздействие патриархалок на других женщин может проявляться по-разному: в обсуждении дефектов внешности, виктимблейминге и т. д. *Мудроженщина* – это 'умудрённая жизненным опытом женщина, которая продвигает патриархатные идеи и навязывает девушкам и другим женщинам основы гендерной социализации'. Иными словами, патриархалки стремятся предстать перед мужчинами в лучшем свете за счёт других женщин, мудроженщины же «учат женщин сознательно занимать в семье подчинённое, зависимое положение и оправдывать издевательства мужа, называя это женской мудростью»³.

В процессе изучения речевой агрессии феминисток были обнаружены изменения в их отношении к патриархалкам и мудроженщинам. Раньше участницы фемсообществ были убеждены, что на патриархалок можно воздействовать с помощью так называемой фемоптики, показывая им истинный облик мужчин. Подтверждение можно найти в следующем комментарии: «*Патриархалок учить и просвещать надо, но не надо нена-*

*видеть девушек, которые на них срываются!»*⁴

Однако сейчас, ввиду активно распространяющейся мизогинии, источником которой иногда становятся и сами женщины (патриархалки), феминистки отказались от идеи их переубеждения. И если раньше у феминисток большую неприязнь вызывали именно мудроженщины, поскольку те не способны отказаться от последствий женской гендерной социализации и способствуют распространению этого явления среди молодых женщин, то сейчас феминистская агрессия больше обрушивается именно на патриархалок.

Это можно объяснить тем, что своим поведением по отношению к лицам женского пола они разрушают идею женской солидарности и единства, которую феминистки стремятся отстоять перед обществом. Приведём пример: «*Юлия, ты б хоть поинтересовалась для начала, что за «секта», чтобы своё сюда белопальтовое очень важное (нет) мнение строчить. Если совсем по тупому, чтобы для таких, как ты, дошло, то тут защищают не безмозглых женщин, а от безмозглых вроде тебя мизогиничек и патриархалок, жгс-нутых на всю голову. Свои проповеди иди в мужских пабликах лучше написывай, заодно узнаешь какая ты и баба, и где у тебя мозги и вообще своё место»*⁵.

Итак, наиболее распространёнными инвективными номинациями женщин, не разделяющих взгляды (радикального) феминизма, в русской языковой действительности стали лексемы *патриархалка* и *мудроженщина*, концептуализирующие разные типы отношения женщин к феминистской идеологии.

II. Как и феминистки, маскулисты также осуждают представителей своего пола за несогласие с пропагандируемыми ими идеями. Это идеи превосходства и доминирования мужчин над женщинами, представление о лицах женского пола как о расходном мате-

³ Новое в русской лексике. Словарные материалы–2018 / отв. ред. Н.В. Козловская. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. С. 65.

⁴ Стена ВКонтакте. Подслушано у женщин. 19.04.2021. URL: https://vk.com/wall-165341775_895830 (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Стена ВКонтакте. Подслушано у женщин. 23.11.2023. URL: https://vk.com/wall-165341775_1696353 (дата обращения: 02.12.2024).

риале, предназначенном для бытового обслуживания и рождения детей. Мужчины, которые не разделяют эти взгляды, классифицируются в дискурсе маскулистов следующим образом: *каблук*, *бабораб*, *алень*, *куколд*, *терпила*, *падалыцик*.

Каблук в толковых словарях литературного языка представлен как моносемант со значением 'твёрдая набойка на подошве обуви под пяткой'. Однако в русском языке существует иронически окрашенный фразеологизм *быть под каблуком* – 'находиться в полной зависимости, в беспрекословном подчинении (у жены)'⁶. Через метонимический перенос лексема *каблук* приобретает значение 'слабовольный мужчина, который для сохранения отношений с женщиной выполняет все её прихоти'. В представлении маскулистов, мужчина, состоя в отношениях с женщиной, должен получать конкретную выгоду: бытовое, психологическое и сексуальное обслуживание, рождение детей и т. д. Мужчина же, который видит в женщине не расходный материал, а равноправного партнёра, имеющего собственные желания и потребности, является каблуком: *«Виктория, настоящие мужчины пользуются бабьём и выкидывают – а каблук отношения подерживают»*⁷.

Бабораб образовано путём сложения сниженного *баба* и *раб*. *Бабораб* – это 'мужчина, который безропотно исполняет волю женщины'. Однако если каблук – это мужчина, который идёт на поводу у лиц женского пола под влиянием социальных установок, то бабораб – это представитель мужского пола, который находится в полном подчинении у женщины, ибо его интересы и желания полностью зависят от её интересов и желаний: *«Вячеслав, и с чего вообще ты взял что я этих баборабов и аленья, как то оправдываю? Мне противно смотреть на семью, где муж это ходячий ресурс и исполнитель хотелок «принцесс», где он «Берёт ответст-*

*венность» Где «Чужих детей не бывает», если ты понимаешь о чём я...»*⁸

Алень. По данным словарей субстандарта, жаргонизм *алень* имеет значение «наивный, неопытный человек»⁹, с пометой *ирон.* Однако это значение, которое хорошо известно уже не только носителям сниженного русского языка, не просто перенимается маскулистами, но и переосмысливается в соответствии с их идеологией. Маскулистское толкование эрратива *алень* представлено в описании сообщества «АнтиАлень», согласно которому «*“Алень” – терпила в отношениях с бабами. Отличается идеализацией отношений между полами, внушаемостью, наивной верой в женскую порядочность, недостатком самоуважения, готовностью поступаться своими интересами. “Алень” старается соответствовать тем стереотипам поведения, которые ему навязывают бабы в своих интересах. В общем существо мужского пола, неспособное самостоятельно мыслить, руководствоваться разумом и логикой*»¹⁰.

Заметим также, что маскулистская номинация *алень* – это синоним старинной лексемы *подкаблучник*, что отмечают и сами интернет-пользователи: *Хочу предложить, чаще называть аленьей, старым советским термином – подкаблучник. Дело в том что не все нашу терминологию понимают, многим приходится объяснять. Просто замечал что это слово бьёт жёстче чем алень*¹¹.

Куколд – это заимствование из английского языка (*cuckold* – 'рогоносец'; 'обманутый муж'), имеющее значение «мужчина-муж, <...> терпящий унижения от жены и её

⁶ Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: Астрель: АСТ, 2008. С. 280.

⁷ Стена ВКонтакте. Мужское Движение. 14.02.2022. URL: https://vk.com/wall-12208571_906784 (дата обращения: 02.12.2024).

⁸ Стена ВКонтакте. ALPHA. 02.10.2024. URL: https://vk.com/wall-140809469_338940 (дата обращения: 02.12.2024).

⁹ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. Санкт-Петербург: Норинт, 2004. С. 231.

¹⁰ Стена ВКонтакте. АнтиАлень. URL: <https://vk.com/club182144681?w=club182144681> (дата обращения: 08.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹¹ Стена ВКонтакте. АнтиАлень. URL: https://vk.com/wall-182144681_100564 (дата обращения: 08.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

любовника»¹². В картине мира представителей маскулизма *куколд* – это ‘мужчина, который угождает женщинам любыми способами’. Подобное поведение маскулисты считают разрушительным для общества, поскольку оно привело к тому, что женщины стали более распушенными: «Василий, <...> дело не во внешности, дело в животности, бабам нравится животность и самоуверенность. А русский Степашка *куколд* только и может что под каблуком быть... Вот русские бабы пронюхали и теперь полностью владеют положением, а русский Петька так и продолжает стелиться под шалав и целовать пятки»¹³.

Терпила в современных словарях имеет значение ‘человек, который покорно терпит неудобства и несправедливости жизни’¹⁴ с пометкой «уничужительное». В речи маскулистов чаще всего лексема *терпила* употребляется для номинации мужей, чьи жёны, пользуясь доверчивостью и терпением супругов, позволяют себе отклоняться от социальных и моральных норм поведения: «Александр, Уже, как *терпила* ассоциация с мужем. Он и алень и всегда виноват и должен и вообще полный чмырь рогатый, которого дураят бабы, доят, изменяют и пользуются и меняют без сожаления, как только полезен перестаёт быть»¹⁵.

Пададьщик в русском литературном языке означает ‘животное, питающееся мертвечиной, падаью’. Обыгрывая внутреннюю форму слова, маскулисты концептуализируют *пададьщика* как ‘мужчину, который вынужден довольствоваться уже “бывшими в использовании” у других представителей сильного пола женщинами’. В связи с тем, что в маскулистских сообществах пропагандируется представление о том, что пригодная

для серьёзных отношений женщина – это исключительно целомудренная девушка, пададьщики осуждаются за готовность жить с женщиной, в жизни которой уже были мужчины: «Юрий, нет, *пададьщик* = *куколд*. Ты готов жить с бабой, даже если у неё половая история размером с том «Война и мир» – ты и есть *пададьщик*. Подбираешь объедки и тащишь к себе»¹⁶.

Итак, наиболее распространёнными инвективными номинациями мужчин, не разделяющих взгляды маскулизма, так как не соответствуют патриархальным нормам мужского поведения, становятся *каблук*, *бабораб*, *алень*, *куколд*, *терпила*, *пададьщик*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сторонники радикальных гендерных взглядов для выражения агрессии в адрес идеологических оппонентов активно используют уже существующие в языке инвективные средства (*баба*, *козёл* и мн. др.). Однако негативный эмоциональный компонент, заложенный в традиционных бранных гендерно маркированных лексемах, уже не создаёт должной силы прагматического эффекта, а значит, репертуар оскорбительных номинаций требует обновления.

Для создания и поддержания негативного образа оппонентов радикальные феминистки и маскулисты создают собственные номинации, обращаясь к жаргону и обценной лексике.

Проанализированный материал конфликтной коммуникации в гендерно маркированных интернет-сообществах позволяет сделать вывод, что речевая агрессия в адрес идеологических оппонентов своего пола в большей степени свойственна приверженцам крайне радикальных мужских взглядов. Феминистские *патриархалка* и *мудроженщина* не обладают столь сильной степенью отрицательной коннотации и оскорбительности, как маскулистские номинации (*каблук*, *бабораб*, *алень*, *куколд*, *терпила*, *пададьщик*), в

¹² Дьяков А.И. Большой словарь англицизмов русского языка. Москва: ФЛИНТА, 2021. С. 540.

¹³ Стена ВКонтакте. Мужское Движение. 28.04.2023. URL: https://vk.com/wall-12208571_960700 (дата обращения: 02.12.2024).

¹⁴ Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. Москва: Языки славянских культур, 2021. Вып. 4. С. 497.

¹⁵ Стена ВКонтакте. ALPHA. 05.03.2020. URL: https://vk.com/wall-140809469_250421 (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁶ Стена ВКонтакте. АнтиАлень. URL: https://vk.com/wall-182144681_99490 (дата обращения: 08.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

основе которых лежат жаргонизмы и лексемы с ярко выраженной пейоративной окраской.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением языка ненависти маскулистов и радикальных феминисток, вы-

явлением особенностей концептуализации образа врага, сопоставительным анализом способов образования специальной, гендерно маркированной лексики.

Список источников

1. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. Москва: Форум, 2012. 397 с. <https://elibrary.ru/qydbjv>
2. Лаптева М.Л., Фирсова М.А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 424-439. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439>, <https://elibrary.ru/gblhrz>
3. Красилов В.И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3 (15). С. 235-244. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>, <https://elibrary.ru/anjyxj>
4. Ефремов В.А. Гендерные стереотипы как элемент концептуализации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 149-158. <https://elibrary.ru/nxlhuf>
5. Седенкова И.С. Гендерные аспекты проявления агрессии в социальной сети // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2022. Т. 5. № 2 (15). С. 129-134. https://doi.org/10.54072/26586568_2022_5_2_129, <https://elibrary.ru/gwbxhp>
6. Смирнов П.Ю. Гендерная дифференциация в проявлении речевой агрессии мужчин и женщин // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 4 (21). С. 191-193. <https://elibrary.ru/ykymus>
7. Лозовский А.В. Приёмы и стратегии провокативного ролевого поведения участников текстовой интернет-коммуникации // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 66-77. <https://elibrary.ru/fsmxol>
8. Вязигина Н.В. Особенности проявления вербальной агрессии у мужчин и женщин // Юрислингвистика. 2011. № 1. С. 197-202. <https://elibrary.ru/wcmsmd>
9. Маркина Л.В., Буданова М.А. Речевая аутоагрессия в интернет-коммуникации и её гендерные особенности // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 3 (25). С. 95-109. <https://elibrary.ru/bqtmrj>
10. Мецзякова Э.И., Жигинас Н.В. Психологические особенности маскулинного и феминного агрессивного речевого стиля // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16-17. С. 52-54. <https://elibrary.ru/vubwzf>
11. Ларионов П.М. Социально-психологические факторы, провоцирующие агрессию у подростков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 74-91. <https://elibrary.ru/xmlohq>
12. Лю Ц. Речевая агрессия в интернет-коммуникации (на примере комментариев в китайском микроблоге SinaWeibo) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 24-31. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_24, <https://elibrary.ru/ssctmu>
13. Каллистратидис Е.В. Гендерный аспект функционирования неосемантов «нищеврод» и «нищевродка» в неформальной интернет-коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 132-137. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.12.09>, <https://elibrary.ru/dzaceb>
14. Комалова Л.Р., Садова Е.Р. Фактор речевого контекста при определении прагматической направленности вербализованной агрессии в интернет-опосредованной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 3. С. 77-89. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>, <https://elibrary.ru/ubncfv>

References

1. Shcherbinina Yu.V. *Verbal Aggression. Territory of Hostility*. Moscow, Forum Publ., 2012, 397 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qydbjv>

2. Lapteva M.L., Firsova M.A. Linguistic and cultural foundations of verbal aggression in the Russian language. *Rusistika = Russian Language Studies*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 424-439. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-424-439>, <https://elibrary.ru/gblhrz>
3. Krasikov V.I. Gender hatred in Runet: masculinists and radical feminists. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 3 (15), pp. 235-244. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>, <https://elibrary.ru/anjyxx>
4. Efremov V.A. Gender stereotype as the element of conceptualization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2011, no. 2 (35), pp. 149-158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxlhuf>
5. Sedenkova I.S. Gender aspects of aggression in social network. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki*, 2022, vol. 5, no. 2 (15), pp. 129-134. (In Russ.) https://doi.org/10.54072/26586568_2022_5_2_129, <https://elibrary.ru/gwbxhp>
6. Smirnov P.Yu. Gender differentiation in the appearance of speech aggression of men and women. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2017, no. 4 (21), pp. 191-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykymus>
7. Lozovskii A.V. Methods and strategies of provocative role behaviour of text-based internet communication participants. *Zhurnal belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 2020, no. 3, pp. 66-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fsmxol>
8. Vyazgina N.V. Features of the manifestation of verbal aggression in men and women (based on the material of forensic linguistic examinations under article 130 of the criminal code of the Russian Federation "insult"). *Yurilingvistika = Legal Linguistics*, 2011, no. 1, pp. 197-202. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wcmsmd>
9. Markina L.V., Budanova M.A. Speech autoaggression in internet communications and its gender features. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie = MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2024, no. 3 (25), pp. 95-109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bqtmrj>
10. Meshcheryakova E.I., Zhiginas N.V. Psychological peculiarities of a masculine and feminine aggressive discourse. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2002, no. 16-17, pp. 52-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vubwzf>
11. Larionov P.M. Socio-psychological factors provoking aggression in adolescents. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya = Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology*, 2020, no. 3, pp. 74-91. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xmllohq>
12. Lyu Ts. A study on aggressive speech in online commentaries of SinaWeibo. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 2 (857), pp. 24-31. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_24, <https://elibrary.ru/ssctmu>
13. Kallistratidis E.V. Gender aspect of functioning of the neosemants nishchebrod and nishchebrodka in informal internet communication. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 2021, no. 12, pp. 132-137. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.12.09>, <https://elibrary.ru/dzaceb>
14. Komalova L.R., Sadova E.R. Pragmatic vector of verbalized aggression within internet mediated communication: textual context dimension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 77-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>, <https://elibrary.ru/ubncfv>

Информация об авторах

ЕФРЕМОВ Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>, Scopus ID: 57192025216, Researcher ID: M-6351-2016, valef@mail.ru

Information about the authors

Valeriy A. Efremov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>, Scopus ID: 57192025216, Researcher ID: M-6351-2016, valef@mail.ru

ПИМЕНОВА Екатерина Сергеевна, магистр филологии, научный сотрудник отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0008-1050-3089>, pmenkate@gmail.com

Для контактов:

Ефремов Валерий Анатольевич
e-mail: valef@mail.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025
Поступила после рецензирования 03.02.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Ekaterina S. Pimenova, Master's Degree in Philology, Research Scholar of Lexicography of the Modern Russian Language Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-1050-3089>, pmenkate@gmail.com

Corresponding author:

Valeriy A. Efremov
e-mail: valef@mail.ru

Received 09.01.2025
Revised 03.02.2025
Accepted 06.03.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-21-30>

OECD 6.02; ASJC 3310

Cognitive-pragmatic view on interpretative representation

Liudmila A. Furs

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation

 Liudmila.furs@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The aim of the study is the cognitive-pragmatic view on the interpretative representation in English. **MATERIALS AND METHODS.** Research methods include cognitive analysis, semantic analysis, discourse analysis and a method of inferential analysis. We also propose a method of cognitive modeling for a visual presentation of interpretative processing model. The factual material is based on samples of examples from authentic English dictionaries, as well as online resources. The data analysis proved that much information can be presented indirectly, and it leads to hidden associations and evaluative inferences. **RESULTS AND DISCUSSION.** The study has shown the role of such mechanisms in processes of the interpretative representation, as the mechanism of meaning extension, the mechanism of opposition, the mechanism of duplication, the mechanism of conceptual substitution and the mechanism of associative implications, as well as the syntactic constructions, representing various interpretations. Among them there are constructions with interpersonal parentheticals, quasi-subordinate constructions, syncretic constructions, constructions with the phraseological unit *God knows*, backhanded compliments, tautological constructions and constructions with conceptual metaphors, conceptual metonymies and conceptual comparisons. **CONCLUSION.** It is concluded that the interpretative representation process is complex and multidimensional, however, engaging a cognitive-pragmatic approach allows to reveal the information complexity and to interpret hidden meanings, as well as to infer all evaluative associations.

Keywords: cognitive-pragmatic approach, processing mechanism, procedural knowledge, interpretative representation, construction, cognitive model, information complexity

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution. L.A. Furs – research concept, material analysis, research results processing, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. Liudmila A. Furs is a member of the journal's editorial board of the journal "Neophilology", but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The author declare no other conflicts of interests.

For citation: Furs, L.A. Cognitive-pragmatic view on interpretative representation. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):21-30. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-21-30>

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-21-30>

Шифр научной специальности 5.9.6

Когнитивно-прагматический подход к интерпретативной репрезентации

Людмила Алексеевна Фурс

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 Liudmila.furs@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Целью исследования является когнитивно-прагматический подход к изучению процессов интерпретативной репрезентации в английском языке. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Методы исследования включают когнитивный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ и метод инференциального анализа. Мы также предлагаем метод когнитивного моделирования для визуального представления модели интерпретативной обработки информации. Материалом исследования являются выборки примеров из аутентичных английских словарей и онлайн-ресурсов. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ данных показал, что значительная часть информации может быть представлена косвенно, что приводит к скрытым ассоциациям и оценочным инференциям. Исследование показало роль таких механизмов в процессах интерпретативной репрезентации, как механизм расширения смысла, механизм оппозиции, механизм дублирования, механизм подмены понятий и механизм ассоциативных импликаций, а также роль синтаксических конструкций в представлении различных интерпретаций. Среди них выделены конструкции с межличностными парантезами, квазипридаточные конструкции, синкретические конструкции, конструкции с фразеологизмом, двусмысленные комплименты, тавтологические конструкции, а также конструкции с концептуальными метафорами, концептуальными метонимиями и концептуальными сравнениями. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Сделан вывод, что процесс интерпретативной репрезентации является сложным и многомерным, однако привлечение когнитивно-прагматического подхода позволяет раскрыть комплексный характер информации и интерпретировать скрытые смыслы, а также вывести все оценочные ассоциации.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, механизм обработки информации, процедурное знание, интерпретативная репрезентация, конструкция, когнитивная модель, сложное знание

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Л.А. Фурс – общая концепция статьи, анализ материала, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Л.А. Фурс является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Фурс Л.А. Когнитивно-прагматический подход к интерпретативной репрезентации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 21-30. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-21-30>

INTRODUCTION

This paper addresses the question of interpretative representation and English syntactic constructions as means of objectifying this type of representation. It is argued that there appear many hidden meanings and evaluative inferences in processes of interpretative representation. As processes of human thought activities are not observed, we need to explain them via linguistic elements in the syntactic constructions. If language structures and syntactic propositions are stored in memory, they are cognitive and can be used to investigate the specifics of information processing. This suggests that we need to consider both linguistic input and its cognitive foundation. We propose a cognitive-pragmatic approach to show mysteries of interpretative representation. Thus, the goal of this paper is to reveal the specifics of interpretative representation under the cognitive-pragmatic approach.

MATERIALS AND METHODS

To achieve the goal of this study such methods as cognitive analysis, semantic analysis, discourse analysis and a method of inferential analysis are used. Cognitive analysis allows to define cognitive mechanisms which underlie the information configuration, represented via syntactic constructions. Semantic analysis makes it possible to reveal the implicitly configured meaning. With the discourse analysis underway, cognitive and pragmatic functions of interpretative representation are explained. The method of inferential analysis is useful for predicting both positive evaluations and critical messages to avoid potential conflicts in communication. Besides, we propose a method of cognitive modeling which might be useful for a visual presentation of interpretative processing model. The research material is based on samples of examples from authentic English dictionaries, as well as online resources.

RESULTS AND DISCUSSION

Since P. Grice's theory of implicatures [1] and J.R. Searle's theory of indirect speech acts

[2] have been proposed, the body of research develops around the ways in which phenomena of hidden associations and evaluative inferences play a major part in representation processing. Moreover, D. Wilson and D. Sperber have pointed out the need to consider the relationship between the processes of representation and the principle of relevance in human speech and thought activity, emphasizing that "a person unconsciously strives for maximum relevance, i.e., for maximum cognitive effect with minimal effort during processing" [3]. These theoretical ideas provide grounds for considering interpretative representation as a manifestation of the pragmatic aspects of language. It is significant that the principle of relevance is associated both with the acts of information processing (in this case, it is assumed that there should be minimal costs on the part of the speaker) and with the result (the result is understood as achieving the maximum cognitive effect). Another aspect to be pointed out is the law of linguistic economy, according to which some information can be presented in an implicit form.

Alongside the pragmatic approach, we also propose the cognitive view on information processing. In this case we consider the way of structuring information which leads to irregular loading of sentence meaning and finally to evaluative interpretation (about irregular loading of sentence meaning see: [4]). The cognitive approach reveals cognitive mechanisms, activated in information structuring. Both cognitive and pragmatic views allow to accentuate cognitive basis of implicit construal. The cognitive-pragmatic approach to sentence analysis allows one to take into account the speaker's intentions and communicative goals. Since human speech-thinking activity is characterized by creativity, the same situation can be constructed in alternative ways depending on the speaker's intentions. This approach will be further demonstrated in factual data analysis.

The concept of interpretation is central for an anthropocentric nature of language and is considered to be a major principle of cognitive linguistics [5]. As N.N. Boldyrev has noted, knowledge interpretation is dynamic on both an addresser and addressee part [6]. R. Langacker, W. Croft and A. Cruse observe the perceived

knowledge to be context-based (see [7; 8, pp. 98-99]). From this perspective, people are seen as actively making sense of what they describe and imagine, and syntax serves a leading role in the linguistic representation of real world situations. Syntactic interpretation is something that happens in response to contextual factors. Interpretations arise as people actively cooperate in a communicative context. In other words, any interpretation process is subjective (subjective interpretation is discussed in: [9]).

Being a key term of this study, an interpretative representation is defined as a procedure of representing a set of meanings objectified by a syntactic construction in communication. Such a representation is related to the “semantic load” of the sentence structure. The factor of a “cognitive filter” ensures variable perception of evaluative meanings, when an information interpretation is carried out in accordance with the expectations of an addressee. The factor of “cognitive filter” reflects the active, dynamic and controlled nature of human perception. A crucial feature of this factor is the activation of “nested” attention (see: [10; 11]). This type of attention relates to a person’s subjective experience ability to hold a number of attractors in the focus of attention simultaneously. Although we intentionally construct the sentence in such a way, that it might represent both a positive and a negative evaluation of the event, the addressee’s focus of interpretation depends on the communicative context.

Let’s turn to the data study to show syntactic constructions, which allow interpretative representation, with the focus on the underlying processing mechanisms:

(1) a mechanism of meaning extension

*He is saying you can’t imagine **what*** (Collins).

The mechanism of meaning extension involves processing information in such a way that a linguistic unit represents implicit meanings. Constructions with parentheticals imply a number of hidden meanings. We can interpret this example below: 1) He says nice things; 2) He says bad things; 3) I prefer not to discuss what he says. The first interpretation is a positive evaluation, while the second one projects a critical view and the last interpretation provides an

evasive point of view. Obviously, the constructions with parentheticals are effective means of interpretative representation.

Sentences with the phraseological unit *God knows* also demonstrate the activation of a mechanism of meaning extension, which leads to a set of possible interpretations:

God knows where he put the keys! (CD).

God knows if the reports are true (MWD).

The first sentence outlines the following interpretations: 1) I do not know and nobody knows where he put the keys; 2) I have no idea where he put the keys and I refuse to talk about it. The second example also allows a few inferences: 1) I do not know if the reports are true; 2) I do not know if the reports are false; 3) nobody knows how to assess these reports. Taking into account the result of meaning verification and the modality of the analysed utterances we conclude that such sentences can be perceived as critical remarks and they lead to a communicative dissonance as a speaker avoids a direct discussion of the above mentioned situations.

Another case of interpretative representation is the usage of syncretic constructions. Syncretism of a linguistic unit is defined as a combination of opposing meanings representation. The most ambiguous constructions are models: *What + Noun!*; *Such + Noun!* For example: *What a place!* *Such a plan!* These sentences are ambiguous and can be interpreted as means of representing both positive and negative evaluation: *What a good place!* / *What a bad place!*; *Such a good plan!* / *Such a bad plan!* Verbalization of evaluative meanings correlates with conditions of communicative context. What is evident from the speaker’s side, this is an intentional construal of uncertain evaluation. The two possible evaluative focuses put the addressee in a difficult position, as there are two alternatives for him: 1) the addressee has to ask additional questions to clear up the speakers intentions; 2) the addressee can ignore such exclamations. This puts the recipient in a dependent position because he has to guess the purpose of the message himself and it can also lead to a cognitive dissonance.

Another option of interpretative representation is illustrated by quasi-subordinate sentences

which involve the subordinate clauses, functioning as independent ones:

If only he knew the truth (CD).

If only they would talk to each other (CD).

When transformed into a subordinate clause, the meaning of this quasi-subordinate structures change substantially. Instead of expressing emotive meaning, they express an unreal condition (If I knew the truth, I would do it; If we could talk, all would be different). In fact, quasi-subordinate sentences project a few hidden meanings. The first example implies the following situations: 1) the speaker feels sorry that he does not know the truth; 2) the speaker feels sorry that he missed a good opportunity to implement something; 3) the speaker is disappointed that he was not told the truth.

Another case of interpretative representation includes backhanded compliments which are non-prototypical. Such complimentary statements are considered non-prototypical, since they are ambiguous and can be interpreted as not only a compliment, but also as criticism. The ambiguity is constructed through the mechanism of opposition.

(2) a mechanism of opposition

Your new hairstyle makes you look so much younger! (RD).

This sentence expresses potential criticism. A speaker's attention is focused on two domains: APPEARANCE – *new hairstyle*, AGE – *young*. A comparative degree of the adjective *younger* allows us to project a TIME opposition “younger at the present moment – not so young in the past” (the present moment is opposed to the past). By inference, we construe an IMPLICATION: a person looked bad as the old hairstyle made her look old. This indirect uncomplimentary message can cause a communicative conflict.

You're so beautiful when you smile (RD).

This example represents an evaluative focus within the same domain (APPEARANCE – beautiful), but the projected opposition refers to the ACTION domain “smile – no smile”. The possible interpretation of this compliment with an implication is like this: a person does not look beautiful in general, only at the moment of smiling. The interpretation of compliments with implications through an activation of a mechanism

of opposition allows to infer hidden meanings. This process is complex and multifaceted.

(3) a mechanism of duplication

This mechanism is activated when we use tautological constructions. In such constructions, the duplication of meaning is formed according to the model “Noun + Noun”. In this case, linguistic norms are clearly violated, but taking into account the principle of relevance, such constructions are considered by speakers to achieve certain goals. Thus, duplication is a processing mechanism, aimed at encoding some information by implicit means, that is decoded on the contextual basis. The next example illustrates this phenomenon:

Agreements are agreements (MD).

Based on the situational context, we can suggest a number of possible interpretations of this statement: agreements are agreements, and 1) they cannot be revised, as they are certified by signature and seal; 2) they confirm both parties decision to implement what was agreed; 3) there might be disappointments; 4) they take into account each other's interests.

Here is another example with a mechanism of duplication:

Compromise is compromise (MD).

There are a few interpretations of the situation, represented by this tautological construction: compromise is compromise, and it means that 1) each side gives up something it wanted; 2) both sides have to be ready for mutual concessions; 3) each side found a “golden middle” during their discussion.

Tautological constructions as means of evaluative interpretation prove their effectiveness in organizing conflict-free communication.

(4) a mechanism of associative implications

Associative implication is linked with implicit communicative intentions, when a listener can reveal more information about the situation than it was explicitly expressed. The fact is that the background knowledge provides clues for the addressee to understand the evaluative meanings. Various implications are objectified by conceptual metaphors, metonymies and conceptual comparisons. In a conceptual metaphor the construal projects links between two domains to create evaluative associations [12; 13].

As a result of this process, we deal with the richness, complexity and creativity of the speaker's imagination.

There are some examples:

You have always been my rock (II).

The source domain of this metaphor specifies a natural object – a rock, which is a monolithic stone block with steep slopes and sharp ledges. This knowledge structure is associated with a person. Consequently, the person is conceptualized as someone who is reliable, strong, and supportive. Such a sentence sounds complimentary.

The elephant in the room is obvious (Collins).

Here the source domain of a metaphoric transfer points to an elephant, the largest animal on the land. These animals grow up to four meters and weigh about six tons. The information about elephant's sizes and weight is essential for understanding the possible associations. Such animals are always in our visual focus. These characteristics project the idea that there is an obvious problem or issue that everyone is aware of but avoids talking about it. Moreover, the sentence with this phrase is a kind of a warning, as it holds a suggestion of immediate actions to prevent the situation from getting worse and more complicated.

You will have a taste of your own medicine and see how you like it (WH).

The expression *a taste of your own medicine* is related with a sensation of taking medicine, which is usually bitter and unpleasant. The target domain refers to social relationships. As a result of similarity analogy, it is indicated that someone is mistreated the same way he has mistreated others. Thus, this idiomatic phrase sounds as a warning not to behave in such a way.

You are building a house of cards (CD).

A metaphoric expression *a house of cards* defines an organization or a plan which are very weak and can easily be destroyed or can easily go wrong (see: [CD]). This phrase is used to prevent somebody from risky actions.

This plan is our North Star (Examples).

Here the source domain covers the characteristics of North Star to be the brightest star in the constellation of the Northern Hemisphere. The light of this star is a kind of beacon for travelers

at sea, where there are no other landmarks. The target domain refers to the plan content. Finally, the domain cross-mapping leads to an evaluative association, such as: this plan is a guiding force in our business. The speaker evaluates the importance of a plan.

An opposite evaluation is constructed in the example below:

This plan is as useful as a chocolate teapot (Examples).

The syntactic element “plan” in this sentence functions as an object of observer's evaluation. The source domain includes the information about the situation when pouring boiling water into a chocolate teapot melts chocolate pieces. We consider such an action completely useless. The target domain points to details of a plan. Due to cross-domain mapping, an evaluation is formed. The given sentence with a conceptual comparison provides the speaker's point of view about the discussed plan: it is utterly useless.

Building a successful business is like cooking a recipe; you need to follow the steps carefully and use the right ingredients (II).

This example illustrates both a conceptual metaphor and a conceptual comparison. A metaphoric transfer is based on the interplay between a source domain “Construction of buildings” and a target domain “Business”. This cognitive operation leads to an evaluative association: creating a new business takes time and is a complex process. Besides, a conceptual comparison projects the idea that running a business is like following a recipe to cook a dish, which involves many steps and requires using the right ingredients for success.

I am all ears (Collins).

Finally, we turn to another very powerful means of interpretative representation, which is based on the analogy by contiguity. Using the metonymic link “a human being – an organ of auditory perception”, the speaker sends a few messages: 1) I am listening to you very attentively; 2) I am eager to listen to what the others are saying; 3) I pay all my attention to your problem.

(5) a mechanism of conceptual substitution

This mechanism is activated in constructions with euphemisms:

She was a late bloomer as a child and didn't start reading until she was 7 (SCE).

People prefer to listen to phrases which are nice and positive. Moreover, there are some topics we avoid to touch on, for example, the age of people. The euphemism *a late bloomer* is used metaphorically to focus the listener's attention not on child difficulties with reading, but on the stage of developing reading skills. According to the created association, a person is described as successful, attractive, more mature and the fact of acquiring reading skills later in life than others is not so important.

My grandfather's golden years were filled with adventure and laughter (SCE).

The euphemism *golden years* describes a person's age phase of life after retirement. It sounds metaphorical, as characteristics of precious metal are directed at a person's age, which emphasizes the value of this period of life.

She is a well-seasoned teacher; she knows her stuff! (SCE).

The idea that everything is supposed to happen in time lets us understand the situation in terms of orderliness, organization and stability. This understanding allows us to define a person who is well-organized, alive and experienced in handling any situation.

The results of this study are illustrated in Table 1 (see Table 1).

As Table 1 shows, it is clear that the processing mechanisms belong to a procedural type of knowledge, aimed at declarative knowledge processing (see: [14]) to realize a few cognitive and pragmatic functions. Activating the mechanism of meaning extension a speaker puts the focus on "nested" attention to involve many aspects into analysis. To achieve this goal, the constructions with interpersonal parentheticals, quasi-subordinate constructions, syncretic constructions and constructions with the phraseological unit *God knows* are used.

The mechanism of opposition allows to construct backhanded compliments which are non-prototypical and sound critical.

The mechanism of duplication is effective for generalizations and helps to create a modus variation. It is objectified by tautological constructions.

As for the mechanism of associative implications, it is activated in constructions with conceptual metaphors, conceptual metonymies and conceptual comparisons. This mechanism is extremely effective in creating evaluative inferences.

The mechanism of conceptual substitution is realized in constructions with euphemisms. Activation of this mechanism leads to alternative conceptualization, which allows the utilization of descriptive expressions that are neutral in meaning.

Table 1

The interaction of processing mechanisms with cognitive and pragmatic functions in an interpretative representation

Processing mechanism	Cognitive function	Pragmatic function
Mechanism of meaning extension	activation of "nested" attention	implication of hidden meanings; realization of linguistic economy law
Mechanism of opposition	deviation from a prototype	expression of hidden criticism
Mechanism of duplication	generalization	modus variation; realization of linguistic economy law
Mechanism of associative implications	evaluative association	acts of warning; complimentary message; hidden criticism
Mechanism of conceptual substitution	alternative conceptualization	utilization of descriptive expressions that are neutral in meaning

Source: compiled by the author.

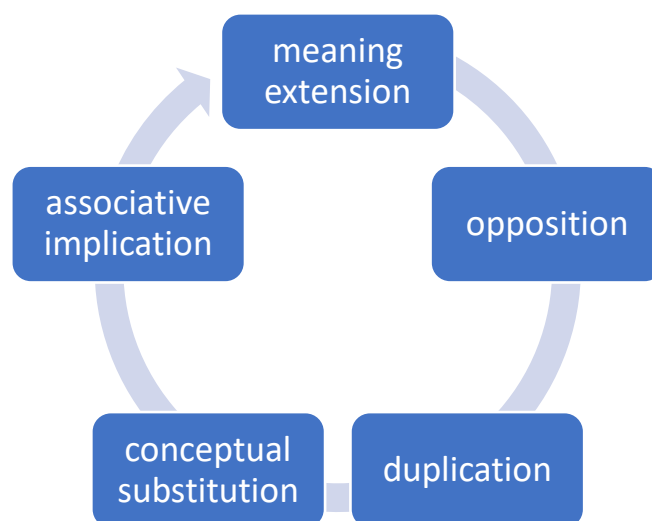

Fig. 1. The model of the interpretative representation

Source: compiled by the author.

Through the analysis, outlined in this paper, we can propose the model of the interpretative representation in Fig. 1 (see Fig. 1).

Fig. 1 is a cognitive model of interpretative representation, carried out on the basis of processing mechanisms which are defined to be a procedural knowledge (knowledge “how”), ensuring human thought activities in processes of interpretation. In this model, there are no dependencies, which indicates the autonomy of each mechanism and its activation with the focus on the goals of communication. In form, this model is cyclical in nature and involves the inclusion of any mechanism into human thought process in accordance with the speaker’s intentions. It also emphasizes that interpretative representation is realized through the activation of selected mechanisms. On the whole, interpretative representation processes reflect the cognitive dynamics of human speech-thinking activities (see [15]). We believe that insight into cognitive aspects of these processes helped us to understand the nature of interpretative representation.

CONCLUSION

In this paper, the cognitive-pragmatic view on the interpretative representation has been put forward. We have argued that the proposed ap-

proach reinforces our point about the ambiguity of some syntactic constructions.

The analysis highlights the following important observations:

1) much information is presented indirectly, which leads to hidden associations and evaluative inferences. This fact correlates with realization of linguistic economy law;

2) a speaker intends to express some information implicitly to avoid a cognitive dissonance;

3) a listener is oriented to various linguistic attractors to understand both explicit and implicit information;

4) the interpretative representation as a result of information processing is based on activation of cognitive (processing) mechanisms;

5) the preceding analysis has shown the role of such mechanisms in processes of the interpretative representation, as the mechanism of meaning extension, the mechanism of opposition, the mechanism of duplication, the mechanism of conceptual substitution and the mechanism of associative implications;

5) the interpretative representation means include constructions with parentheticals, quasi-subordinate constructions, syncretic constructions, constructions with the phraseological unit *God knows*, backhanded compliments, tautological constructions and constructions with con-

ceptual metaphors, conceptual metonymies and conceptual comparisons. Conceptual metaphors are certainly more significant in creating evaluative associations, yet conceptual metonymies and conceptual comparisons also emerge as vivid examples of expressiveness, though they are not often used;

6) from the evidence provided by these constructions, participating in interpretative representation, we have shown the model of this type of representation (Fig. 1) and also described the interaction of processing mechanisms with cognitive and pragmatic functions, activated in an interpretative representation.

As noted earlier, the whole interpretative representation process is complex and multidimensional, however, engaging a cognitive-pragmatic approach allows to examine its specifics and to interpret hidden meanings, as well

as to infer all evaluative associations. We emphasize that this approach is extremely useful in explaining the processing mechanisms of human cognitive activities, as applying insights from cognitive linguistics is crucial to the very basis of interpretative representation. In addition, the pragmatic view is aimed at studying the speaker's intentions and the formation of indirect meanings (see works by P. Grice, J.R. Searle, D. Wilson, D. Sperber). The proposed approach proved its relevance via data analysis.

However, a further research can be conducted to analyse how useful the given mechanisms are in different types of discourse, especially with data from another language. As a direction for a future research, we consider the application of discussed above cognitive-pragmatic approach to the study of other complex linguistic phenomena.

Internet resources

- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 20.12.2024).
 Collins – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 20.12.2024).
 Examples. URL: <https://www.examples.com> (accessed: 19.12.2024).
 II – Idiom Insider. URL: <https://idiaminsider.com/> (accessed: 19.12.2024).
 MD – Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed: 20.12.2024).
 MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: 20.12.2024).
 RD – Reader's Digest. October 26, 2020. URL: <https://www.rd.com/list/compliments-as-insults> (accessed: 20.12.2024).
 SCE – Speak Confident English. URL: <https://www.speakconfidentenglish.com/english-euphemisms> (accessed: 20.12.2024).
 WH – Word Hippo. URL: <https://www.wordhippo.com/> (accessed: 20.12.2024).

References

1. Grice P. Logic and conversation. In: *Speech Acts, Syntax and Semantics*. New York, Academic Press, 1975, pp. 41-58. https://doi.org/10.1163/9789004368811_003
2. Searle J.R. Indirect speech acts. In: *Syntax and Semantics. Speech Acts*. New York, Academic Press, 1975, pp. 59-82. https://doi.org/10.1163/9789004368811_004
3. Wilson D., Sperber D. Representation and relevance. In: *Mental Representations: The Interface Between Language and Reality*. New York, Cambridge, Cambridge University Press, 1988, pp. 133-153.
4. Furs L.A. Irregular loading of sentence meaning: a cognitive-pragmatic view. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 953-961. <https://elibrary.ru/qmpvqc>
5. Kubryakova E.S. Correlation between language and world and its link to the notion of knowledge. *Cognitive Studies of Language*, 2008, vol. 3, pp. 11-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pnolwt>
6. Boldyrev N.N. Anthropocentric nature of language in its functions, units, and categories. *Issues of Cognitive Linguistic*, 2015, no. 1 (42), pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/thiswp>
7. Langacker R.W. Assessing the cognitive linguistic enterprise. In: *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 13-59. <https://doi.org/10.1515/9783110803464.13>

8. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 356 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803864>
9. Furs L.A. Subjective interpretation in syntax: How the mind structures reality. *Proceedings of the Philological Readings "European Proceedings of Social and Behavioural Sciences"*. London, EPSBS Publ., 2020, pp. 39-47. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.5>, <https://elibrary.ru/kmpohy>
10. Talmy L. Attention Phenomena. In: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 264-293. https://www.academia.edu/44077776/THE_oxford_HANDBOOK_OF_COGNITIVE_LINGUISTICS
11. Talmy L. Semantics. In: *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Berlin, Walter De Gruyter, 2011, vol. 1, pp. 622-642.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 256 p. https://books.google.ru/books?id=iyZgQgAACAAJ&hl=ru&source=gbp_navlinks_s
13. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago, University of Chicago Press, 1989, 230 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470986.001.0001>
14. Furs L.A. Interaction of cognitive and metacognitive levels in the formation of complex knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 2 (55), pp. 74-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-74-78>, <https://elibrary.ru/yvjdlk>
15. Furs L.A. Cognition and cognitive dynamics. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 52-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-3-52-58>, <https://elibrary.ru/ltyqvv>

Information about the author

Liudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0353-748X>, Scopus ID: 57189616704, liudmila.furs@gmail.com

Received 14.01.2025

Revised 01.03.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация об авторе

ФУРС Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0353-748X>, Scopus ID: 57189616704, liudmila.furs@gmail.com

Поступила в редакцию 14.01.2025

Поступила после рецензирования 01.03.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1+811.512.157

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41>

Шифр научной специальности 5.9.5

Русизмы в диалектных названиях орудий охоты в якутском языке

Егор Револьевич Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирское отделение Российской академии наук
677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, 1
 1953307@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрены заимствованные из русского языка диалектные названия орудий охоты в якутском языке. Изучение фонетических и семантических признаков русизмов в бытовой диалектной лексике якутского языка ранее не являлось предметом исследования у якутоведов. Актуальность исследования определяется тем, что в бытовой диалектной лексике представлен предметный мир, в котором отражаются основные принципы освоения русизмов. Целью исследования является описание фонетических и семантических особенностей заимствованных лексем из русского языка, которые обозначают орудия пассивной и активной охоты в диалектном пласте якутского языка. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования выступают диалектные слова, содержащиеся в диалектологических словарях якутского языка (1976, 1995 гг.). Использовались фонетический, семантический методы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено более 30 лексических единиц, заимствованных из русского языка, которые обозначают орудия охоты. Установлено, что русизмы подвергаются фонетизации в соответствии с основным правилом якутского языка – сингармонизма гласных звуков. Фонетическое освоение русизмов наиболее отчётливо проявляется в замене отсутствующих звуков в якутском языке на те звуки, в основе которых лежит их место образования, соответственно и классификация звуков (например, $\ddot{e} = y\ddot{o}$, $e = \ddot{o}$, $n = \ddot{b}$). Определено, что семантика заимствований не подвергается существенным изменениям, так как названия орудий охоты относятся к тому разряду слов, которые обозначают конкретный предмет (инструмент, приспособление). **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Рассмотренная группа названий раскрывает характер заимствований в якутском языке, продиктованный изменением и развитием социально-бытовых условий жизни якутов, затронувший повседневный быт, в том числе внесший изменения в состав охотничьих орудий и приспособлений.

Ключевые слова: якутский язык, диалектная лексика, бытовая лексика, орудия охоты, русизмы в якутском языке, семантика, фонетическое освоение русизмов

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Е.Р. Николаев – разработка концепции исследования, разработка методологии, анализ и обработка материала, анализ русизмов в бытовой диалектной лексике якутского языка, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Николаев Е.Р. Русизмы в диалектных названиях орудий охоты в якутском языке // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 31-41. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41>

OECD 6.02; ASJC 1203

Russisms in dialect names of hunting tools in Yakut language

Egor R. Nikolaev

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
1 Petrovskogo St., Yakutsk, 677000, Russian Federation
 1953307@mai.ru

Abstract

INTRODUCTION. Borrowed Russian dialect names of hunting tools in Yakut language are considered. Phonetic and semantic features of Russisms in household vocabulary in dialect vocabulary of Yakut language haven't been studied by Yakut scientists. The importance of the research is that in everyday dialect lexicon the subject world is represented, which reflect the main principles of mastering Russisms. The purpose of the study is to describe phonetic and semantic features of borrowed lexemes from the Russian language, which denote instruments of passive and active hunting in the dialectal stratum of the Yakut language. **MATERIALS AND METHODS.** The materials of the study are dialect words contained in dialectological dictionaries of the Yakut language (1976, 1995). Phonetic, semantic methods are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** More than 30 lexical units borrowed from the Russian language, which denote hunting tools, have been identified. It has been established that Russisms undergo phonetization in accordance with the basic rule of the Yakut language – syngarmonism of vowel sounds. The phonetic acquisition of Russisms is most clearly manifested in the replacement of missing sounds in Yakut language with those sounds based on their place of formation, respectively, and the classification of sounds (e.g., $\ddot{e} = y\ddot{o}$, $\sigma = \ddot{o}$, $n = \ddot{o}$). It is determined that the semantics of borrowings does not undergo significant changes, as the names of hunting tools belong to the category of words that denote a specific object (tool, device). **CONCLUSION.** The considered group of names reveals the character of borrowings in the Yakut language, dictated by the change and development of social and everyday life conditions of Yakuts, which affected everyday life, including changes in the composition of hunting tools and devices.

Keywords: Yakut language, dialectal vocabulary, household vocabulary, hunting tools, Russisms in Yakut language, semantics, phonetic acquisition of Russisms

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: E.R. Nikolaev – research concept development, methodology development, material analysis and processing, analysis of Russisms in household vocabulary of Yakut language, writing - original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Nikolaev, E.R. Russisms in dialect names of hunting tools in Yakut language. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):31-41. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41>

ВВЕДЕНИЕ

Окружающий нас мир по сути описывается как мир природы и природного окружения, в котором существует созданный человеком мир повседневности, мир быта и вещей (предметов). Быт, бытовой мир определяется по-разному. Так, Ю.М. Лотман с точки зрения культурно-философского представления сформулировал определение быта следующим образом: «...быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение»¹. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова определяют бытовую лексику как: «...включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т. е. общего уклада жизни, окружающей нас обстановки, обычаев, нравов и т. д.»². Исходя из этого можно представить лексику быта любого народа как фрагмент языковой картины мира, обусловленного культурно-историческими процессами, происходящими на той или иной территории.

В современном якутском языкознании накоплен значительный опыт по исследованию лексико-семантических групп, которые могут послужить базой для дальнейших исследований и обобщений: А.С. Акимова (лексика кузнечного дела) [1]; Ю.М. Борисова (термины охоты и рыболовства) [2]; Ф.Н. Дьячковский, О.Н. Пинигина (лексика жилища) [3]; А.А. Скрыбина (устаревшая и диалектная лексика посуды и утвари) [4; 5]; наименования орудий ручного труда в якутском и алтайском языках представлены в статье А.К. Прокопьевой и П.С. Платонова [6]; Е.Р. Николаев (диалектные названия мутовки, кумысной посуды) [7; 8]; Л.М. Готовцева (традиционные названия одежды) [9]; В.Г. Попов (военная лексика) [10]; И.Б. Иванова (лексико-семантические группы имён существительных) [11]; В.И. Харабаева (лексико-семантические группы глаголов) [12],

Н.И. Данилова, Н.И. Попова (ландшафтная лексика) [13] и др.

Тем не менее, некоторые семантические группы отраслевой лексики в якутском языке недостаточно полно изучены, именно такую лакуну и представляет лексика орудий охоты. Вне поля зрения лингвистов остаётся диалектный пласт, который содержит сведения о заимствованной лексике, связанные с обозначением орудий труда, что и составляет актуальность нашего исследования.

Известно, что русская лексика стала проникать в якутский язык с середины XVII века. Источником заимствования служил разговорный русский язык, в котором преобладал северно-русский диалект. «Русские говоры Сибири – говоры территории позднего заселения. История их сложная и исчисляется разными временами: начало сложения одних относится к XVI–XVII векам, других – к XVIII–XIX векам, третьих – к XX веку. <...> русские не во всех регионах сурового края поселились в одинаковых условиях и одновременно»³. Русские переселенцы на Индигирке и Колыме были выходцами из одних и тех же губерний европейской России. Как показывают десятинные и оброчные книги индигирских, колымских, оленёкского и жиганского зимовий, основную массу переселенцев «составляли устюжане, усольцы, мезенцы, белозерцы, пинежане»⁴. Количество русизмов дореволюционного времени насчитывают около 2800 слов⁵. Изучение данного пласта лексики во взаимовлиянии с якутским языком в основном рассматривается в ключе проблем правописания и орфографии заимствований [14; 15]. В данном исследовании рассмотрим диалектные русизмы в бытовой лексике якутского языка.

Цель исследования – на основе структурно-семантического подхода дать описа-

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1994. С. 10.

² Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Москва: Оникс, 2003. С. 47-48.

³ Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: А-В. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. С. 5.

⁴ Самсонов Н.Г. Два языка – два родника. Якутск: Бичик, 1993. С. 171.

⁵ Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке: (дореволюционный период) / отв. ред. Л.Н. Харитонов. Якутск: Кн. изд-во, 1964. С. 12, 176.

ние заимствованным из русского языка названиям орудий охоты.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- выявить и классифицировать диалектные названия орудий труда в якутском языке;
- определить основные фонетические признаки названий орудий охоты;
- прояснить семантические особенности названий орудий охоты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Наше исследование базируется на 600 лексических единицах, которые обозначают диалектные наименования орудий труда. Но, так как материал достаточно объёмный, в соответствии с задачами исследования методом выборки из лексикографических источников – диалектологических, толкового словаря якутского языка – были рассмотрены более 30 русизмов, которые обозначают орудия активной и пассивной охоты.

Материалы исследования извлечены из диалектологических словарей⁶. Некоторые дефиниции уточнены на основе Большого толкового словаря якутского языка⁷.

В качестве основного метода был использован описательный метод с применением словообразовательного, а также семантического анализа слова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диалектные названия орудий труда можно выделить в следующие тематические микрогруппы, которые в целом представляют традиционный уклад жизни якутов, связанный со скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, отдельными видами ремёсел и промыслов:

⁶ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. Москва: Наука, 1976. 392 с.; Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / сост.: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.

⁷ Большой толковый словарь якутского языка. URL: <http://igi.ysn.ru/btsja/> (дата обращения: 22.09.2024).

1) названия орудий и приспособлений активной охоты:

- лук, стрелы;
- огнестрельное ружьё;
- охотничьи лыжи, лыжные палки;

2) названия орудий пассивной охоты и рыболовства:

- ловушки, капканы;
- самострелы;
- манки;
- засидки (засадки);
- петли, силки;
- копья, пики;
- плотины; рыболовное ограждение;
- верши;
- транспортные средства (лодки);
- сети;
- удочки;
- поплавки;

3) названия столярных и плотничьих инструментов:

- напильники, точильники;
- топоры;
- инструменты для выдалбливания, сверления дерева;
- ножи;
- пилы;
- измерительные инструменты;
- рубанки;
- гвозди, скобы;

4) названия сеноуборочных орудий труда:

- вилы;
- грабли;
- коса;

5) названия инструментов кузнечного дела:

- тиски, клещи;
 - кузнечный мех;
- 6) названия инструментов земледелия:
- лопата;
 - мотыги;
 - соха;

7) названия инструментов для выделения кожи:

- скребки для кожи;
- кожемялки.

8) названия одежды и обуви для охоты.

Стоит отметить, что данная категоризация основывается на функциональном назначении орудий труда и во многом не пропорциональна, так как некоторые микрогруппы содержат только по одному или нескольким названиям. По тематике заимствований видно, что, прежде всего, в состав якутского языка вошли те лексемы, которые ранее не были в обиходе. Конечно же, большинство из этих слов имеют синонимы в якутском языке. Особенность русизмов-диалектизмов заключается в двух существенных аспектах: 1) обозначают **другие типы (виды) орудий труда**. Например, к семантическому полю общек якутской лексемы *сүгэ* ‘топор’ включаются диалектные названия, а их более 30, из которых большинство – русизмы. У якутов не было специального обозначения топора-колуна или топора-клина, поэтому в диалектном пласте появились заимствования типа *колуун сүгэ* или *килиин сүгэ*; 2) вторым немаловажным аспектом является то, что якуты восприняли в своё время те слова, которые обозначают **новые орудия, инструменты, приспособления**. В этом плане орудия или приспособления для охоты – залог выживания и жизнеспособности народа. Приход первых русских в Якутию сопровождался не только сбором ясака в виде пушнины (лиса, соболь, горноста́й, белка), но и передачей опыта в тех или иных отраслях традиционного промысла. Одним из первых заимствований, скорее всего, были термины охоты. Такие термины в процессе усвоения в той или иной мере приобретают другое значение. Рассмотрим семантические изменения.

Неизменность семантики слова. В целом, практически во всех заимствованных словах семантика не подвергается изменениям. Это отражается и в самом названии, и в функциональном назначении орудия охоты. Например: *килэпси*, *килэпсэ*, *килэпчи* ‘ловушка особого устройства, которая бьёт по спине дубиной; железная ловушка на гусей, горностаев и пр.’⁸.

⁸ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. 1. Стлб. 1083.

Расширение семантики слова: *кулүөбэ*, *кулүөмэ*, *кулүүбэ*, *кулүүгэ*, *кулүүмэ*. По архивным данным, данная лексема была заимствована в первые годы русско-якутского взаимовлияния: «и добывают де... те соболи так же, как иные, сибирские и ленские иноземцы – стреляют из луков, а иного промыслу, как промышляют русские с обметами и с кулемниками, соболей не добывают»⁹. Рус. *кулёма* ‘ловушка для мелких зверей’ расширила семантику и стала ловушкой для медведя: ‘пасть, западня на медведя’ – это целый сруб, который может выдержать и удержать медведя; для песка – ‘западня, пасть на песка с боковыми стенками из утрамбованного снега’. Данная лексема была распространена в русско-якутском диалекте русских старожилов Якутии, которые проживали в бассейне северной р. Индигир, Колыма: *кулёма* ‘большая западня из плах, ловушка на медведя’; некоторые на зверей и кулёмы ставили (Олёк., Точ.). Медведей кулёмой и ямой ловили. Кулёма – это на медведя (Кол., Пох.)¹⁰.

пилеткэ ‘короткие торбаса из камусов носят при ходьбе на лыжах’. Эта лексема относится к наименованиям орудий охоты условно, в связи с тем, что в той или иной мере раскрывает активную охоту на лыжах (например, на лося). В словаре помечено, что слово заимствовано от рус. *пинетки*¹¹. Как известно, *пинетки* – башмачки на мягкой подошве для самых маленьких детей¹². Здесь видно, что значение слово расширилось и стало обозначать меховые торбаса. Нам не удалось прояснить истоки данного заимствования и преобразования семантики *пинеток*, однако, понятно, что все-таки «по образу и

⁹ Якутия в XVII веке: (очерки) / сб. под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. С. 334.

¹⁰ Дружинина М.Ф. Словарь русских старожилов-якутских говоров на территории Якутии: К-П / науч. ред. Н.Г. Самсонов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. С. 40.

¹¹ Диалектологический словарь языка Саха: дополнительный том: содержит около 5000 слов / сост.: М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. С. 152.

¹² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: «А ТЕМП», 2006. С. 518.

подобию» слово сохраняет изначальное обозначение обуви.

черкан ‘пасть на медведя’ изначально означал ‘малый самострел на колонка, ставится над норой зверька’. В архангельском наречии *черкан* ‘снаряд для ловли песцов’. Как видно, в условиях севера и освоения нового ландшафта в семантике *черкан* произошло значительное расширение.

Сужение семантики слова: *сэсээдкэ, сэхээккэ, сэхээркэ*: щит из ветвей, закрывающий зверолова¹³. В ДСЯЯ указано, что исходной лексемой является рус. диал. *засадка*¹⁴. Однако, фонетический состав гласных – [э] – говорит о том, что здесь, возможно, обьякучено диалектное слово Сибири, Забайкалья, Тункинского края, Бурятской АССР *засядка* ‘шалаш из толстых деревьев или сруб, устраиваемый для засады на зверей, бродящих по солонцам. Тут же устраиваются засядки, из-за которых охотники, уловив удобную минуту, бьют из ружей неосторожного зверя’¹⁵. В современном якутском языке *сэхээккэ* – *засядка/засадка* употребляется в значении ‘скрадок, засидка при охоте на уток’.

Метафорический перенос. В этой микрогруппе можно отметить метафорический перенос, то есть принцип номинации по внешнему сходству. Например, *һомуок* ан., от рус. *замок*. В сунтарском говоре данный вид кремнёвого ружья назван как *кулга-ах һаа*, букв. ухо-ружьё¹⁶. Мотивирующим признаком для образования *һомуок* послужило само устройство ружья – ударно-кремнёвый замок.

Фонетические особенности. Описание особенностей фонетического освоения заимствуемых из русского языка слов является объектом особого исследования. Этой теме

посвящено достаточно много трудов – научных статей, монографий. Впервые о переработке чужих гласных и согласных звуков в заимствованных словах отметил О.Н. Бетлингк¹⁷. Н.Д. Дьячковский определил, что заимствования претерпевают изменения под влиянием лексико-морфологических норм и моделей якутского языка¹⁸. Близость якутских звуков в освоении русских слов подробно представлена в разделе артикуляторно-акустической характеристики фонем грамматики якутского языка¹⁹. Выделим наиболее характерные признаки (соответствия) в рассматриваемых словах:

замена (субституция) гласного звука другим гласным:

[a], [o] = [э]:

мэнэпуулька, кол. ‘тозовка’; *тиинги мэнэпуульканан бултуубут* ‘белку добываем тозовкой’; от рус. *малопулька*.

Здесь отмечается исключительный случай замены гласных. Скорее всего, индивидуальное произнесение русских звуков носителем колымского говора.

[ё] = [үө]:

күлүөбэ, в.-кол., мом., с.-кол. ‘пасть, западня на медведя’.

күлүөмэ, олен. ‘западня, пасть на песца с боковыми стенками из утрамбованного снега’; вил. ‘западня на песца, пасть’; от рус. диал. *кулёма* ‘ловушка на мелких зверей’.

күлүүбэ, с.-кол. ‘охотничье копье’.

күлүүгэ, с.-кол.

күлүүмэ, в.-кол.

[и] = [ы]:

манчыык, ал., ойм., жиг. ‘олень-манщик при охоте на диких оленей’; сиб. рус. *маньщик, манчик*.

манчыык быа, аб. ‘тонкий длинный ремень для: управления оленем-манщиком при охоте на диких оленей’.

¹³ Словарь русских народных говоров. Вып. 11: Зароситься – Зубрёнок / сост. Н.И. Андреева-Васина и др.; гл. ред. Ф.П. Филин. Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1976. С. 18.

¹⁴ Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. Москва: Наука, 1976. С. 225.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 11: Зароситься – Зубрёнок. С. 80.

¹⁶ Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том. С. 176.

¹⁷ Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 145-146, 212.

¹⁸ Дьячковский Н.Д. О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1962. С. 24.

¹⁹ Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. Т. 1 / редкол.: Л.Н. Харитонов, Н.Д. Дьячковский, С.А. Иванов и др. Москва: Наука, 1982. С. 40-47.

Гласный среднего ряда [а] обусловил замену гласного переднего ряда [и] на гласный [ы] среднего ряда согласно закону сингармонизма в якутском языке. Можно привести ряд схожих примеров: *улица* – *уулусса*, *календарь* – *халандаар*, *телевизор* – *тэлэбиисэр* и т. д.

[я] = [э]:

сэсээдкэ, с.-кол. ‘скрадок, засадка’; от рус. диал. *засадка*.

сэһээккэ, бул., ордж., сакк.

сэһээккэ, вил., верх., в.-вил., жиг.

сэһээркэ, верх.

В данной лексеме отчётливо проявляется основной классифицирующий признак диалектного членения якутского языка – оканье и аканье, которое наряду с лабиализацией встречается в палатализации, например, в переходе [а] в [э] наподобие *сээбэс* ~ *саабас* ‘имение, имущество, состояние’; *чэлкэх* ~ *чалках* ‘водяночный отёк; водянка’; *чэнчик* ~ *чанчык* ‘висок, виски’; *чанчырык* ~ *чэнчирик* ‘неряха, неопрятность’, *тарбыйах* ~ *тэрбийэх* ‘телёнок’ и т. д.²⁰ Как видно из словарных помет, сингармонизация гласного [э] в данных словах сохраняется во всех четырёх диалектных зонах, что говорит скорее об относительно позднем заимствовании, когда происходило размывание границ зон оканья и оканья в якутских говорах, нежели о вариативности словоупотребления.

субституция ударного гласного дифтонгом:

[ё] = [үө]: *күлүөмэ*, олен., вил.

[о] = [уо]: *биэрулуомка*, лен. ‘ружьё-переломка’; от рус. *переломка*.

[и] = [уо]: *манчуок*, бод.

краткого ударного гласного долгим гласным:

[а] = [ээ]: *засадка* = *сэсээдкэ*, с.-кол.

[а] = [аа]: *черкан* = *чааркаан*, эвф., в.-кол. ‘пасть на медведя’; от сиб. рус. *черкан*.

субституция согласного звука другим согласным:

[з] = [дь]

дьэһээккэ, аб., с.-кол.

Здесь мы видим необычную замену, которая в современном якутском языке не прослеживается. Обычно, согласный [дь] появляется в результате замены русских гласных: [е]: *Егор* – *Дьөгүөр*, *еврей* – *дьэбириэй*; [ё]: *ёж* – *дьуос*, *ёлка* – *дьуолка* и др.

[н] = [л], [л] = [н]:

манапуулька, долг. ‘малокалиберная винтовка’; от рус. *малопулька*.

пилеткэ ‘короткие торбаса из камусов носят при ходьбе на лыжах’; от рус. *пинетки*.

Здесь также любопытная замена, которая, видимо, происходила преимущественно на стыке дореволюционного и послереволюционного времён, когда началось становление якутской письменности на основе кириллицы. Мы обнаружили лишь один общеизвестный пример по данному соответствию: мужское имя *Вонифатий* – *Балапаат*.

[з] = [с]:

собоуоньук ‘снаряд для забивания винтовочной пули’; от рус. *забойник*.

[з] = [h]:

һомуок, ан.; от рус. *замок*.

Анлаутный сибилант [с] заменяется фарингалом [h] – это наследие эвенкийского влияния, которое наиболее характерно проявляется в северных говорах якутского языка, к таким относится анабарский говор.

[п] = [б]:

былааска, в.-кол. ‘ловушка на мелких зверей’; от рус. *плашка*.

[ц] = [ч], [ц] = [с]:

кляпцы = *килэпчи*, *килэпси*, с.-кол. ‘кляпцы, ударная ловушка на мелких зверей’; от рус. *кляпцы*.

Данное соответствие имеет сходство с субституцией [ц] = [с], так как носитель якутского языка звук [ц] воспринимает и произносит как сибилант [с]. Можно было бы предположить, что *кляпц[с]ы* заимствовано на якутский язык по типу таких слов: *улица* = *уулусса*, *полиция* = *бэлииссийэ* и т. д. Но похожее изменение мы находим в слове *сыпсы* – рус. *шипцы*, где ударный гласный [ы] задаёт тон, и фонетизация заимствования

²⁰ Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. 1 / отв. ред. И.Е. Алексеев; сост. С.А. Иванов. Якутск: Издательство ЯФ СО РАН, 2004. С. 18; *Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. С. 107.

происходит согласно сингармонизма звуков в якутском языке.

[в] = [б]:

лобуушка, с.-кол. ‘ловушка на мышей’; от рус. *ловушка*.

Распространённая субституция, которая используется во многих заимствованных словах и антропонимах: *власть* – *былаас*, *волость* – *буолас*, *Володя* – *Болуодья*, *Валентина* – *Балантынына* и др.

анлаутное или инлаутное наращение:

килэпсэ, килэпси = *кляпцы*

плашка = *былааска*

устурууп ‘срубовая /?/ ловушка на медведя’; в.-кол. ‘пасть, западня на лисицу’; от рус. *сруб*.

Итак, в плане освоения русизмов в рассматриваемых словах наблюдается фонетико-графическая ассимиляция. Фонетизация русизмов демонстрирует фонетико-графическую стабильность, тем самым план выражения соответствует закономерности, которая основана на принципе сохранения внешнего облика заимствованного слова. В современном якутском языке таких слов достаточно много, и они во многом воспринимаются как якутизмы, например: *дорообо* ‘здорово’, *надо* ‘наада’, *остуол* ‘стол’, *устуул* ‘стул’, *оптубус* ‘автобус’, *бирибиэт* ‘привет’, *оскуола* ‘школа’, *остуорас* ‘сторож’ и т. д.

Представленность говоров говорит о распространённости русизмов данной микрогруппы преимущественно в северных говорах якутского языка: колымские, анабарский, аллаиховский, булунский, момский. Это связано с тем, что северная и северо-восточная диалектные зоны являются периферийными, то есть сохранность лексики первых русских в этих говорах вполне ожидаемо. Разнообразие охотничьей лексики – собственно якутские, русизмы – является отражением северной охотничьей культуры, развитой на почве русско-якутского взаимовлияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, русские слова, подверженные фонетизации, употребляются практически без изменений в части формантов. В данной микрогруппе выявлены два названия, которые являются компонентом составного слова: *манчыык отуута* ‘засадка при охоте на уток’ (букв. шалаш манщика) и *манчыык быа*, аб. ‘тонкий длинный ремень для: управления оленем-манщиком при охоте на диких оленей’ (букв. верёвка-мано), то есть в ходе освоения лексемы *манчик* = *манчыык* северные якуты развили семантику, и образовались словосочетания, связанные с использованием оленя (скорее всего, домашнего) в качестве манка при охоте на диких оленей.

Таким образом, заимствованные из русского языка диалектные наименования орудий охоты в основном представляют те новшества, которые появились с приходом русских и их освоением местного северного, природного ландшафта. Термины, обозначающие орудия охоты, – это результат взаимовлияния якутской и русской культур в сфере традиционных промыслов – охоты, в которых проявляются: 1) фонетические варианты русизмов, которые в основном заимствованы в дореволюционное время, представляют собой характерные соответствия, образованные путём субституции звуков, наиболее близких к замещаемому звуку по месту и способу образования; 2) семантическое пространство в целом сохраняет неизменность первичных значений, так как предметный (вещный) мир характеризуется конкретным обозначением того или иного предмета, независимо от их принадлежности к той или иной тематической группе.

Дальнейшее изучение русизмов в диалектной бытовой лексике будет проходить в других тематических микрогруппах, например, рыболовство, кузнечное дело и т. д., в целях составления словаря бытовой диалектной лексики якутского языка.

Список сокращений

аб. – абыйский говор
ал. – аллаиховский говор
ан. – анабарский говор
бод. – бодайбинский говор
букв. – буквально
бул. – булунский говор
верх. – верхоянский говор
вил. – виллойский говор
в.-вил. – верхневиллойский говор
в.-кол. – верхнеколымский говор
долг. – долганский язык
ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка
жиг. – жиганский говор
Кол. – Колымское (диалектный язык русских старожилов)
кол. – колымский говор
лен. – ленский говор
мом. – момский говор
ойм. – оймьяконский говор
Олэк. – гор. Олэкминск (диалектный язык русских старожилов)
олен. – оленёкский говор
ордж. – орджоникидзевский говор (ныне – кангаласский)
Пох. – Походское (диалектный язык русских старожилов)
рус. – русский язык
рус. диал. – русское диалектное слово
сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора
сиб. рус. – сибирский русский говор
с.-кол. – среднеколымский говор
Точ. – Точильная (диалектный язык русских старожилов)
эвф. – эвфемизм

Список источников

1. Акимова А.С. О терминологической лексике, относящейся к религиозным воззрениям древних кузнецов народа саха // Глобальный научный потенциал. 2024. № 6 (159). С. 209-212. <https://elibrary.ru/rnkwyw>
2. Борисова Ю.М. Эвфемизмы в лексике охоты и рыболовства якутского языка // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов 10 (24) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2023. Вып. 24. С. 216-222. <https://doi.org/10.17223/978-5-907572-02-7-2023-41>, <https://elibrary.ru/pzthfw>
3. Дьячковский Ф.Н., Пинигина О.Н. Семантическое пространство лексики материальной культуры в современном языке саха (на материале жилых построек) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 214-218. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.46>, <https://elibrary.ru/ywmntf>
4. Скрыбина А.А. Древнетюркские слова в бытовой лексике якутского, хакасского и алтайского языков // Аммосов-2022: сб. материалов республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования Якутской АССР. Якутск: Сев.-Вост. фед. ун-т им. М.К. Аммосова, 2022. С. 592-595. <https://elibrary.ru/aaozbs>
5. Скрыбина А.А. Общетюркская лексика в наименованиях орудий труда якутского языка (лексические параллели в тюркских языках Сибири) // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 300-315. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>, <https://elibrary.ru/kplyys>
6. Прокопьева А.К., Платонов П.С. Лексико семантические параллели якутского и алтайского языков (на материале названий орудий ручного труда и режущих и точильных инструментов) // Алтаистика. 2022. № 1 (4). С. 5-14. <https://elibrary.ru/nixsgt>

7. Николаев Е.Р. Диалектные наименования мутовки в якутском языке (на материале лексикографических источников) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 194-207. <https://doi.org/10.17223/18137083/83/15>, <https://elibrary.ru/itgyel>
8. Николаев Е.Р. Лексико-семантические особенности наименований кумысной посуды (сосудов) в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 1 (34). С. 96-107. <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2021.34.1.010>, <https://elibrary.ru/nyqfza>
9. Готовцева Л.М. Заимствованная лексика традиционной одежды якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 124-134. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-124-134>, <https://elibrary.ru/lmpqsd>
10. Попов В.Г. Функциональные особенности некоторых видов традиционного холодного оружия якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2 (27). С. 28-38. <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2019.02.27.03>, <https://elibrary.ru/hkobpr>
11. Иванова И.Б. Лексико-семантические группы имён существительных со значением части и доли предмета в якутском языке // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2019. С. 67-69. <https://doi.org/10.25693/NPK2019IvanovaIB>, <https://elibrary.ru/xbtlbr>
12. Харабаева В.И. Лексико-семантические группы глаголов действия и деятельности в якутском языке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 3. Ст. 2. <https://elibrary.ru/dgcfof>
13. Данилова Н.И., Попова Н.И. Ландшафтная лексика в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 65-76. <https://doi.org/10.25693/SVG.V.2021.37.4.007>, <https://elibrary.ru/esozhk>
14. Васильева Н.М. Об орфографической адаптации в якутском языке начальных согласных в русскоязычных заимствованиях // Научный диалог. 2018. № 5. С. 41-48. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-41-48>, <https://elibrary.ru/xpcpyd>
15. Васильева Н.М. О проблеме фонетизации заимствованных из русского языка слов // Вызовы и тренды мировой лингвистики: тр. и материалы Казан. Междунар. лингвист. саммита: в 2 т. Казань: Казан. фед. ун-т, 2021. Т. 2. С. 195-197. <https://elibrary.ru/yrmmddh>

References

1. Akimova A.S. On the terminological vocabulary of religious views of the ancient metallurgists of the Sakha people. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*, 2024, no. 6 (159), pp. 209-212. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rnkwyw>
2. Borisova Yu.M. Euphemisms in the vocabulary of hunting and fishing of the Yakut language. *Sbornik materialov XX (XXIV) Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh «Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya» = Proceedings of the 10th (24th) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists "Actual Problems of Linguistics and Literary Studies"*. Tomsk, TSU Press, 2023, issue 24, pp. 216-222. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/978-5-907572-02-7-2023-41>, <https://elibrary.ru/pzthfw>
3. D'yachkovskii F.N., Pinigina O.N. Semantic space of material culture vocabulary in the modern Sakha language (by the material of residential buildings). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 214-218. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.46>, <https://elibrary.ru/ywmntf>
4. Skryabina A.A. Old Turkic words in everyday vocabulary of the Yakut, Khakass and Altai languages. *Sbornik materialov respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Yakutskoi ASSR «Ammosov-2022» = Collection of Materials from the Republican Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Development of the Yakut ASSR "Ammosov-2022"*. Yakutsk, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University Publ., 2022, pp. 592-595. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aaozbs>
5. Skryabina A.A. Common Turkic vocabulary in the names of tools of the Yakut language (lexical parallels in the Turkic languages of Siberia). *Novye issledovaniya Tuvy = The New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 300-315. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>, <https://elibrary.ru/kplyys>
6. Prokop'eva A.K., Platonov P.S. Lexico semantic parallels of the Yakut and Altaic languages (based on the names of manual labor tools and cutting and sharpening tools). *Altaistika = Altaistics*, 2022, no. 1 (4), pp. 5-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nixsgt>

7. Nikolaev E.R. Dialect names of Mutovka in the Yakut language (a case study of lexicographic sources). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 194-207. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/83/15>, <https://elibrary.ru/itgyel>
8. Nikolaev E.R. Lexical and semantic features of the names of Kumys leather ware (vessels) in the Yakut Language. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Journal of The Humanities*, 2021, no. 1 (34), pp. 96-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.25693/SVG.2021.34.1.010>, <https://elibrary.ru/nyqfza>
9. Gotovtseva L.M. Borrowed lexis of the traditional Yakut clothing. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy = Tomsk Journal of Linguistics And Anthropology*, 2022, no. 1 (35), pp. 124-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-1-124-134>, <https://elibrary.ru/lmpqsd>
10. Popov V.G. The functional features of some types of traditional Yakut cold steel arms. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Journal of the Humanities*, 2019, no. 2 (27), pp. 28-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.02.27.03>, <https://elibrary.ru/hkobpr>
11. Ivanova I.B. Lexico-semantic groups of nouns with the meaning of part and share of an object in Yakut language. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Yazyki korennykh narodov kak faktor ustoichivogo razvitiya Arktiki» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Indigenous Languages as a Factor of Sustainable Development in the Arctic”*. Yakutsk, IHRISN SB RAN Publ., 2019, pp. 67-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.25693/NPK2019IvanovaIB>, <https://elibrary.ru/xbtlbr>
12. Kharabaeva V.I. Lexico-semantic groups of verbs of action and activity in the Yakut language. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2021, vol. 12, no. 3, Art. 2. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dgcfo>
13. Danilova N.I., Popova N.I. Landscape vocabulary in the Yakut language. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Journal of the Humanities*, 2021, no. 4 (37), pp. 65-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.25693/SVG.2021.37.4.007>, <https://elibrary.ru/esozhk>
14. Vasileva N.M. On spelling adaptation of initial consonants in Russian borrowings in Yakut language. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2018, no. 5, pp. 41-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-41-48>, <https://elibrary.ru/xpcpyd>
15. Vasileva N.M. On the problem of phonetization of words borrowed from the Russian language. *Trudy i materialy Kazanskogo mezhdunarodnogo lingvisticheskogo sammita «Vyzovy i trendy mirovoi lingvistiki»: v 2 t. = Works and Proceedings of Kazan International Linguistic Summit “Challenges and Trends in World Linguistics”: in 2 vols. Vol. 2*. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2021, pp. 195-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrmmdh>

Информация об авторе

НИКОЛАЕВ Егор Револьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>, Scopus ID: 57190870421, 1953307@mai.ru

Поступила в редакцию 25.10.2024
Поступила после рецензирования 16.12.2024
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Egor R. Nikolaev, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Yakut Language Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>, Scopus ID: 57190870421, 1953307@mai.ru

Received 25.10.2024
Revised 16.12.2024
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811+82-1/9

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-42-55>

Шифр научной специальности 5.9.5

О жанровом разнообразии современных научно-популярных текстов о языке

Ольга Александровна Ребковец¹ , Наталья Сергеевна Милянчук²

¹ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга»
683032, Российская Федерация, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

²ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
690922, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

 rebkovets.olga@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Научно-популярный текст в настоящее время значительно расширил сферу своего распространения и демонстрирует широкое разнообразие форматов, средств и каналов передачи информации. В связи с развитием технологий изменилась и система жанров научно-популярного изложения, что требует эмпирического описания и теоретического осмысления. Цель исследования – описание жанрового разнообразия современного научно-популярного контента (на примере текстов о языке) и выделение существенных жанроразличительных признаков таких текстов. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Исследование проведено на материале научно-популярных текстов о языке, опубликованных в 2015–2024 гг. в социальных медиа («Телеграм», «ВКонтакте», «Дзен»). В работе использовался функциональный метод, традиционный описательный метод, методы коммуникативно-прагматического, дискурсивного и функционально-стилистического анализа текстов. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Результатом исследования стало существенное дополнение и уточнение системы жанров современного научно-популярного контента, в том числе выявление и описание новых жанров, их классификация. Ценным результатом исследования стала разработка методики анализа жанров научно-популярного текста, опирающейся на концепцию Т.В. Шмелёвой и вместе с тем выходящей за её рамки. Алгоритм анализа включает следующие параметры: коммуникативная цель текста; коммуникативные позиции автора и адресата; предшествующий и последующий контексты; объём и структура текста (общий состав структуры и степень её формализованности); степень интерактивности и креолизации текста; а также лингвостилистические особенности. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Применение разработанного алгоритма позволило не только охарактеризовать ряд жанровых реализаций современного научно-популярного контента, но и представить их в виде системы. Материалы и результаты работы могут быть востребованы в процессе изучения функционально-стилевых разновидностей русского языка, институциональных типов дискурса, а также в профессиональной практике создания научно-популярных текстов, что определяет практическую значимость исследования.

Ключевые слова: научно-популярный текст, жанр, речевой жанр, заметка, топ-лист, колонка, опрос, тест, мем

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: О.А. Ребковец – разработка концепции исследования, поиск и анализ научной литературы, написание черновика рукописи. Н.С. Милянчук – дизайн исследования, научное руководство, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ребковец О.А., Милянчук Н.С. О жанровом разнообразии современных научно-популярных текстов о языке // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 42-55. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-42-55>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-42-55>

OECD 6.02; ASJC 1203

On genre diversity of contemporary popular science texts about language

Olga A. Rebkovets¹ , Natalia S. Milyanchuk²

¹Vitus Bering Kamchatka State University

4 Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, 683032, Russian Federation

²Far Eastern Federal University

8 Sukhanova St., Vladivostok, 690950, Russian Federation

 rebkovets.olga@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. Currently, popular science text has significantly expanded its sphere of distribution and demonstrates a wide variety of formats, means, and channels of information transmission. The system of genres of popular science has changed due to the technological development and now requires an empirical description and theoretical understanding. The aim of the study is to describe the genre diversity of contemporary popular science content (on the example of texts about language) and to identify the genre-distinctive characteristics of such texts. **MATERIALS AND METHODS.** The research has been conducted on materials of popular science texts about language published in 2015–2024 on social media (such as «Telegram», «VKontakte», «Zen»). Functional method, traditional descriptive method, methods of communicative-pragmatic, discursive, and functional-stylistic analysis of texts have been used in the research. **RESULTS AND DISCUSSION.** The study significantly supplies and specifies the genre system of contemporary popular science content, identifies, describes and classifies new genres. A valuable result of the study is the development of a methodology for analyzing the genres of popular science text, which is based on T.V. Shmeleva's concept and at the same time goes beyond it. The algorithm of analysis includes the following parameters: communicative purpose of the text; communicative positions of the author and addressee; preceding and following contexts; volume and structure of the text (the general composition of the structure and the degree of its formalization); the degree of interactivity and creolization of the text; and linguistic and linguistic features. **CONCLUSION.** The application of the developed algorithm allows not only to characterize a number of genre realizations of modern popular science content, but also to present them in the form of a system. The materials and results of the work can be demanded in the process of studying functional and stylistic varieties of the Russian language, institutional types of discourse, as well as in the professional practice of creating popular science texts, which determines the practical significance of the study.

Keywords: popular science text, genre, speech genre, note, top-list, column, questionnaire, test, meme

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: O.A. Rebkovets – research concept development, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation. N.S. Milyanchuk – research design, supervision, manuscript editing.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Rebkovets, O.A., & Milyanchuk, N.S. On genre diversity of contemporary popular science texts about language. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):42-55. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-42-55>

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI века научно-популярный текст активно расширяет сферу своего распространения и в количественном, и в качественном отношении. Наблюдается как значительное увеличение арсенала приёмов подачи научно-популярной информации, так и существенное обновление практики научно-популярного изложения, трансформация стилистического облика научно-популярных текстов. При анализе стилистико-языковой специфики современных научно-популярных текстов необходимо учитывать их жанровые особенности. Актуальность работы обусловлена рассмотрением феномена научно-популярного изложения с точки зрения его коммуникативно-прагматических, дискурсивных характеристик. Цель исследования – описание жанрового разнообразия современного научно-популярного контента (на примере текстов о языке) и выделение существенных жанроразличительных признаков таких текстов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили научно-популярные тексты о языке, опубликованные в социальных медиа («Телеграм», «ВКонтакте», «Дзен») в 2015–2024 гг. Исследование проводилось в русле функционального метода с применением коммуникативно-прагматического, дискурсивного и функционально-стилистического анализа текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В традиционной практике популяризации научного знания получили распространение такие письменные жанры, как научно-популярное издание¹ и статья. Однако сформировавшийся в начале XXI века активный социальный запрос стимулировал выход научно-популярного изложения в медиaproстранство и сближение его с языком и стилем СМИ, что закономерно привело к рас-

ширению системы жанров научно-популярных текстов. Поскольку научно-популярный текст рассматривается нами как результат дискурсивной деятельности – взаимодействия автора и адресата в определённых социальных условиях [1], анализ жанрового своеобразия современных научно-популярных текстов мы проводим с опорой на теорию речевых жанров, которая строится на коммуникативных принципах [2; 3]. Под речевым жанром понимаем «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов)»², представляющий собой «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей»³. В отличие от жанра литературного, научного или публицистического произведения, речевой жанр представляет собой типологическую разновидность акта коммуникации, по выражению А. Вежбицкой, «кодифицированную форму действия» [4], и является, прежде всего, единицей общения.

Круг значимых жанрообразующих признаков речевых жанров был очерчен Т.В. Шмелёвой в рамках разработанной ею модели речевого жанра. Эта модель включает необходимые и достаточные параметры характеристики речевого жанра: коммуникативная цель; образы автора и адресата; образы прошлого и будущего; диктум (событийная основа высказывания); языковое воплощение [5]. Коммуникативная цель как наиболее значимый признак обусловила выделение четырёх типов речевых жанров, таких как информативные, императивные, этикетные и оценочные [5, с. 91].

Даже поверхностное знакомство с современным научно-популярным контентом позволяет увидеть значительное расширение его жанрового разнообразия: помимо таких традиционных жанров, как научно-популярная книга (издание), статья, телевизионная или радиопрограмма, лекция, в сфере научно-популярной коммуникации оказа-

¹ Бруев А.А. Научно-популярное издание: особенности коммуникации автора и читателя: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2022. 184 с.

² Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука, 2006. С. 352.

³ Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. 1998. Вып. 27. С. 9-20.

лись востребованы жанры интервью, заметки и колонки, которые ранее функционировали только как публицистические; появились и новые для данной сферы жанры, такие как опрос, тест, топ-лист, карточки, мем.

Предметом нашего исследования являются письменные жанры научно-популярного текста. Для выявления их специфики мы использовали алгоритм, разработанный на основе анкеты Т.В. Шмелёвой [5], широко применяемой при анализе речевых жанров. Однако анализ нашего материала показал, что для дифференциации жанров современных научно-популярных письменных текстов на русском языке не все признаки, обозначенные в этой анкете, сохраняют релевантность.

Так, выделяемый Т.В. Шмелёвой признак «образа автора» в различных научно-популярных жанрах проявляется в целом одинаково: это образ автора-эксперта, обладающего таким знанием или информацией, каким адресат не обладает. Образ адресата научно-популярного текста также можно определить обобщенно – как образ заинтересованного в научном знании неспециалиста. Однако коммуникативные позиции автора и адресата при этом могут варьироваться. Нередко коммуникативная позиция автора или прогнозируемая им коммуникативная позиция адресата влияют на жанровую природу научно-популярного текста. Поэтому в нашем алгоритме мы используем критерии «коммуникативная позиция автора» и «коммуникативная позиция адресата».

Обобщённые признаки «образ прошлого» и «образ будущего» применительно к нашему материалу требуют уточнения и, на наш взгляд, могут быть представлены как «предшествующий контекст» и «последующий контекст». В этом случае под контекстом в широком смысле понимается ситуация, в которой происходит общение и в рамках которой речевой жанр может зависеть от реализации других жанров, которые ему предшествуют или которые он порождает.

Диктумное (событийное) содержание для всех научно-популярных публикаций в целом является сходным – оно представлено пропозицией наличия научного знания, неизвестного аудитории. Это диктумное содер-

жание реализуется в речи в разнообразных жанровых формах, отличия между которыми определяются признаками не собственно диктумной природы. Поэтому сам по себе характер диктумного содержания в данном случае не является жанроразличительным признаком.

Вместе с тем анализ нашего материала показал, что алгоритм описания должен включать ряд дополнительных признаков, более детально характеризующих формальную сторону текста: его объём, структуру и др. Коммуникативная специфика научно-популярного изложения и функционирование научно-популярного контента в медиапространстве актуализировали такие признаки, как интерактивность [6] и креолизация [7] текста. Как известно, креолизированным является текст, в котором используются не только вербальные, но и невербальные знаки. Выделяются три степени креолизации: нулевая креолизация (текст не содержит иконических компонентов); частичная креолизация (вербальная часть текста сравнительно автономна, изобразительные элементы могут быть изъяты без ущерба для понимания смысла); полная креолизация (текст представляет собой единство, в котором изображение и вербальная часть становятся равноправными компонентами, одинаково важными для декодирования сообщения) [8, с. 39-40]. Данный признак также оказался значимым для жанровой дифференциации научно-популярных текстов.

С учётом вышесказанного в разработанный нами алгоритм анализа жанров современного научно-популярного текста были включены следующие критерии:

- коммуникативная цель;
- коммуникативная позиция автора;
- коммуникативная позиция адресата;
- предшествующий контекст;
- последующий контекст;
- объём текста;
- структура текста (общий характер и степень формализованности);
- интерактивность;
- степень креолизации текста;
- лингвостилистические особенности.

Коммуникативно-прагматический анализ современного научно-популярного контента о языке показал, что в настоящее время он представлен системой жанров, которая включает такие разновидности, как информативные, оценочные, императивные жанры (по классификации Т.В. Шмелёвой в [5]), а также развлекательный жанр [9, с. 32], который соотносится с праздноречевыми жанрами (по классификации Н.Д. Арутюновой [10]).

Информативные жанры

1. **Заметка** – небольшой по объёму текст, максимально тематически сфокусированный, имеющий специфическую структуру, в которую включены: а) апелляция к языковому опыту адресата относительно темы текста; б) представление информации по теме публикации. Научно-популярная заметка о языке может реализоваться в различных вариантах в зависимости от мотива адресата, который эксплуатируется автором. Нами выделено три типа таких заметок: «развенчание мифа», «знаете ли вы» и «как правильно».

Заметки типа «развенчание мифа» эксплуатируют заинтересованность адресата в информации, которая обеспечивает истинность, научность его представлений о языке и «предохраняет» его от заблуждений. Содержание, как правило, включает специальную информацию, требующую от читателя определённой подготовки:

«Настоящий мужчина состоит из мужа и чина!»⁴

Это шутка из записной книжки А. П. Чехова.

Но есть люди, которые принимают подобные шутки всерьёз.

Так, зампреда Комитета Госдумы по обороне Андрей Красов обосновал отказ в отсрочке от мобилизации для отцов троих детей тем, что мужчина – это «муж и чин», а «чин» – это работник, который в первую очередь должен защищать государство.

Я не буду комментировать моральную сторону вопроса, но скажу о лингвистической.

Конечно, никакого чина в слове «мужчина» нет. Слово «мужчина», судя по всему, было образовано ещё в праславянском языке от прилагательного

*тельного *mъžьskъ («мужской») с помощью суффикса *-in. А прилагательное *mъžьskъ, в свою очередь, образовано от слова *mъžь («муж») с помощью суффикса *-ьskъ. (звёздочки и латиница указывают на то, что перед вами реконструированные праславянские формы). В результате фонетических процессов согласные суффикса *-ьskъ видоизменились:*

**mъžьskъ + *-in(a)*

↓

**mъžьščina <...>⁵*

В общем, слово «мужчина» и без лингвистического интереса.

Как и слово «мужик», которое, к слову, имеет уменьшительный суффикс «-ик» и образовано от «муж» примерно так же, как «домик» от «дом». <...> Но это уже другая история».

Коммуникативная цель данной заметки – избавить читателя от заблуждений, дав ему научную информацию о происхождении слова. **Коммуникативная позиция автора** – эксперт и просветитель. Автор подкрепляет свою экспертность ссылками на научные источники. **Позиция адресата** – вдумчивый читатель, серьёзно интересующийся родным языком и его историей, заинтересованный в статусе знатока. В отличие от заметок других типов, заметка «развенчание мифа» имеет эксплицированный **предшествующий контекст** – то или иное проявление наличия в сознании общества ошибочного представления о фактах языка. В данном случае это проявилось в публичном выступлении политика, о котором упоминает автор. **Последующим контекстом** можно считать отсылку к этимологии родственного слова и обещание новых публикаций: *но это уже другая история*. **Объём** текста несколько больше объёма стандартной заметки. **Структура текста** не формализована; обязательные компоненты структуры – заявление о наличии некоего представления в массовом сознании и демонстрация его ошибочности. **Интерактивность** публикации минимальна. Наблюдается частичная креолизация текста: в качестве **визуального введения** в тему текста использован видеофрагмент выступления политика.

⁴ Восстание редуцированных. 02.08.2024 // Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/istoki_slova (дата обращения: 24.09.2024).

⁵ Здесь и далее приводимые примеры частично сокращены.

В заметке типа «знаете ли вы» автор рассчитывает на заинтересованность в новой информации и любознательность адресата в чистом виде. Автор ориентируется на читателя, интересующегося родным языком, но настроенного на лёгкое, не затратное по времени чтение.

Заметка типа «как правильно» опирается на заинтересованность адресата в овладении языковыми нормами, на его стремление к повышению собственной грамотности. Автор не только демонстрирует нормативный вариант, но и даёт пояснения, сопровождаемые ссылками на авторитетные источники, советы, предлагает mnemonicические приёмы, способствующие усвоению нормы.

Расширение объёма заметки может быть следствием коммуникативной позиции автора и выбранной им коммуникативной стратегии. Такое расширение не свидетельствует об изменении жанровой природы текста: заметка с увеличением объёма не становится статьёй, так как мы не наблюдаем обобщений, анализа или расширенного описания системы рассуждений автора.

Значимым критерием дифференциации научно-популярных заметок является наличие или отсутствие внешней мотивированности публикации. Авторы современного научно-популярного контента регулярно используют приём опоры на реальный или вымышленный информационный повод, «привязку» к дате (празднику, юбилею) или яркому событию. При экспликации этой связи можно говорить о внешней мотивированности публикации:

Что на самом деле означает слово «Пасха»?⁶

Уже в это воскресенье христиане будут праздновать древнейший торжественный праздник под названием Пасха. В современном христианстве он связан с Воскрешением Иисуса Христа, что является основным сюжетом библейских историй. Однако известно, что по преданию воскрешение произошло именно на праздник Пасхи, а значит её праздновали уже в то время. Мы решили разобраться в истории происхождения слова Пасха <...>

Нередко «привязка» к дате или событию может носить формальный характер, когда событие, послужившее поводом для публикации, содержательно не связано с ней:

Сегодня отмечает день рождения Гарри Поттер! И если вопросов, как писать такие имена персонажей, не возникает, то с другими могут быть проблемы. ©

В собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках и т. д. с прописной буквы пишутся все слова и соединённые дефисом части слов: Каштанка, Карабас-Барабас, Оливер Твист.

С прописной буквы пишутся нарицательные слова, выступающие как названия персонажей: Красная Шапочка, Серый Волк <...>⁷

2. Карточка – специфический информативный жанр, рассчитанный на визуальное восприятие и поэтому отличающийся высокой степенью креолизации. Нередко карточки представляют собой циклы, объединённые графическим оформлением или персонажами. В отличие от учебного материала, который также может быть оформлен в виде карточек, карточки научно-популярного стиля ориентированы на взрослого адресата; не представляют материал системно, а ориентируются на актуальность для широкой аудитории; при подаче не придерживаются принципа «от простого к сложному»; не предполагают проверки усвоения знания.

Коммуникативная цель карточки – дать информацию из разряда «как правильно» в краткой и наглядной форме. **Коммуникативная позиция автора** – эксперт, который не делает акцент на своём авторитете, а общается с адресатом на равных, предлагая ему помощь. **Позиция адресата** – читатель, желающий улучшить конкретные навыки использования родного языка. **Предшествующим контекстом** можно считать сформированный языковой действительностью социальный запрос. Последующий **контекст** не эксплицирован. Текст имеет минимальный **объём**. **Структура текста** не является формализованной, но при этом карточка всегда

⁶ Лингвост. 18.04.2020 // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lingvoedandcat> (дата обращения: 24.09.2024).

⁷ Грамота.ру. 20.08.2024 // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/gramotaru> (дата обращения: 24.09.2024).

представляет собой частично или полностью **креолизированный** текст, в котором соблюдается принцип минимальной достаточности (рекомендация либо информирование). В данных примерах в качестве **визуального компонента** использованы: графическое запретительно-разрешительное подкрепление информации (Карточка на ВК-странице «Простым языком», <https://vk.com/prosty-azikom>); рисунок, помогающий ассоциативно усвоить лингвистическую информацию (Карточка на Телеграм-канале «Котограмота», <https://t.me/kotogramota>). Факультативным компонентом карточки является сопровождающий микротекст. **Интерактивность** публикации минимальна.

В именительном и винительном падежах рассматриваемое нами слово следует писать с буквой «ё» – «заём». В остальных падежах и множественном числе основа упрощается до «займ-»: «займа», «займе», «займы», «займов» (<https://vk.com/prostyazikom>).

Телеграм-канале «Котограмота»,
<https://t.me/kotogramota>

3. **Топ-лист** – информативный жанр, предусматривающий структурированную подачу информации в виде списка, организованного автором по какому-либо критерию. Такой список может быть ранжированным и неранжированным. В ранжированном списке пункты располагаются в установленном порядке в зависимости от степени проявления заявленного критерия. Этот порядок может быть прямым или обратным. Фактически ранжированный список представляет собой следующий рейтинг.

А. Слова-ошибки. Три этимологических курьёза.

Шутливый рейтинг.

3. Рельсы, кексы, клипсы, джинсы

На третьем месте сразу четыре слова, потому что курьёз в них произошёл один и тот же.

Все эти слова заимствованы из английского языка, где **rails, cakes, clips, jeans** – это существительные, которые стоят во множественном числе. На это и указывает окончание **-s**.

Но при заимствовании на такие тонкости внимания не обратили, поэтому рельс, кекс и клипса вошли в русский как слова единственного числа <...>

2. Зонт

Мы знаем, что слово «домик» – от «дом», «листик» – от «лист», и образовались они с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса ИК. Всё очевидно.

Наверное, «зонтик» получился так же?

А вот и нет. Всё было наоборот!

Зонтик мы позаимствовали из голландского языка вместе с названием – **zondek** (от **zon** – «солнце» и **dek** – «защита»). Но позднее это слово было переосмыслено: уж очень оно походило на «бантик» или «винтик». Поэтому мнимый суффикс ИК отбросили – и получилось слово «**зонт**», аналога которому нет ни в одном языке мира.

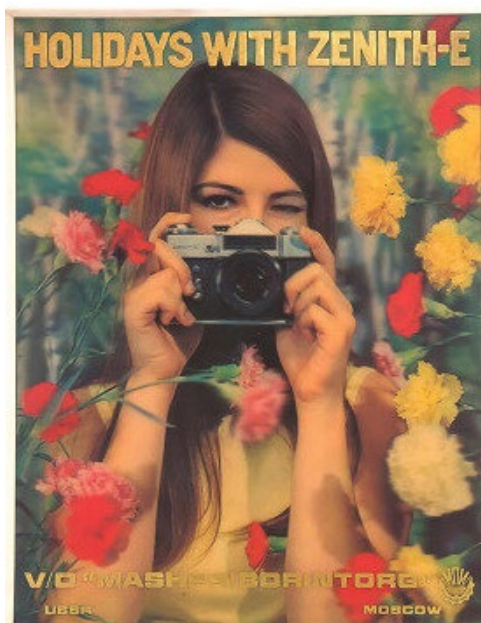
1. Зенит

Почётное первое место за самую нелепую ошибку! Источник этого слова – арабское «**zamt**» (высшая точка небосвода).

<...> с «зенитом» произошло недоразумение. Арабское «замт» звучало непривычно

для европейского уха, да и произносить сочетание «мт» было не очень удобно. И переписчики решили, что учёные, наверное, нечётко написали слово, и три вертикальные палочки надо читать не как т (м), а как ni (ни). Получился «занит», который позже ещё видоизменился в «зенит». И уже в таком виде он попал в русский язык.

Забавно, не так ли?

Канал Дзен «Восстание редуцированных»,
https://dzen.ru/istoki_slova

Топ-лист как новый жанр в научно-популярной коммуникации имеет двоякую коммуникативную цель. С одной стороны, это информативный жанр, который даёт читателю определённую порцию научного знания. С другой стороны, в отличие от традиционных информативных жанров (заметки, статьи), топ-лист прежде всего направлен на привлечение внимания читателя, предлагая ему информацию в структурированном виде, максимально удобном для восприятия. **Коммуникативная позиция автора** данного текста – эксперт-аниматор, вступающий в шуточный диалог с адресатом, о чём свидетельствуют подзаголовок публикации, а также синтаксические конструкции и языковые средства, характерные для устной речи. То

есть автор стремится не только просветить, но и развлечь читателя, доставить ему удовольствие. **Коммуникативная позиция адресата** – читатель, стремящийся получить занимательную информацию, не затрачивая на это много времени и усилий. **Предшествующий и последующий контексты** не выражены. **Объём** текста включает минимально возможное количество пунктов рейтингового списка – 3. Как правило, такие списки могут включать 3, 5, 7 пунктов. **Структура текста** формализована: это пронумерованный список, в данном случае ранжированный, обратный. Каждый пункт включает заголовочную конструкцию и следующий за ней информативный блок. **Интерактивность** нулевая. Степень **креолизации** минимальная: изображение рекламного постера фотоаппаратов «Зенит» не влияет на декодирование адресатом содержания текста.

Б. Неранжированный список включает несколько пунктов, которые не находятся в отношении градации и перечислены в свободном порядке.

5 фраз, которые не такие вежливые, как считает большинство

Люди хотят быть воспитанными, особенно стараются те, кто возвращается в деловых кругах <...>.

Сегодня разберём 5 фраз, которые, вопреки мнению большинства, вовсе не делают вас вежливым человеком.

Я вас не отвлекаю?

Многим кажется, что этот вопрос делает их более учтивыми в глазах собеседника, ведь так они показывают, что берегут его время. Но это не так. Вас уже слушают, если речь идёт о телефонном звонке, вам уже ответили <...>.

«Не за что»

Эта фраза звучит диссонансом намерению ответить на благодарность. Мы автоматически произносим её после того, как слышим слова благодарности <...>

Говоря «не за что», мы словно обесцениваем всё, что было сделано <...>

Сегодня я затронула тему вежливости и показала фразы, которые могут <...> даже навредить общению. Есть ли у

*вас свой набор таких фраз? Пишите в комментариях, обсудим!*⁸

Коммуникативная цель сообщения в форме списка – облегчить адресату восприятие информации, предлагая её в структурированном виде. **Коммуникативная позиция автора** – эксперт-советчик, воспитатель, желающий помочь адресату овладеть навыками письменного и устного общения. Автор добавляет в структурированный текст выделенные полужирным шрифтом заголовки каждой смысловой части, давая читателю возможность скользить взглядом по тексту, выбирая интересующую его информацию. **Коммуникативная позиция адресата** – читатель, стремящийся повысить эффективность своих коммуникативных навыков, но настроенный при этом на облегчённое восприятие. **Предшествующим контекстом** можно считать наличие в сложившейся практике коммуникации ряда стереотипных этикетных фраз. **Последующий контекст** – ожидаемые автором комментарии читателей. **Объём** текста определён длиной списка. **Структура текста** формализована: это нумерованный список со свободным порядком группировки. Помимо пяти пунктов с заголовками, текст содержит вступление и заключение. Вступление готовит адресата к восприятию информации, указывая на тесную связь с повседневной речевой практикой читателя. В заключении адресату предлагается проанализировать свой опыт и привести примеры в комментариях. Публикация обладает потенциальной **интерактивностью**, так как содержит приглашение к дальнейшему взаимодействию с экспертом. Текст не креолизован.

Оценочные жанры

4. **Колонка** – жанр, представляющий «субъективную трактовку какой-либо социальной темы/проблемы» [11, с. 156]. Научно-популярная колонка включает монолог автора, напрямую обращённый к адресату, в котором предлагается не общее знание, а персонифицированное экспертное мнение, оце-

ночное полемичное рассуждение по поводу какого-либо факта:

СЛОВО КАК ШИРМА⁹

«Компания дрифтеров испортила плитку на площади» (из новостей).

Компания кого-кого, хочется переспросить?.. Дрифтеров. Тех, кто занимается дрифтом (англ. drift) – видом автоспорта с использованием так называемого управляемого заноса.

Ладно, допустим. Но почему в новостях этих людей называют «дрифтерами»? Они что, профессиональные автогонщики? Ничего подобного. <...>

Так кто они?

Обычные хулиганы. Автомобильные хулиганы, которые в черте города – не в поле, нет, – на площади, под окнами спящих жителей, на самой обычной, а не гоночной машине, устраивают рискованные эксперименты.

Красивое иностранное слово «дрифтер» выступает в роли ширмы, прикрытия. Более того, оно даёт хулиганам некий статус, придаёт им респектабельность. «А ты кто вообще? – Я дрифтер».

Дрифтер, зацепер, геймер. Статус есть. Можно и не работать. #чистопорусски.

Коммуникативная цель данного текста – в образно-эмоциональной форме дать оценку использования неологизма. **Коммуникативная позиция автора** – эксперт, высказывающий свою точку зрения. **Позиция адресата** – внимательный равнодушный читатель. **Предшествующим контекстом** и стимулом к полемичному отклику стало сообщение в новостной программе. **Последующий контекст** не эксплицирован. **Объём** текста небольшой. **Структура текста** – размышления не является формализованной, но в качестве обязательных компонентов включает представление события-стимула и оценочный комментарий к нему. Автор использует синтаксические конструкции, ха-

⁸ Татьяна Кузнецова. Говорим грамотно и уверенно. 25.06.2024 // Дзен: сайт. URL: <https://dzen.ru/kuznetsova> (дата обращения: 24.09.2024).

⁹ Королева. Русский в порядке. 20.08.2024 // Телеграм. URL: <https://t.me/s/markoroleva> (дата обращения: 24.09.2024).

актерные для устной речи, и разговорную лексику. **Интерактивность** минимальна – автор высказывает своё мнение, но не ждёт отклика от читателя. Текст с нулевой **креолизацией**.

Императивные жанры

5. **Опрос** – императивный жанр научно-популярных текстов, обращённый к интеллектуальному опыту адресата и направленный на получение информации от него. В речевой практике опрос реализуется в двух формализованных последовательных и неразрывно связанных текстовых формах: текст-запрос и текст – обзор полученных ответов. Отметим, что обзор ответов может быть представлен как в виде таблицы, диаграммы, так и в текстовой форме – как отдельная публикация.

А. Текст-запрос:

Олеся Дроздова в своём Дзен-канале «Беречь речь» подняла интересный вопрос: почему многие просят «научить москвичей говорить правильно» – речь о сочетании «город Москва»¹⁰

А у нас тоже вопрос: где вы живёте или любите бывать?

- В городе Москве
- В городе Москва

Б. Текст – обзор ответов:

Олеся Дроздова в своём Дзен-канале «Беречь речь» подняла интересный вопрос: почему многие просят «научить москвичей говорить правильно» – речь о сочетании «город Москва».

А у нас тоже вопрос: где вы живёте или любите бывать?

63 % в городе Москве
37 % в городе Москва

Коммуникативная цель опроса двояка: с одной стороны, получить от адресата информацию о фактах использования языка; с другой – заставить задуматься о правильности такого использования. Жанр опроса нередко выполняет также утилитарную функцию активизации интереса аудитории к публикациям эксперта. **Коммуникативная по-**

зиция автора – эксперт-исследователь. **Позиция адресата** – активный читатель, желающий внести вклад в просветительскую деятельность, связанную с языком, готовый поделиться своим опытом, не вступая в расширенный диалог с экспертом. **Предшествующий контекст** – публикация на другом канале. **Последующий контекст** не проявлен. **Объём** минимальный. **Структура текста** формализована и включает вопрос и варианты ответа с однотипным оформлением и техническим сопровождением. **Интерактивность** публикации максимальна, поскольку задана необходимостью адресата вступить во взаимодействие с автором, опосредованное техническим носителем. Степень **креолизации** нулевая.

6. В научно-популярных интернет-публикациях авторы нередко используют тесты. **Тест** – императивный жанр, обращённый, в отличие от опроса, не к опыту адресата, а к его знаниям, и направленный на проверку уровня этих знаний. Тест эксплуатирует желание адресата подтвердить статус знатока анонимно – не обращаясь к экспертам напрямую. В отличие от тестов, используемых в учебной сфере, научно-популярные тесты не ориентированы на выставление отметок и часто носят развлекательный характер. Авторы таких тестов различными способами поддерживают самооценку адресата, используют элементы интеллектуальной игры, вызова. Тест, как и опрос, представляет собой два формализованных и последовательно связанных текста: собственно текст-тест и текст-оценку полученных ответов. Эти две текстовые формы интерактивны и могут быть реализованы практически одновременно – правильность или ошибочность ответа подтверждается мгновенно. Публикация теста может иметь также более сложную коммуникативно-прагматическую структуру и включать дополнительные коммуникативные блоки:

Тест на грамотность: вы гуру русского языка, если напишете верно хотя бы 10 слов из 12

Канал Буква и Цифра рад приветствовать своих читателей!

¹⁰ Говорим по-русски! С.О. Северской и Ко. 13.08.2024 // Телеграм. URL: <https://t.me/s/echoporuski>

<...> Я выбрал 12 самых трудных, на мой взгляд, словарных слов и составил на их основе новую публикацию.

Перед началом разберём одно задание из предыдущего теста <...>

Надеюсь, мы смогли разобраться с этим вопросом. Теперь приступим к новому тесту! Желаю успехов ☺

Друзья, хотите помочь автору? Пишите в комментарии интересные слова и вопросы, подходящие для составления теста! Тем самым мы улучшим качество материала и поможем другим людям стать грамотнее

Каждый вопрос в отдельном окне. Сразу после выбора ответа вы сможете проверить себя :-)) Во всех заданиях выберите правильный вариант написания слова.

Задание 1.

- восточно сибирский олень
- восточно-сибирский олень
- восточносибирский олень
- Восточно-Сибирский олень <...>¹¹

Общая коммуникативная цель теста – привлечение внимания аудитории и предоставление адресату возможности подтвердить свои знания. Попутно автор решает и частные коммуникативные задачи – снимает претензии читателей к одному из заданий предыдущего теста и побуждает читателей принять участие в формировании заданий следующих тестов. **Коммуникативная позиция автора** – эксперт-просветитель, контролёр и аниматор, вовлекающий в свою деятельность читателей (*поможем другим людям стать грамотнее*). **Позиция адресата** – активный знаток родного языка, поддерживающий свой статус грамотного человека. **Предшествующим контекстом** для вступительной части публикации стал один из ранее опубликованных тестов, к которому необходимо дать пояснения. **Последующим контекстом** может стать обсуждение вариантов ответов и предложения в комментариях. **Объём** текста больше, чем при стандарт-

ной публикации теста. **Структура текста** включает обязательные формализованные компоненты (вопросы и варианты ответов с однотипным оформлением и техническим сопровождением) и факультативные неформализованные компоненты – приветствие, разбор заданий предыдущего теста, призыв к участию в создании следующих тестов, инструкция по выполнению теста. **Интерактивность** публикации максимальна: компьютерный тест побуждает адресата активно включиться в игру, выбирая варианты ответов. Без участия адресата жанр не может быть реализован. Степень **креолизации** нулевая.

Развлекательные жанры

7. Мем.

Новым элементом жанровой системы современного научно-популярного изложения стали микротексты шуток, каламбуров на лингвистические темы, как правило, представленные в специфическом жанре мема. С одной стороны, тексты такого рода активно используются авторами научно-популярного контента. Но, с другой стороны, они не выполняют основную – просветительскую – функцию научно-популярного текста, а используются скорее для привлечения внимания и развлечения. Поэтому мы склонны относить этот жанр к периферии системы научно-популярных жанров и квалифицировать его развлекательный жанр, цель которого – формировать атмосферу, благоприятную для взаимодействия автора и адресата.

В современной лингвистике мем определяется как сравнительно новое жанровое образование, представляющее собой «сложную полимодальную единицу интернет-коммуникации, включающую вербальный (текстовый) и невербальный (визуальный) компоненты» [12, с. 69]. Подобные тексты могут получать жанровую квалификацию демотиватора – «составленного по определённом формату изображения, состоящего из рисунка и комментирующей его неожиданной надписи-слогана» [13, с. 168]. Интернетуальные, подвижные мемы-демотиваторы могут включаться в научно-популярные публикации в качестве иллюстрации, составляя их предшествующий или последующий контекст, способствуя реализации рекреаци-

¹¹ Буква и Цифра. 15.09.2023 // Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/bukva_tsifra (дата обращения: 24.09.2024).

онной функции современного научно-популярного текста. Это повышает интерес адресата, а значит, делает научно-популярную коммуникацию в целом более эффективной.

Мем в научно-популярном стиле может функционировать как отдельный текст. В этом случае он содержит занимательную информацию лингвистического характера (<https://vk.com/prostyazikom>).

ВК-страница «Простым языком», <https://vk.com/prostyazikom>

Наряду с этим мем может играть вспомогательную роль – служить юмористической иллюстрацией к основному тексту публикации или к отдельной мысли автора-эксперта, выполнять функцию акцентирования, усиления смысла или эмоционального посыла публикации, а также может выступать как мотивирующий компонент, призванный стимулировать адресата к совершению неких действий.

Проанализируем один из мемов в соответствии с нашим алгоритмом (https://dzen.ru/yellow_school).

Коммуникативная цель данного мема – привлечение внимания массовой аудитории к чрезмерному, неоправданному употреблению заимствованных слов. **Коммуникативная позиция автора** – равнодушный иронизирующий эксперт. **Коммуникативная позиция адресата** – читатель-визуал. **Пред-**

шествующий контекст не эксплицирован. **Последующим контекстом** может стать обсуждение и рефлексия читателей в комментариях, а также трансформация мема (изменения визуального или текстового компонента при дальнейших публикациях). **Объём** текста мема несколько больше, чем в стандартной практике, что можно объяснить задачей добиться ощущения избыточности, давления иноязычных слов на человека. **Структура** мема стандартна и включает визуальный и вербальный компоненты. **Интерактивность** публикации минимальна. Степень **креолизации** полная.

Дзен-канал «Этому не учат в школе», https://dzen.ru/yellow_school

Таким образом, мем в научно-популярном дискурсе о языке выполняет ряд функций, реализация которых способствует коммуникативной эффективности текстов. Он служит средством концентрированного визуального представления лингвистической информации; иллюстрирования языковых фактов, о которых говорится в публикации; создания условий, благоприятных для коммуникации автора с адресатом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный научно-популярный дискурс демонстрирует существенное расширение жанрового разнообразия. В сфере письменной научно-популярной коммуникации сохраняет свои позиции канонический жанр научно-популярной книги, в меньшей степени – статьи; востребованными становятся жанры, традиционно относившиеся к публи-

цистическому стилю, в первую очередь заметка; появляются новые жанры, характерные для медиакоммуникации в целом и активно эксплуатируемые авторами научно-популярного контента.

Описание этого жанрового разнообразия может быть продуктивным при условии учёта ряда дискурсивных характеристик, таких как коммуникативная цель текста, коммуникативные позиции автора и адресата, предшествующий и последующий контексты, объём и структура текста, степень его интерактивности и креолизации, лингвостилистические особенности. Применение алгоритма, включающего эти признаки, позволило выявить и охарактеризовать четыре груп-

пы письменных жанров современных научно-популярных текстов о языке:

- информативные: заметки разных типов, карточки, топ-листы;
- оценочные: колонка;
- императивные: опрос, тест;
- развлекательные: мем.

Полагаем, что разработанный алгоритм и полученные результаты могут быть полезны при исследовании жанровой дифференциации не только научно-популярного, но и других типов дискурса, особенно функционирующих в медиапространстве. Перспективой дальнейших исследований должен стать анализ языкового воплощения выявленных особенностей.

Список источников

1. Чернявская В.Е. Лингвистика дискурса как языковедческая дисциплина и как методология языкового анализа // *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 33. С. 83-87. <https://elibrary.ru/xuzitr>
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986. 444 с. <https://elibrary.ru/ymwivf>
3. Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // *Жанры речи*. 2002. № 3. С. 18-40. <https://elibrary.ru/sjvwah>
4. Вежбицка А. Речевые жанры // *Жанры речи*. 1997. Вып. 1. С. 99-111. <https://elibrary.ru/ynqgkl>
5. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. 1997. Вып. 1. С. 88-98. <https://elibrary.ru/vlxzcyj>
6. Веселовская Т.С., Купрещенко О.Ф. Интерактивность как свойство цифрового учебного текста и её дидактический потенциал // *Мир русского слова*. 2021. № 2. С. 80-87. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-2-80-87>, <https://elibrary.ru/xpdpvi>
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Выш. шк., 1990. С. 180-186. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001544270?ysclid=m6up1qfzpz295747944>
8. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Академия, 2003. 107 с. <https://elibrary.ru/ywotpl>
9. Шмелёва Т.В. Жанр в современной медиасфере // *Жанры речи*. 2012. Вып. 8. С. 26-37. <https://elibrary.ru/ynvtop>
10. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. Москва: Наука, 1992. С. 49-61. <https://elibrary.ru/vsteyo>
11. Дмитриевский А.Л. Жанры журналистики // *Учёные записки Орловского государственного университета*. 2014. № 4 (60). С. 149-158. <https://elibrary.ru/tmqakh>
12. Голубкова Е.Е., Канашина С.В. Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2018. Т. 9. № 2. С. 69-79. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-2-6>, <https://elibrary.ru/uurpes>
13. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // *Научный диалог*. 2012. № 3. С. 161-173. <https://elibrary.ru/owqftd>

References

1. Chernyavskaya V.E. Discourse linguistics as linguistic discipline and methodology of language-in-use analysis. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* = *Cognitive Studies of Language*, 2018, no. 33, pp. 83-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xuzitr>

2. Bakhtin M.M. The issue of the speech genre. *The Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 444 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymwivf>
3. Dementev V.V. Communicative genistics: speech genres as a mean for social interaction formalization. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2002, no. 3, pp. 18-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjvwah>
4. Vezhbtska A. Speech genres. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 1997, issue 1, pp. 99-111. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynqgkl>
5. Shmeleva T.V. The model of the speech genre. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 1997, issue 1, pp. 88-98. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vlxzsj>
6. Veselovskaya T.S., Kupreshchenko O.F. Interactivity as a property of digital educational text and its didactic potential. *Mir russkogo slova = World of the Russian Word*, 2021, no. 2, pp. 80-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-2-80-87>, <https://elibrary.ru/xpdpyi>
7. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Creolized texts and their communicative function. *Optimization of Speech Impact*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, pp. 180-186. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01001544270?ysclid=m6up1qfap295747944>
8. Anisimova E.E. *Text Linguistics and Intercultural Communication (on the Material of Creolized Texts)*. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 107 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywotpl>
9. Shmeleva T.V. Genre in a modern mediasphere. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2012, issue 8, pp. 26-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynvtop>
10. Arutyunova N.D. Genres of communication. *The Human Factor in Language. Communication, Modality, Deixis*. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 49-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsteyo>
11. Dmitrovskii A.L. Journalism genres. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2014, no. 4 (60), pp. 149-158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmqakh>
12. Golubkova E.E., Kanashina S.V. Semiotic hybridisation as the basis of internet meme semantics. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent = Slovo.ru: Baltic Accent*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 69-79. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-2-6>, <https://elibrary.ru/uurpes>
13. Shchurina Yu.V. Internet meme as a phenomenon of internet communication. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2012, no. 3, pp. 161-173. (In Russ.) <https://elibrary.ru/owqftd>

Информация об авторах

РЕБКОВЕЦ Ольга Александровна, исполняющий обязанности ректора, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0009-7267-7655>, rebkovets.olga@gmail.com

МИЛЯНЧУК Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>, mlnchk@mail.ru

Для контактов:

Ревковец Ольга Александровна
e-mail: rebkovets.olga@gmail.com

Поступила в редакцию 28.10.2024
Поступила после рецензирования 01.12.2024
Принята к публикации 05.12.2024

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Olga A. Rebkovets, Acting Rector, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0009-7267-7655>, rebkovets.olga@gmail.com

Natalia S. Milyanchuk, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5519-4779>, mlnchk@mail.ru

Corresponding author:

Olga A. Rebkovets
e-mail: rebkovets.olga@gmail.com

Received 28.10.2024
Revised 01.12.2024
Accepted 05.12.2024

The authors have read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42+81'373.43+659.123.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-56-68>

Шифр научной специальности 5.9.5

Лексика ограниченного употребления в рекламе: функциональный аспект

Марина Викторовна Терских

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, просп. Мира, 55-А

 terskihm@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В современных условиях развития рекламной индустрии одним из инструментов формирования коммуникационной стратегии продукта становится использование лексики ограниченного употребления, обладающей несомненными преимуществами и вместе с тем имеющей целый ряд ограничений и условий использования. Цель исследования – выявление функций, реализуемых лексикой ограниченного употребления в рекламной коммуникации. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования – более 80 текстов наружной, печатной, видеорекламы. Методологической основой исследования стал следующий комплекс методов: направленная выборка, описательно-аналитический, функционально-стилистический, интроспекция, типологизация. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Наиболее распространёнными типами лексики ограниченного употребления, используемой в рекламе, являются неологизмы и жаргонизмы. Вместе с тем и другие пласты лексики характеризуются частотностью и высокой функциональной нагрузкой. Диалектизмы формируют образ натурального продукта, придают рекламе местный колорит. Профессионализмы и термины создают образ «экспертного» и надёжного бренда. Жаргонизмы позволяют выстроить коммуникацию с целевой аудиторией на её языке и установить доверительные отношения. Неологизмы привлекают внимание и вызывают интерес к рекламному тексту, формируют лояльность потребительской аудитории. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Лексика ограниченного употребления широко используется в рекламе и выполняет целый ряд функций: привлечение внимания и создание уникального голоса бренда; передача ключевых характеристик продукта или услуги; создание эмоциональной связи с целевой аудиторией; побуждение к действию; создание комического эффекта.

Ключевые слова: рекламный текст, лексика ограниченного употребления, жаргонизмы, диалектизмы, неологизмы, устаревшая лексика, функции лексики ограниченного употребления

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: М.В. Терских – концепция исследования, обзор литературы, сбор и интерпретация данных, анализ рекламных сообщений, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Терских М.В. Лексика ограниченного употребления в рекламе: функциональный аспект // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 56-68. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-56-68>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-56-68>

OECD 6.02; ASJC 1203

Limited use vocabulary in advertising: functional aspect

Marina V. Terskikh

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
 terskihm@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. In the modern conditions of the advertising industry development, one of the tools for forming a product communication strategy is the use of limited use vocabulary (dialectisms, jargonisms, neologisms, etc.), which has undoubted advantages and at the same time has a number of restrictions and conditions for use. The purpose of the study is to identify the functions implemented by the vocabulary of limited use in advertising communication. **MATERIALS AND METHODS.** Research material are texts of outdoor, printed, video advertising in more than 80 units. The methodological basis of the study is the following set of methods: directed sampling, descriptive-analytical, functional-stylistic, introspection, typologization. **RESULTS AND DISCUSSION.** The most common types of vocabulary used in advertising are neologisms and jargon (slang). At the same time, other vocabulary layers are characterized by frequency and high functional load. Dialectisms form the image of a natural product, give advertising a local flavor. Professional vocabulary and terms create the image of an “expert” and reliable brand. Jargon (slang) allows you to build communication with the target audience in its language and establish a trusting relationship. Neologisms attract attention and arouse interest in advertising text and product, and form the loyalty of the consumer audience. **CONCLUSION.** Limited use vocabulary is widely used in advertising and performs a number of functions: attracting attention and creating a unique Tone of Voice; transfer of key characteristics of a product or service; building an emotional connection with the target audience; prompting action; creating a comic effect.

Keywords: advertising text, limited use vocabulary, jargon, dialectisms, neologisms, outdated vocabulary, functions of limited use vocabulary

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: M.V. Terskikh – research concept, literature review, data collection and interpretation, advertising messages analysis, writing - original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Terskikh, M.V. Limited use vocabulary in advertising: functional aspect. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):56-68. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-56-68>

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что современный реципиент обращает всё меньше внимания на рекламное сообщение, и проблема баннерной (рекламной) слепоты с каждым днём усугубляется, рекламный текст продолжает играть важную роль в формировании образа продукта, привлечении внимания аудитории к бренду, стимулировании спроса на товары и услуги. Одним из инструментов, ориентированных на привлечение внимания реципиента и создающих необходимый образ товара/услуги, влияющих в конечном счёте на эффективность рекламы, является *лексика ограниченного употребления*.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях постоянно растущего количества рекламных обращений грамотное использование лексики ограниченного употребления в рекламе становится значимым элементом успешной маркетинговой стратегии. В условиях жёсткой конкуренции необходимо находить уникальные подходы к формированию рекламного предложения, которые помогут бренду выделиться среди конкурентов и обеспечить внимание потенциальных покупателей.

Говоря о лексике ограниченного употребления в рекламном дискурсе, мы затрагиваем вопрос современного состояния языка рекламы, привлекающего внимание специалистов разных отраслей научного знания: лингвистов [1–4], социологов, психологов [5; 6], экономистов [7]. Безусловно, все эти исследователи руководствуются различными целями: «лингвисты осуществляют анализ функционально-стилистических особенностей языка рекламы, социологи изучают то, какие потребности современного человека отражает реклама, психологи рассматривают способы языкового манипулирования и их воздействие на потребителя, экономисты определяют, каким образом реклама влияет на рост продаж» [8, с. 82].

В любом случае задача рекламного сообщения – побудить потенциальных покупателей приобрести предлагаемый товар/услугу. Для достижения этой цели копирайтеры пользуются целым рядом языковых средств,

при этом одним из инструментов речевого воздействия является *лексика ограниченного употребления*.

С точки зрения использования слов определёнными группами населения можно классифицировать русскую лексику на *общеупотребительную* и *ограниченную* сферой употребления.

«Лексика ограниченной сферы употребления распространена в кругу людей, объединённых по признакам: территориальным, профессиональным, социальным – и подразделяется на диалектную (областную); профессиональную (профессионализмы, термины); лексику социально замкнутых групп (жаргон, арготизм)»¹.

Таким образом, лексика ограниченного употребления в рекламе относится к специфическому словарному запасу, который используется целенаправленно для создания эффективной коммуникации с целевой аудиторией и стимулирования определённой реакции потребителей. Этот вид лексики часто связан с маркетинговыми стратегиями и психологией воздействия на реципиента. При этом использование лексики ограниченного употребления в рекламе является сложной задачей, требующей тщательного рассмотрения как потенциальных преимуществ, так и ограничений для включения языковых единиц данного типа. Очевидно, что, как и любой другой рекламный инструмент, лексика ограниченного употребления – сложный феномен, имеющий не только достоинства, но и недостатки.

Функции лексики ограниченного употребления в рекламе.

1. **Привлечение внимания:** лексика ограниченного употребления выделяется на фоне «стандартного», привычного языка, привлекая внимание потребителей и вызывая у них любопытство.

2. **Локализация:** использование лексики ограниченного употребления, распространённой в определённом регионе или социальной группе, создаёт чувство принадлеж-

¹ Теплицкая А.А. Обучение языковой теории на основе современных медиатекстов. Москва: ФЛИНТА, 2019. 92 с.

ности к данной группе и повышает релевантность рекламы для целевой аудитории.

3. **Придание аутентичности:** лексика ограниченного употребления может придавать рекламе ощущение подлинности, связи с традициями, вызывая у потребителей чувство ностальгии, гордости за своё происхождение и т. п.

4. **Создание эмоциональной связи:** лексика ограниченного употребления может вызывать положительные эмоции, связанные с детством, домом или знакомой культурой, что укрепляет эмоциональную связь с брендом.

5. **Усиление уникальности:** использование лексики ограниченного употребления может выделить продукт или услугу как отличающиеся от товаров конкурентов, что помогает создать узнаваемость бренда.

Недостатки лексики ограниченного употребления в рекламе.

1. **Неясность:** лексика ограниченного употребления может быть непонятной для потребителей, не знакомых с данной культурой или социальным контекстом, что может привести к снижению эффективности рекламного сообщения.

2. **Создание барьеров:** использование лексики ограниченного употребления может создавать барьеры для общения с потребителями из других социальных групп или регионов.

3. **Ограничение целевой аудитории:** реклама, в которой используется лексика ограниченного употребления, может быть эффективной только для узкой целевой аудитории, что ограничивает её охват.

4. **Отрицательные ассоциации:** лексика ограниченного употребления иногда может иметь негативные коннотации, связанные с определёнными социальными группами или стилем жизни, что отражается и на восприятии бренда.

Таким образом, результаты интеграции лексики ограниченного употребления в привычный язык рекламы могут быть как положительными, так и отрицательными. Очень важно тщательно учитывать специфику целевой аудитории и культурный контекст,

прежде чем использовать диалектизмы, жаргонизмы и т. п. в рекламных сообщениях.

Цель исследования – анализ причин использования в рекламном тексте языковых единиц, которые традиционно рассматриваются как лексика ограниченного употребления (диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, терминология, историзмы, архаизмы, заимствования, неологизмы), их функциональной нагрузки.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования стали тексты наружной, печатной, видеорекламы, размещённые в социальных сетях и на интернет-порталах (неймы, слоганы, основной рекламный текст, информация на упаковке и т. п.). Всего было проанализировано более 80 рекламных сообщений.

При проведении анализа были использованы следующие методы: метод направленной выборки, описательно-аналитический метод, функционально-стилистический метод, метод интроспекции, типологизация.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим основные пласты лексики ограниченного употребления на материале рекламных текстов с целью выявить ключевые причины обращения к языковым единицам данного типа.

Диалектная лексика в текстах современной рекламы. В современном русском языке диалектизмы (...«слова или устойчивые сочетания, которые не входят в лексическую систему литературного языка и являются принадлежностью одного или нескольких говоров русского общенационального языка»²) сохраняются в основном в устной речи, особенно в сельской местности. Однако они могут проникать в литературный язык, обогащая его лексику и придавая ей выразительность: «Литературный язык, являющийся стандартизированной формой национального языка, представляет собой це-

² Петрякова А.Г. Культура речи. Москва: ФЛИНТА, 2018. 488 с.

лостную, сформировавшуюся коммуникативную систему, которая, однако, в ситуации языкового дефицита до сих пор, как и несколько веков назад, в эпоху с начала своего сложения, продолжает подпитываться выразительными средствами – словами, устойчивыми оборотами, синтаксическими конструкциями, – функционирующими на периферии национальной лингвистической системы в диалектах, просторечии, жаргонах» [9, с. 10].

Достаточно часто диалектная лексика используется в рекламе молочных товаров. Так, в серии роликов молочного бренда мы слышим диалектные слова, улавливаем фонетические особенности говора данной местности (<https://www.youtube.com/watch?v=v7c3TnXXNZM>). Такая реклама способствует формированию образа домашней и натуральной продукции, что отражается в слогане «Делаем, как бабушки».

Достаточно часто реклама, в которой используется диалектная лексика, нацелена на жителей определённого региона. Примеры данного типа – контекстная реклама в Сибири.

(1) *Мультифора с логотипом по оптовой цене от 18 руб. При заказе от 1000 штук в Новосибирске. Условия доставки и оплаты от компании Clever Print.*

Мультифора – это канцелярская принадлежность, прозрачный конверт для хранения документов. Данное слово является региональным – сибирским. Связано оно с названием компании, которая одна из первых начала поставки этого изделия в города Сибири. Конечно, такая реклама будет привлекать внимание жителей определённого региона.

(2) *Рабочие рукавицы, вачеги, верхоники: брезент, спилок, сукно. Все цены актуальны. Индивидуальный подход. Доставка по России. Оптовые цены уже от 5000.*

В тексте использован сибирский диалектизм *верхоники*, или же иначе *верхонки*, – рукавицы, надеваемые поверх обычных. Региональным является и слово *вачеги* – рукавицы с одним пальцем. Такая реклама, по всей видимости, ориентирована на мужчин, которые проживают в Сибири и ведут домашнее хозяйство либо же работают с деревом или металлом.

Диалектная лексика используется и в нейминге, в частности в названиях заведений. Так, кафе в Перми называется «*Пермские посикунчики*». *Посикунчики* – диалектизм, который употребляется на Урале, слово означает мясные пирожки маленького размера (при употреблении из пирожка вытекает много сока, отсюда и название). Данное слово передаёт местный колорит и привлекает внимание не только пермяков, но и туристов, желающих получить новый гастрономический опыт, – попробовать блюдо уральской кухни.

Слово *посикунчики* появилось и в рекламе «Газпрома»: в 2024 г. «Газпром» выпустил телевизионную рекламу на разных языках, сделав акцент на многонациональность России. В одном из роликов, помимо коми-пермяцкого языка, звучит и пермское слово *посикунчики*, передающее региональную специфику: «*На ужин заходи, я свои фирменные посикунчики с пестиками и солёным огурчиком приготовлю*»³.

Ещё одним примером использования региональной лексики является афиша, приглашающая на мероприятие в Архангельске:

(3) *Выставка «Пряничные фантазии». Архангельская козуля и авторский пряник.*

Слово *козуля* (разновидность пряников) является диалектизмом, употребляемым в Архангельске. Более того, в настоящее время в рамках туристического позиционирования козуля продвигается как бренд Архангельска⁴.

Таким образом, диалектизмы используются в рекламе для создания регионального колорита; привлечения внимания целевой аудитории и установления с ней доверительных отношений; создания юмористического эффекта; проникновения на локальные рынки и сохранения культурного наследия. «Относясь к лексике ограниченного употребления и будучи при этом устаревающим, исчезающим пластом в составе лексики совре-

³ VK Видео. Кудымкар. Информационный портал. 06.11.2024. URL: https://vk.com/video-4221871_456241106 (дата обращения: 28.11.2024).

⁴ Тутова М. Козуля как бренд Архангельска // Национальный акцент. Медиапроект Гильдии межэтнической журналистики. 07.09.2024. URL: <https://nazaccent.ru/content/36455-kozulya-kak-brend-arhangelska> (дата обращения: 28.11.2024).

менного русского литературного языка, диалектизмы, тем не менее, содержат важный культурный код, следовательно, могут быть ярким средством выразительности в рекламных и PR-текстах» [10, с. 341].

Профессионализмы и термины в текстах современной рекламы. «Профессионализмы – это разновидность жаргона, специфические неофициальные лексемы в речи представителей разных профессий... Термины – это официальные научные наименования тех или иных понятий» [11, с. 89]. Грамотное, уместное использование профессионализмов и терминов в рекламе помогает сделать рекламное сообщение более информативным, убедительным и привлекательным для целевой аудитории. Однако важно избегать чрезмерного употребления специальной лексики, чтобы не оттолкнуть читателя или слушателя, не являющегося специалистом в данной области.

Например, рекламные визитки автосервисов ориентированы на людей, разбирающихся в автомобилях:

(3) Замена ДВС и КПП. Мелкосрочный ремонт. Замена тех. жидкостей. Ремонт ходовой части. Шиномонтаж. Правка литых дисков. Аргон.

(4) СТО, Автомагазин. Шиномонтаж. АРГОН, КПП. Развал-схождение. Сварка. ДВС, ИПП. Ремонт ходовой.

Здесь мы видим множественное использование терминов и профессионализмов, связанных с ремонтом автомобилей: «аргон», «СТО», «КПП», «развал-схождение», «ходовая». Все они точно и ёмко описывают характер услуг, предоставляемых автосервисом.

Использование терминов и профессионализмов часто можно увидеть в рекламе медицинских услуг и препаратов. Например, в рекламе стоматологических услуг использован профессионализм «восьмёрки» – зубы мудрости:

(4) Сложное удаление зубов, **включая восьмёрки**, с использованием технологии A-PRP всего за 7 900 рублей!

Использование понятной и доступной профессиональной лексики, такой как «восьмёрка», помогает установить доверительные

отношения с пациентом и сделать стоматологические процедуры более понятными.

Ещё один пример из сферы медицины – рекламный ролик (<https://www.youtube.com/watch?v=4dtV3iF4MPg>), в котором используется большое количество терминов: «рентген-денситометр», «ламинарные потоки воздуха», «эксимерный лазер», «дистанционный литотриптор», что формирует образ экспертности и надёжности клиники.

Кроме того, термины часто встречаются в рекламе косметологии и уходовой косметики: «фитопантенол», «эссенция», «розацеа», «гемангиома» и др.:

(5) Инновация. Эссенция Nature Plus. 5 экстрактов масел. 97 % компонентов натурального происхождения.

(6) Бальзам для губ. Фитопантенол комплекс. SOS-восстановление.

(7) Новое направление. Аппаратная косметология Inmode. Фотоомоложение. Микроигольчатый RF лифтинг. Устранение сосудистых звёздочек, розацеа, гемангиом. Устранение гиперпигментации. Мгновенный лифтинг-эффект: уменьшение объёма, улучшение тонуса, тургора и эластичности кожи. Лифтинг тела, уменьшение целлюлита. Молодость – это надолго.

В таких случаях термины используются для создания образа натуральной и эффективной продукции, привлекают внимание аудитории, обеспечивают отстройку от других косметических средств и услуг.

Таким образом, профессионализмы и термины используются в рекламе для *точной передачи информации; создания образа экспертности/элитарности продукта; привлечения внимания целевой аудитории; дифференцирования товаров или услуг (выделения в конкурентной среде); упрощения восприятия.*

Жаргонизмы в текстах современной рекламы. «Жаргон – социальный диалект; отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает специфической фонетической и грамматической системой»⁵. «В современной

⁵ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Сов. энцикл., 1969. 607 с.

социокультурной ситуации жаргон проникает во многие сферы действительности, становится средством создания своеобразной экспрессии и колорита в кино и литературе, СМИ и рекламных текстах, а также существенной частью повседневного языкового общения» [12, с. 50]. Жаргонизмы в рекламном тексте используются преимущественно в качестве выразительных средств для привлечения и удержания внимания реципиента: чем больше реклама нарушает принятые коммуникативные нормы, тем больше она привлекает внимание реципиента.

Наиболее часто жаргонизмы встречаются в рекламе конфет, чипсов и батончиков – продуктов, целевой аудиторией которых является молодёжь.

Так, на упаковке конфет использовано слово *балдёж* (состояние восторга, эйфории), которое словари относят к молодёжному жаргону: #ДаёшьБалдёж.

Ещё одним – практически классическим – примером использования жаргона в рекламе является слоган шоколадного батончика «*Не тормози – сникерсни*». «*Не тормози*» может быть декодировано двояко: «не останавливайся, не замедляй свой активный образ жизни» и «не будь тупым, не отставай». Слоган побуждает молодёжь принимать быстрые решения и не заикливаться на проблемах, а также формирует образ продукта, который поможет оставаться бодрыми и сосредоточенными.

Жаргонная лексика активно используется и при продвижении напитков. Так, в рекламе пива использовано жаргонное слово *понтоваться* – «демонстрировать своё превосходство, преувеличивать свои возможности»⁶. Реклама также ориентирована на молодую аудиторию, активно употребляющую жаргонную лексику в своей речи:

(8) *Жара. Воскресенье. Гламурный буттик. Бросай понтоваться! Пойдём на пикник! Понты не пройдут!*

В рекламе “Pepsi” (https://www.youtube.com/watch?v=s5Ll_jO9pIY) вкус газировки описывается словом «классный» – «отлич-

ный, хороший». Использование молодёжного сленга делает рекламу более привлекательной для аудитории, создаёт непринуждённую и современную атмосферу, усиливает позитивное восприятие бренда. В рекламе “Fanta” (<https://www.youtube.com/watch?v=jMNYHHOHA5Y>) используется жаргонное слово *зацените*, позволяющее предположить, что говорящий высокого мнения о данном продукте. Примеров данного типа очень много. Слоган газированного напитка “Mirinda” – «*Оттянись со вкусом!*» (*оттянуться* – «развлекаться, отдохнуть»). Реклама газированного напитка «Спрайт» также содержит элементы молодёжного жаргона: «*Спрайт жаждет освежать! Спрайт арбуз-огурец – лови свежий замес!*».

Использование сленга делает рекламу понятной и привлекательной для молодой аудитории, показывает, что данные продукты «для своих», для тех, кто «в теме».

Нередко жаргонная лексика используется в рекламе операторов сотовой связи: *супер, нупер, крутые*:

(9) *Супер ультра мега нупер крутые цены! 45 копеек на все местные номера и SMS. Тариф «Косим цены».*

Обращение к жаргонной лексике обусловлено не только желанием привлечь внимание аудитории, но и стремлением отстроиться от конкурентов, убедить клиентов в том, что данное предложение самое выгодное.

Копирайтеры активно эксплуатируют жаргонную лексику, стремясь привлечь внимание молодой целевой аудитории, сделать продукт «своим», и примеров такого рода очень много. Слоган жевательной резинки “Hubba Bubba” – «*Такая вкусная, такая прикольная!*» – содержит жаргонизм (прикольный – «вызывающий восхищение») для привлечения внимания и убеждения потенциальных покупателей в том, что продукт обладает прекрасным вкусом.

В ориентированной на подростков рекламе магазина («*Стикерсы – приклей приколы*») (<https://www.youtube.com/watch?v=XmwvhRmbQBM>) использованы слова *прикол* и *прокачай*, которые делают сообщение понятным, современным и привлекательным для молодой аудитории.

⁶ Викисловарь. 21.11.2021. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/понтоваться> (дата обращения: 28.11.2024).

Жаргонная лексика достаточно часто используется как инструмент конкурентной борьбы. Так, для высмеивания конкурента используется жаргонное слово *слился* (слиться – «пропасть, исчезнуть»):

(10) *Конкурент слился, а дождевики остались! Дождевик в подарок при покупке латте 0,5 л.*

(11) *Эти клоуны втирают тебе какую-то дичь. Нагетсы 9 за 69 рублей.*

«Важно отметить, что использование жаргонизмов в рекламе требует осторожности. Их целесообразно применять только в рекламе, ориентированной на конкретную целевую аудиторию, и только с определённой целью, например, для усиления выразительности. Введение жаргонизмов в рекламный текст должно быть обоснованным и уместным в каждом конкретном случае, отвечать требованиям этической компетентности рекламиста и целесообразности» [13, с. 33].

Так, например, в рекламе банка слово *очкуешь* выглядит крайне неуместно:

(12) *Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надёжном!*

Несмотря на шуточную привязку слова *очкуешь* («испытывать страх, бояться чего-либо») к визуальному компоненту (изображён мужчина в очках – представитель целевой аудитории), использованная жаргонная языковая единица вызвала негативную реакцию аудитории.

При этом использование жаргонной лексики можно считать самым распространённым случаем обращения к лексике ограниченного употребления. Это связано с тем, что реклама такого типа стремится *быть более понятной целевой аудитории; привлекает внимание; добавляет экспрессивности; создаёт непринуждённую атмосферу.*

Займствования в текстах современной рекламы. С помощью заимствованных слов копирайтеры, как правило, привлекают внимание потребителей к рекламируемому товару, создают впечатление престижности товара или услуги: «Иноязычные слова не столько дают полезную информацию, сколько создают положительный фон» [14, с. 288].

Достаточно часто заимствования входят в состав смешанных названий компаний: *Шашлыкoff*, *Блинkoff* и т. п. Использование суффикса «-off» позволяет, как правило, создать впечатление современности и «международности».

Займствования встречаются не только в смешанных названиях, но и в полных. Например, «*Блэкгрумер.рф*» – сеть салонов в Омске, занимающихся комплексом гигиенических и декоративных процедур по уходу за внешним видом питомца. «Блэк» в переводе с английского обозначает чёрный цвет, а «груминг» – «ухаживание»; иноязычные слова добавляют салону «престижности».

Некоторые заимствования в процессе использования «приобретают» аффиксы, характерные для русского языка, и начинают склоняться. Рассмотрим несколько примеров такого словообразования в рекламе.

В рекламе супермаркета представлена акция, в ходе которой магазин предлагает коллекционировать «стикерсы». Имя существительное *стикерсы* образовано от заимствования «стикер» (от английского слова “sticker”) и склоняется подобно русским словам. В рекламе оператора сотовой связи «Билайн» используется прилагательное *безлимитный*, образованное от заимствования «лимит» и аффиксов «-без» и «-н».

Займствованная лексика часто встречается в рекламе банков. Например, слово *кэшбэк* – одно из самых активно используемых заимствований:

(13) *Встречайте лето и горячее предложение по кредиту наличными! Оформите кредит наличными и получите кэшбэк до 25000 рублей.*

(14) *Кэшбэк 30 % на маркетплейсах.*

Вирусная реклама банка (https://www.youtube.com/watch?v=8OIXJs_gNXQ) в формате джигла «Кэшбэк на всё» стала очень популярна среди молодёжи.

Слово *кэшбэк* переводится с английского языка дословно как «деньги (cash) назад (back)», кэшбэк – это возврат части расходов за покупки, оплаченные картой; данное заимствование, по нашему мнению, используется в рекламе для лаконичности.

Кроме того, в рекламе банков можно встретить такие заимствования, как *стартап* и *джуниор*. Заимствование *стартап* уже активно вошло в повседневную речь и так же, как слово *кэшбэк*, сокращает рекламное сообщение. Использование иноязычной лексики *джуниор* можно объяснить тем, что англицизмы в речи демонстрируют определённую прогрессивность банка.

Таким образом, использование заимствований в рекламном тексте может быть эффективным способом *сделать рекламу более современной, престижной, выразительной и привлекательной для целевой аудитории*. При этом важно использовать заимствованную лексику уместно, чтобы не вызвать непонимание со стороны аудитории.

Устаревшая лексика в текстах современной рекламы. Язык – живой и постоянно меняющийся организм. Самый гибкий его компонент – лексика. Она чутко реагирует на общественные изменения, обогащаясь новыми словами. Названия предметов и явлений, утративших актуальность, постепенно выходят из употребления.

Сферой, наиболее активно использующей устаревшую лексику, в рекламном дискурсе является нейминг – процесс разработки названия для компании, под которым бренд или товар регистрируется и выводится на рынок. Например, компании «Провиант» (устар. то же, что продовольствие) и «Лузинская крыночка» (устар. кувшин для молока), детский парк «Чадоград» (соединение двух устаревших слов: «чадо» – ребёнок и «град» – город); подсолнечное масло «Злато» (устар. то же, что и золото). Использование устаревшей лексики в нейминге усиливает выразительность названия бренда. Устаревшая лексика также помогает компаниям выделиться среди конкурентов, создаёт образ традиционного продукта высокого качества, тем самым привлекая потребителей.

В основном рекламном тексте устаревшая лексика тоже встречается, но гораздо реже. Например, в рекламе банка (https://www.youtube.com/watch?v=H_c02VJrJss) использован историзм *оброк* (устар. при крепостном праве: принудительный натуральный или денежный сбор с крестьян, взимавшийся

помещиком) для создания иронического эффекта. Банк высмеивает своих конкурентов, которые берут «оброк» со своих клиентов.

В рекламе сухариков (https://www.youtube.com/watch?v=X_Ew60nmikw) изображены времена правления Ивана Грозного. В данной рекламе используется множество устаревших слов: *яства* (устар. еда), *купец* (устар. торговец), *темница* (устар. тюрьма), *холоп* (устар. раб). Использование данных элементов обусловлено сюжетом и атмосферой. Такая реклама призвана создать комический эффект и привлечь внимание аудитории.

Кроме того, историзмы и архаизмы могут использоваться в рекламе с целью популяризации российских культурных ценностей.

Таким образом, использование устаревшей лексики в нейминге и в рекламных сообщениях является нестандартным приёмом, нацеленным на привлечение внимания аудитории, создание образа традиционной продукции высокого качества, повышения запоминаемости рекламного сообщения.

Неологизмы в текстах современной рекламы. Неологизмы, или новые слова и выражения, всё чаще используются в текстах современной рекламы для привлечения внимания, создания уникального голоса бренда и передачи новых концепций или идей. Неологизмы могут быть созданы путём объединения существующих слов, добавления новых суффиксов или префиксов или изобретения полностью новых слов.

Неологизмы, как и жаргонизмы, чаще всего используются в рекламе, ориентированной на молодёжь и на детскую аудиторию. В качестве примера рассмотрим рекламу мороженого:

(15) *Пломбир на сливках. Фиолетные хиты от Айс-Групп. Хло-о-пай ресницами и кусай.*

В тексте использован неологизм *фиолетные*, образованный путём объединения слов «фиолетовый» и «летний». Слоган данной рекламной кампании – «*Бывают хиты, про которые говорят «звучат из каждого утюга», а наши Фиолетные Хиты от «Айс-Групп» готовы звучать из каждой морозилки!»*. «Фиолетные Хиты» здесь ассоциируются с музыкальными хитами, которые зани-

мают первые места в топ-чартах. Такое рекламное сообщение убеждает потребителя в том, что мороженое от «Айс-Групп» обладает совершенным вкусом, который понравится каждому.

В рекламе “Skittles” (https://www.youtube.com/watch?v=6QC2L_p_Aos) используется индивидуально-авторский неологизм *скиттлз-трянка*: сложение слов «скитлз» и «ветрянка» (в ролике указано, что данное слово является вымышленным). Слоган данной рекламы – *«Заразись радугой! Поделись радугой! Попробуй радугу на вкус»*. Реклама быстро стала «вирусной», а слово *скиттлз-трянка* закрепилось в сознании потребителей. Грамотное использование неологизмов в рекламе может стать хорошим маркетинговым ходом, поскольку окказионализм привлекает внимание аудитории и надолго остаётся в её памяти.

Ещё один подобный пример – реклама “Snickers”: *«Не тормози – сникерсни»*. Слово *сникерснуть* стало глаголом, означающим «употребить в пищу шоколадный батончик “Snickers”». Использованный окказионализм позволяет сделать вывод, что батончик моментально утолит голод и «активирует» работу мозга.

В рекламе сока (<https://www.youtube.com/watch?v=-vVkpqTvfA>) звучит неологизм *грейпельсин* (сочетание слов «грейпфрут» и «апельсин»). Представленный неологизм «придуман» в рекламе ребёнком и описывает вкус сока в сжатой, шуточной форме.

В слогане “Chupa Chups” – *«Чупсуйтесь вместе!»* – использован неологизм *чупсоваться*: сложение названия товара “Chupa Chups” и сленгового слова «тусоваться». Такой неологизм призван фокусировать внимание потребителя на названии товара, а также указывает на то, что данный продукт для тех, кто ценит вкус и любит веселиться.

Слоган шоколадного молока также содержит неологизм – *«А давайте... зашоколадим!»*. Слово *зашоколадить* можно определить как «наполнить шоколадом». Реклама (<https://www.youtube.com/watch?v=za4EpS7ZN0c>) побуждает потребителей «зашоколадить» молоко или же приобрести представленный товар.

В рекламе сухариков (https://www.youtube.com/watch?v=X_Ew60nmikw) использован неологизм *хрустнота*, образованный от разговорного слова «вкуснота». Неологизм описывает главные свойства рекламируемой продукции: данные сухарики хрустящие и обладают хорошим вкусом, а также делает рекламное сообщение лаконичным и при этом понятным аудитории.

Множество примеров использования неологизмов встречается в рекламе «Бургер Кинг»: *окурительный, наедалово, чиздец*:

(16) *Окурительный чикен фри. Куриное филе. 100 % белое мясо.*

(17) *Похоже на какое-то наедалово. Только сегодня второй Биг Кинг бесплатно.*

(18) *Чиздец! Чизбургер всего за 49 рублей.*

Представленные неологизмы образованы от обценной лексики с целью привлечения внимания целевой аудитории, создания комического эффекта, обеспечения высокой виральности.

Иногда неологизмы могут стать основой рекламного сообщения. Например, в рекламе лекарственного препарата (<https://www.youtube.com/watch?v=HeDlkyfE-Nw>) использован ряд неологизмов: *на-работу-выходин, голова-не-болин, простудоустранин, вирус-победин, сопле-вытерин, болеутолин*. Реклама оператора сотовой связи (<https://www.youtube.com/watch?v=ZKolZEm6avo>) также полностью строится на использовании неологизмов: *сынище, речнища, деревища, чело-вечищи, безлимитище*. Такая языковая игра способствует запоминанию рекламного ролика и формирует представление о рекламном предложении как об очень выгодном.

Кроме того, неологизмы активно используются в ходе рекламных кампаний продуктовых магазинов, целевой аудиторией которых являются дети:

(19) *Скрепьиши 3. Пора скрепьишарить всю ночь!*

(20) *Приколыши (изображены игрушки из новой коллекции).*

(21) *Вайбики. С 27 апреля бесплатно за каждые 700 рублей в чеке. Каждый день – на новом вайбе! Собирай! Цепляй! Удивляй!*

В представленных рекламных сообщениях мы видим следующие неологизмы:

скрепыши, скрепыширить (от слов «скрепка» и «скрепить»), *приколыши* (от жаргонного слова «прикол»), *вайбики* (от английского слова “vibe”, которое уже закрепилось в молодёжном сленге и обозначает «атмосферу вокруг чего-либо»). Все эти неологизмы выполняют функцию привлечения внимания, делают рекламные сообщения уникальными и запоминающимися.

Таким образом, неологизмы чаще всего используют в рекламе, ориентированной на молодёжь и детскую аудиторию. Они призваны *привлекать внимание целевой аудитории, оставаться в её сознании надолго, обеспечивать вирусный эффект и отстройку от конкурентов, формировать лояльную аудиторию потребителей.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал проведённый анализ, лексика ограниченного употребления широко используется в рекламе и выполняет различные функции, такие как:

- 1) привлечение внимания и создание уникального голоса бренда;
- 2) передача ключевых характеристик продукта или услуги;
- 3) создание эмоциональной связи с целевой аудиторией;
- 4) побуждение к действию;
- 5) создание комического эффекта.

При этом можно отметить, что для каждой лексической группы характерны свои специфические функции. Диалектизмы придают рекламе местный колорит и позволяют установить эмоциональную связь с целевой аудиторией, проживающей в определённом регионе. Профессионализмы и термины создают впечатление «экспертности» и надёжности, а также помогают более точно и убедительно донести до потребителя преимущества продукта или услуги. Жаргонизмы позволяют рекламодателям общаться с целевой

аудиторией на её языке, устанавливая доверительные отношения и вызывая чувство принадлежности к определённой социальной группе. Историзмы и архаизмы используются для создания атмосферы прошлого или придания рекламе исторической достоверности, транслируют образ традиционного продукта, качество которого проверено временем. Неологизмы привлекают внимание и вызывают интерес к новому продукту или услуге, формируют лояльность потребительской аудитории.

Использование лексики ограниченного употребления в рекламе подчиняется некоторым закономерностям. Диалектизмы чаще всего используются в рекламе товаров и услуг, связанных с определённым регионом. Профессионализмы и термины широко применяются в рекламе технически сложных продуктов и услуг, а также в рекламе медицинских товаров и услуг. Жаргонизмы характерны для рекламы, ориентированной на молодёжь или представителей определённых социальных групп. Историзмы используются в рекламе товаров и услуг, связанных с историей или традициями. Заимствования делают рекламу более современной и престижной. Неологизмы чаще всего используются в рекламе новых продуктов и услуг, а также товаров, ориентированных на молодёжь и детскую аудиторию.

Наиболее распространёнными типами лексики ограниченного употребления, используемой в рекламе, являются неологизмы и жаргонизмы.

Лексика ограниченного употребления может быть эффективным инструментом для достижения маркетинговых целей, однако её использование должно быть уместным и соответствовать целевой аудитории. Чрезмерное или неуместное использование лексики ограниченного употребления может затруднить понимание рекламного текста и оттолкнуть аудиторию.

Список источников

1. Пядышева Т.Г. Язык рекламы: структурные особенности рекламных текстов // Неофилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 154-162. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162>, <https://elibrary.ru/unphur>

2. Котик О.В. Неологизмы в рекламном тексте (на материале русского и английского языков) // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 79-80. <https://elibrary.ru/kvupxf>
3. Хомутова А.А. Язык и стиль современной рекламы // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2019. № 11. С. 24-27. <https://elibrary.ru/wwiima>
4. Анненкова А.В. Неологизмы в поликодовом тексте имиджевой рекламы: некоторые особенности употребления в контексте медиасферы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. № 13 (4). С. 64-81. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-64-81>, <https://elibrary.ru/tjrvof>
5. Буряк Н.Ю. Язык рекламы как метод психологического воздействия на потребителя в социокультурной коммуникации современного общества // Вестник ИМСИТ. 2021. № 4 (88). С. 59-62. <https://elibrary.ru/gcpzhn>
6. Chauhan G.S. Advertising language: the psychology behind the advertising messages // Language in India. 2006. Vol. 6. № 6. https://www.researchgate.net/publication/352166830_Advertising_Language_The_Psychology_Behind_Advertising_Messages
7. Иванова В.А., Котова А.А. Претесты рекламы: коммуникативная и психологическая эффективность // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 1. С. 305-310. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.77.41.039>, <https://elibrary.ru/zkqajx>
8. Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2-1 (32-1). С. 82-85. <https://elibrary.ru/tycpfj>
9. Дмитрук Л.А. Лексика с севернорусской диалектной базой в русском литературном языке // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 5-11. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11>, <https://elibrary.ru/blyzgx>
10. Полякова О.А. Диалектизмы в рекламных и PR-текстах: особенности, функции и перспективы использования // Русский язык в поликультурном мире: материалы 1 Междунар. симпозиума. Ялта: Ариал, 2017. С. 336-341. <https://elibrary.ru/zdzvov>
11. Полякова О.А. Лексика ограниченного употребления в рекламных и PR-текстах (функциональный аспект) // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2017. № 1. С. 86-95. <https://elibrary.ru/zbmvsb>
12. Углова Н.В. Употребление жаргонных слов в рекламных текстах // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2016. № 1 (11). С. 49-64. <https://elibrary.ru/xchlfl>
13. Галомазова Е.С. Языковая специфика рекламного дискурса // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1. С. 30-33. <https://elibrary.ru/scazub>
14. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.

References

1. Pyadysheva T.G. Advertising language: structural features of advertising texts. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 154-162. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162>, <https://elibrary.ru/unphur>
2. Kotik O.V. Neologisms in advertising text (on the material of Russian and English languages). *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*, 2007, no. 6 (25), pp. 79-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvupxf>
3. Khomutova A.A. Language and style of modern advertising. *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2019, no. 11, pp. 24-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wwiima>
4. Annenkova A.V. Neologisms in polycode text of image advertising: some peculiarities of the use in the context of media sphere. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2023, no. 13 (4), pp. 64-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-64-81>, <https://elibrary.ru/tjrvof>
5. Buryak N.Yu. Advertising language as a method of psychological influence on the consumer in socio-cultural communication of modern society. *Vestnik IMSIT = IMSIT Bulletin*, 2021, no. 4 (88), pp. 59-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gcpzhn>
6. Chauhan G.S. Advertising language: the psychology behind the advertising messages. *Language in India*, 2006, vol. 6, no. 6. https://www.researchgate.net/publication/352166830_Advertising_Language_The_Psychology_Behind_Advertising_Messages

7. Ivanova V.A., Kotova A.A. Advertising pretests: communicative and psychological effectiveness. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ehkonomiki* = *Actual Issues of the Modern Economy*, 2021, no. 1, pp. 305-310. (In Russ.) <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.77.41.039>, <https://elibrary.ru/zkqajx>
8. Zhdanova E.Yu. An advertisement as an object for linguistic research. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Science Vector of Togliatti State University*, 2015, no. 2-1 (32-1), pp. 82-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tycpfj>
9. Dmitruk L.A. Vocabulary with the northern Russian dialect base in the Russian literary language. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 5-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-5-11>, <https://elibrary.ru/blyzgx>
10. Polyakova O.A. Dialectisms in advertising and PR-texts: features, functions and prospects of use. *Materialy I Mezhdunarodnogo simpoziuma "Russkii yazyk v polikul'turnom mire"* = *Proceedings of the 1st International Symposium "Russian Language in a Multicultural World"*. Yalta, Arial Publ., 2017, pp. 336-341. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zdzvov>
11. Polyakova O.A. Lexicon of limited usage in advertising and PR-texts (functional aspect). *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya*, 2017, no. 1, pp. 86-95. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbmvsb>
12. Uglova N.V. Use of slang words in advertising text. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* = *Almanac of Theoretical and Applied Studies of Advertising*, 2016, no. 1 (11), pp. 49-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xchlfl>
13. Gaylomazova E.S. Linguistic specifics of the advertising discourse. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya*, 2015, no. 1, pp. 30-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scazub>
14. Bernadskaya Yu.S. *Text in Advertising*. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Информация об авторе

ТЕРСКИХ Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>, Scopus ID: 57195804163, terskihm@mail.ru

Поступила в редакцию 29.11.2024

Поступила после рецензирования 20.12.2024

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Marina V. Terskikh, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>, Scopus ID: 57195804163, terskihm@mail.ru

Received 29.11.2024

Revised 20.12.2024

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-69-78>

Шифр научной специальности 5.9.6

Фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и его репрезентация в английском языке

Кирилл Андреевич Финаев

ТОГАПОУ «Тамбовский бизнес-колледж»

392001, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Гастелло, 32А

 fin.k.a@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено моделированию фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и его репрезентации в английском языке. Целью исследования является изучение фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и средств его репрезентации в английском языке. Цель достигнута посредством решения следующих задач: 1) определить концептуальную основу бенефактивного события; 2) смоделировать фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ; 3) выявить средства репрезентации бенефактивного события. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Использованы метод концептуально-дефиниционного анализа, метод когнитивного моделирования и контекстуальный анализ. Проведение исследования в рамках когнитивного подхода позволило на основе концептуально-дефиниционного анализа определить концептуальную основу бенефактивного события и смоделировать структуру фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ, включающую такие обязательные компоненты, как бенефактор, бенефактивное действие, объект бенефактивного действия, бенефициар. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что бенефактивное событие в английском языке раскрывается в виде следующих действий общего характера: создание продукта, передача объекта, предоставление услуг, совершение пожертвований. В ходе реализации бенефактором данных действий бенефициар получает выгоду от приобретения определённого материального или нематериального объекта. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Проанализированные примеры свидетельствуют, что наряду с прототипической репрезентацией бенефактивного события значимой является и непрототипическая репрезентация. Средства репрезентации бенефактивного события обобщены в виде таблицы. Перспективой данного исследования является возможность использования полученных результатов при анализе других типов событий и на материале других языков.

Ключевые слова: фрейм, концептуально-дефиниционный анализ, когнитивное моделирование, контекстуальный анализ, бенефактивное событие, бенефактор, бенефициар

Благодарности. Выражаю особую благодарность моему научному руководителю Людмиле Алексеевне Фурс, доктору филологических наук, профессору Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, за значимые замечания и важнейшие советы при проведении исследования и оформлении данной статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: К.А. Финаев – разработка концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, проведение исследования, обработка результатов анализа, составление таблицы, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Финаев К.А. Фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и его репрезентация в английском языке // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 69-78. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-69-78>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-69-78>

OECD 6.02; ASJC 3310

Frame BENEFACTIVE EVENT and its representation in English

Kirill A. Finaev

Tambov Business College

32A Gastello St., Tambov, 392001, Russian Federation

 fin.k.a@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The research focuses on modeling the frame of a BENEFICIAL EVENT and its representation in English. The purpose of the study is to examine the frame of a BENEFICIAL EVENT and the means of its representation in English. The purpose is achieved by solving the following tasks: 1) to determine the conceptual basis of a beneficial event; 2) simulate a frame-ACTIVE EVENT; 3) identify the means of representing a beneficial event. **MATERIALS AND METHODS.** Methods such as conceptual and definitional analysis, cognitive modeling, and contextual analysis are used. Conducting the research within the cognitive approach allowed to, based on conceptual and definitional analyses, determine the conceptual foundation of a beneficial event and create a model of the structure of the frame BENEFICIAL EVENT, which includes mandatory components such as the benefactor, beneficial action, object of the action, and beneficiary. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is established that a beneficial event is disclosed in English through the following general actions: creating a product, transferring an object, providing services, and making donations. When these actions are performed by a non-profit organization, the beneficiary receives a tangible or intangible benefit. **CONCLUSION.** The examples analyzed show that while the prototypical representation of a beneficial event exists, the non-prototypical representation also plays a significant role. The means of expressing a beneficial event have been summarized in the table. The potential of this study lies in the possibility of applying the results to the analysis of other event types and in other languages.

Keywords: frame, conceptual and definitional analysis, cognitive modeling, contextual analysis, beneficial event, benefactor, beneficiary

Acknowledgments. I would like to thank my research supervisor Liudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor of Derzhavin Tambov State University, for valuable advice and comments during carrying out the research and manuscript preparation.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: K.A. Finaev – research concept development, scientific literature collection and analysis, research investigation, analysis results processing, table compiling, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Finaev, K.A. Frame BENEFACTIVE EVENT and its representation in English. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):69-78. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-69-78>

ВВЕДЕНИЕ

Развитие когнитивного подхода к изучению языковых явлений позволяет рассмотреть эти явления с новых позиций. Как указывают учёные, важным для проведения когнитивного анализа является рассмотрение анализируемого объекта с точки зрения «соотношения когнитивных и языковых структур» [1] или установление «когнитивных механизмов», лежащих в основе формирования знания о мире [2]. Другим важным направлением в когнитивной лингвистике является изучение того, как «отражается мир в мозгу человека и как формируются разные типы его ментальной репрезентации» [3]. Е.С. Кубрякова одной из главных задач когнитивной лингвистики видит изучение когнитивной функции языка во всех ее проявлениях [4].

Намеченные направления когнитивного анализа свидетельствуют, что в ходе познавательной деятельности человек формирует структуры знания о разных проявлениях реальной действительности с последующей их репрезентацией средствами языка. Бенефактивное событие является одним из проявлений реального мира. Интерес представляет, как отражается это событие в сознании человека, и какие средства его репрезентации существуют в языке.

Целью исследования является изучение фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и средств его репрезентации в английском языке.

Цель достигается посредством решения следующих задач:

- 1) определить концептуальную основу бенефактивного события;
- 2) смоделировать фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ;
- 3) выявить средства репрезентации бенефактивного события.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили как примеры из авторитетных словарей английского языка, так и онлайн-ресурсы. Для достижения поставленной цели и задач исследования используются метод концептуально-дефиниционного анализа, метод ког-

нитивного моделирования и контекстуальный анализ. На основе концептуально-дефиниционного анализа представляется возможным установить концептуальную основу бенефактивного события. В ходе когнитивного моделирования будет определён фрейм БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и описаны его основные компоненты. Привлечение контекстуального анализа позволит описать средства репрезентации данного фрейма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фрейм определяется как «структура данных для представления стереотипной ситуации» и моделируется в виде «сети, состоящей из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» фрейма чётко определены, поскольку образованы такими понятиями, которые всегда справедливы для представляемой ситуации. На более низких уровнях имеются много особых терминальных линий «ячеек», которые являются факультативными [5].

Согласно Ч. Филмору, фрейм может быть определён как «когерентная структура родственных концептов, которые не представляют взаимосвязанной структуры в ситуации, но без полноценного знания всех невозможно обладать знанием о каждом отдельном концепте; в таком понимании их можно рассматривать как тип гештальта» [6].

Наряду с этим определением важной является также точка зрения Ч. Филлмора на фрейм как «систему набора концептуальных категорий, которые структурируют информацию об определённой сцене» [6]. Эти положения являются исходным посылом в данном исследовании.

Следует отметить также, что в лингвистике предпринимались попытки определения бенефактивного события. Так, в самых общих чертах это событие определяется с акцентом на бенефициаре как участнике, который получает преимущество, не являясь его обязательным участником [7]. Р. Джекендофф описал концептуальную структуру бенефактивного события, разграничив роли бенефактора и бенефициара так: [GO ([Y], FROM [X] [TO] [Z])]. При этом аргумент Y

испытывает изменение владения; аргумент X намеренно и умышленно выступает в качестве инициатора этого действия (бенефактор); аргумент Z становится выгодополучателем или конечной точкой (целью) перехода объекта в его владение (бенефициар) [8]. Предпринятые попытки описания бенефактивного события свидетельствуют об обобщённом характере данного события без конкретизации самого бенефактивного действия. Определение специфики бенефактивного действия диктует необходимость проведения концептуально-дефиниционного анализа ключевых лексем с бенефактивным значением, таких как *a benefactor, to benefit, benefactive, beneficiary, benefaction*:

Benefactor – a person who gives money or other help to a person or an organization such as a school or charity¹; one that gives aid, especially financial aid²; someone who gives money to help an organization, society, or person³;

to benefit – to be useful to somebody or improve their life in some way⁴; To be helpful or useful to⁵;

a benefit – a helpful or good effect, or something intended to help⁶; Smth that promotes well-being⁷; an advantage that something gives you⁸;

benefactive – relating to the person or thing that benefits from the action of the verb, for example ‘for you’ in ‘I bought this for you’⁹;

beneficiary – a person or group that receives money, advantages, fames¹⁰; a person who gains as a result of something¹¹;

benefaction – a gift, usually of money, that is given to a person or an organization in order to do good¹²; something that is given to help an

organization, society, or person¹³; the act of doing good, esp by giving a donation to charity¹⁴.

На основе концептуально-дефиниционного анализа лексем с бенефактивным значением выделяются следующие компоненты смысла, которые составляют структуру фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ.

1. Бенефактор – субъект, дающий финансовое преимущество (someone who gives money to help an organization, society, or person) или приносящий пользу (to be useful to somebody or improve their life in some way).

2. Объект передачи – получаемое преимущество (an advantage that something gives you; gift, usually of money, that is given to a person or an organization in order to do good).

3. Бенефициар – субъект, получающий преимущества (relating to the person or thing that benefits from the action of the verb, for example ‘for you’ in ‘I bought this for you’).

4. Бенефактивное действие – любое действие, приносящее выгоду.

Результаты проведённого анализа дают основание определить бенефактивное событие как ситуацию получения субъектом выгоды вследствие совершения определённого действия или процесса. Характерно, что тип бенефактивного действия интерпретируется на основе глагола. Как указывает Л.А. Фурс, «глагол своей семантикой и валентностной рамкой фиксирует в нерасчленённом виде пропозицию как мыслительный образ денотативной ситуации» [9].

При этом объект передачи, символизирующий выгодоприобретение, может быть как материальным, так и нематериальным.

Рассмотрим конкретные примеры с целью установления средств репрезентации бенефактивного события:

1 – передача материального объекта как результат бенефактивного действия

*When we return from a competition she's always baked a cake for us*¹⁵.

В данном примере бенефактивное событие представлено в виде создания продукта питания в интересах бенефициара.

¹³ Cambridge Dictionary.

¹⁴ Collins English Dictionary.

¹⁵ Ludwig.guru. URL: <https://ludwig.guru> (accessed: 25.12.2024).

¹ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 14.12.2024).

² The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 14.12.2024).

³ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 14.12.2024).

⁴ Oxford Learner's Dictionaries.

⁵ The Free Dictionary.

⁶ Cambridge Dictionary.

⁷ Ibid.

⁸ Oxford Learner's Dictionaries.

⁹ Ibid.

¹⁰ Cambridge Dictionary.

¹¹ Oxford Learner's Dictionaries.

¹² Ibid.

*He donated a site for a Hope School*¹⁶.

В этом случае выгодоприобретателем является школа, которой на безвозмездной основе передаётся участок земли (*a site* – a place where a building, town, etc. was, is or will be located¹⁷).

*She wanted her money to be used for the benefit of poor children*¹⁸.

Здесь выгодоприобретателем являются нуждающиеся дети, в пользу которых передаются денежные средства.

*Make up a younger sister and get the shop assistants to try on tops for you to get an idea of what to buy for your play-play sister's birthday*¹⁹.

Бенефактивное действие в этом случае представлено покупкой необходимых для празднования дня рождения вещей.

*Emma donated books to the community library, making more resources available for children*²⁰.

Бескорыстная передача книг библиотеке для детей выступает ещё одним примером оказания безвозмездной помощи.

*Emma raised funds for a charity that supports homeless families*²¹.

В этом примере бенефактивное действие заключается в сборе средств для благотворительной организации, которая поддерживает бездомные семьи.

Результатом бенефактивного действия может быть и интеллектуальный продукт, представленный в виде материального объекта:

*The Producers Guild of America and the Green Production Guide have been working together to create a guide for companies that want to reduce carbon emissions on set*²².

*...how to write recommendation letters for students*²³.

¹⁶ Exam Word. URL: <https://www.examword.com> (accessed 25.12.2024).

¹⁷ Oxford Learner's Dictionaries.

¹⁸ Cambridge Dictionary.

¹⁹ OpenAI. ChatGPT. URL: www.openai.com/chatgpt (accessed: 02.01.2025).

²⁰ Oxford Learner's Dictionaries.

²¹ Ibid.

²² Ludwig.guru.

²³ Collegeessayguy. URL: <https://www.collegeessayguy.com/blog/how-to-write-a-recommendation-letter> (accessed: 02.01.2025).

*McMahon also created artwork for corporations and businesses*²⁴.

*She convinced a talented artist to paint a mural for the space*²⁵.

Ситуативный контекст данных примеров указывает, что создание руководства по снижению выброса углерода позволяет улучшить окружающую среду, написание рекомендации для студентов увеличивает вероятность получения работы, а изготовление художественного произведения позволяет сделать окружающую атмосферу привлекательной. Отметим, что в последнем случае художественный эффект от бенефактивного действия представлен имплицитно за счёт семантики существительного *mural*²⁶ (a large picture that has been painted on the wall of a room or building). К тому же бенефициар репрезентируется на основе метонимического переноса «место – посетители».

*Soldiers who die for their country have made the supreme sacrifice*²⁷.

Данный пример отражает непрототипическую репрезентацию бенефактивного события. Бенефактивный характер события определяется на основе ситуативного контекста за счёт семантики существительного *sacrifice*²⁸ (the act of giving up something that is valuable to you in order to help someone else). При этом бенефициар представлен метонимически в виде отношения «страна – её народ». За счёт пресуппозиции о том, что жизнь человека как его материальное воплощение является бесценным даром, имплицитно формируется оценочное знание: отдать собственную жизнь в интересах защиты своей страны – это самоотверженный и благородный поступок. Более того, за счёт механизма градуирования подчёркивается степень ценности осуществляемой жертвы, на что указывает семантика прилагательного *supreme*²⁹ (having the highest rank, level, or importance). Отметим,

²⁴ EnglishPedia. URL: <https://englishpedia.net/sentences/a/create-artwork-in-a-sentence> (accessed: 02.01.2025).

²⁵ Ludwig.guru.

²⁶ Cambridge Dictionary.

²⁷ QUIZLET. URL: <https://quizlet.com/vn/675338992/132022-flash-cards/> (accessed: 03.01.2025).

²⁸ Cambridge Dictionary.

²⁹ Ibid.

тим, что оценочный смысл данного высказывания реализуется за счёт процедурного знания (знания «как») (подробнее об этом см.: [10]). В этом процессе задействованы метонимический перенос и механизм градуирования.

2 – передача нематериального объекта как результат бенефактивного действия

В качестве нематериальных объектов бенефактивного действия, как правило, выступает оказание различных услуг и создание выгодных условий. Обратимся к анализу конкретных примеров:

*For funerals and mourning, the neighbors would usually **cook for the family of the dead person for three days***³⁰.

Бенефактором являются соседи, оказывающие услугу, а получающие преимущества – семья скорбящих.

*The inquiry into accusations that the department's motor pool **repaired cars for people who had donated to Mr. Speziale's re-election campaign is continuing***³¹.

В этом примере выгодоприобретателем от оказываемой услуги являются те, кто предварительно внёс пожертвования самой организации, предоставляющей услуги ремонта автомобилей. Характерно, что существительное *people* репрезентирует одновременно и бенефактора, и бенефициара. При этом характер бенефактивного действия разный. В первом случае оказание услуги, а во втором – передача финансовых средств на безвозмездной основе.

*For example, if your date keeps going on about having to care for a sibling or has a broken car, offer **to babysit or repair the car for them***³².

Бенефактивное действие репрезентируется с помощью двух акциональных глаголов *to babysit* и *to repair*. Результатом этого действия является предоставление услуги, бенефициаром которой выступает человек, с которым планируется романтическая встреча (*a date*³³ – a person you have a romantic meeting with).

³⁰ Ludwig.guru.

³¹ Ibid.

³² Kipkis. URL: https://kipkis.com/Survive_a_Bad_Date (accessed: 05.11.2024).

³³ Cambridge Dictionary.

*The government plans to create more jobs for young people*³⁴.

В этом примере бенефактивное событие реализуется через создание дополнительных рабочих мест бенефактором (the government) для бенефициара (young people).

*He's doing five sold-out nights at the Copa, and they wanted me **to open for him**, which is a dream gig*³⁵.

В качестве бенефактивного действия выступает оказание такой услуги, как организация начального этапа концерта, который задаёт вектор успешности всего концерта.

Характерно, что организация различных мероприятий в качестве оказания услуги бенефициару представлена и в следующих примерах:

*I am going to **organize a surprise party for my friend's birthday***³⁶.

*A local acoustic guitarist **hosted a workshop for aspiring musicians***³⁷.

*And someone has to help **arrange transportation for the circus clown and their animal sidekicks***³⁸.

В первом случае бенефактивное событие представлено в виде организации в качестве сюрприза празднования дня рождения для друга, во втором – это организация семинаров для начинающих музыкантов, где обучают основам игры на музыкальных инструментах, в последнем случае – организация транспортировки для работников цирка и их питомцев.

*Of the middle group of States, – New York **gave nine votes for the passage of the bill and four against it***³⁹.

В данном примере активизируется процедурное знание [10], так как некоторые компоненты фрейма бенефактивного события представлены метонимически: бенефактор определяется на основе отношения «город –

³⁴ Oxford Learner's Dictionaries.

³⁵ PlayPhrase.me. URL: <https://www.playphrase.me/#/search?q=to+open+for+him&language=en> (accessed: 01.10.2024).

³⁶ Engnovate. URL: <https://engnovate.com/> (accessed: 04.01.2025).

³⁷ Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/> (accessed: 03.01.2025).

³⁸ Ludwig.guru.

³⁹ Ibid.

Репрезентация бенефактивного события

Таблица 1

Representation of the benefactive event

Table 1

Тип бенефактивного действия	Характер передаваемого объекта	Глаголы, репрезентирующие бенефактивное событие
Создание продукта питания	материальный (cakes)	to bake
Передача на безвозмездной основе	материальный (a site)	to donate
Приобретение товара	материальный (tops)	to buy
Сбор средств	материальный (funds)	to raise
Создание интеллектуального продукта	материальный (a study guide; a recommendation letter; artwork; a mural)	to create, to write, to paint
Совершение жертвы	материальный (a human life)	to die
Оказание услуги	нематериальный (the car repairs; the siblings care; opening a concert; to run errands; to clean the garage); материальный (preparing food; fix the fence; to improve website)	to cook, to repair, to babysit, to open, to fix, to lend, to run, to clean
Создание рабочих мест	нематериальный (the jobs)	to create
Голосование в поддержку партии	нематериальный (the votes)	to give
Волонтерская деятельность	нематериальный (volunteering)	to provide

Источник: составлено автором на основе материалов исследования.
Source: compiled by the author on the basis of research materials.

его делегаты»; бенефициар осмысляется в виде аналогии по смежности «нормативно-правовой акт – его функционирование в интересах жителей Нью-Йорка». Само бенефактивное действие за счёт ситуативного контекста представлено как процесс голосования в поддержку более выгодной стратегии градостроения.

Необходимо подчеркнуть, что бенефактивное действие в виде оказания услуги, как правило, сопровождается указанием на получаемые бенефициаром преимущества:

Mark fixed the broken fence for his neighbor, helping to improve their yard⁴⁰.

Michael lent his expertise for a nonprofit, helping them improve their website for reaching a wider audience⁴¹.

He runs errands for his elderly neighbor to help her stay organized⁴².

Mark cleaned the garage for his mother, giving her more space to store her gardening tools⁴³.

⁴⁰ OpenAI. ChatGPT.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

В этих примерах для наблюдателя важным является акцент на преимуществах бенефактивного действия. Так, ремонт забора позволит визуальнo улучшить двор соседей; волонтерская помощь местной столовой поможет накормить бездомных; доработка веб-сайта способствует более широкому охвату заинтересованной аудитории; выполнение поручений пожилой соседки поможет ей оставаться организованной, а уборка в гараже поможет матери Марка найти больше места для хранения садовых инструментов.

В ходе анализа фактического материала отмечается также и такая особенность в репрезентации результата бенефактивного события, как одновременное указание на передачу нематериального и материального объектов:

*Maria volunteered at the local shelter, providing warm meals for those in need*⁴⁴.

Данное предложение репрезентирует бенефактивное действие дважды – как работа волонтером в местном приюте и как раздача еды нуждающимся.

Проведенный анализ позволяет обобщить полученные результаты в виде табл. 1.

Таким образом, репрезентация бенефактивного события в английском языке сопровождается фокусированием на бенефакторе, совершающем действие в интересах бенефициара в виде создания продукта питания; передачи объекта на безвозмездной основе; приобретения товара; сбора средств в пользу бенефициара; создания рабочих мест; совершения жертвы; оказания услуги; создания интеллектуального продукта; совершения голосования в поддержку интересов партии и волонтерской деятельности. При этом значимым является фактор прототипа, реализация которого, по мнению Л.А. Фурс, создаёт основу для прогнозирования различных ассоциаций [11]. Было установлено, что в случае с непрототипической репрезентацией определённого компонента фрейма формируются оценочные ассоциации. Вместе с тем была выявлена востребованность процедур-

ного знания, представленного метонимическим переносом в репрезентации бенефактора и бенефициара описываемого бенефактивного события, а также механизмом градуирования, усиливающим оценочный фокус наблюдателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования по изучению фрейма БЕНЕФАКТИВНОЕ СОБЫТИЕ и средств его репрезентации в английском языке была определена концептуальная основа бенефактивного события; смоделирована структура фрейма и выявлены средства его репрезентации.

Поставленные цель и задачи исследования были достигнуты с использованием метода концептуально-дефиниционного анализа, метода когнитивного моделирования и контекстуального анализа. На основе концептуально-дефиниционного анализа были установлены обязательные компоненты бенефактивного события. В ходе когнитивного моделирования была определена модель бенефактивной ситуации в виде конкретного бенефактивного действия, осуществляемого бенефактором и направленного на получение выгоды для бенефициара. С опорой на метод контекстуального анализа описаны средства репрезентации данного фрейма. Проанализированный фактический материал свидетельствует, что для наблюдателя значимыми являются как прототипические, так и непрототипические способы репрезентации бенефактивного события. К тому же важным для наблюдателя является и указание на преимущества реализуемого бенефактивного действия. Была установлена также значимость процедурного знания (знания «как») в представлении оценочного фокуса наблюдателя.

Перспективой данного исследования является возможность использования полученных результатов при анализе других типов событий и на материале других языков.

⁴⁴ Ibid.

Список источников

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с. <https://elibrary.ru/tzdoif>
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33. <https://elibrary.ru/sckgrb>
3. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. Москва: Изд-во МГУ, 1982. 336 с. <https://djvu.online/file/DuO8pKNk3oxj1?ysclid=m7307fvjia490035246>
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Яз. славян. культуры, 2004. 556 с. <https://elibrary.ru/suqhip>
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. Москва: Энергия, 1979. 151 с.
6. Fillmore Ch. Frame semantics // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from SICOL-1981*. Seoul, 1982. P. 111-137.
7. Shibatani M., Artawa I K., Ghanggo Ate Y. Benefactive constructions in Western Austronesian: Grammaticalization of Give // *Grammaticalization in Japanese and Across Languages: NINJAL International Symposium*. Tokyo, 2015. 59 p. https://www.researchgate.net/publication/320944229_Shibatani_M_Artawa_I_K_and_Ghanggo_Ate_Y_2015_Benefactive_constructions_in_Western_Austronesian_Grammaticalization_of_Give_Paper_presented_at_NINJAL_International_Symposium_Tokyo_Japan_on_3-5_July_201
8. Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge: MIT Press, 1990. 322 p.
9. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. <https://elibrary.ru/nhyeor>
10. Фурс Л.А. Когниция и когнитивный динамизм // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 3. С. 52-58. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-3-52-58>, <https://elibrary.ru/ityqvq>
11. Фурс Л.А. Вторичность и интерпретативная репрезентация // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. № 1. С. 81-91. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-81-91>, <https://elibrary.ru/zjjiie>

References

1. Boldyrev N.N. *Cognitive Semantics*. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2001, 123 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tzdoif>
2. Demyankov V.Z. Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach. *Voprosy yazykoznaniya*, 1994, no. 4, pp. 17-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sckgrb>
3. Velichkovskii B.M. *Modern Cognitive Psychology*. Moscow, MSU Publ., 1982, 336 p. (In Russ.) <https://djvu.online/file/DuO8pKNk3oxj1?ysclid=m7307fvjia490035246>
4. Kubryakova E.S. *Language and Knowledge: Toward Knowledge of Language: Parts of Speech from A Cognitive Perspective. Viewpoints. The Role of Language in the Knowledge of the World*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2004, 556 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/suqhip>
5. Minskii M. *A Framework for Representing Knowledge*. Moscow, Ehnergiya Publ., 1979, 151 p. (In Russ.)
6. Fillmore Ch. Frame semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul, 1982, pp. 111-137.
7. Shibatani M., Artawa I K., Ghanggo Ate Y. Benefactive constructions in Western Austronesian: Grammaticalization of Give. *Grammaticalization in Japanese and Across Languages: NINJAL International Symposium*. Tokyo, 2015, 59 p. https://www.researchgate.net/publication/320944229_Shibatani_M_Artawa_I_K_and_Ghanggo_Ate_Y_2015_Benefactive_constructions_in_Western_Austronesian_Grammaticalization_of_Give_Paper_presented_at_NINJAL_International_Symposium_Tokyo_Japan_on_3-5_July_201
8. Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge, MIT Press, 1990, 322 p.
9. Furs L.A. *Syntactically represented concepts. Cand. Sci. (Philology) diss. abstr.* Tambov, 2004. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nhyeor>
10. Furs L.A. Cognition and cognitive dynamics. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 52-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-3-52-58>, <https://elibrary.ru/ityqvq>

11. Furs L.A. Secondary functions and interpretative representation. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* = *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 81-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-81-91>, <https://elibrary.ru/zjjiie>

Информация об авторе

ФИНАЕВ Кирилл Андреевич, преподаватель, Тамбовский бизнес-колледж, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-7005-8683>, fin.k.a@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.01.2025

Поступила после рецензирования 21.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Kirill A. Finaev, Lecturer, Tambov Business College, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-7005-8683>, fin.k.a@yandex.ru

Received 11.01.2025

Revised 21.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-79-87>

Шифр научной специальности 5.9.6

Интерпретация медицинской дипломатии в современном английском языке

Алексей Владимирович Туарменский

Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова

390026, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Высоковольная, 9

 tuarmenskiialeksei@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Изучено то, как знания о дипломатии в области здравоохранения отражаются в языке. Актуальность определяется когнитивным подходом, в русле которого рассматривается формирование оценочных структур знания и раскрываются средства их репрезентации. Цель исследования – описать процессы интерпретации знания о дипломатических отношениях в сфере здравоохранения на материале публицистических текстов. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования включает новостные статьи за последние пять лет на английском языке, касающиеся особенностей проведения внешней политики в области медицины. Исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Основными методами исследования являются метод когнитивного моделирования, на основе которого анализируются структуры формируемого оценочного знания, и дискурсивный анализ, направленный на описание ситуативного контекста. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено, что медицинская дипломатия интерпретируется в контексте концептуальных областей ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ЖИВАЯ ПРИРОДА, ПРОСТРАНСТВО. При этом в качестве когнитивных механизмов вторичной интерпретации используются концептуальная метонимия, концептуальная метафора и концептуальное сравнение. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Практическая значимость связана с растущим вниманием в мировой повестке дня к угрозам общественному здоровью, а также широким применением способов манипулирования общественным сознанием в рамках медицинского контекста. Это даёт основание использовать полученные данные в подготовке курсов лекций по манипулятивному стилю общения и, в частности, по воздействию потенциалу языковых средств. Перспектива исследования заключается в возможности применения полученных результатов в изучении интерпретации других способов дипломатии, а также на материале других языков.

Ключевые слова: дипломатические отношения, способы дипломатических отношений, медицинская дипломатия, оценка, концептуальная область, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальное сравнение

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность Людмиле Алексеевне Фурс, доктору филологических наук, профессору, за мудрое научное руководство.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.В. Туарменский – постановка проблемы исследования, сбор и анализ научной литературы, анализ текстов из англоязычных периодических изданий, итоговые выводы, написание черновика рукописи, оформление метаданных и рукописи в соответствии с требованиями журнала, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Туарменский А.В. Интерпретация медицинской дипломатии в современном английском языке // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 79-87. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-79-87>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-79-87>

OECD 6.02; ASJC 3310

Interpretation of medical diplomacy in modern English

Aleksey V. Tuarmenskiy

I.P. Pavlov Ryazan State University
9 Vysokovoltnaya St., Ryazan, 390026, Russian Federation
 tuarmenskiialeksei@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The study explores how knowledge of healthcare diplomacy is reflected in language. The relevance is determined by the cognitive approach in the context of which the development of assessment structures of knowledge and their means of representation are being revealed. The purpose of the study is to describe the processes of healthcare diplomacy knowledge interpretation based on publicistic texts material. **MATERIALS AND METHODS.** The material is news articles in English over the past five years concerning the specifics of medical foreign policy. The research has been carried out within the framework of a cognitive-discursive approach. The main research methods are the method of cognitive modeling, on the basis of which the structures of the formed evaluative knowledge are analyzed, and discursive analysis aimed at describing the situational context. **RESULTS AND DISCUSSION.** It has been revealed that medical diplomacy is interpreted within the context of the conceptual areas of HUMAN BEING, ARTIFACT, WILDLIFE, SPACE. Conceptual metonymy, conceptual metaphor and conceptual comparison are used as cognitive mechanisms of secondary interpretation. **CONCLUSION.** The practical significance is associated with the growing attention on the world agenda to threats to public health, as well as the widespread use of methods of manipulating public consciousness within the medical context. This gives grounds to use the data obtained in lecture courses on manipulative communication style and, in particular, on the influencing potential of language means. The prospects of the research consists in applying the results obtained to the study of the interpretation of other methods of diplomacy, as well as on the material of other languages.

Keywords: diplomatic relations, methods of diplomatic relations, medical diplomacy, assessment, conceptual field, conceptual metaphor, conceptual metonymy, conceptual comparison

Acknowledgments. The author expresses his sincere gratitude to Liudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor, for her wise scientific guidance.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.V. Tuarmenskiy – research problem statement, scientific literature collection and analysis, analysis of texts from English periodical publications, final conclusions, writing – original draft preparation, metadata and manuscript formatting in accordance with journal requirements, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Tuarmenskiy, A.V. Interpretation of medical diplomacy in modern English. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):79-87. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-79-87>

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика выступает как наука, ориентированная на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений. Объектом, таким образом, является их объяснение в тесной связи с познанием мира, восприятием, вниманием, памятью и мышлением [1; 2 и др.]. Аналогичная точка зрения представлена и В.З. Демьянковым, указавшим, что когнитивная лингвистика занимается описанием и объяснением языковых явлений в терминах когнитивных процессов: поиска, хранения, обработки и реорганизации информации [3]. В этой связи интерес для исследования представляет явление интерпретации, понимаемое как установление смысла речевых и неречевых действий [4].

Как указывает Н.Н. Болдырев, интерпретирующая функция присуща языку наряду с когнитивной и коммуникативной. Её суть состоит в опосредовании ключевых познавательных процессов [5–7]. Принято разграничивать первичную и вторичную (оценочную) интерпретацию информации. В центре внимания данного исследования находится вторичная интерпретация, сфокусированная на обработке уже представленных в языке знаний с целью формирования на их основе оценочного знания. Характерно, что в процессах формирования оценочного знания задействованы многомерные мыслительные процессы, включающие не только линейные, но и нелинейные стили мышления. При этом «линейное мышление опирается на процессы рациональной обработки знания, а нелинейное мышление раскрывается в процессах креативной обработки уже усвоенного знания с целью получения интегративного или многоаспектного знания» [8; 9].

Целью является изучение интерпретации знания о дипломатических отношениях в сфере здравоохранения. Ключевым понятием исследования является понятие медицинской дипломатии, которое соотносится с ситуацией международного взаимодействия в системе здравоохранения и рассматривалось на основе концептов HEALTH DIPLOMACY и MEDICAL DIPLOMACY [10; 11]. В отечественном языкознании понятие медицинской

дипломатии используется в практике международных отношений как деятельность по охране здоровья в качестве основы для установления диалога и преодоления дипломатических затруднений [12–14]. Однако интерпретационные процессы, следствием которых является формирование оценочного знания о медицинской дипломатии, не анализировались, что подтверждает актуальность данного исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивного подхода. Заявленный подход позволяет рассмотреть процессы вторичной (оценочной) интерпретации медицинской дипломатии с привлечением знания из разных концептуальных областей наряду с включением в анализ ситуативного контекста.

В когнитивной лингвистике концептуальная область определяется как когнитивный контекст структуры знания, относительно которого осмысливается языковое явление [15]. Такая область выступает фоном для индивидуально-авторской интерпретации различных явлений [16].

Материалом исследования послужили тексты из англоязычных периодических изданий, в том числе The New York Times, National Defense University Press, International Politics and Society и др., а также материалы сайтов общественных и иных организаций, например Armenian National Committee of America и The Council on Hemispheric Affairs.

В качестве основного метода исследования определён метод когнитивного моделирования, с опорой на который выявляются концептуальные метафоры, метонимии и сравнения, задействованные в формировании оценки медицинской дипломатии. Используется также дискурсивный анализ, направленный на описание ситуативного контекста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многогранность знаний о медицинской дипломатии можно представить в виде трёх форм.

1. Консервативной (core) – заключается в официальных переговорах с целью заключения обязательных соглашений.

2. Многосторонней (multistakeholder) – существует в форме отношений между правительственными и другими официальными акторами. Не приводит к подписанию обязывающих соглашений.

3. Неформальной (informal) – объединяет межгосударственные контакты профессионалов в области здравоохранения, чиновников, юридических лиц и представителей общественности [10].

Анализ фактического материала позволил выделить ещё две формы медицинской дипломатии, такие как:

1) на основе инструмента осуществления медицинских процедур:

а. вакцинная дипломатия (vaccine diplomacy) [17];

б. лекарственная дипломатия (medicine diplomacy) [18];

с. масочная дипломатия (mask diplomacy) [19];

2) на основе причины реализации дипломатических усилий:

а. дипломатия по приобретению медицинского оборудования (medical-supplies diplomacy)¹;

б. ковидная дипломатия (COVID diplomacy) [20];

с. простудная дипломатия (flu diplomacy)²;

д. дипломатия по лечению птичьего гриппа (bird flu diplomacy)³.

Проведённый анализ примеров вторичной интерпретации медицинской дипломатии даёт основание выделить четыре концептуальные области, в контексте которых осмысляются различные аспекты медицинской

дипломатии: ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ЖИВАЯ ПРИРОДА, ПРОСТРАНСТВО. Рассмотрим конкретные примеры:

(1) концептуальная область ЧЕЛОВЕК

Концептуальная область HUMAN BEING – это, по существу, система аспектов, на основе которых осмысляется бытие человека [21]. При этом анализируются физическое и психическое состояние человека, его социальный статус, поведение и когнитивные свойства, такие как мышление и речь. Обратимся к анализу конкретных примеров:

But some of China's vaccine-diplomacy efforts have stumbled from supplies arriving late, a lack of disclosure about the efficacy of its vaccines and other issues⁴.

Данный пример репрезентирует метонимический перенос “человек – походка” (*to stumble – to step awkwardly while walking or running and fall or begin to fall⁵*). В результате создаётся ассоциация между человеком, спотыкающимся о препятствие, и дипломатией, терпящей ущерб из-за производственного дефицита и плохой логистики.

We have conducted effective anti-COVID diplomacy and fulfilled the responsibility of a major country⁶.

Характеристикой, репрезентируемой в данном случае, является «результативность действий», что подтверждается семантикой лексемы *effective* (producing the intended results⁴). Сравнение дипломатии с эффективными действиями человека используется для образного описания достижений Китая, сумевшего подтвердить свои амбиции «большой страны», осуществляя для этого результативную дипломатию.

Although Cuban medical diplomacy originates from Guevara and Castro's shared ideol-

¹ Vaccine diplomacy and the US-China rivalry in Africa. 07.11.2020 // Aljazeera: website. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/11/7/africa-vaccine-diplomacy-and-the-us-china-rivalry> (accessed: 11.10.2024).

² Flu Diplomacy in Far East. 05.11.2009 // The Korea Times: website. URL: <https://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsIdx=44694> (accessed: 13.10.2024).

³ The Ambassador's Ten Points // ANCA: website. URL: <https://anca.org/the-ambassadors-ten-points/> (accessed: 13.10.2024).

⁴ The Newest Diplomatic Currency: COVID-19 Vaccines. 11.02.2021 // The New York Times: website. URL: <https://www.nytimes.com/2021/02/11/world/asia/vaccine-diplomacy-india-china.html> (accessed: 13.10.2024).

⁵ CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 13.10.2024).

⁶ China's Diplomacy in 2021: Embracing a Global Vision and Serving the Nation and its People. 20.12.2021 // Ministry of Foreign Affairs of the PPC: official website. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/wjbz/jh/202405/t20240527_11312244.html (accessed: 13.10.2024).

ogy regarding poverty, political circumstances have shaped the country's international development efforts⁷.

Данный пример репрезентирует знание о человеческой способности рождаться, иметь предков, родителей. Это знание является областью-источником для метафорического переноса (*to originate* – to take or have ancestry, parentage⁸). В результате устанавливается ассоциация между сложным процессом зарождения человека и этапами становления медицинской дипломатии на Кубе.

(2) концептуальная область АРТЕФАКТ

Артефакт – это любой предмет, созданный или изменённый человеком [22]. Ключевой репрезентируемой характеристикой артефакта является функциональное назначение объекта [23, с. 121]. Например:

Global health diplomacy will continue to be a crucial tool for U.S. foreign policy⁹.

Beijing views developing or third states as its main allies with health diplomacy as an essential tool to build international coalitions¹⁰.

В первом случае медицинская дипломатия представлена инструментом, способствующим обеспечению национальной безопасности США в период больших вызовов. Во втором случае реализуется концептуальное сравнение, на основе которого медицинская дипломатия сопоставляется с жизненно важным инструментом (*a tool* – a piece of equipment that you use with your hands to make or repair something¹¹). Этот инструмент соз-

даётся и используется странами для своих внешнеполитических программ.

Следующий пример также демонстрирует использование концептуального сравнения:

Health diplomacy serves as a bridge between states and peoples¹².

Сравнение медицинской дипломатии с мостом указывает на ассоциативно представленное знание: как мост соединяет два берега реки, так и дипломатия в области здравоохранения объединяет усилия стран и народов для достижения общих целей.

(3) концептуальная область ЖИВАЯ ПРИРОДА

Концептуальная область WILDLIFE включает знание о животных (*anything that lives and moves¹⁰*), растениях (*living things that grow in earth, in water, or on other plants¹⁰*), а также обо всех живых природных объектах.

This medical-supplies diplomacy is already bearing fruit¹³.

Областью-источником для создания концептуальной метафоры является знание о растении, приносящем плоды. Это знание переносится на дипломатические отношения по приобретению медицинского оборудования. В результате создаётся ассоциация – как дерево даёт плоды в результате правильного ухода, так и правильно организованная дипломатия приносит благоприятные результаты.

Следующий пример представляет интерес с точки зрения описания этапов формирования комплексного знания оценочного характера:

The COVID-19 outbreak causes diplocovimacy as a windfall golden opportunity to release the Government of the French Republic from the yellow vests movement¹⁴.

Тип дипломатических отношений представлен неологизмом *Diplocovimacy*, который выступает как блэнд слов *COVID* и

⁷ Cuban Medical Diplomacy: A Developmental Paradox. 02.05.2017 // Council of Hemispheric Affairs: website. URL: <https://coha.org/cuban-medical-diplomacy-a-developmental-paradox/> (accessed: 13.10.2024).

⁸ MWD – Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/golden%20opportunity> (accessed: 13.10.2024).

⁹ Health Diplomacy: A Powerful Tool in Great Power Competition. 25.10.2022 // NDU Press: website. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3197223/health-diplomacy-a-powerful-tool-in-great-power-competition/> (accessed: 13.10.2024).

¹⁰ IPS. How China uses health diplomacy as a soft power tool. 27.10.2022. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/foreign-and-security-policy/how-china-uses-health-diplomacy-as-a-soft-power-tool-6276/> (accessed: 13.10.2024).

¹¹ CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 13.10.2024).

¹² China's Health Diplomacy Activities During the COVID-19 Pandemic. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/3104764> (accessed: 13.10.2024).

¹³ Vaccine diplomacy and the US-China rivalry in Africa. Aljazeera: website. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/11/7/africa-vaccine-diplomacy-and-the-us-china-rivalry> (accessed: 13.10.2024).

¹⁴ UD – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Diplocovimacy> (accessed: 13.10.2024).

diplomacy, при этом первое видится как морфологическая вставка [24]. Комплексность репрезентируемого в этом примере знания реализуется поэтапно. В рамках концептуального сравнения дважды реализуется аналогия по сходству. Во-первых, ковидная дипломатия оценивается как неожиданно появившаяся возможность для действий французского правительства. В этом случае реализуется сравнение с фруктом, сорванным с дерева внезапным порывом ветра (*windfall – a piece of fruit blown down from a tree*¹⁵). Во-вторых, прилагательное *golden* указывает на ценность объекта, ассоциируемую с драгоценным металлом (*golden – of a high degree of excellence; superb (fig.)*¹⁶). За счёт семантики лексемы *golden* репрезентируется степень значимости появившейся возможности в решении политических вопросов. В ситуативном контексте эта возможность связана со вспышкой заболевания и в этой связи запретом на массовые демонстрации. В результате дважды реализуется метафорический перенос, за счёт чего подчёркивается неожиданность появления прекрасной возможности избавиться от движения жёлтых жилетов.

*Global health diplomacy has become a growing field connecting the urgencies of global health and foreign affairs*¹⁷.

В этом примере областью-источником для метафорического переноса выступает знание о растущем растении, которое увеличивается в размерах по мере роста. Интерпретация медицинской дипломатии в таком ключе позволяет подчеркнуть её непрекращающееся развитие и укрепление в мире.

(4) концептуальная область ПРОСТРАНСТВО

Интерпретация медицинской дипломатии в контексте концептуальной области ПРОСТРАНСТВО опирается на активизацию

знаний, связанных с ориентацией в пространстве: «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «на поверхности – с поверхности», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный» [15, с. 37]. Так, следующий пример демонстрирует пространственные отношения «верх – низ»:

*Vaccine diplomacy has been on the rise worldwide*¹⁸.

Словосочетание *on the rise* подчёркивает направленность вверх и соотносится с увеличением на вертикальной шкале измерений. В результате с помощью этой пространственной метафоры формируется оптимистичная оценка о позитивных достижениях вакцинационной дипломатии.

*Vaccines have had a place in diplomacy since the Cold War era*¹⁹.

Пространственное значение «внутри» указывает на существенную роль такого инструмента осуществления медицинской дипломатии, как вакцинация. Производство вакцин и переговоры по поводу их продажи стали неотъемлемой частью дипломатических отношений.

Таким образом, в процессах интерпретации медицинской дипломатии в английском языке представлены концептуальная метафора, концептуальная метонимия и концептуальное сравнение, отражающие креативность мышления человека, что свидетельствует об активизации нелинейного стиля мышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что вторичная интерпретация медицинской дипломатии в современном английском языке осуществляется в контексте концептуальных областей ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ЖИВАЯ ПРИРОДА и ПРОСТРАНСТВО. Фоновая информация выделенных концептуальных областей способствует созданию разно-

¹⁵ CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 13.10.2024).

¹⁶ MWD – Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/golden%20opportunity> (accessed: 13.10.2024).

¹⁷ Global Health Diplomacy Amid the COVID-19 Pandemic. Tspace: website. URL: <https://utoronto.scholaris.ca/items/69183042-2d28-4b69-b7fa-ac9833d2cfa5> (accessed: 11.10.2024).

¹⁸ Central Europe's "vaccine diplomacy" in Vietnam // CEIAS: website. URL: <https://ceias.eu/central-europes-vaccine-diplomacy-in-vietnam/> (accessed: 12.10.2024).

¹⁹ Vaccine Diplomacy Is Paying Off for China. // Foreign Affairs: website. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-11/vaccine-diplomacy-paying-china> (accessed: 12.10.2024).

сторонней оценки медицинской дипломатии на образной основе. Установлено, что в оценочной интерпретации медицинской дипломатии представлены концептуальная метафора, концептуальная метонимия и концептуальное сравнение. Наиболее частотными являются случаи, в которых областью-источником для метафорического переноса является знание о человеке, артефакте или живой природе. Выявлено, что в контексте концептуальной области ЖИВАЯ ПРИРОДА процесс интерпретации медицинской дипло-

матии осуществляется поэтапно. При этом формируемое оценочное знание характеризуется усложнением его структуры из-за того, что в рамках концептуального сравнения дважды реализуется метафорический перенос, что, в свою очередь, позволяет усилить оценочный потенциал сравнения.

Результаты, достигнутые в работе, могут быть применены для анализа интерпретации других видов профессиональных отношений с привлечением материала разных языков.

Список источников

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Яз. слав. культуры, 2004. 560 с. <https://elibrary.ru/suqhip>
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Изд-во МГУ, 1996. 245 с. <https://elibrary.ru/ogvice>
3. Демьянков В.З. Когнитивный подход к метаязыку современной лингвистики // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 49-50. <https://elibrary.ru/shhyiz>
4. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2 (2). С. 5-13. <https://elibrary.ru/sijpop>
5. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 9-16. <https://elibrary.ru/ndbmwn>
6. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация. Москва: МАКС Пресс, 2017. С. 32-42. <https://elibrary.ru/zqmmwr>
7. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19-79. <https://elibrary.ru/orjoke>
8. Фурс Л.А. Многомерность мышления в формировании оценки // Культура в зеркале языка и литературы: материалы 10 Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 62-68. <https://elibrary.ru/lmpebu>
9. Фурс Л.А. Стили мышления в интерпретации знания // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 92-97. <https://elibrary.ru/faehwv>
10. Katz R., Kornblet S., Arnold G., Lief E., Fischer J.E. Defining health diplomacy: changing demands in the era of Globalization // *Milbank Quarterly*. 2011. № 89 (3). P. 503-523. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0009.2011.00637.x>
11. Gross M.L. Medical diplomacy and the battle for hearts and minds. Oxford: Oxford University Press eBooks, 2021. P. 204-226. <https://doi.org/10.1093/med/9780190694944.003.0011>
12. Арсентьева И.И. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19 // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 5. С. 182-207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>, <https://elibrary.ru/cprwjl>
13. Журавлёва Е.В. Медицинская дипломатия как инструмент политики «мягкой силы» КНР // Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: материалы ежегодной науч. конф. Центра пол. исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2021. С. 224-239. <https://elibrary.ru/vmnvod>
14. Карпович О.Г., Чеснокова А.В. Архитектура глобального здравоохранения под влиянием кризисных потрясений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 1 (39). С. 28-50. <https://elibrary.ru/dlbztu>
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. Москва: УРСС, 2004. 256 с. <https://elibrary.ru/qraadx>

16. Фурс Л.А., Ноблок Н.Л. Когнитивные основы авторских стратегий в англоязычном предвыборном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1 (10). С. 36-41. <https://elibrary.ru/iiqxjf>
17. Hotez P.J. Preventing the next pandemic. Vaccine diplomacy in a time of anti-science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021. 208 p. <https://doi.org/10.56021/9781421440392>
18. Jiangwei L., Daud S. A Bibliometric analysis of health diplomacy research based on VOSviewer and CiteSpace // Journal of Liberty and International Affairs. 2023. № 3. P. 171-197. <https://doi.org/10.47305/JLIA2393157j>
19. Sun Y., Yu B. Mask diplomacy? Understanding China's goals in delivering medical aid in the first wave of the COVID-19 pandemic // Journal of Current Chinese Affairs. 2023. № 52 (3). P. 381-412. <http://dx.doi.org/10.1177/18681026221139499>
20. Foster N. Propaganda gone viral: A theory of Chinese and Russian "COVID diplomacy" in the age of social media // The Russian Federation in global knowledge warfare: Influence operations in Europe and its neighbourhood. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 123-145. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73955-3_7
21. Голубева О.В. Роль интерпретирующей функции в развитии антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (25). С. 58-68. <https://elibrary.ru/ncggrf>
22. Немов П.С. Психологический словарь. Москва: ВЛАДОС, 2007. 560 с. <https://elibrary.ru/qxsrfz>
23. Королёв С.В. Когнитивная основа английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 173 с. <https://elibrary.ru/rddaof>
24. Ivanov A.V., Nikonova Zh.V., Frolova N.Kh., Muratbayeva I.S. Linguistic potential of COVID-19 neologisms in the metaphoric language of socio-political discourse // Communication and the Public. 2023. Vol. 8. № 3. P. 237-253. <http://dx.doi.org/10.1177/20570473231186475>

References

1. Kubryakova E.S. *Language and Knowledge: On the Path of Earning Knowledge About Language: The Cognitive Aspects of Speech. Viewpoints. The role of Language in Cognition of the World*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2004, 560 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/suqhip>
2. Kubryakova E.S. (ed.-in-chief.). *Glossary of Cognitive Terms*. Moscow, MSU Publ., 1996, 245 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogvice>
3. Demyankov V.Z. Cognitive approach to the meta-language of modern linguistics. *Sbornik materialov «Mezhdunarodnyi kongress po kognitivnoi lingvistike» = Collection of Materials "International Congress on Cognitive Linguistics"*. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008, pp. 49-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/shhyiz>
4. Demyankov V.Z. Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Voprosy filologii = Journal of Philology*, 1999, no. 2 (2), pp. 5-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sijpop>
5. Boldyrev N.N. The role of an interpretative function in linguistic category formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 1 (93), pp. 9-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndbmwn>
6. Boldyrev N.N. The interpretive function of cognitive context. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya = Language, Consciousness, Communication*. Moscow, MAKS Press, 2017, pp. 32-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqmmwr>
7. Boldyrev N.N. The interpretive function of secondary structures in the linguistic worldview. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2022, no. 1 (48), pp. 19-79. (In Russ.) <https://elibrary.ru/orjokc>
8. Furs L.A. Multidimensional thinking in the formation of evaluation. *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Kul'tura v zerkale yazyka i literatury» = Proceedings of the 10th International Scientific Conference "Culture in the Mirror of Language and Literature"*. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2022, pp. 62-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lmpebu>
9. Furs L.A. Thinking styles in the interpretation of knowledge. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2023, no. 1 (52), pp. 92-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/faehwv>
10. Katz R., Kornblat S., Arnold G., Lief E., Fischer J.E. Defining health diplomacy: changing demands in the era of Globalization. *Milbank Quarterly*, 2011, no. 89 (3), pp. 503-523. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0009.2011.00637.x>

11. Gross M.L. *Medical diplomacy and the battle for hearts and minds*. Oxford, Oxford University Press eBooks, 2021, pp. 204-226. <https://doi.org/10.1093/med/9780190694944.003.0011>
12. Arsenteva I.I. Transformations of medical and vaccine diplomacies in the COVID-19 era. *Vestnik MGIMO universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 182-207. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>, <https://elibrary.ru/cprwjl>
13. Zhuravleva E.V. Medical diplomacy as a soft power instrument of the PRC. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN «Kommunisticheskii Kitai. Tseli i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK» = Proceeding of the Annual Scientific Conference of the Center of Political Research and Projections "Communist China. Goals and Tasks Dedicated to the Centenary of the CCP"*. Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the RAS, 2021, pp. 224-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vmnvod>
14. Karpovich O.G., Chesnokova A.V. Global health architecture under crisis disturbances. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir = The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 2024, no. 1 (39), pp. 28-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dlbztu>
15. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaphors We Live On*. Moscow, Publishing Group URSS, 2004, 256 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qraadx>
16. Furs L.A., Noblok N.L. The cognitive basis of author's strategies in English discourse of political campaigning. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2007, no. 1 (10), pp. 36-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iiqxjx>
17. Hotez P.J. *Preventing the Next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-Science*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2021, 208 p. <https://doi.org/10.56021/9781421440392>
18. Jiangwei L., Daud S. A bibliometric analysis of health diplomacy research based on VOSviewer and CiteSpace. *Journal of Liberty and International Affairs*, 2023, no. 3, pp. 171-197. (In Russ.) <https://doi.org/10.47305/JLIA2393157j>
19. Sun Y., Yu B. Mask diplomacy? Understanding China's goals in delivering medical aid in the first wave of the COVID-19 pandemic. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2023, no. 52 (3), pp. 381-412. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.1177/18681026221139499>
20. Foster N. Propaganda gone viral: A theory of Chinese and Russian "COVID diplomacy" in the age of social media. *The Russian Federation in Global Knowledge Warfare: Influence Operations in Europe and its Neighbourhood*. Cham, Springer International Publ., 2021, pp. 123-145. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73955-3_7
21. Golubeva O.V. The role of interpretative function in the development of anthroponym-represented conceptual content. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2010, no. 4 (25), pp. 58-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ncggrf>
22. Nemov R.S. *Psychological Glossary*. Moscow, VLADOS, 2007, 560 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qxsrfz>
23. Korolev S.V. *Cognitive basis of English phrasemes with a cohesive conjunction*. *Cand. Sci. (Philology) diss.* Tambov, 2022, 173 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rddaof>
24. Ivanov A.V., Nikonova Zh.V., Frolova N.Kh., Muratbayeva I.S. Linguistic potential of COVID-19 neologisms in the metaphoric language of socio-political discourse. *Communication and the Public*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 237-253. <http://dx.doi.org/10.1177/20570473231186475>

Информация об авторе

ТУАРМЕНСКИЙ Алексей Владимирович, преподаватель кафедры иностранных языков с курсом русского языка, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, г. Рязань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8752-4805>, tuarmenskiialeksei@gmail.com

Поступила в редакцию 21.11.2024

Поступила после доработки и рецензирования 03.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Aleksey V. Tuarmenskiy, Lecturer at the Foreign Languages with Russian Language Course Department, I.P. Pavlov Ryazan State University, Ryazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8752-4805>, tuarmenskiialeksei@gmail.com

Received 21.11.2024

Approved after reviewing and revision 03.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-88-97>

Шифр научной специальности 5.9.1

Специфика диалога с натуральной школой в рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» А.К. Толстого

Сергей Михайлович Пронченко

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

 s.m.pronchenko@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, анализирующих специфику рецепции А.К. Толстым традиций натуральной школы. Цель исследования – обнаружение в ранней прозе писателя приёмов физиологизма, анализ её межтекстовых связей и определение идейно-художественного своеобразия. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования является рассказ А.К. Толстого «Артемий Семёнович Бервенковский» (1845). Применены историко-литературный метод, контекстный, сравнительный и идейно-тематический анализы, описательный метод. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В произведении посредством приёма детализации повествования и развёртывания диалогического конфликта «мечтателя» и «практика» сатирически изображена жизнь провинциального помещика. Обнаружены связи с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и поэмой «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, гимном «Гром победы, раздавайся!..» на стихи Г.Р. Державина и музыку О.А. Козловского. В рассказе А.К. Толстого, как и в «Повести...», воссоздана комически-трагическая атмосфера повествования, применяются приёмы абсурда, гротеска и словесной игры; прослеживается взаимосвязь с семантикой, идущей от жанровых обозначений «Мёртвых душ» как *романа дороги* и *поэмы*, предполагающих, соответственно, рассмотрение типичных явлений русской жизни и философскую рефлексию относительно судьбы России и смысла существования русского помещика. Идейно-художественное своеобразие рассказа заключается в критике системы взглядов и жизненных устремлений главного персонажа. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Полученные результаты могут быть применены в курсе русской литературы XIX века (вторая треть), в спецкурсах, посвящённых изучению творчества А.К. Толстого. Перспективы исследования видятся в дальнейшем изучении диалога писателя с натуральной школой.

Ключевые слова: русская литература 40–60-х гг. XIX века, Алексей Константинович Толстой, ранняя проза, реализм, натуральная школа, специфика рецепции, сатира

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: С.М. Пронченко – разработка концепции исследования, анализ и обработка материала, обзор современных исследований по проблеме, проведение исследования, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, оформление метаанных и статьи в соответствии с требованиями журнала.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пронченко С.М. Специфика диалога с натуральной школой в рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» А.К. Толстого // Нефилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 88-97. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-88-97>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-88-97>

OECD 6.02; ASJC 1208

The specifics of dialogue with the natural school in the story “Artemy Semenovich Bervenkovsky” by A.K. Tolstoy

Sergei M. Pronchenko

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University
14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241036, Russian Federation
 s.m.pronchenko@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the research is due to the lack of works analyzing the specifics of A.K. Tolstoy’s reception of the natural school traditions. The purpose of the research is to discover physiological techniques in the writer’s early prose, analyze its intertextual connections and identify its ideological and artistic originality. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the story by A.K. Tolstoy “Artemy Semenovich Bervenkovsky” (1845). The historical-literary method, contextual, comparative and ideological-thematic analysis, and descriptive method are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** In the work, the life of a provincial landowner is satirically depicted by means of the detailing the narrative technique and developing the dialogic conflict between the “dreamer” and the “practitioner”. Connections have been found with “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich” and the poem “Dead Souls” by N.V. Gogol, the anthem “Let the Thunder of Victory Resound!..” with lyrics by G.R. Derzhavin and music by O.A. Kozlovsky. In A.K. Tolstoy’s story, as in “The Tale...”, the comic-travesty atmosphere of the narrative is recreated, and techniques of the absurd, grotesque and wordplay are used; a connection can be traced with the semantics that comes from the genre designations of “Dead Souls” as a *road novel* and a *poem*, which respectively suggest an examination of typical phenomena of Russian life and a philosophical reflection on the fate of Russia and the meaning of the existence of a Russian landowner. The ideological and artistic originality of the story lies in the criticism of the system of views and life aspirations of the main character. **CONCLUSION.** The obtained results can be applied in the course of Russian literature of the 19th century (second third), in special courses devoted to the study of the A.K. Tolstoy’s works. The prospects of the research are seen in the further study of the writer’s dialogue with the natural school.

Keywords: Russian literature of the 1840s–1860s, Aleksey Konstantinovich Tolstoy, early prose, realism, natural school, specifics of reception, satire

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: S.M. Pronchenko – research concept development, material analysis and processing, review of modern research on the issue, research investigation, conclusions and research results formulation, writing – original draft preparation, metadata and manuscript formatting in accordance with Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Pronchenko, S.M. The specifics of dialogue with the natural school in the story “Artemy Semenovich Bervenkovsky” by A.K. Tolstoy. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):88-97. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-88-97>

ВВЕДЕНИЕ

Поэт, прозаик, драматург, сатирик, переводчик Алексей Константинович Толстой (1817–1875) не принадлежал к натуральной школе. Однако в его раннем творчестве, отразившем влияние историко-литературного процесса 40–60-х гг. XIX века, имеется существенный пример прозаического произведения, созданного в манере физиологического очерка¹. Речь идёт о рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» (1845). Как известно, творческий диалог с традициями школы пережили в своём раннем творчестве и такие выдающиеся художники слова, как Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев, которые, оттолкнувшись от физиологической манеры, продолжили своё литературное развитие, сохранив в нём её отдельные черты. А.К. Толстой также приобрёл личный опыт рецепции поэтики натуральной школы.

Среди значительных трудов последнего времени, посвящённых рассмотрению творчества А.К. Толстого, следует назвать книги А.В. Фёдорова² и В.А. Котельникова [1]. Вопрос о влиянии натуральной школы на раннее творчество А.К. Толстого затрагивается в монографии В.А. Котельникова [1, с. 67–72]. Однако работ, посвящённых подробному анализу содержания толстовских произведений, на которых бы сказалось влияние школы, в современном толстоведении нет. Данная публикация восполняет этот пробел.

Цель исследования – раскрытие специфики рецепции А.К. Толстым поэтики натуральной школы посредством обнаружения в его раннем рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» устойчивых приёмов, характерных для творчества мастеров данного объединения; рассмотрение толстовского рассказа на широком культурном фоне и вы-

явление в нём межтекстовых связей, определение его идейно-художественного своеобразия.

Проблемы, связанные с натуральной школой, занимали таких отечественных исследователей, как В.В. Виноградов, А.Г. Цейтлин, В.И. Кулешов, Ю.В. Манн, В.И. Мельник, В.А. Недзвецкий, О.А. Богданова и др. Эти проблемы и по сей день остаются актуальными и дискуссионными. В изысканиях XXI века поднимаются вопросы зарождения реализма в русской литературе, его содержания и временных границ, специфики его эстетической рефлексии в работах европейских и русских художников, писателей и философов [2; 3]; соотношения реализма с натуральной школой и взглядами её идеолога В.Г. Белинского³, а также с натурализмом [4; 5]; изучается художественное своеобразие «Физиологии Петербурга» (1845)⁴; к анализу привлекаются обнаруживающие традиции физиологизма ранние сочинения И.С. Тургенева [6], В.И. Даля [7], Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского и Ф.М. Решетникова [8; 9], Н.С. Лескова [10], И.А. Бунина [11], а также произведения, отразившие негативное отношение автора к принципам школы [12]; переосмысляются касающиеся места и роли объединения и его представителей в литературном процессе эпохи взгляды Ф.В. Булгарина, С.П. Шевырёва, В.Н. Майкова [13–15].

Натуральная школа, заявившая о себе в 1840-е гг. в русской литературе, хотя и не имела эстетической программы, обнаружила устойчивые черты поэтики, выразившиеся и в прозе (в физиологических очерках, повестях и романах), и в поэзии таких художников слова, как В.И. Даль, Д.В. Григорович, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Панаев, Н.А. Некрасов, Н.П. Огарёв и др. Натураль-

¹ В.И. Мельник по этому поводу отмечал, что, не входя в школу и даже являясь её противником, писатель в своих сочинениях мог совпасть с её принципами. См.: Мельник В.И. Натуральная школа как историко-литературное понятие (к проблеме единства натуральной школы) // Русская литература. 1978. № 1. С. 57.

² Фёдоров А.В. Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. Москва: Русское слово, 2017. 752 с.

³ См. также: Проскурина Ю.М. Натуральная школа в свете эволюции и типологии классического реализма. Екатеринбург: [б. и.], 2004. 122 с.

⁴ Красушкина А.В. Художественное единство «человек – вещь» в сборнике «Физиология Петербурга» (становление поэтики натуральной школы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2008. 22 с.; Семухина И.А. Поэтика времени в альманахе «Физиология Петербурга» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2019. № 5. С. 70–78.

ная школа, утверждённая в литературно-критической мысли В.Г. Белинским⁵, объединила писателей, в произведениях которых сталкивались романтический и практический подходы к жизни, художественно исследовались причины оторванности героев с романтическим мироощущением от реальности, в то же время критиковался и слишком утилитарный взгляд на сферу человеческих чувств, дружбы, творчества. Художники школы, с одной стороны, изображали обыденную, повседневную, непримечательную жизнь как эстетически значимую, имевшую познавательный интерес, с другой – вскрывали причины социальной неустроенности общества в том числе посредством демонстрации неприкрашенного бытия нищеты, прозябающей в подворотнях и углах (линия, идущая от Н.В. Гоголя).

Особенности воссоздания окружающей действительности, стремление анатомировать общество путём изображения отечественных нравов, среды и условий проживания были обусловлены влиянием прежде всего французских «физиологий», появившихся в связи с утверждением в европейской философской мысли позитивизма.

К особенностям поэтики произведений натуральной школы Ю.В. Манн⁶ отнёс создание типов персонажей (в том числе «маленького человека» как «новой личности»⁷) с совмещением в одном собирательном образе черт многих представителей какой-либо профессии, а также типов лиц определённых социальных слоёв и жителей конкретной территории; избрание во многих художественных сочинениях местом изображаемых ситуаций Петербурга и Москвы; описание характерных локальных традиций (к примеру, свадебной и чайной церемоний); развёр-

тывание содержания описываемых ситуаций в горизонтальной (раскрытие биографии персонажа от рождения до кончины) или вертикальной (создание аналитического «разреза» дома с описанием жизни обитателей каждого этажа) проекциях; наличие повторяющихся конфликтов – диалогического, при котором сталкиваются «мечтатель» и «практик»; конфликта, обусловленного мистическими событиями, прошлым трагическим опытом в жизни героев; столкновения, приведшего к мировоззренческому перерождению персонажей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для настоящего изыскания послужил ранний рассказ А.К. Толстого «Артемий Семёнович Бервенковский», впервые напечатанный в петербургском литературном сборнике «Вчера и сегодня», составленном В.А. Соллогубом. В исследовании применялись историко-литературный метод, контекстный, сравнительный и идейно-тематический анализы, описательный метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассказ А.К. Толстого фокусирует внимание читателя на провинциальном помещике, изобретателе-чудаке, обладающем оригинальными привычками для поддержания здоровья (прогулки в саду нагишом, сильное кричание ужасным голосом). Артемий Семёнович всего себя посвятил никому не нужному и не удачному претворению в жизнь собственных замыслов в области механики: водоочистительной машины; вертела, на котором одновременно жарят цыплёнка, сбивают масло и рубят зелень; веялки-органа; рукомошника; дорожного ящика с бритвами; чернильницы; сапогов с флейточками; кофейника; распадающихся на две части при пожаре крыш крестьянских изб; мельницы; лабиринта.

Бервенковский переделал на свой лад целый ряд уже существовавших вещей и сооружений, усложнив их конструкцию: «Ничто в его мельнице не походило на обыкновенную: жернова, вместо того чтобы лежать горизонтально, стояли перпендику-

⁵ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. С. 287-315.

⁶ Манн Ю.В. Натуральная школа: [Русская литература первой половины XIX века] // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 6. Москва: Наука, 1989. С. 386-388, 393-394.

⁷ Богданова О.А. Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и её роль в становлении русского реализма. Москва: Наследие, 1997. С. 19.

лярно; водяное колесо снабжено было каким-то черпательным снарядом, потому что Артемий Семёнович хотел, чтоб оно вместе и мололо, и проводило воду в какой-то отдалённый хутор, который, впрочем, в воде не нуждался»⁸.

«Изобретения» помещика не приносят пользы, они лишь усложняют жизнь и работу не только тем, для кого предназначены, но и самому Бервенковскому, который этого старается не замечать. Специфичность взгляда Артемия Семёновича на собственные «открытия» состоит в том, что он толкует «в свою пользу все неудобства, сопряжённые с его выдумками»⁹.

Комизм в рассказе достигается не только описанием привычек и «творений» помещика, но и его причудливым пониманием правил приличия: Бервенковский выражает уверенность в совместных с гостем-рассказчиком пробежках нагишом и кричании в саду, хватая его за руку и тащит за собой, чтобы продемонстрировать результаты своих эзерсисов по механике, заставляет любоваться своими «находками», удерживая повествователя в течение недели в собственном имении, без согласия рассказчика делает ненужные странные прибавления к его бричке. Перед читателем, таким образом, предстаёт комичный персонаж, изображённый в юмористических ситуациях и отличающийся чертами фанатизма в проводимых им экспериментах по механике.

Об имении Артемия Семёновича, расположенном в двух верстах от дороги, ведущей в Кириллов, сообщается в положительном ключе: «красивый господский дом со многими флигелями и пространным садом»¹⁰, часть его дома убрана «прекраснейшими картинами италийской и фламандской школы»¹¹. Замечательно и село, в котором проживают крестьяне помещика.

Образ Артемия Семёновича складывается из лаконичных авторских характеристик. Рассказчик аттестует Бервенковского как че-

ловека с положительными внешними чертами и качествами: «он был высокого роста, хорошо сложен и глаза имел быстрые и умные»¹², у него было добродушное лицо, его отличали гостеприимство и учтивость, помещик демонстрировал глубокие знания в живописи, говорил о ней как истинный любитель и тут же заключал, что «всё это <...> дрянь в сравнении с механикой!»¹³. Бервенковский отличался весёлым нравом, много читал, знал несколько иностранных языков, «разговор его, когда он не касался механики, был как нельзя более занимателен»¹⁴.

Художественный образ Артемия Семёновича аллюзивен, поскольку в его структуре имеются отсылки к гоголевским персонажам: Ивану Никифоровичу из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) и Манилову из поэмы «Мёртвые души» (1842).

Пикантная черта, роднящая Бервенковского с Иваном Никифоровичем, состоит в том, что оба в отдельных эпизодах предстают перед другими персонажами обнажёнными. Так, во второй главе «Повести...» Иван Никифорович лежит перед вошедшим к нему в комнату Иваном Ивановичем «в натуре, безо всего, даже без рубашки»¹⁵. Артемий Семёнович во время появления гостя-рассказчика в его усадьбе совершает утренний моцион в саду и оказывается перед ним нагишом в парике и башмаках с часами на золотой цепочке. Реакция других персонажей на обнажённость героев в произведениях Гоголя и Толстого следующая: Иван Иванович на извинение Ивана Никифоровича за его столь неподобающий вид произносит: «Ничего»¹⁶. Слуга Бервенковского, поясняя особенности утренних занятий своего барина, демонстрирует гостю-рассказчику внешнюю бесстрастность, чего не скажешь о самом госте, крайне удивлённом поведением помещика и находящем в Артемии Семёновиче признаки сумасшествия.

⁸ Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Правда, 1969. Т. 2. С. 149.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 142.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же. С. 144.

¹³ Там же. С. 146.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Москва: Худож. лит., 1982. С. 381.

¹⁶ Там же.

Такая черта, как *прожестёрство*, обнаруживается у толстовского героя с Маниловым, мечтающем о подземном ходе, идущем от дома, строительстве каменного моста через пруд, на котором бы по обе стороны разместились купцы и продавали мелкие товары для крестьян. «*При этом глаза его [Манилова. – С. П.] делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение...*»¹⁷. Внешность и поведение Артемия Семёновича, забота об усадьбе и крестьянах оцениваются повествователем положительно. О Манилове же говорится: «*В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!” В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Чёрт знает что такое!” – и отойдёшь подальше...*»¹⁸. О Манилове-управляющем сообщается: «*Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою*»¹⁹. Бервенковский – это активный, но тщетный «преобразователь» действительности. У Манилова же в гостиной в продолжение нескольких лет недостаёт шёлковой материи на два кресла, а в кабинете два года лежит книга с закладкой на четырнадцатой странице.

Старый добродушный слуга Артемия Семёновича, наделённый говорящей фамилией *Трепетинский* (трепет – состояние внутреннего волнения, испуга), так же, как и его хозяин, описан в комичном ключе: он не видит ничего странного в том, чтобы заезжий незнакомец погостил недельку в господской усадьбе, бесстрастно рассказывает о причудах хозяина, за исключением его занятий механикой, поэтому является ночью в комнату рассказчика, будит гостя и со слезами умоляет спасти своего господина, помешавшегося на механических опытах.

Для Бервенковского и его слуги характерен разговорный стиль общения, архаичные обороты речи – к примеру, такие обращения к повествователю, как *сударь*, *батюшка*, *почтеннейший*, *братец*, *почтенный друг*, *ми-*

лостивый государь, *отец родной*, *душенька*, *миленький*, свидетельствующие о расположении к незнакомцу. Однако простота помещика и его лакея в общении с гостем граничит с бестактностью.

Лейтмотивным в рассказе является образ вечного двигателя. В качестве *гротескного* он возникает в начале произведения, когда рассказчик, вынужденный остановиться по причине поломки своей брички, замечает «*странное здание, похожее на ветряную мельницу, но необыкновенно сложного механизма*»²⁰, вновь появляется, когда Бервенковский, демонстрируя повествователю множество запylённых неработающих моделей вечного двигателя, расставляет их на столе под ранжир.

Комизмом, основанным в том числе на словесной игре с латинским понятием *perpetuum mobile*, наполнена сцена явления к спящему в своей комнате рассказчику Трепетинского, умоляющего о спасении своего хозяина. Далёкий от науки, неграмотный слуга Бервенковского употребляет вместо термина *перпетуум мобиле* слово *петумебель (-и)*: «*Только уж разорит нас проклятая механика, вижу, что разорит! Особливо эти петумебели, провалиться бы им сквозь землю, прости меня господи! Знаю, батюшка, что грешу, а не могу не ругать этих петумебелей! <...> Виданное ли это дело, сударь, чтоб молодой, богатый барин день и ночь просиживал над этими колёсиками? и какой от них прок? Уж добро бы Артемий Семёнович делал машинки для воды или вертёлы, ну, скажут, страсть, – вот и всё! А то что за петумебели? к чему они? Да уж пусть бы они делали одни маленькие, а то изволили видеть, – на горе стоит, словно мельница ветряная. <...> ...и в селе есть петумебель, и в хуторе петумебель, и везде-везде петумебели!*»²¹. Эта речь, с одной стороны, вызывает улыбку, а с другой – сочувствие и к Бервенковскому, и к его дворецкому, вынужденному наблюдать, как растрачивается жизнь молодого барина.

¹⁷ Гоголь Н.В. Мёртвые души. Москва: Худож. лит., 1976. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. С. 142.

²¹ Там же. С. 147-148.

Повествователю не удаётся отговорить Бервенковского от занятий механикой, и он в один из дней снова демонстрирует гостю разные созданные им перпетуум мобиле. Лишь самой большой модели вечного двигателя, похожей на ветряную мельницу, помещик не показывает, чтобы рассказчик ранее него не воспользовался какой-то его идеей и первым не воплотил её в жизнь.

Образ вечного двигателя, таким образом, символизирует в рассказе недостижимый идеал, несбыточную мечту, к которой стремится Артемий Семёнович.

Восторженное отношение помещика к гостю однажды сменяется кратковременным разочарованием в повествователе, когда последний, принуждённый осматривать новый лабиринт и затем искать из него выход, теряет терпение, решительно, без уважения к лабиринту перескакивает его дорожки и прямо направляется к Бервенковскому. Артемий Семёнович тушется, на его добродушном лице появляется сильная досада. Однако настроение Бервенковского тотчас улучшается, когда он возвращает «отремонтированную» бричку повествователю с ненужными прибавлениями в виде кофейной мельницы и органа. Рассказчик закрывает на это глаза, желая поскорее получить долгожданную свободу. Он «с триумфом» покидает опостылевшего помещика и его усадьбу под доносящийся из органа гимн «Гром победы, раздавайся!..», сочинённый в 1791 г. на слова Г.Р. Державина и музыку О.А. Козловского по случаю взятия русскими войсками крепости Измаил в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, специфика творческого диалога А.К. Толстого с традициями натуральной школы в рассказе «Артемий Семёнович Бервенковский» заключается в следующем.

Посредством приёма детализации повествования писатель сатирически изобразил определённый социальный тип – чудаковатого помещика, мечтателя-прожектёра, прожигателя жизни и её намеренного усложнителя,

находящегося в плену фантазии, оторванного от реальной действительности.

В произведении воплощён один из устойчивых конфликтов школы – столкновение «мечтателя» в лице Бервенковского и «практиков» в лицах повествователя и Трепетинского.

Знаменательно, что в толстовском сочинении обнаруживаются отсылки к гоголевским произведениям, обогащающие представление о его идейно-художественном своеобразии. Атмосфера входящей в сборник «Миргород» «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» комически-травестийная, свидетельствующая о сатирическом изображении Н.В. Гоголем пошлой жизни провинциальных помещиков, что подтверждает и финальная хрестоматийная фраза «*Скучно на этом свете, господа!*»²². Эта атмосфера воссоздана и в рассказе А.К. Толстого посредством применения приёмов гротеска, абсурда и словесной игры. Аллюзия на «Мёртвые души» связана не только с образом Манилова, но и с такими жанровыми определениями гоголевского произведения, как *роман дороги* (повествователь в начале и конце толстовского рассказа оказывается на дороге), а также с таким авторским жанровым обозначением (графически довлеющим на рисунке титульного листа, созданного Н.В. Гоголем, над его именем и названием произведения), как *поэма*, предполагающим в том числе обращение к коренным национальным проблемам – предназначению России и смыслу существования русского помещика.

Рассказ «Артемий Семёнович Бервенковский» соотносится с такой разновидностью физиологического очерка, как *пародийный*, распространённый в литературе Франции XIX века. Стремление в ироничном ключе представить отмирающие, выбивающиеся из общепринятых понятий явления жизни, высмеять их – одна из ярких, органически присущих черт А.К. Толстого и человека, и художника. Вспомним пародирование им уходящей в прошлое готической традиции в русской литературе в повести «Упырь» (1841)

²² Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. С. 419.

или же изобретение с братьями Жемчужниковыми сатирической маски самодовольного и невежественного Козьмы Прутков.

Вероятно, создавая свой ранний рассказ, А.К. Толстой уже тогда внутренне отвергал физиологическую манеру. С течением времени он пришёл к решительному неприятию художественных сочинений поздних представителей натуральной школы, о чём прямо заявил в письме к будущей супруге С.А. Миллер от 8 января 1855 г.: «Что касается до нынешней натуральной школы, это – просто дурной хлам, инвентарий мебели, дурные разговоры» [1, с. 70]. Подспудное отрицание А.К. Толстым манеры физиологического очерка в раннем

творчестве подтверждает и тот факт, что в нём рассказ «Артемий Семёнович Бервенковский» является единственным значимым примером и находится в окружении количественно превосходящих готических сочинений, а также и охотничьих очерков писателя.

Идейно-художественное своеобразие рассказа заключается, таким образом, в критике системы взглядов и жизненных устремлений социального типа провинциального помещика, в моралистической направленности сочинения: «излишний досуг» ведёт к идее fixe, к рвению, достойному лучшего применения, прожиганию жизни, духовному и материальному обнищанию.

Список источников

1. Котельников В.А. Алексей Константинович Толстой в жизни и в литературе. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. 864 с. <https://elibrary.ru/hpcptg>
2. Калугина О.В. Границы реализма: к проблеме терминологии // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4 (101). С. 92-100. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-101-04-92-100>, <https://elibrary.ru/npxxfh>
3. Степанов А.Д. Переходная эпоха в литературе и термин реализм (1840–1850-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 3. С. 497-514. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.306>, <https://elibrary.ru/ilnqgk>
4. Маслова В.А. Натурализм во французской литературе второй половины XIX века: истоки и противоречия // Социология. 2021. № 6. С. 203-210. <https://elibrary.ru/gkjinn>
5. Жучкова А.В. О Белинском и реализме, которого не было // Вопросы литературы. 2023. № 4. С. 164-179. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2023-4-164-179>, <https://elibrary.ru/jvtvbk>
6. Николаев Н.И., Швецова Т.В. И.С. Тургенев в «Петербургском сборнике» (публикации писателя в контексте литературных исканий эпохи) // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 34-44. <https://elibrary.ru/ifurco>
7. Огурцова В.С. Маленький человек в гоголевской традиции Даля // Филология: научные исследования. 2022. № 6. С. 62-70. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.6.38237>, <https://elibrary.ru/xvqlrz>
8. Федотова А.А. Пародия в прозе Н.А. Некрасова 1840-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 28-35. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-29-35>, <https://elibrary.ru/fccdgr>
9. Созина Е.К. «Мизеры с человеческой душой»: модусы изображения в произведениях Ф. Достоевского, Н. Некрасова, Ф. Решетникова // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 1. С. 52-72. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.775>, <https://elibrary.ru/gjumvw>
10. Филимонова Н.Ю. Н.С. Лесков и его предшественники (аспекты сопоставительного изучения народной темы) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 2 (38). С. 46-56. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_2_2_46, <https://elibrary.ru/lcoyt>
11. Зайцев Д.В. Очерк в раннем творчестве И.А. Бунина: литературная генеалогия жанра // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 212-220. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-15>, <https://elibrary.ru/hebnbj>
12. Сильченко Г.В., Вьюшкова И.Г. «Осенние вечера» П.П. Ершова как метапоэтический текст // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. Ст. 40. <https://elibrary.ru/hnxxhlc>
13. Степанова А.С. Физиологические очерки Ф.В. Булгарина и натуральная школа // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 1 (5). С. 2-11. <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2021-1-2-11>, <https://elibrary.ru/xqrcra>

14. Николюкин А.Н. «Бедные люди» на пустынном поле: Шевырёв о Достоевском // Литературоведческий журнал. 2021. № 1 (51). С. 21-27. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.02>, <https://elibrary.ru/dvobqk>
15. Тихомиров В.В. В.Н. Майков и натуральная школа в русской литературе 1840-х гг. // Чужое: моё сокровище! Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2022. С. 137-147. <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-780-2/2022.memory.12>, <https://elibrary.ru/nypnmm>

References

1. Kotelnikov V.A. *Alexey Konstantinovich Tolstoy in Life and Literature*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020, 864 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hpcptg>
2. Kalugina O.V. Boundaries of realism: terminology issues. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 4 (101), pp. 92-100. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-101-04-92-100>, <https://elibrary.ru/npxxfh>
3. Stepanov A.D. The transitional era in literature and the term realism (1840–1850s). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 497-514. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.306>, <https://elibrary.ru/ilnqgk>
4. Maslova V.A. Naturalism in French literature in the second half of the 19th century: origins and contradictions. *Sotsiologiya = Sociology*, 2021, no. 6, pp. 203-210. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gkjinn>
5. Zhuchkova A.V. On Belinsky and realism that never was. *Voprosy Literatury*, 2023, no. 4, pp. 164-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2023-4-164-179>, <https://elibrary.ru/jvtvbk>
6. Nikolaev N.I., Shvetsova T.V. I.S. Turgenev in the Petersburg collection (the writer's publications in the context of the literary pursuit of that era). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 34-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ifurco>
7. Ogurtsova V.S. The little man in the Gogol's tradition of Dahl's story. *Filologiya: nauchnye issledovaniya = Philology: Scientific Researches*, 2022, no. 6, pp. 62-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.6.38237>, <https://elibrary.ru/xvlqrz>
8. Fedotova A.A. Parody in N.A. Nekrasov's prose of the 1840s. *Verkhne-volzhskii filologicheskii vestnik = Verkhnevolzhski Philological Bulletin*, 2020, no. 1 (20), pp. 28-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-29-35>, <https://elibrary.ru/fccdgr>
9. Sozina E.K. The miserable with a human soul: portrayal modes in works by F. Dostoevsky, N. Nekrasov, and F. Reshetnikov. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 52-72. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.775>, <https://elibrary.ru/gjumvw>
10. Filimonova N.Yu. N.S. Leskov and his defenders (aspects of a comparative study of the folk theme). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2022, vol. 2, no. 2 (38), pp. 46-56. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/20767919_2022_2_2_46, <https://elibrary.ru/llcoyt>
11. Zaitsev D.V. The sketch story in the early works of I.A. Bunin: literary genealogy of the genre. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2024, no. 2, pp. 212-220. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-15>, <https://elibrary.ru/hebnbj>
12. Silchenko G.V., Vyushkova I.G. "Autumn evenings" by P.P. Ershov's as a metapoetic text. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, vol. 14, no. 4, Art. 40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hnxhle>
13. Stepanova A.S. "Physiological" essays by Faddei Bulgarin and Russian natural school. *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literature = Professor's Journal. Series: Russian and Literature*, 2021, no. 1 (5), pp. 2-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2021-1-2-11>, <https://elibrary.ru/xqrcra>
14. Nikolyukin A.N. "The poor people" on the waste land: Shevryov about Dostoevsky. *Literaturovedcheskii zhurnal = The Journal of Literary History and Theory*, 2021, no. 1 (51), pp. 21-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.02>, <https://elibrary.ru/dvobqk>
15. Tikhomirov V.V. V.N. Maikov and the natural school in the Russian literature in 1840s. *Someone Else's: My Treasure! Velikii Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ.*, 2022, pp. 137-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-780-2/2022.memory.12>, <https://elibrary.ru/nypnmm>

Информация об авторе

ПРОНЧЕНКО Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>, Scopus ID: 57224587016, Researcher ID: AAC-7055-2020, s.m.pronchenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2024

Поступила после рецензирования 16.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergei M. Pronchenko, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Social, Economic and Humanitarian Disciplines Department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Bryansk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>, Scopus ID: 57224587016, Researcher ID: AAC-7055-2020, s.m.pronchenko@yandex.ru

Received 09.12.2024

Revised 16.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

Шифр научной специальности 5.9.1

Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин)

Священник Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович)

ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

105066, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новая Басманная, 35, стр. 1

 Artemyudakhin@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Историософия составляет важный аспект творчества поэтов Серебряного века, в частности, М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина. Цель исследования – выявить и концептуализировать мессианские мотивы (в их различных проявлениях) в творчестве вышеназванных авторов в контексте российской истории первой четверти XX столетия. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалами исследования послужили стихотворения М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, содержащие историософскую проблематику. В ходе исследования применялись сравнительно-исторический, культурно-исторический и системно-типологический методы анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Выявлено наличие парадигмы русского мессианства в творчестве М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, имеющего свои характерные и оригинальные черты, такие как: антиномия и кенозис, освящённость и мистичность, христоликость, таинственность и таинственность Руси-России, её литургическая и иконическо-диафантическая природа, включённость русского бытия в библейско-мессианское измерение священной истории. Русское мессианство осмысливается названными поэтами как в его исторической, так и метаисторической проекциях. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Выявленные описательные черты Руси-России (русское бытие, русская история, русская природа), представленные в стихотворениях М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина в историософской перспективе, позволяют говорить о присутствии идеи русского мессианства в творчестве вышеназванных поэтов.

Ключевые слова: Серебряный век, историософия, русское мессианство, православие, русское бытие, русская природа, трансценденция

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Юдахин – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, подбор стихотворений поэтов Серебряного века, анализ художественных произведений, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник. Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин) // Нефилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 98-111. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

OECD 6.02; ASJC 1208

Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin)

Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin)

A.S. Griboyedov Moscow University

1 bldg, 35 Novaya Basmanaya St., Moscow, 105066, Russian Federation

 Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. Historiosophy is an important aspect of Silver Age poets' work, in particular, M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin. The purpose of the study is to identify and conceptualize Messianic motifs (in their various manifestations) in the art of the above-mentioned authors in the context of Russian history in the first quarter of the 20th century. **MATERIALS AND METHODS.** The materials are the poems of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin, containing historiographical issues. The comparative-historical, cultural-historical and system-typological methods of analysis are used in the course of the research. **RESULTS AND DISCUSSION.** Russian Messianism paradigm is revealed in the works of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin, which has its own characteristic and original features, such as: antinomy and kenosis, sanctification and mysticism, Christ-likeness, mystery and sacrament of Rus-Russia, its liturgical and iconic-diaphanic nature, inclusiveness of Russian existence into the Biblical-Messianic dimension of sacred history. Russian Messianism is understood by these poets both in its historical and meta-historical projections. **CONCLUSION.** Russian descriptive features (Russian being, Russian history, Russian nature), presented in the poems of M.A. Voloshin, A.A. Blok and S.A. Yesenin in a historiosophical perspective, allow us to speak about the presence of the idea of Russian Messianism in the works of the above-mentioned poets.

Keywords: the Silver Age, historiosophy, Russian Messianism, Orthodoxy, Russian being, Russian nature, transcendence

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Yudakhin – research concept development, scientific literature analysis, selection of poems by Silver Age poets, fiction analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin). Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):98-111. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111>

ВВЕДЕНИЕ

«Русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею – идею спасения человечества <...> они привносят и в мировую историю тот дух messiан-

ства, которым преисполнена их душа»¹ – данное наблюдение позволяет немецкому историософу Вальтеру Шубарту отнести русского человека (как носителя и выразителя русского цивилизационного кода) к архе-

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. Взгляд немца на русскую цивилизацию. Москва, 2023. С. 186-187.

типу «мессиянского человека», стремящегося в согласии с Божественной волей преобразить и освятить мироздание. Кардинал Томаш Шпидлик в своём фундаментальном исследовании «Русская идея: иное видение человека» также постулирует мессиянский характер русской историко-культурной парадигмы, отмечая, что «после народа еврейского именно русскому народу наиболее свойственна мессиянская идея»². Действительно, мысль об особом призвании русского народа, его богоизбранности, красной нитью проходит через всю русскую историю и русскую литературу. Примечательно, что перемена хронологической диспозиции несколько не влияет на базовый, существенный элемент русского национального самосознания: представлению преподобного Нестора Летописца о «Богоприятности» Русской земли³ наследуют как старец Филофей Псковский («Москва – Третий Рим»), так и Ф.М. Достоевский с его концепцией «русского Христа» и русского «народа-богоносца». Русскую мессиянскую идею, таким образом, отличают трансохронологичность и метаисторичность. В контексте отечественной истории мессиянская идея стала не только устойчивым и ведущим мотивом, но также и базовым топосом русской литературы как надвременного метатекста. Одно из интереснейших проявлений и преломлений мотива русского мессиянства фиксируется в поэзии Серебряного века, прежде всего в поэмах и стихотворениях таких значимых поэтов, как М.А. Волошин, А.А. Блок и С.А. Есенин. Смысл русского бытия, трагедию русских революций и Первой мировой войны, крах Российской империи русские поэты-гении переживают и осмысливают по-мессиянски, каждый – в своём ключе, но при этом все вместе – в общей смысловой направленности. Данное исследование преследует цель выявить концептуальный мессиянский пласт в творчестве указанных поэтов, а также определить его характерные черты.

² Шпидли О.Т. Русская идея: иное видение человека. Москва: ДАРЪ; Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2014. С. 192.

³ Боханов А.Н. Русская идея. Москва: Проспект, 2024. С. 53.

Ключевой задачей данного исследования становится компаративистский анализ историсофского поэтического пласта творчества М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина в различных его проекциях (природа, история, метаистория, бытие) на предмет наличия в нём мессиянского мотива, а точнее – идеи русского мессиянства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным материалом исследования послужили стихотворения М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, содержащие историсофский посыл в различных его аспектах. Наряду с развёрнутыми мотивами и сюжетами, в текстах присутствуют также имплицитные, свёрнутые отсылки к константной и ключевой идее всей русской культурной и литературной традиции – русского мессиянства.

Методологической основой исследования послужили сравнительно-исторический и культурно-типологический подходы к анализу текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вера в «особую миссию России» [1, с. 101], в «мессиянское грядущее России» [2, с. 188] является центральным историсофским мотивом творчества М.А. Волошина в 1915–1923 гг. Концептуальный анализ таких стихотворений автора, как «Россия» (1915), «Святая Русь» (1917), «Из бездны» (1917), «Демоны глухонемые» (1917), «Стенькин суд» (1917), «Русь глухонемая» (1918), «Видение Иезекииля» (1918), «Родина» (1918), «Европа» (1918), «Китеж» (1919), «Русская революция» (1919), «Неопалимая купина» (1919), «Гражданская война» (1919), «Дикое поле» (1920), «Северовосток» (1920), «Заклинание» (1920 г.), «Русь гуляющая» (1923), позволяет эксплицировать и восстановить логику историсофской мысли поэта, а также сделать относительно этого несколько обобщающих выводов.

Прежде всего следует оговориться, что мессиянство М.А. Волошина является своеобразной интерпретацией библейского мес-

сианства. Библеизм в целом характерен для позднего творчества автора, причём как на уровне идейно-символических заимствований, так и на уровне «подражания метрике библейской поэзии» [2, с. 185]. Подобно тому, как ветхозаветный Израиль предстаёт в библейском повествовании в качестве «коллективной личности» богоизбранного еврейского народа, так и Россия-Русь М.А. Волошина предстаёт в качестве персонификации народа русского. Подобно тому, как в самом имени «Израиль» заложена «опасная» возможность двойного истолкования (Быт. 32:28⁴), духовная история России содержит в себе полярные антиномические начала, отражённые М.А. Волошиным в целом ряде ярких эпитетов: святая Русь, юродивая Русь, праведная Русь, Русь – Третий Рим / окаянная Русь, глухонемая Русь, грешная Русь, Русь гуляющая, хмельная и пр. В данном случае библейская проекция реализуется поэтом в констатации двуединой сущности России как Нового Израиля: «греховность России неискоренима, как безусловна и её святость» [3, с. 35]. Ветхозаветная сюжетика прямо воплощена М.А. Волошиным в стихотворениях «Видение Иезекииля» и «Неопалимая купина». В первом поднимается тема Божьего возмездия Израилю за неверность и предательство любви. Пророк Осия (VIII век до Р. Х.) первым из библейских авторов использует супружескую метафору для обозначения взаимоотношений Бога и избранного народа. А. Мелло поясняет, что использование данной аналогии проистекало из необходимости «подтвердить «любовь» Мужа (ср. Иер. 31:3. Ис. 54,8), которая «вечна», несмотря на повторяющиеся измены жены <...> это история любви, о которой мы до конца не знаем, чем она закончится»⁵. Соответственно, наказание супруге-изменнице проистекает как раз из неизменной и ревливой любви к ней:

В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,

⁴ «И сказал [ему]: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь».

⁵ Мелло А. Страсти пророков. Темы пророческой духовности. Москва: Изд-во ББИ, 2016. С. 149.

Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревливой –
Так говорю тебе Я – твой Господь!

М.А. Волошин. Видение Иезекииля (1918)

Россия также предстаёт в сознании М.А. Волошина невестой Господней, нарушившей супружеские обеты и потому претерпевающей страдания в общенациональном масштабе (Первая мировая война, Революция 1917 г., Гражданская война). Однако никакие беды и трагедии неспособны одолеть и уничтожить Россию – так же, как и ветхозаветный Израиль даже в самых неблагоприятных для него условиях оказывался непобедимым при помощи Господа Саваофа (см. Ис. 37). Россия сохраняет в себе мощный и неисчерпаемый заряд витальности и даже эternальности, даруемый Божией благодатью:

Мы погибам, не умирая,
Дух обнажаем до дна...
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая купина!

М.А. Волошин. Неопалимая купина (1919)

Тема страданий является ключевой для историософской поэтики М.А. Волошина и необходимым образом отсылает читателя к новозаветной концепции кенозиса Христа. «Богоприятность» и богоизбранность русской земли проистекают из её перманентной готовности к самоопустошению, смиренному кенозису по образу Христа Спасителя. Кенотический аспект России поэт акцентирует особо:

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной –
Верной своей судьбе.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей

М.А. Волошин. Россия (1915)

И ты лежишь в крови, – нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем

М.А. Волошин. Родина (1918)

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами –
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идём по ледяным пустыням –
Не дойдём... и в снежной выюге сгинем
Иль найдём поруганным наш храм –
Нам ли весить замысел Господний,
Всё поймём, всё вынесем любя –
Жгучий ветер полярной Преисподней –
Божий Бич! – приветствую тебя!

М.А. Волошин. Северовосток (1920)

Самоумаление России доходит до мыслимого предела – Русь, призывающая на себя беды и горести, становится юродивой, в своём иррациональном и аморальном поведении обличающей разумность, мерность и мнимую демонстративную нравственность остальных народов:

И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.
Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

М.А. Волошин. Святая Русь (1917)

Предел страданий, переживаемый исторической Россией, становится для неё окном к трансцендентному: «реальность бездны порождает волю к вере»⁶. Именно в трагической глубине страданий русский народ соприкасается с Богом и опознаёт присутствие Его любви, поскольку жизненные страдания являются теми испытаниями, «в которых открывается любовь Божия к нам, и мы не можем её познать иначе, как только через страдания»⁷. Страдания исправляют и наставляют, но, главное, духовно очищают страдальца. Именно в опустошённости России, а значит и её диафаничности, заключён залог освящения и спасения. Митрополит Антоний Сурожский делает особый акцент на этой

⁶ Герцк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мёртвого дома» до «Братьев Карамазовых». Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. С. 30.

⁷ Мелло А. Божья любовь в псалмах. Москва: Изд-во ББИ, 2014. С. 82.

прозрачности творения для Бога: жизненная задача христианина заключается в том, чтобы «постепенно так очиститься, чтобы стать, как хрусталь, чистым, чтобы через человека лился Божественный свет беспрепятственно и благодаря ограниченности его светил бы во все стороны и изливался на все твари вокруг»⁸. Мотив освещённости/освящённости Руси-России также очень важен для поэтики М.А. Волошина:

Люблю тебя побеждённой,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветлённой
Всей красотой земли

М.А. Волошин. Россия (1915)

Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны – со дна паденья
Благословляю цветенье
Твоё – всестрастной свет!

М.А. Волошин. Из бездны (1917)

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

М.А. Волошин. Русь гулящая (1923)

Мотив просветлённости Русской земли и её кенотического «рабьего лика» отсылает читателя к знаменитому, ставшему ключевым для русской культуры стихотворению Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья», опубликованному в 1857 г. Это сравнение неслучайно, поскольку исследователи уже давно установили наличие идейной близости М.А. Волошина к Ф.И. Тютчеву и славянофилам в понимании всемирной миссии России [4, с. 71]. Однако примечательна в данном случае не аллюзия на тютчевское стихотворение, а его творческое переосмысление и историософская модификация. Кенотическое свойство Христа Спасителя («рабский вид»), освящающего Своим таинственным присутствием Русь, переносится М.А. Волошиным на саму Россию, «смирненную и бедную», об-

⁸ Митрополит Сурожский Антоний (Блум). Беседы о вере и Церкви. О Церкви // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/besedy-o-vere-i-tserkvi/ (дата обращения: 03.11.2024).

ретающую свой особый и неповторимый «рабий лик». Как было сказано выше, именно в опустошении и самоумалении России проявляется её христологичность, её таинственная просветлённость божественным светом. В данном случае таинственность России становится таинственностью, – неслучайно М.А. Волошин, признавая мистическую основу её природы («верю замыслам предвечным»), сознательно употребляет литургическое понятие, отсылающее к Таинству Евхаристии:

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

М.А. Волошин. Россия (1915)

Каково же историческое предназначение России и в чём заключается суть её мессианского призвания? С одной стороны, в исторической проекции Россия призвана:

Изжить последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Её погибельные тропы

М.А. Волошин. Русская революция (1919)

В XIX–XX веках «смерть Бога», имморализм и, как следствие, кризис гуманизма поразили сознание европейского человечества, находившегося в авангарде Модерна. Россия, с точки зрения М.А. Волошина, своим своим бытием была призвана выстрадать и тем самым искупить, спасти европейскую культуру от неё самой. В этой кенотической самоотдаче и проявляется с наибольшей очевидностью историческое призвание Руси-России:

Пойми великое предназначенье
Славянством затаённого огня:
В нём брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его – всемирное служенье.

М.А. Волошин. Европа (1918)

Приведённые строки являются прямой отсылкой к Ф.М. Достоевскому с его концепцией «всемирной отзывчивости» русского человека, заявленной в знаменитой «Пушкинской речи» в 1880 г. Наивысшая форма служения России миру заключается, однако, не в исторической плоскости, а в метаисторической. Россия по Волошину является точкой соприкосновения Неба и Земли, Бога и человека. Русская земля являет собой пространство-экстазис, метафизический выход к «мирам иным»:

Мечтой врачует мир Россия –
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

М.А. Волошин. Русская революция (1919)

Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землею иступлений –
Землёй, взыскующей любви.

М.А. Волошин. Китеж (1919)

Внутри библейской парадигмы мыслит и творит современник М.А. Волошина – поэт А.А. Блок. Н.С. Кондаков отмечает, что, начиная с 1902 г., А.А. Блок, осмысливая в своих произведениях мир, «обращается всё чаще и чаще к библейским картинам» [5]. Однако и до этого А.А. Блок активно обращается к библейским текстам. О.А. Пороль заключает, что «основные образы и мотивы лирики А.А. Блока восходят к книгам Ветхого и Нового Заветов» [6, с. 67]. В связи с этим для А.А. Блока, как и для М.А. Волошина, характерна мессианская оптика восприятия России и русского бытия, поэт «остро чувствует своё мессианство по отношению к Родине» [7, с. 77]. С.М. Городецкий особо выделяет мессианский мотив в качестве ключевого в эволюции творчества А.А. Блока: «Мессианство в России, высокая предназначённость её народа и жажда найти и утвердить свою личную близость с народной стихией – вот дорога, на которую выходил Блок из эстетики»⁹. Историософия русского бытия раскрывается А.А. Блоком в следующем цикле стихотво-

⁹ Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Печать и Революция. 1992. № 1. С. 75-82.

рений и поэм: «Осенняя воля» (1905), «Русь» (1906), «Россия» (1908), «На поле Куликовом» (1908), «Новая Америка» (1913), «Грешить бесстыдно, непробудно» (1914), «Двенадцать» (1918), «Скифы» (1918).

Восприятие Руси-России А.А. Блоком антиномично: Русь пьяная и святотатственная, нищая Россия, соприсутствует таинственной и таинственной России:

Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
А.А. Блок. Осенняя воля (1905)

Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.
А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.
*А.А. Блок. Грешить бесстыдно,
непробудно (1914)*

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь.
А.А. Блок. Русь (1906)

Россия предстаёт в творчестве А.А. Блока не только как объект созерцания, но и как субъект диалога, она персонифицируется и становится живой собеседницей и даже символической «невестой» и «супругой» поэта (библейская метафора):

Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
А.А. Блок. Новая Америка (1913)

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
А.А. Блок. На поле Куликовом (1908)

Так же, как и ветхозаветный Израиль, Россия, эта мистическая невеста Божия, вновь и вновь совершает грех отступничества.

В стихотворении «Россия» А.А. Блок обозначает те два полюса, к которым попеременно тяготеет русское бытие: Крест и чародей-асмодей (дьявол):

Твои мне песни ветровые, –
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несусь...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...
А.А. Блок. Россия (1908)

Л.Л. Дроботова и Т.В. Лыкова, проведя лингвистическо-семантический анализа текста стихотворения, утверждают, что А.А. Блок верит в победу России над пленяющими её тёмными силами: «афористично ёмкое сопоставление в антиномичной оппозиции единичности, мизерности, с одной стороны, и неисчислимого множества одна слеза – река – с другой, выражает силу России, её могучесть, крепость не только в вере, но и в своей огромности, великости, бесконечности» [7, с. 78].

Бесконечность России простирается как на временное, так и на пространственные измерения. Россия как бы оказывается вне времени и пространства, она им не подвластна и даже довлеет над ними. В стихотворениях «Я стремлюсь к роскошной воле, мчусь к прекрасной стороне» (1898) и «Россия» присутствуют следующие строки:

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василёк,

Вечно шелест лёгкий слышно:
Колос клонит... Путь далёк!

*А.А. Блок. Я стремлюсь
к роскошной воле... (1898)*

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колёи...

А.А. Блок. Россия (1908)

Внутренний динамизм образа движения первого четверостишья наряду с эмоционально окрашенным восклицанием «Путь далёк!» во втором образуют кольцевую композицию стихотворения, транслирующую «ощущение незамкнутости пространства, его безграничности» [8, с. 79]. В начальных же строках «России» впечатляет сознательное предусмотренное А.А. Блоком «отсутствие темпоральной детерминации» [7, с. 76]. В этих аспектах заключена одна из тайн России (как в её положительной, так и в отрицательной коннотациях) – её сверхвременное и сверхпространственное онтологическое состояние. В этом проявляется один из мистических аспектов бытия России, в которой:

И невозможное возможно...

А.А. Блок. Россия (1908)

Октябрьскую революцию 1917 г. А.А. Блок встречает с энтузиазмом. В его Дневнике встречаем следующую заметку: «Революция – это я – не один, а мы»¹⁰. Постепенно это очарование проходит, однако именно в революционный период А.А. Блок пишет два своих самых знаменитых стихотворения – «Двенадцать» и «Скифы». Не вдаваясь в подробности дискуссий относительно того, кто же на самом деле изображён Блоком в финале поэмы «Двенадцать» – Христос или Антихрист (обе точки зрения имеют свои аргументы), отметим лишь, что при любой интерпретации образа налицо обращение поэта к мессианскому дискурсу, как бы его в данном случае не именовали – «красным» [9,

¹⁰ Блок А.А. Дневник. Москва: Сов. Россия, 1989. С. 269.

р. 30] или же «мужицким»¹¹. Его историко-софская позиция по отношению к Революции и Гражданской войне была следующей: «за потоками крови, за горами развалин он провидел мессианскую Россию, не свою интеллигентскую, рассудочную, а чуждую ему народную Россию, «музыкальную», полную стихийных сил»¹².

В «Скифах» А.А. Блок высказывает свою позицию относительно исторического и геополитического призвания России – сдерживание «азиатских орд» от наступления на Запад. Б.В. Межуев констатирует, что А.А. Блок «предлагает расколотой на враждующие лагеря Европе прекратить братоубийственную войну, а в случае неисполнения этого призыва грозит – от имени русских-«скифов» – отказом от всякого участия в войне двух рас» [10, с. 198]:

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!
А.А. Блок. Скифы (1918)

Образ Руси-России, представленной в «Скифах», диссонируя с реальным геополитическим положением Родины (ослабление, потеря территорий и выход из Войны в состоянии фактического поражения), внушает или же должен внушать то чувство, которое Р. Отто обозначил как *mysterium tremendum et fascinans*. Россия символически отождествляется с персонажем древнегреческой трагедии «Царь Эдип» Сфинксом:

¹¹ Минский Н.М. От Данте к Блоку. Берлин: Мысль, 1922. 54 с.

¹² Там же.

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..
А.А. Блок. Скифы (1918)

Тот, кто не способен совладать со Сфинксом, разгадать его «древнюю загадку» – тайну русского бытия – тот обречён на неминуемую смерть. Этот контекстуальный посыл смыкается с волошинскими строками из «Неопалимой купины», обращёнными к врагам России, вторгнувшимся в её пределы (здесь возникает образ России заклётой):

Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение – смерть.
М.А. Волошин. Неопалимая купина (1919)

Если в стихах М.А. Волошина и А.А. Блока действительно чувствуется страх и трепет перед мистической Россией, то в стихах С.А. Есенина Русь-Россия предстаёт несколько в ином плане. Она также пронизана благодатью, исполнена присутствием Иного, однако в стихах С.А. Есенина это присутствие овеяно тем, что на языке православной аскетики именуется «радостопечалием» – духовным умилением, совмещающим плач о совершенных грехах (и пережитых бедах) и радость (в надежде) о грядущем спасении. Это «радостопечалие» – мессианское, с есенинским оттенком «нежности грустной русской души» («Низкий дом с голубыми ставнями...» [1924]). Ниже мы рассмотрим цикл стихотворений С.А. Есенина, отмеченных историческим содержанием: «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914), «Топи да болота...» (1914), «Край ты мой заброшенный...» (1914), «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), «Русь» (1914), «Осень» (1914), «Занеслись залётною птишкой» (1915), «Руси» (1915), «Чую Радуну Божью...» (1915), «Запели тёсанные дроги...» (1916), «О родина!» (1917), «О Русь, взмахни крылами...» (1917), «Октоих» (1917), «Пришествие» (1917), «Преображение» (1917), «Я покинул родимый дом...» (1918), «Иорданская голубица» (1918), «Хулиган» (1919), «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (1922), «Низкий дом с

голубыми ставнями...» (1924), «Русь бесприютная» (1924).

Для С.А. Есенина, так же, как для М.А. Волошина и А.А. Блока, характерен акцентированный библеизм. М.А. Соловьёва делает следующее наблюдение: «Библия входит в художественную ткань поэзии Есенина в виде цитат, названий, сюжетов и мотивов, репрезентируется в синтаксическом строе и ритмике стиха» [11, с. 433]. Вместе с тем поэтический язык С.А. Есенина, и это отличает поэта от двух вышеназванных авторов, преисполнен православной богослужебной лексикой и терминологией. Иеротопическое восприятие Русской земли в творчестве С.А. Есенина достигает своего апогея – вся она воспринимается поэтом сквозь церковно-литургическую призму, причём этот мотив не однократен, но звучит в качестве постоянного рефрена:

И вызванивают в чётки
Ивы – кроткие монашки.
*С.А. Есенин. Край любимый!
Сердцу снятся... (1914)*

Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.
*С.А. Есенин. Край ты
мой заброшенный... (1914)*

Под соломой-ризой
Выструги стропил
*С.А. Есенин. Край ты
мой заброшенный... (1914)*

Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем
С.А. Есенин. Запели тёсанные дроги... (1916)

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
С.А. Есенин. Осень (1914)

Родина, чёрная монашка,
Читает псалмы по сынам.
*С.А. Есенин. Занеслись залётною
птишкой (1915)*

«Одухотворённое состояние природы» [12] требует особого «одухотворённого» литургического языка, как языка анафориче-

ского, возносящего описываемую реальность «горе» к Богу. Однако литургический язык и образы служат лишь смысловым мостиком к следующему пласту – евангельскому. Русь-Россия становится в творчестве С.А. Есенина непосредственной соучастницей библейской жизни, пространственно причастной к священной истории:

Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.
С.А. Есенин. Чую Радунцу Божью... (1915)

Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвующих.
С.А. Есенин. Руси (1915)

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несёт свой крест.
С.А. Есенин. Пришествие (1917)

С стадом буланных коней.
С лудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.
И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.
С.А. Есенин. Иорданская голубица (1918)

Русь, и в этом С.А. Есенин дерзче и дерзновеннее М.А. Волошина, прямо отождествляется с Приснодевой, тем самым её сакрализация достигает предела:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звёздного чрева
Сошла ты на твердь.
С.А. Есенин. Пришествие (1917)

Вовсе не случайно поэтому исследователи творчества С.А. Есенина обращают внимание на то, что Родина для него является

«объектом поклонения, выступает землёй обетованной» [13, с. 90] и именно поэтому представляет собой «наивысшую ценность и часто является мерилем других ценностей» [13, с. 92]. Богородичная тема (О том, как Богородица, накинув синий плат...) соприкасается с цветовой палитрой поэтики С.А. Есенина: Русь ассоциируется и выражается, прежде всего, через сине-голубой цвет:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.
С.А. Есенин. Гой ты, Русь, моя родная... (1914)

Топа да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.
С.А. Есенин. Топа да болота... (1914)

Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.
С.А. Есенин. Русь (1914)

О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
С.А. Есенин. Запели тёсанные дороги... (1916)

Брожу по синим селам,
Такая благодать,
С.А. Есенин. О родина! (1917)

По голубой долине,
Меж тёлочек и коров,
С.А. Есенин. О Русь, взмахни крылами... (1917)

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
С.А. Есенин. Я покинул родимый дом... (1918)

Я люблю, когда синие чащи,
С.А. Есенин. Хулиган (1919)

Май мой синий! Июнь голубой!
С.А. Есенин. Снова пьют здесь, дерутся и плачут... (1922)

Низкий дом с голубыми ставнями
С.А. Есенин. Низкий дом с голубыми ставнями... (1924)

Как видно, сине-голубой цвет переносится С.А. Есениным с «бытового на бытийный план» [12, с. 109]: от описания домов, времени года и природы поэт переходит к онтологическому плану. Синий и голубые цвета в православной иконографии имеют вполне конкретное смысловое наполнение. Современник С.А. Есенина, священник Павел Флоренский в фундаментальном труде «Столп и утверждение Истины» пишет: «голубизна, как известно, символизирует воздух, небо и, отсюда, – присутствие Божества в мире чрез его творчество, чрез его силы»¹³. При этом, если, как отмечает князь Е.Н. Трубецкой, древнерусский иконописец пользовался цветовой палитрой «для отделения неба, запредельного от нашего, поюстороннего, здешнего плана существования»¹⁴, то С.А. Есенин проделывает совершенно обратное – воссоединяет два плана бытия, утверждая на «голубой Руси» онтологическую перихорезу между ними.

При этом для С.А. Есенина, так же, как и для М.А. Волошина и А.А. Блока, характерно кенотическое и антиномичное восприятие реальности русского бытия, далёкое от идеализации и романтизации. Русь-Россия одновременно и «родина кроткая» («Русь») и «покойный уголок» («Руси»), в котором, однако, таится бесшабашная и страшная сила:

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про Чека.

<...>

Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.

¹³ Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. XXIV. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета (к стр. 375) // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/24 (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁴ Трубецкой Е.Н., проф. Умозрение в красках. II. Два мира в Древнерусской иконописи. Ч. I. // Азбука веры: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/umozrenie-v-kraskah/2 (дата обращения: 03.11.2024).

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

С.А. Есенин. Снова пьют здесь,
дерутся и плачут... (1922)

Телица-Русь, воспрянувшая Русь, Русь
отчалившая и деревянная Русь, Русь беспри-
ютная и даже Рассея – всё это ипостаси и ли-
ки одной священной Руси-России, за кото-
рую поэт дерзновенно и самозабвенно лиша-
ет себя райской жизни:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

С.А. Есенин. Гой ты, Русь,
моя родная... (1914 г.)

Эти строки могут быть интерпретированы по-разному, однако, на наш взгляд, ключ к пониманию их глубинного посыла следует искать в Библии. В данном случае дерзкий клич поэта отсылает читателя к дерзновенным речам библейских прототипов – пророку Моисею, вымаливавшему у Бога израильский народ, принося в жертву возможность личного спасения: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:32). Или же – апостолу Павлу, написавшему в послании к Римлянам: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим. 9:3). Русский поэт также не видит вне России и без России вечной жизни, ибо для него она, вполне в русле отечественной мессианской мысли, предстаёт как Божия Избранница, земля Откровений и грядущего спасения.

Мессианское служение Руси-России с особой силой и предельной ясностью выражено, на наш взгляд, в стихотворении «Октоих». Обращаясь к России, поэт произносит такие слова:

Святись преполовением
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.

С.А. Есенин. Октоих (1917)

В этих четырёх строках наиболее лаконично выражена вся сущность русского мессианства – вневременное свидетельство об Инобытии и его отражение, воплощение в бытии через литургическое восприятие и переживание реальности. Именно это и обеспечивает Русь-Россия, соединяя в себе два мира – небесный и земной. Обсуждение есенинской поэтики и его особой историософии приводит на память знаменитый тезис Р.М. Рильке о том, что Россия является единственной страной в мире, граничащей с Богом («История о Господе Боге»). Именно в силу этого призвания С.А. Есенин не только не хочет, но и не может мыслить рай вне России, а Россию – вне рая, причём уже здесь на земле:

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край

С.А. Есенин. Октоих (1917)

Русскую революцию 1917 г. С.А. Есенин воспринимает с энтузиазмом. Поэт входит в круг авторов (П.В. Орешин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков), безоговорочно поддерживавших приход к власти большевиков. Идея об особом избранничестве уже новой России не только не потухла, но разгорелась с новой силой. Согласно замечанию А.А. Долина «мессианство стало основной отличительной чертой нового искусства, отринувшего «старый мир» во имя измышленного коммунистического рая»¹⁵. С.А. Есенин транслировал в своём творчестве циклическую модель мировосприятия – «разрушения и нового рождения мира» [12, с. 109] – в рамках которой революционные потрясения осмыслились лишь как переходный этап к построению нового будущего. Некоторые стихотворения и поэмы С.А. Есенина первой половины 1920-х гг. отмечены нарочитым отвержением православной традиции, однако, несмотря на это, библейское мессианство до конца оставалось

лейттемой и главным внутренним историософским нервом творчества поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу концептуального историософского содержания произведений М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина, мы должны констатировать, что в основе их осмысления русского бытия и «особого русского пути» лежит мессианская идея – убеждённость в том, что именно России суждено обновить и спасти человечество. Выражаясь словами Ю.В. Мамлеева, каждый из вышеназванных авторов был уверен в том, что «бытие русской земли, России, имеет провиденциально-трансцендентальный смысл, означающий <...> что «русская земля» и Небо вступили между собой в какие-то особые отношения»¹⁶. Антиномия и кенозис, освящённость и мистичность, христоликость, таинственность и таинственность Руси-России, её литургическая и иконическо-диафаническая природа (икона освящает собой этот мир), включённость русского бытия в библейско-мессианскую парадигму священной истории – это лишь некоторые черты тех «особых» отношений, попытку осмыслить которые предприняли русские поэты-провидцы. Русское мессианство в творчестве М.А. Волошина, А.А. Блока и С.А. Есенина постулируется как в его исторической (искупление грехов европейской культуры, удержание мирного состояния между Европой и Азией), так и в метаисторической перспективах (освящение и преображение мира, обеспечение «выхода» в трансценденцию, воссоединение мира «дольного» с миром «горним»). В контексте «большого времени» (М.М. Бахтин) русской литературы поэты Серебряного века, размышляя о России и об «особом русском пути», не только артикулировали концепцию русского мессианства, являющуюся константной чертой русской культуры, но и представили её оригинальное истолкование.

¹⁵ Долин А.А. Русское мессианство. Пророческие, мессианские, эсхатологические мотивы в русской поэзии и общественной мысли. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 313.

¹⁶ Мамлеев Ю.В. Россия вечная. Москва: Традиция, 2020. С. 119.

Список источников

1. Рубенкова Т.С. Тема войны и революции в произведениях М. Волошина // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 94-103. <https://elibrary.ru/yolukl>
2. Смагина Е.Б. Пути Библии: к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2019. № 4 (64). С. 177-190. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190>, <https://elibrary.ru/jyfnkw>
3. Дашевская О.А. Исторические идеи М. Волошина и Д. Андреева: миф о России // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2005. № 7. С. 20-40. <https://elibrary.ru/pwvpth>
4. Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М. Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 68-72. <https://elibrary.ru/tnzgav>
5. Кондаков Н.С. Образ Иисуса Христа в лирике А. Блока // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 236-239. <https://elibrary.ru/siyndn>
6. Пороль О.А. Библейский дискурс в раннем творчестве А. Блока // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4 (140). С. 62-67. <https://elibrary.ru/pctegn>
7. Дроботова Л.Л., Лыкова Т.В. Антиномии в стихотворении А. Блока «Россия» // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2007. № 2. С. 76-80. <https://elibrary.ru/oxiqqr>
8. Жиркова Е.А. Образ Родины в ранней лирике Александра Блока: лингвопоэтический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 3. С. 78-83. <https://elibrary.ru/ulfamb>
9. Лавринцев П. Польская рецепция Александра Блока в русской печати межвоенного Вильно // Literatūra. 2022. Vol. 64 (2). P. 28-34. <http://dx.doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.2>
10. Межуев Б.В. Забытый спор: о некоторых возможных источниках «Скифов» Блока // Соловьёвские исследования. 2002. № 2 (5). С. 187-211.
11. Соловьёва М.А. Ветхозаветные пророчества и эсхатологические образы нового Завета в лирике С.А. Есенина 1918–1919 гг. // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 432-454. <https://elibrary.ru/tkqmon>
12. Федосеева Т.В. О православных аспектах этнопоэтики С.А. Есенина 1910-х годов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 103-116. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.011>, <https://elibrary.ru/ltlonj>
13. Михайлова Е.В., Лазовская А.И. Концепты «Родина» и «Природа» в языковой картине мира С. Есенина // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2007. № 1 (16). С. 89-94.

References

1. Rubenkova T.S. The theme of war and revolution in the works of M. Voloshin. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Arts. Culture*, 2018, no. 3 (19), pp. 94-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolukl>
2. Smagina E.B. The ways of the Bible: an interpretation of antique and biblical motives in the works of M.A. Voloshin. *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2019, no. 4 (64), pp. 177-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190>, <https://elibrary.ru/jyfnkw>
3. Dashevskaya O.A. Historiosophical ideas of M. Voloshin and D. Andreev: the myth about Russia. *Russkaya Literatura v XX veke: Imena, Problemy, Kul'turnyi Dialog*, 2005, no. 7, pp. 20-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pwvpth>
4. Porol O.A., Prosvirkina I.I., Dmitrieva N.M. Motives of the beginning and the end in the bible discourse of M. Voloshin. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2014, no. 11 (172), pp. 68-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tnzgav>
5. Kondakov N.S. The image of Jesus Christ in the lyrics of A. Blok. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 7, pp. 236-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siyndn>
6. Porol O.A. Biblical discourse in the early work of A. Blok. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2012, no. 4 (140), pp. 62-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pctegn>
7. Drobotova L.L., Lykova T.V. Antinomies in A. Blok's poem "Russia". *Vestnik Taganrogskego Instituta imeni A.P. Chekhova*, 2007, no. 2, pp. 76-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oxiqqr>

8. Zhirkova E.A. Motherland image at Alexander Blok early lyric poetry: lingvopoetical aspect. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*, 2015, no. 3, pp. 78-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ulfamb>
9. Lavrinets P. Polish reception of Alexander Blok in the Russian press of the interwar Wilno. *Literatūra*, 2022, vol. 64 (2), pp. 28-34. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15388/Litera.2022.64.2.2>
10. Mezhuiev B.V. The forgotten controversy: on some possible sources for Blok's "Scythians". *Solov'evskie issledovaniya = Solovyov Studies*, 2002, no. 2 (5), pp. 187-211. (In Russ.)
11. Soloveva M.A. Old testament prophecies and eschatological imagery in Sergei Yesenin's poetry (1918–1919). *Problemy istoricheskoi poehtiki = The Problems of Historical Poetics*, 2014, no. 12, pp. 432-454. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tkqmon>
12. Fedoseeva T.V. About Christian aspects of S.A. Yesenin's ethnopoetics in the 1910s. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina = Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*, 2021, no. 1 (70), pp. 103-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.011>, <https://elibrary.ru/ltlonj>
13. Mikhailova E.V., Lazovskaya A.I. Concepts "Motherland" and "Nature" in S. Esenin's linguistic picture of the world. *Vestnik Mozyrskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I.P. Shamyakina*, 2007, no. 1 (16), pp. 89-94. (In Russ.)

Информация об авторе

Священник Артемий ЮДАХИН (Юдахин Артём Александрович), кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.12.2024

Поступила после рецензирования 14.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Priest Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin), Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the History of Journalism and Literature Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>, Artemyudakhin@yandex.ru

Received 06.12.2024

Revised 14.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

Шифр научной специальности 5.9.1

«Хирург» М. Степновой и «Синдром Петрушки» Д. Рубиной как современные образцы «романа творения»

Людмила Евгеньевна Абраменкова

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 luda9898@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Цель исследования – выявление основных черт, характеризующих современные произведения о творцах, на примере романов М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки». Проведён сравнительно-типологический анализ указанных произведений как примеров модификации «романа творения». Основанием для сравнения является наличие в качестве центрального героя неординарного художника-творца, сходство сюжетов и системы образов, идейно-художественное родство. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В исследовании применялись метод описательной поэтики, сравнительно-исторический и мифопоэтический методы. В качестве контекстного материала привлечены произведения русской и зарубежной литературы, посвящённые истории становления творческой личности и воплощения ею оригинальных идей. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Определены основные характеристики главных героев романов, обозначены концептуальные принципы изображения их судеб, парадоксальности предпринятых ими творческих проектов. Выявлены пути трансформации традиционных сюжетно-образных линий «романа творения», в том числе в соотносённости с мифом о Пигмалионе и Галатее. Уточнены приёмы создания женских образов и принципы формирования любовной линии произведений. Отмечена роль темпоральной организации романов, детективной составляющей, мистических подробностей, музыкальности и цветописы. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования его результатов в практике преподавания современной русской литературы в вузах. Перспективы исследования связаны с дальнейшим уточнением жанровой специфики указанных романов, установлением типологических связей с другими произведениями мировой словесности, созданными в рамках «романа творения», определением ведущих принципов творческого метода авторов.

Ключевые слова: М. Степнова, Д. Рубина, роман творения, система образов, мифологизм, музыкальность, мистицизм

Благодарности. Автор благодарит своего научного руководителя, доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Наталию Владимировну Сорокину за ценные рекомендации по работе над исследованием.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Л.Е. Абраменкова – концепция исследования, сбор и анализ научной литературы, анализ художественных произведений, написание черновика рукописи, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абраменкова Л.Е. «Хирург» М. Степновой и «Синдром Петрушки» Д. Рубиной как современные образцы «романа творения» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 112-123. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

OECD 6.02; ASJC 1208

"The Surgeon" by M. Stepnova and "Petrushka Syndrome" by D. Rubina as contemporary examples of "creation novel"

Lyudmila E. Abramenkova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 luda9898@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the research is to identify main features that characterize contemporary works about creators, on the basis of M. Stepnova's novel "The Surgeon" and D. Rubina's "Petrushka's Syndrome". This comparison is substantiated by the presence of an extraordinary artist-creator as the main character, the similarity of the plot and image system, ideological and artistic affinity. **MATERIALS AND METHODS.** The research uses the method of descriptive poetics, comparative-historical and mythopoetic methods. The works of Russian and foreign literature devoted to the history of the formation of a creative person and the embodiment of original ideas by him/her are used as contextual material. **RESULTS AND DISCUSSION.** The leading features of the novels main characters are defined, the conceptual principles of depicting their destinies and the paradoxical nature of the creative projects they undertake are outlined. The ways of transforming traditional plot-figurative lines of the "creation novel" are revealed, including in relation to the myth of Pygmalion and Galatea. The techniques for creating female images and the principles for forming the love storyline of works have been clarified. The role of the temporal organization of the novels, the detective component, mystical details, musicality and color painting is noted. **CONCLUSION.** The practical significance of the conducted research lies in the possibility of using its results during studying modern Russian literature in universities. The prospects of the research are connected with further clarification of the genre specificity of the mentioned novels, establishment of typological connections with other works of world literature created within the framework of the "creation novel", definition of the leading principles of the creative method of the authors.

Keywords: M. Stepnova, D. Rubina, creation novel, image system, mythologism, musicality, mysticism

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the research supervisor, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian and Foreign Literature Department of the Derzhavin Tambov State University Nataliya V. Sorokina for valuable recommendations in working on the research.

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: L.E. Abramenkova – research concept development, scientific literature collection and analysis, fiction analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Abramenkova, L.E. "The Surgeon" by M. Stepnova and "Petrushka Syndrome" by D. Rubina as contemporary examples of "creation novel". *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):112-123. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-112-123>

ВВЕДЕНИЕ

Современный писательский, исследовательский, читательский интерес к исключительным судьбам, особым историям породил попытки на основе традиции изложить события нового времени иным, оригинальным, отличным от прежнего способом, выстроить своеобразное «связующее звено между эпохой, в которую непосредственно создаётся художественное произведение, и вечными, бытийными началами, многие из которых по своей сути являются архетипичными и восходят к мифологической древности» [1, с. 106]. Большие потенциальные возможности для этого заключены в особом литературном жанре – жанре «романа творения», в котором писатель воплощает историю становления личности, находящейся в активном творческом процессе. Это повествование о создании «героем-художником особого мира в хронотопе культуры» [2, с. 15].

Традиционно выделяются следующие разновидности жанра «романа творения»: роман о художнике, роман культуры и роман о романе¹. Романы М. Степновой и Д. Рубиной сюжетно примыкают к первой группе. Г.С. Зуева даже называет произведения в жанре романа творения «визитной карточкой» Д. Рубиной [3, с. 247]. Это, однако, не исключает отнесения произведений к иным жанровым дефинициям. Так, например, Н.М. Солнцева определяет «Синдром Петрушки» как психологический роман [4, с. 25], а Ш.А. Мазанов и А.М. Бабаева рассматривают произведение как «роман-метафору» [5].

Произведения М. Степновой и Д. Рубиной, как правило, посвящены незаурядным людям, многие из которых одержимы той или иной страстью. Так, в романе М. Степновой «Женщины Лазаря» (2011) повествуется о математике-гении, а героиня «Сада» (2020) готова пожертвовать многим ради конного дела. Каждый из них, чья судьба находится в центре внимания в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха», является адептом опреде-

лённого ремесла: циркового («Почерк Леонардо», 2008), изобразительного («Белая голубка Кордовы», 2009) или кукольного («Синдром Петрушки», 2010).

В данной работе рассмотрены роман М. Степновой «Хирург» (2005) и роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки» (2010) ввиду их значительной сюжетной, образной и поэтологической близости. Оба произведения являются современным переосмыслением «романа творения», что позволяет составить представление о рецепции жанра в литературе XXI века. Исследование путей сохранения и обновления литературных традиций, преемственности и обогащения художественных парадигм, выявление индивидуально-писательского выражения жанровой специфики соотносится с ведущими тенденциями литературоведения и обуславливает актуальность исследования.

Цель исследования – выявление основных черт, характеризующих современные произведения о творцах, на примере романов М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки».

Конгениальность рассматриваемых произведений ранее обозначалась пунктирно, не становясь самостоятельным предметом рассмотрения [6]. В данном исследовании повествовательная и образная специфика романов проанализирована в широком историко-культурном контексте. Указанные факторы определяют новизну работы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Помимо обозначенных в цели исследования романов «Хирург» и «Синдром Петрушки», в качестве материала привлекаются произведения русской и зарубежной литературы, тематически и образно примыкающие к жанру «романа творения». Обращение к обширному корпусу текстов (от мифологии до произведений постмодернизма) обусловлено ракурсом исследования.

В основе работы – метод описательной поэтики, сравнительно-исторический и мифопоэтический методы.

¹ Маглий А.Д. Роман о художнике в русской прозе конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017. С. 13.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман о художнике традиционно предполагает наличие таких частей, как жизнеописание (биография души) художника, повествование о его творениях и их трактовка, дискуссия об искусстве. Эти составляющие в романах М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки» не разграничены. В современном мире размылись границы понятия «художник». Это не обязательно представитель сферы искусства – живописец, писатель, музыкант и т. п. Сейчас художник – это герой, увлечённый своим делом и творчески к нему подходящий, что, безусловно, относится к персонажам названных произведений – как к хирургу Хрипунову, так и к кукольнику Уксусову.

«Хирург» и «Синдром Петрушки» обнаруживают сюжетное сходство, являясь вариацией следующей фабулы: герой с детской травмой встречает наставника, который открывает ему истинное предназначение; герой взрослеет, достигает невероятного уровня мастерства в своём деле, но этого ему недостаточно, он хочет соперничать с Богом, стать создателем невозможного; герою удаётся задуманное, но это приводит к непредсказуемым последствиям. Герои романов – люди, маниакально одержимые своей деятельностью. Кукольник Уксусов стремится создать совершенную куклу, забывая о том, что куклы – это всего лишь подобие человека, а не наоборот. Пластический хирург Хрипунов, изменяя лица людей, мечтает и об изменении всего мира. В определённый момент происходит перестройка сознания как результат профессиональной деформации: герои начинают воспринимать действительность в категориях своего ремесла, пытаются «усовершенствовать» её. Важным становится не само чувство, а процесс творения. Так, Петя Уксусов смотрит на мир взглядом кукольника, всё происходящее, всё пережитое воспринимается им как творческий импульс. Даже неодушевлённый герой представляет как живое с помощью кукол. Хрипунов с минимальным перерывом проводит ряд операций на лице Анны, чтобы достичь пропорций, кажущихся ему идеальными. Петя Ук-

сусов делает из своей партнёрши живую куклу, а впоследствии создаёт куклу, которую сложно отличить от человека и с которой вступает в своеобразные отношения: Эллис становится соперницей Лизы – возлюбленной Пети.

Для главных героев романов их занятие – священнодействие. Лейтмотивы произведений заданы в эпиграфах: «Хрипунову плевать было на людей. Хрипунов хотел стать Богом. Что нужно человеку, решившему стать Богом? Имя. Промысл. Деяние. Жертва. Всё это было у Хрипунова. И он стал Богом. Он. Им. Стал»²; «Однажды, силою своей превращая воздух в воду, а воду в кровь и уплотняя в плоть, создал я человеческое существо – мальчика, тем самым сотворив нечто более возвышенное, чем изделие Создателя. Ибо тот создал человека из земли, а я – из воздуха, что много труднее...» Тут мы поняли, что он (Симон Волхв) говорил о мальчике, которого убил, а душу его взял к себе на службу. *Псевдоклементины (II век н. э.)*³. В этих текстовых преамбулах зафиксированы, прежде всего, амбиции демиурга, желание уподобиться Богу и даже превзойти Его; власть и жертва, которую необходимо принести ради всемогущества; дерзновение, готовность пренебречь важным для обычных людей. Справедливо утверждение М.В. Бочкиной: «Мир, сотворённый героями, является местом, где демиург стремится навязать свою волю в противовес божественной» [7, с. 34].

Однако романские творцы оказываются не готовы к последствиям безграничной власти. Они претендовали на то, чтобы стать богами, но не смогли распорядиться обрётённым могуществом. Так, обновлённая Хрипуновым Анна принесла в мир не покой и гармонию, как рассчитывал хирург, а страдания и смерть. Его двойник Хасан ибн Саббах оставляет после себя империю воинов, которой, как он знает, суждено погибнуть.

² Степнова М.Л. Хирург. Москва: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2022. С. 5. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

³ Рубина Д.И. Люди воздуха. Трилогия в одном томе. Москва: Изд-во Э, 2015. С. 687. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

Управляя другими, земные творцы-художники сами несвободны. Вместе с тем способность героев видеть то, что недоступно другим, подчёркивает их исключительность. Но важно, что марионетками оказываются и герои-творцы, как и все персонажи, они «подобны марионеткам авторакукловода, который распределил роли между ними» [5, с. 47]. Дар становится для Аркадия и Пети проклятием, от него невозможно избавиться, он обрекает их на служение ему. Противоречивость героев, сочетание «гениальной инфантильности, воплотившейся в творческой одержимости» [4, с. 25], и изначальной, очевидной для большинства обречённости их идеи составляет парадоксальность и трагизм жизни художников.

Эта линия усилена мотивом богоборчества, не осознаваемого героями. Оно не связано, как у Фауста, типологически близкого творцам героя трагедии И.В. Гёте, с желанием расширить горизонты познания. Аркадий Хрипунов и Петя Уксусов подчиняют мир собственным законам. Талант героев имеет мистическую окраску, инфернален по своей природе. То, что в других вселяет ужас, у них вызывает искренний интерес. С детства героев окружает смерть. Творцы проходят инициацию ею. Маленький Аркадий почти умирает (впадает в кому), но остаётся в живых. Наставником будущего хирурга становится патологоанатом. Петя, увидев мёртвую мать Лизы, не убегает в страхе, а с упоением отмечает копну рыжих волос и кукольность погибшей. И Хрипунов, и Уксусов пытаются оживить неживое, находят гармонию в мёртвом, уходя от действительности: Аркадий счёл самым прекрасным лицо покойницы, увиденной в морге; Петя нашёл гармонию в кукле Эллис. Инферальность героев усилена рядом подробностей. В романе «Хирург» сообщается, что у Аркадия не было души (вечный слуга Исам не обнаруживает её у маленького Хрипунова): после смерти героя тот угол, где она должна была оказаться, пуст. В облике, казалось бы, менее монструозного Пети Уксусова иногда проступает нечто хищническое, а его способность говорить во время представлений на других языках (при этом герой в обычной жизни даже

испытывает трудности, делая заказ в иностранном ресторане) Лиза считает «бесовской» (с. 693).

Особое значение в данном случае приобретают предметные детали. В частности, знак дома в Праге, где живут Петя и Лиза, – это агнец (с. 720). Контекст очевиден: агнец – символ жертвенности. В конце главы, в которой об этом сообщается, друг семьи доктор Горелик задаётся вопросом, кто из двоих: Лиза или Петя – жертва. Творцы в произведениях, принося в жертву близкого человека, сами являются, как отмечалось выше, несвободными, обречёнными на служение своему ремеслу. Название последней части романа «Хирург» – «Жертва» – в данном контексте становится полисемантическим.

Содержательно романы М. Степновой и Д. Рубиной наследуют традиции творения в самом широком смысле слова. Развивая «тему красоты и мотив сотворения существа, которое воспринимается как произведение искусства» [8, с. 251], авторы обращаются к мифу о Пигмалионе и Галатее, изложенному древнеримским поэтом Овидием в «Метаморфозах», пьесе Б. Шоу «Пигмалион». В исследовании Ю.Ф. Панибратовой верно подмечено, что миф о Пигмалионе в современной прозе подвергается деконструкции: Пигмалион и Галатея обрели счастье, новые герои лишаются его [6, с. 144-145]. Сюжет самого успешного и любимого номера кукольника Петра – танца – это чувственная история Пигмалиона и Галатеи. Однако наблюдается ситуация, обратная отражённой в мифе: герои не оживляют статую, а, напротив, стремятся превратить живого человека в нечто застывшее, неземное. Эллис, в отличие от других творений кукольника, не является «смешным, тёплым, причудливым созданием» (с. 723). Так же и улыбка Анны в романе «Хирург»: она завораживает, подчиняет, позволяет испытать счастье, которое, однако, сопряжено с мукой и гибелью и не несёт подлинного тепла. Значимым является тот факт, что сила улыбки Анны действует только тогда, когда она счастлива (влюблена). Сила любви, в отличие от истории Пигмалиона и Галатеи, в данном случае разрушительна.

Любовная линия в обоих случаях оказывается тесно связанной с профессиональной. Героям не важны личности женщин. Хирург Хрипунов обратил внимание на Анну, так как её лицо напомнило ему о том идеально гармоничном, которое являлось в видениях. Хрипунов осознаёт, что не любит Анну и, посчитав эксперимент неудачным, думает, как «спихнуть её такую – недоделанную – в новую жизнь, минимизировав все душевные расходы» (с. 242). Петя («Синдром Петрушки») с детства видел в Лизе прежде всего куклу. При изображении героини глазами Уксусова постоянно отмечается её принадлежность кукольному миру, подчёркивается, что она создана для этого ремесла. Женщины интересуют творцов постольку, поскольку способствуют реализации их замыслов и позволяют проводить над собой эксперименты. В данном контексте становится понятным, почему у Лизы и Пети рождается больной ребёнок: это плод противоестественной связи «живой куклы» и человека. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с мнением о том, что «на примере истории главной героини показывает любовь мужчины и женщины как полноценное и постоянно развивающееся взаимное чувство» [9, с. 178]. От союза богов и смертных, согласно мифам, рождались Гераклы. Новые демиурги или вовсе не оставляют потомства (как Хрипунов), или проходят через страшные испытания (как Уксусов).

Героям, как представляется, близок символистский взгляд на женщину как воплощение Мировой Души, Вечной Женственности. Это музы, воплощающие совершенство, которое они ищут и обретают. Хирург и кукольник не понимают, что перед ними земные женщины с земными потребностями. Кроме того, герои присваивают, как они полагают, Музу себе, лишают её свободы. В таких условиях она теряет привлекательность, а они приступают к поискам нового воплощения Вечной Женственности. За неуважительное отношение и попытку подчинить Муза мстит сурово: Аркадий Хрипунов, создавший девушку с убийственной улыбкой, умирает; Петя теряет любимую куклу Эллис. У кукольника остаётся семья, рождается дочь (будущая кукла), но он по-

прежнему достигает высшего счастья только в танце с пустотой. Это то самое воплощение Музы, иные ипостаси которой представлены в образах мёртвой девушки и женщины из видений в романе «Хирург», а также куклы Эллис в романе «Синдром Петрушки». Муза будто отражается в ряде зеркал. Попытки придать вдохновению, творческому импульсу овеществлённую форму не могут увенчаться успехом. Получается или убийственная улыбка Анны, или пугающая натуралистичностью кукла Эллис.

Ю.М. Лотман отмечал, что мертвенность куклы особенно явно обнаруживается, когда её пытаются максимально уподобить человеку, живому существу, сопоставить её с ним [10]. В романе такое сравнение реализуется в целом ряде эпизодов, связанных с самой совершенной куклой Петра – Эллис. Эллис является точной копией жены Петра Лизы. Ю.В. Несынова в работе «Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» утверждает, что Лиза воспринимается как «некукла», а создание Эллис объясняется осознанием Петей того, что Лиза куклой быть не может [11, с. 77]. Однако очевидно, что Петя и после появления Эллис обращается к Лизе как к кукле, отмечает именно её кукольную сущность. Более того, Лиза, несмотря на постоянные попытки бунта, в некотором смысле признаёт свой статус куклы, ведь она начинает соперничать с Эллис, как и Петя, одушевляет её.

В двух романах система образов выстроена так, что в центре оказываются герой-гений и женщина-объект его преобразования, сначала покорная, затем своенравная. Есть товарищ-помощник (Арсен в «Хирурге» и доктор Горелик в «Синдроме Петрушки») и наставник (дядя Саша для Хрипунова и Казимир Матвеевич для Пети). В произведениях создана разветвлённая система двойников главных героев (помимо явных пар Хрипунов – Саббах, Уксусов – «комический Петрушка, сопровождающий Петра всю жизнь» [12, с. 46], Лиза – Эллис): Хасан ибн Саббах – дядя Саша – Аркадий Хрипунов – Арсен Медоев; загадочная женщина в видениях Старца Горы – девушка в морге – Анна («Хирург»); Симон Волхв – отец Пети – Казимир Мат-

веевич – Петя Уксусов; мать Лизы – Лиза – Эллис («Синдром петрушки»). К двойникам Лизы логично относят и «родильных кукол», найденных Петром в фамильной реликвии» [13, с. 188]. Именно «мотив двойничества <...> становится ключом к пониманию конфликта в произведениях <...> Персонажи утверждаются как исключительные личности, непонятые, одинокие и живущие в совершенно ином измерении, чем обычные люди» [14, с. 147].

Действительно, все герои существуют в особом пространственно-временном континууме. Справедливо замечено, что «пространство романа представляет собой большую и сложную систему пространств, образуемую «львовскими», «пражскими», «берлинскими», «израильскими» и «южно-сахалинскими» главами, и за каждым из этих локусов закреплены свои художественные задачи и смыслы» [15, с. 58]. Д. Рубина в книге-рефлексии «Одинокий пишущий человек» замечает, что её особенно привлекает прошлое⁴. Это объясняет темпоральную организацию романов (не только романа Д. Рубиной): большая их часть посвящена становлению героев и загадкам прошлого. Настоящее и прошлое существуют рядом, отголоски минувшего преследуют героев и определяют их жизнь. В произведениях реализуется мифологический сюжет о богинях судьбы Мойрах. Историческое время в романах с его ярко выраженными приметами и типами сочетается со временем мифологическим, в котором разворачивается не менее важная история: история душ героев, их внутренней борьбы и поисков. Историческое время циклично: это отражено в сценарии Лизы и Пети, в образе вечного города Феромова, где меняются люди, но не порядки. В романе «Хирург» подчеркнута типичность места: Хрипунов, возвращаясь на машине с похорон матери, видит такой же город, как и его родной Феромов. Это реализация традиционного для реализма русской литературы топонима – провинциального города N.

Наконец, сюжет романов характеризуется ярко выраженной театральностью: многое

происходит автоматически, будто по сценарию (хулиганы регулярно бьют стёкла в квартире учительницы Марии Исааковны, Лиза постоянно «окончательно» расстаётся с Петей). Меняются времена, но типы – нет. Прежние роли исполняют другие люди. Нередко героям хочется примерить на себя новую роль. В частности, для феромовских хулиганов возможность почувствовать себя нужными, вставив стёкла после погрома, – настоящее чудо (с. 10). В произведениях немало мистических совпадений. Например, Хрипунов встречает Анну в общежитии на бывшей улице Гайдара. Мать героя по прибытии в новый дом находит «Голубую чашку» Аркадия Гайдара; во время родов обложка именно этой книги, как вспышка, мелькает перед глазами, и она называет сына именно так. Имя выделяет его среди остальных, спасает от типичной судьбы рабочего Ивана. Этот (пусть бессознательный) творческий акт, пожалуй, стал главным в жизни матери Аркадия.

Ключевую роль в сюжете произведений играет семейная тайна. В романе «Хирург» свидетелем расцвета и вырождения рода ибн Саббаха становится инфернальный слуга Исам, в «Синдроме Петрушки» – кукла Корчмарь. Важно, что в этих случаях надежда на продолжение рода связана исключительно с представительницами женского пола: род Старца Горы, согласно предсказанию, должен прерваться рождением мальчика; у родственников Лизы только девочки рождались без синдрома Ангельмана.

Справедливо подчёркивается Ю.Ф. Панибратовой исключительность героя романа М. Степновой, неспособность Хрипунова к подлинно человеческим отношениям, основанным на привязанности, в том числе к родителям [6, с. 144]. Обособленность героев от кровных родственников призвана обозначить их инаковость, принадлежность к другому миру. Они находят наставников в людях, которые также выделяются на общем фоне: патологоанатоме дяде Саше и кукольнике Казимире Матвеевиче. Попыткой преодоления детского опыта, запоздалого бунта или бессознательного страха для Хрипунова стал бросок кирпичом в окно опустевшей родительской квартиры.

⁴ Рубина Д.И. Одинокий пишущий человек. Москва: Эксмо, 2020. С. 304.

Герои находятся вне рамок привычной этики. Этим объясняется и то, что творцов нельзя отнести к культурным героям. Они трикстеры. Несмотря на явное любование, с которым изображены Аркадий и Петя в процессе работы, в их образах немало сниженных подробностей. Герои неуклюжи, неприметны вне своего ремесла. Окружающим они нередко кажутся не вполне вменяемыми. Э.Ф. Шафранская справедливо отмечает, что в мифологии трикстер часто предстаёт в виде животного [16, с. 189]. В облике как хирурга, так и кукольника есть нечто общее – хищническое. Достаточно вспомнить орлиный профиль Пети Уксусова. Орнитологический код важен и в романе «Хирург»: у матери Хрипунова «глаза феникса» (с. 35). Даже в такой простой женщине, работнице столовой, скрыта вековая тайна. Кроме того, данная деталь, свидетельствуя о загадке происхождения матери героя, связывает Аркадия с далёким предком ибн Саббахом.

«Роман творения» генетически связан с космогоническими мифами, а также с религиозными жанрами исповеди и жития. Описание первых лет жизни в агиографии было призвано подчеркнуть исключительность будущих святых, которых ещё в детстве сопровождали некие знаки. Данная традиция востребована современными произведениями о творцах (достаточно вспомнить роман Е.Г. Водолазкина «Лавр», наследующий каноны агиографической литературы). Стремясь объяснить особенности героев, их ярко выраженную инаковость, авторы подробно рассказывают о детстве творцов. Этапы жизни Хрипунова, обозначенные в эпиграфе и названиях частей («Имя», «Промысл», «Деяние», «Жертва»), отсылают к Новому Завету. Однако Хрипунов жертвует не собой ради спасения человечества, а другими людьми.

Приметой современного «романа творения», новаторским элементом стала значительная роль детективной составляющей в сюжете. В романе М. Степновой напряжённость сохраняется благодаря тому, что практически до конца неясно, какое отношение история Хасана ибн Саббаха имеет к линии Хрипунова. Более того, если в начале главы о них чередуются, то в третьей части их исто-

рии рассказываются нередко в рамках одной главы, между ними стирается грань. В романе «Синдром Петрушки» загадкой, разрешающейся не сразу, становится тайна семейной куклы («идола») Корчмаря. Одна история, рассказанная разными героями, обретает законченный вид ближе к концу произведения. Авторы вводят определённые детали, полунамёки, сохраняя интригу.

Вместе с тем романы, поднимающие серьёзные вопросы и повествующие об исключительно одарённых людях, лишены торжественности, патетики повествования. Это видно в некоторых фрагментах изображения главных героев, например: Петрушкой называет себя герой Д. Рубиной; немало сниженно-физиологических подробностей есть в описании появления Аркадия Хрипунова на свет, что вовсе не соответствует каноническому рождению демиурга. Фамилии героев (Уксусов и Хрипунов) имеют сниженные коннотации: герой «Синдрома Петрушки» является полным тёзкой персонажа народного кукольного театра, весельчака и трикстера; фамилия Хрипунов вызывает ассоциации с проблемами со здоровьем.

Повествование в романах имеет достаточно ироничный характер, что в классическом романе творения представить сложно. Возможно, сказывается влияние постмодернистской эстетики. Связь с постмодернизмом логична, ведь зарубежные постмодернисты активно осваивали традицию романа о художнике. Ярким примером является роман П. Зюскинда «Парфюмер», где показано, как творец пренебрегает этическими нормами. Сюжетно-образные параллели (одарённый самородок; наставник; стремление во что бы то ни стало, ценой любых жертв реализовать свои творческие потенции) очевидны. В романах М. Степновой и Д. Рубиной многое подвергается снижению. Ирония заключается даже в незначительной детали: Хрипуновы живут на улице Дружбы, хотя соседские отношения никак нельзя назвать дружескими.

Помимо иронии, поэтологической доминантой романа «Синдром Петрушки» является музыкальность. Йенские романтики создали концепцию *мир есть музыка*. Д. Рубина, имеющая консерваторское образование, в

данном случае следует традиции. Она неоднократно в интервью называла любимым писателем А.П. Чехова, использовавшего музыкальные лейтмотивы, в частности, в пьесе «Вишнёвый сад». Герои романа «Синдром Петрушки» говорят мелодично, напевно. Речь кукольника Пети Уксусова, обращаясь к перчаточной кукле Наоми, звучит подобно музыке благодаря ассонансу – протяжному произнесению гласных. В романе «Синдром Петрушки» музыкальным лейтмотивом выступает джазовая композиция «Минорный свинг» Джанго Рейнхардта. Под эту мелодию Петя Уксусов ставит номер сначала с женой, а затем с куклой-заместителем Лизы Эллис. Музыка соответствует пафосу романа: для неё характерны трагизм, грусть и в то же время чувственность. Это неведомый зов, преследующий героя. Услышав мелодию, виртуоз-кукольник, как марионетка, начинает двигаться в такт.

Можно говорить и об отчётливом цветовом коде произведений. Один из показательных примеров – цвет глаз героев: у Пети Уксусова глаза седые, что выступает признаком определённой нездешней мудрости, «цвета густого тумана» (с. 690). Важную роль играют оттенки красного цвета. В романе «Хирург» у героя и загадочной женщины оранжевые глаза, в романе «Синдром Петрушки» не раз подчёркивается огненно-рыжий цвет волос героини. Также оранжевый ассоциируется с солнцем. В романе именно луч является одной из форм присутствия высших сил в жизни героев. Данный цвет становится символом неизвестного, манящего и в то же время опасного. Красный – цвет крови. Рыжие волосы героини романа Д. Рубиной напоминают Пете об увиденном в детстве самоубийстве первой «куклы» – матери Лизы. Вместе с тем огненный цвет служит родовой меткой, отличительным знаком всех женщин в семье Лизы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный роман о художнике как разновидность «романа творения» сочетает в себе традиции и их преодоление. Героем всё чаще может быть не только писатель или ху-

дожник, но и математик (роман М. Степновой «Женщины Лазаря») или хирург.

Несмотря на сохранение традиционной фабульной схемы (напряжённые поиски исключительно талантливого человека), роман о художнике трансформируется в роман о демиурге, претендующем на всемогущество. Классический герой «романа творения» ищет способы реализовать талант, персонажи же современной литературы тяготеют своим уникальным даром.

Современные романы о художнике отличаются заострением экзистенциальной проблематики. Прежде всего, это соотношение форм бытия, осязаемого и иллюзорного. Для кукольника Пети Уксусова иллюзорное реальнее осязаемого, что доказывает его танец с пустотой в эпилоге как квинтэссенция диссонанса сознательного и бессознательного, настоящего и искусственного.

В центре современных произведений не только демиург, создатель, но и тот, на кого направлен его творческий импульс, – женщины. В сюжетном отношении героини оказываются тем самым *Deus ex machina*: Галатея Хрипунова, обладательница убийственной улыбки, становится причиной гибели хирурга, а Лиза уничтожает самое совершенное творение Пети. Являясь воплощением Музы, неуловимой Вечной Женственности, они выступают мерилем человечности поступков героев и карают возлюбленных.

Романы М. Степновой и Д. Рубиной становятся мифами о сотворении художниками не только другого существа, но и собственной личности. Аркадий Хрипунов и Петя Уксусов достигают высокого уровня мастерства, однако подлинные тайны так и остаются тайнами.

Рассмотренные романы сложно соотносить с одним художественным методом: в них сочетаются традиции романтизма, на время расцвета которого приходится зарождение жанра «романа творения», реализма с узнаваемыми ситуациями, героями и местами, модернистская символичность и постмодернистская ирония. Принадлежность произведений к магическому реализму является одним из перспективных путей изучения рома-

нов, на что неоднократно уже указывали исследователи [17; 18].

Романы «Синдром Петрушки» Д. Рубиной и «Хирург» М. Степновой с полным основанием можно назвать мультикультурными. Значительное место отводится древним мировоззренческим системам: языческой (Симон Волхв в эпиграфе к роману Д. Рубиной) и средневековой (Хасан ибн Саббах в «Хирурге»). Эти, казалось бы, противоположные по системе ценностей культуры оказываются во многом соотнесёнными. В произведениях сформулированы языческий, христианский и мусульманский подходы к

тому, что значит стать Богом. Первый заявлен в цитате из «Псевдоклементин», второй реализован в истории государства низаритов, третий отражён в линии Аркадия Хрипунова. Общая их формула так или иначе сводится к фрагменту эпиграфа к «Хирургу»: «Имя. Промысл. Деяние. Жертва» (с. 5).

Задача современных писателей состоит не в том, чтобы изобрести фабулу, а в том, чтобы обогатить существующую накопленным культурой опытом и изложить известную историю новым языком, что ярко представлено романами М. Степновой «Хирург» и Д. Рубиной «Синдром Петрушки».

Список источников

1. Веселова О.Н. Проблема традиции в современном литературоведении // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2 (40). С. 106-114. <https://elibrary.ru/ogkgip>
2. Бочкарёва Н.С. Роман о художнике как «роман творения»: генезис и поэтика. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 252 с.
3. Зуева Г.С. Истоки романа творения в прозе Дины Рубиной // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 247-251. <https://elibrary.ru/yztvxv>
4. Солнцева Н.М. Репутация куклы. Москва: Водолей, 2016. 176 с. <https://elibrary.ru/ygqgcz>
5. Мазанаев Ш.А., Бабаева А.М. «Синдром Петрушки» Дины Рубиной как роман-метафора // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 45-51. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-45-51>, <https://elibrary.ru/xsqcvf>
6. Панибратова Ю.Ф. Сюжет творения в современной женской литературе (на материале романов М. Степновой «Хирург» и О. Славниковой «2017») // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С. 141-145. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145>, <https://elibrary.ru/nzltps>
7. Бочкина М.В. Влечение к смерти в романе М. Степновой «Хирург» // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 1 (13). С. 32-35. <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2023-1-32-35>, <https://elibrary.ru/tifwzb>
8. Громова А.В. Роман М. Степновой «Хирург» в историко-культурном контексте // Пушкинские чтения – 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 26 Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 247-260. <https://elibrary.ru/pbusmj>
9. Ли Ли, Чжан Лися. Лингвокультурологическое поле женского сознания в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 172-184. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15>, <https://elibrary.ru/rhvbim>
10. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 377-380.
11. Несынова Ю.В. Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75-81. <https://elibrary.ru/uborvv>
12. Зарубина Е.В. Кукольность как мотив двойничества в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука, образование и культура. 2019. № 5 (39). С. 45-47. <https://elibrary.ru/xajdgs>
13. Меркель Е.В., Тулушева Е.С. Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000–2010-х годов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 185-195. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-185-195>, <https://elibrary.ru/zgjfdd>
14. Злотникова Т.С., Соболева М.А. Мотив двойничества в художественном мире Д. Рубиной // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 143-148. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-143-148>, <https://elibrary.ru/jusruc>

15. Левина П.А., Перепёлкин М.А. Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 57-64. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>, <https://elibrary.ru/hegyzs>
16. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). Санкт-Петербург: Своё изд-во, 2012. 470 с. <https://elibrary.ru/yzwxnj>
17. Сильчева А.Г. Мистический реализм в русской литературе XX–XXI веков: случай Дины Рубиной. Москва: МАКС Пресс, 2023. 180 с. <https://elibrary.ru/vaeruu>
18. Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 518-525. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>, <https://elibrary.ru/jgzhhf>

References

1. Veselova O.N. The problem of tradition in modern literary criticism. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University*, 2011, no. 2 (40), pp. 106-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogkgip>
2. Bochkareva N.S. *The Novel About the Artist as a "Novel of Creation": Genesis and Poetics*. Perm, Perm State University Publ., 2000, 252 p. (In Russ.)
3. Zueva G.S. The origins of the novel of creation in the prose of Dina Rubina. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Slavyanskii mir: dukhovnye traditsii i slovesnost'» = Collection of Materials of the International Scientific Conference "Slavic world: Spiritual Traditions and Literature"*. Tambov, Print-Servis Publ., 2017, pp. 247-251. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yztvxv>
4. Solntseva N.M. *Puppet's Reputation*. Moscow, Vodolei Publ., 2016, 176 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yggqcz>
5. Mazanaev Sh.A., Babaeva A.M. "The Puppet syndrome" by Dina Rubina as a metaphorical novel. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, 2018, vol. 33, issue 1, pp. 45-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-45-51>, <https://elibrary.ru/xsqcvf>
6. Panibratova Yu.F. The plot of creation in modern women's literature (based on the novels "The Surgeon" by M. Stepnova and "2017" by O. Slavnikova). *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2022, no. 3 (69), pp. 141-145. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-141-145>, <https://elibrary.ru/nzltps>
7. Bochkina M.V. Death drive in the novel by M. Stepnova "The Surgeon". *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literature = Professor's Journal. Series: Russian and Literature*, 2023, no. 1 (13), pp. 32-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2023-1-32-35>, <https://elibrary.ru/tifwzb>
8. Gromova A.V. M.M. Stepnova's novel "The Surgeon" in the context of Russian and world literature. *Materialy 26 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Pushkinskie chteniya – 2021. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst» = Proceedings of the 26th International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2021. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"*. St. Petersburg, 2021, pp. 247-260. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbusmj>
9. Li Li, Chzhan Lisy. Linguoculturological field of female consciousness in Dina Rubina's novel Punch syndrome. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2023, no. 4, pp. 172-184. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-15>, <https://elibrary.ru/rhvbim>
10. Lotman Yu.M. A puppet in culture system. In: *Lotman Yu.M. Selected Works: in 3 vols*. Vol. 1. Tallinn, Alexandra Publ., 1992, pp. 377-380. (In Russ.)
11. Nesynova Yu.V. Puppet motive in the novel by D. Rubin "Punch's syndrome". *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2015, no. 2 (40), pp. 75-81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uborvv>
12. Zarubina E.V. Puppetry as a motif of duality in Dina Rubina's novel "Punch's syndrome". *Nauka, obrazovanie i kul'tura = Science, Education and Culture*, 2019, no. 5 (39), pp. 45-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xajdgs>
13. Merkel E.V., Tulusheva E.S. Character taxonomy in Dina Rubina's trilogies of the 2000s–2010s. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2020, no. 12, pp. 185-195. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-185-195>, <https://elibrary.ru/zgjfdg>

14. Zlotnikova T.S., Soboleva M.A. Duality motif in Dina Rubina's artistic world. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2020, no. 1 (20), pp. 143-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-1-20-143-148>, <https://elibrary.ru/jusrue>
15. Levina P.A., Perepelkin M.A. Samara space in Dina Rubina's novel "Petrushka's syndrome". *Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies*, 2023, vol. 3, no. 4, pp. 57-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>, <https://elibrary.ru/hegyzs>
16. Shafranskaya E.F. *The Dove Syndrome: Mythopoetics of Dina Rubina's Prose*. St. Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2012, 470 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzwxnj>
17. Silcheva A.G. *Mystical Realism in the Russian Literature of the XX-XXI Centuries: the Case of Dina Rubina*. Moscow, MAKSS Press Publ., 2023, 180 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vaeruu>
18. Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo". *Neofilologiya = Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 518-525. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>, <https://elibrary.ru/jgzhif>

Информация об авторе

АБРАМЕНКОВА Людмила Евгеньевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, luda9898@mail.ru

Поступила в редакцию 12.12.2024

Поступила после рецензирования 14.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Lyudmila E. Abramenkova, Research Scholar at the International Scientific Center for the Study of E.I. Zamyatin's Creative Heritage, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>, luda9898@mail.ru

Received 12.12.2024

Revised 14.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1+811.111'42

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-124-138>

Шифр научной специальности 5.9.5, 5.9.6

Стратегии убеждения в медицинском медиадискурсе: функционально-прагматический анализ

Галина Николаевна Трофимова , Милена Викторовна Комлева

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 milenissima@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения прагматического аспекта коммуникации в медиадискурсе современной медицины. Цель исследования – функционально-прагматический анализ медиатекста медицинской сферы, определение роли субъективно-модальных значений в данном тексте и выявление ведущих модальных экспликатов убеждения в текстопорождающей деятельности медицинского сотрудника. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили медиатексты медицинских сайтов, собранные методом сплошной выборки из официальных интернет-источников, среди которых веб-страницы поликлиник и больниц, научных и медико-диагностических центров. При обработке полученного корпуса текстов использовались следующие методы: сопоставительный метод, метод количественного анализа данных, дискурс-анализ, прагматический анализ, вычислительные методы функционального программирования на языке Python. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Составлена функционально-прагматическая характеристика медицинского медиадискурса с точки зрения модусной и пресуппозициональной структур. Произведён отбор субъективно-модальных экспликатов, значимых с точки зрения перлокутивного эффекта высказывания с целью убеждения. На основе аналитики количественных данных выявлен ведущий тип субъективной модальности в тексте медицинского медиадискурса. Определено общее количество и процентное соотношение экспликатов эпистемической, деонтической и аксиологической модальности в отобранных текстах. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Прагматический подход к пресуппозициям позволяет по-новому взглянуть на авторитет врача и патернализм в медицинской практике общения. Сопоставление способов выражения модальной семантики в текстах русского и английского языков расширяет представление о прагматической, типологической и лингвокультурной стороне медицинской коммуникации, способствуя пониманию русскоязычного дискурса как преимущественно авторитарного и англоязычного как преимущественно коллегиального.

Ключевые слова: субъективная модальность, медицинский медиадискурс, модальный экспликатор, модальная семантика, пресуппозиция, авторитарный дискурс, коллегиальный дискурс

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Г.Н. Трофимова – поиск и анализ научной литературы, обработка и композиционная организация материала, написание черновика рукописи, утверждение окончательного варианта рукописи. М.В. Комлева – концепция исследования, создание корпуса медиатекстов, проведение анализа материала исследования, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Г.Н. Трофимова является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования: Трофимова Г.Н., Комлева М.В. Стратегии убеждения в медицинском медиадискурсе: функционально-прагматический анализ // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 124-138. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-124-138>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-124-138>

OECD 6.02; ASJC 1203, 3310

Persuasion strategies in medical media discourse: a functional and pragmatic analysis

Galina N. Trofimova , **Milena V. Komleva**

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

mlenissima@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the research is due to the need for a comprehensive study of the pragmatic aspect of communication in the media discourse of the modern medicine. The purpose of the study is to conduct a functional and pragmatic analysis of the medical media text, determining the role of subjective modal meanings in this text and identifying the leading modal explicators of persuasion in the text-generating activity of a health professional. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is media text of medical websites collected by continuous sampling from official Internet sources, including web pages of polyclinics and hospitals, scientific and medical diagnostic centers. When processing the resulting corpus of texts, the following methods are used: the comparative method, the method of quantitative data analysis, discourse analysis, pragmatic analysis, computational methods of functional programming in Python. **RESULTS AND DISCUSSION.** The functional and pragmatic characteristics of the medical media discourse in terms of modus and presuppositional structures are compiled. The selection of subjective modal explicators, significant for the perlocutionary effect of the utterance, the purpose of which is persuasion, is carried out. Based on the analysis of quantitative data, the leading type of subjective modality in medical media text has been identified. The total number and percentage of explicators of epistemic, deontic, and axiological modality in the selected texts are determined. **CONCLUSION.** A pragmatic approach to presuppositions allows us to take a fresh look at the authority of the doctor and paternalism in the medical communication. The comparison of the modal semantics expression in Russian and English texts expands the understanding of the pragmatic, typological and linguistic-cultural side of medical communication, contributing to the understanding of Russian-language discourse as predominantly authoritarian and English-language as predominantly collegial.

Keywords: subjective modality, medical media discourse, modal explicator, modal semantics, presupposition, authoritarian discourse, collegial discourse

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: G.N. Trofimova – scientific literature search and analysis, material compositional organization and processing, writing – original draft preparation, manuscript final version approval. M.V. Komleva – research concept, creation of media text corpus, research material analysis, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. G.N. Trofimova is a member of the journal's editorial board of the journal "Neophilology", but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The authors declare no other conflicts of interests.

For citation: Trofimova, G.N., & Komleva, M.V. Persuasion strategies in medical media discourse: a functional and pragmatic analysis. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):124-138. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-124-138>

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX века ознаменовался отходом от патерналистического подхода в медицинской практике: традиционно пациенту всегда отводилась пассивная роль, предписания врача и целесообразность лечения не являлись предметом дискуссии, как и выбранные врачом методы и средства, будь то медикаменты, комплекс процедур или используемый медицинский инструментарий¹. Патернализм как абсолютная необходимость обуславливал беспрекословность подчинения требованиям врача, что, несомненно, имело огромное влияние на характер коммуникативной деятельности в диаде «врач-пациент».

Известно, что установка на понимание пациентом глубины своей вовлеченности в процесс лечения определяет систему коммуникативных координат последующей интеракции [1, с. 248]. В современных условиях дискурс медицинской сферы подразделяется на авторитарный и коллегиальный – в зависимости от типа взаимоотношений врача и пациента, врача и клиента. В речи коммуникантов обе упомянутые модели будут представлены посредством языковых средств соответствующего типа дискурса, каждый из которых подразумевает наличие собственного репертуара речевых стратегий и тактик².

Анализ научной литературы показал, что затронутый нами вопрос находится в сфере такой отрасли языкознания, как теория медицинской коммуникации [2–4]. На данном этапе, в связи с активным развитием медицины и здравоохранения, упомянутая отрасль широко представлена в зарубежных

лингвистических исследованиях (B.V. Adkoli, C. Albus, G. Gullace, A. Koerfer, K. Kohle, R. Obliers, S.C. Parija, L. Peirone и др.). Отправной точкой изучения коммуникации для перечисленных учёных является социально-психологическая, психолингвистическая сторона межличностного взаимодействия, в их понятийном аппарате присутствует обширный комплекс терминов, среди которых *модус высказывания, субъективная модальность, оттенки субъективно-модальных значений, манипулятивность, эмотивность, суггестия* и др. Причём трудам по теории медицинской коммуникации, как правило, свойственна практикоориентированность: учитывая наследие бихевиоризма, исследователи чаще стремятся к поиску оптимальных вербальных и невербальных поведенческих параметров для конкретной ситуации общения, в конечном счёте нацеливаясь на улучшение речевого взаимодействия в целом. Следовательно, практическая ценность подобных исследований обусловлена выявлением механизмов, стратегий и тактик эффективного общения, а также разработкой моделей, кейсов и сценариев интеракции врача с пациентом [4].

Для данного исследования целесообразно обращение к предпосылкам формирования семантической структуры высказывания, поэтому следует раскрыть сущность прагматического подхода к пресуппозициям в лингвистической семантике. Если рассматривать ситуацию речевого общения в медицинском дискурсе с точки зрения лингвистической семантики и пропозициональной логики, то можно заметить, что в пресуппозиции практически любого высказывания будет присутствовать определённая доля патернализма. В научной литературе были выделены черты так называемой «патерналистской коммуникации»: 1) актуализация статусного неравенства коммуникантов, их взаимодействие в рамках пары «эксперт – дилетант»; 2) трансфер знаний; 3) корректировка картины мира,

¹ Чеботарёва О.А. Патернализм в отечественной медицине: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2006. 132 с.

² Майборода С.В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 254 с.

аргументируемая когнитивной формулой «Это в Ваших же интересах» [5, с. 51]. Итак, авторитетность мнения врача будет накладывать отпечаток на восприятие всего высказывания, независимо от наличия в нём лингвистических и паралингвистических средств выражения оценочности или речевой экспрессии, приёмов речевого манипулирования или самовыражения личности, дискурсивных слов и других актуализаторов восприятия текста.

Принимая во внимание тот факт, что любой функционально-прагматический анализ дискурса базируется на конкретных дискурсивных категориях, следует сделать акцент на пресуппозиционной специфике медицинского дискурса, так как пресуппозиция, наряду с пропозицией, является одной из важнейших дискурсивных категорий. Пресуппозиции выражают позицию субъекта речи в широком смысле слова: данный термин восходит к лат. *prae-suppositio* и обозначает «предшествующее суждение» в философских трактатах. Пресуппозициями называются «имплицитные семантические компоненты речевого высказывания, которые не вербализованы, поскольку предполагается их общеизвестность или известность для адресата» [6, с. 126]. В речевой деятельности источником знания о пресуппозиции, как правило, служит общий опыт коммуникантов. Одно из назначений пресуппозиционной структуры предложения – корректная интерпретация ключевых смыслов текста или высказывания.

Цель исследования – установив пресуппозициональную специфику медицинского дискурса, провести функционально-прагматический анализ речевой стратегии убеждения, что позволит выявить ведущие модальные экспликативы стратегии убеждения в текстах медицинского медиадискурса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Анализ проводился на материале репрезентативных языковых средств экспликации патерналистического убеждения в медицинском медиадискурсе, а именно: глаголов, предикативных прилагательных и предикативных наречий с семантикой разрешения

(можно, разрешено, разрешается); запрета (нельзя, исключить); долженствования (должен, обязан, требуется); уверенности (убеждён, уверен); доказательства (доказано); опровержения (опровергнуто); желательности (лучше, желательно, предпочтительно). Выбранные единицы принадлежат к сфере субъективной модальности – семантико-грамматической категории, через призму которой возможна оценка прагматики текста: в силу удобства подсчёта конкретных единиц – субъективно-модальных экспликативов как прагматически заряженных слов.

Фактическим материалом исследования послужили естественно-научные медиатексты сайтов и блогов медицинской тематики, собранные методом сплошной выборки с официальных веб-ресурсов: 1) сайт Управления делами Президента РФ ФГБУ «Объединённая больница с поликлиникой» (www.fgu-obp.ru); 2) сайт ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора (<https://cgon.rosпотребнадзор.ru/>); 3) сайт частной клиники ООО «Бест Клиник» (<https://bestclinic.ru/>); 4) информационный портал многопрофильного медико-диагностического центра «GMS Clinic» (<https://www.gmsclinic.ru/>); 5) научно-медицинский центр «Кливлендская клиника» (<https://my.clevelandclinic.org/>).

В связи с реализацией стратегии убеждения проводился количественный подсчёт экспликативов модальных значений в 100 текстах медицинского медиадискурса, из которых 50 текстов на русском языке, 50 – на английском.

Корпус русскоязычных текстов представлен по ссылке: https://docs.google.com/document/d/1wv56r7JQ4JQWsfzfN_02hSi30-0nXmr/edit.

Корпус англоязычных текстов представлен по ссылке: <https://docs.google.com/document/d/1aCoS7vgj8oXDg6QrP3feXztTAPH6Th51/edit>.

Выборка русскоязычного материала представляет собой 679 абзацев, 1214 предложений, 16521 слово. Англоязычные тексты содержат 313 абзацев, 411 предложений, 7092 слова. Различие в количестве слов обусловлено как особенностями строя изучае-

мых языков, так и спецификой зарубежного медиаполя: англоязычный текст вдвое лаконичнее русскоязычного, в нём (англоязычном) преобладают простые неосложнённые предложения, что в результате эффективно сокращает время прочтения текста. В английском языке в рамках речевой стратегии убеждения центральным средством экспликации модальности являются модальные глаголы и модальные слова, причастия прошедшего времени, которые выражают весь спектр модальных значений (разрешение, долженствование и т. д.). Для анализа англоязычного материала использовались полные эквиваленты (переводческие соответствия) – единицы, регулярно применяемые для перевода конкретных слов, например, *лучше* – *better*.

В ходе исследования были использованы следующие методы: сопоставительный метод, метод количественного анализа данных, дискурс-анализ и прагматический анализ. Важное место было отведено вычислительным и аналитическим методам функционального программирования на языке Python. Это означает, что был создан программный код, позволяющий анализировать статистические данные по целому корпусу текстов. Получая на вход базу текстовых данных, программа проводила подсчёт искомых значений в соответствии с заданным фильтром.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Было выявлено, что, с точки зрения прагмалингвистики и лингвистической семантики, одной из причин когнитивной установки реципиента на субординацию в коммуникации с врачом будет являться специфическая для медицинского дискурса пресуппозиция – предварительное знание, которое возвещает о существовании субъективных отношений между участниками коммуникации и заранее описывает личность собеседника.

В.В. Красных выделяет три основных типа пресуппозиции как зоны «пересечения когнитивных пространств коммуникантов»: микропресуппозиция, социумная пресуппозиция и макропресуппозиция [7, с. 24]. Первая соотносится с индивидуальным когни-

тивным пространством участников общения, вторая отражает коллективное когнитивное пространство социума, третья – весь когнитивный «запас» индивидуумов. Поскольку мысленная репрезентация образа врача имеет устоявшуюся ярко-выраженную социальную и профессиональную специфику, следует подчеркнуть концептуальную значимость данного образа в современной культуре. Так, согласно данным исследований лингвокультурного образа-стереотипа «врач», в языковом сознании носителей «концепт врач является регулятивным концептом – символом», основным компонентом которого выступает «ценностный компонент с различными типами оценок и наборами ценностей и антиценностей» [8, с. 2620]. Подробный аксиологический анализ, проведённый в некоторых исследованиях [9; 10], показывает, что, с одной стороны, изучаемый нами образ подразумевает репрезентацию культурных общечеловеческих ценностей, с другой стороны, наличие стереотипизации в ассоциативном поле. Характеристика может носить противоречивый характер, тем не менее, на современном этапе превалирует количество положительных ассоциаций с образом врача [8, с. 2622; 11]. Ценностно-оценочный компонент изучаемого концепта «врач» будет повышаться за счёт параметров этического характера, таких как высокая морально-правовая культура личности, наличие профессиональных компетенций и эрудиции, категория врачебной тайны, обуславливающая особый уровень доверительных отношений. Немаловажную роль в восприятии медика сыграла и идея народно-медицинского «тайного знания», подразумевающая приобщённость данного «ритуального специалиста» к сверхъестественной мудрости, наличие дара исцелять, способности предвидеть ход болезни и т. п. «Глубинные стереотипы, как правило, неизменны, они не меняются с течением времени» [11, с. 227], поэтому многие из вышеперечисленных лингвокультурологических характеристик концепта демонстрируют тенденцию к стабильности, наряду с чем постоянной чертой в отношениях с медицинским работником остаётся субординация.

Итак, анализ лингвокультурных установок субъектов речи на момент начала общения позволяет сделать вывод, что на коммуникативно-ролевое взаимодействие пациента с врачом будут влиять социально-психологические факторы, например, стереотипированные ожидания на основе имеющихся представлений, а значит, процесс общения будет предварять социумная пресуппозиция и макропресуппозиция, выражаясь терминами В.В. Красных [7, с. 26]. При этом важно учитывать, что микропресуппозиция (знания из конкретной языковой ситуации) также будет присуща любым высказываниям, мы же лишь установили место пребывания знаний о понятии «врач» в когнитивном пространстве пациента. Причем, подобно феномену стереотипа, макро- и социумная пресуппозиции наименее подвержены изменениям, поскольку связаны с представлениями о мире целых цивилизаций. Самыми «болезненными» для человека являются изменения представлений, входящих в макропресуппозицию, так как «последние (изменения. – Г. Т., М. К.) происходят медленно и обусловлены во многом общим ходом развития цивилизации» [7, с. 26]. Именно поэтому представления о коммуникации с врачом остаются столь прочны и стабильны, а медицинский медиадискурс, на современном этапе развивающийся в интернет-пространстве, будет использовать ресурсы традиционного устного и письменного медицинского дискурса (по крайней мере в русле рассмотрения тактик убеждения).

Существует классификация прагматических пресуппозиций, разработанная О.В. Щербаковой на основе трудов по прагматике Р.С. Столнейкера, Т.А. ван Дейка, В.Г. Гака [12]. Все прагматические пресуппозиции разделяются на группы по источнику (происхождению знания), по аксиологическому статусу и по сфере знания. В ходе изучения медицинского дискурса наиболее важным видится вопрос этимологии экстралингвистического знания, заложенного в пресуппозиции. Поэтому, опираясь на классификацию по источнику (2 группы: обретенные из внешнего мира и обретенные из текста), можно утверждать, что исследуемая на-

ми пресуппозиция будет относиться к группе «обретенных из личного, в смысле познания внешнего мира, опыта» [12, с. 155].

Возможность выделения конкретных маркеров модального значения в медиатекстах в целях функционально-прагматического анализа обусловлена тем фактом, что «пресуппозиция выражается посредством модусных рамок» [13, с. 312]. Если пресуппозиция связана с модусом, то пропозиция – с модальностью. По словам Н.А. Снегирёвой, «пропозиция является естественным аргументом модальных операторов и предикатов пропозициональной установки (то есть разного рода интенциональных операторов), таких как *возможно, необходимо, считает* и т. д. [14, с. 117]. Для исследования механизмов убеждения важно добавить, что «использование говорящим модальных операторов уверенности/убежденности придаёт пропозиции дополнительную ассертивную силу, приближая её к статусу знания, факта» [15, с. 47]. Поэтому, завершая характеристику пресуппозициональной специфики медицинского дискурса, перейдём к описанию модальной стороны высказывания, детерминирующей убедительность того или иного медиатекста.

Главнейшим средством для создания опеределённого мысленного образа, для изменения картины мира и отношения к действительности в сознании читателя и слушателя, то есть для воздействия на его когнитивную парадигму, является прагматическая и пропозициональная модальность [15, с. 47]. Будучи эффективным способом выражения прагматики текста, прагматическая модальность передаёт отношение к содержанию высказывания: во-первых, «оценку автором степени релевантности высказывания», во-вторых, «оценку степени значимости ключевого концепта – темы текста» [16, с. 60]. Поскольку модальность представляет собой отношение автора к высказыванию и высказывания к действительности, то её реализация и семантика находятся в зависимости от функций языковых единиц. Как верно отмечает Л.С. Ахраменко, «если модальность определяется функцией единиц, то модальность текста выполняет как семантическую (опи-

сание событий), так и прагматическую функции (воздействие на адресата). Значит, модальность связана как с семантикой, так и с прагматикой текста, так как отношение автора к действительности является средством реализации авторских интенций» [16, с. 60].

Ввиду того, что существует сложная корреляция между понятиями «текстовая», «грамматическая» и «авторская» модальность, исследователи по-разному относятся к выделению прагматической модальности как отдельного типа модальности текста. Принято считать, что текстовая и грамматическая модальность соотносятся следующим образом: первая определяется авторской модальностью и тем сознанием, которое стоит за текстом, а оформляется средствами языковой (объективной/субъективной) и речевой модальности. Грамматическая же связана с отношением к объективной действительности, с категориями реальности/ирреальности, что позволяет утверждать следующее: текстовая модальность, будучи сопряженной с текстом и сверхфразовым единством, выходит за рамки уровня грамматики и вбирает в себя коммуникативные стратегии и тактики (одной из которых является исследуемая нами стратегия убеждения в медицинском медиадискурсе). Между тем, грамматическая модальность – категория, фокус которой остается на отношении говорящего к объективной действительности и на субъективном отношении к высказыванию, как и принято считать со времен «Граматики-80».

В исследованиях прагматической модальности признается её родовая принадлежность к текстовой модальности, однако важно принять во внимание, что содержание, категориальный аппарат и виды данного типа модальности недостаточно разработаны: вместо словосочетания «прагматическая модальность» чаще употребляется выражение «прагматический аспект модальности»³, «прагматический аспект реализации модальности текста» [17]. Кроме номинации «прагматический аспект» частотно словоупотреб-

ление «прагматический подход» или «характер», а также «прагматическая установка» или «фокус». Тем не менее, в свете новейших исследований [16; 18] прагматическую модальность будем считать отдельным видом текстовой модальности, следуя за Л.С. Ахраменко [16, с. 59]. Здесь необходимо вернуться к вышеупомянутому высказыванию Т.В. Романовой об оформлении текстовой модальности ресурсами субъективной: иными словами, типы субъективной модальности и средства её выражения (модальные экспликативы) останутся актуальны для анализа текста как сверхструктуры, как метаединства знаков. Поэтому для выражения прагматической модальности текста будут использоваться языковые единицы, уже известные в качестве ресурсов эпистемической, деонтической и других видов модальностей. Сопоставительный анализ литературы, посвящённой описанию типологии модальной семантики, позволяет признать целесообразность «трактовки текстовой модальности в терминах алетической, деонтической эпистемической и аксиологической разновидностей» [19, с. 125].

Количественный анализ предваряет выделение конкретной языковой единицы выражения модальных значений-экспликатива (оператора), то есть формального средства выражения (экспликации) модального значения. В качестве комментария к терминам отметим, что общепринятая классификация модальности была позаимствована из философской логики: модальная логика, начав своё существование с трактатов Аристотеля, прошла через средневековую схоластику и идеи эпохи Возрождения (Г.В. Лейбниц) к немецкой классической философии, чтобы найти применение в лингвистике благодаря трудам Дж. Лайонса, Ф.Р. Палмера и др.

Табл. 1 отражает взаимосвязь логического типа модальности с определённой модальной семантикой, средством выражения которой служат модальные экспликативы. Экспликативы, не участвующие в выражении стратегии убеждения (например, с семантикой предположительности, неуверенности, возможности, невозможности и т. п.), а также принадлежащие к другим типам модальности, не учитываются в табл. 1.

³ Исхакова Р.Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в судебном дискурсе: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 210 с.

Таблица 1

Таблица формального и содержательного выражения
субъективной модальности применительно к стратегии убеждения

Table 1

The table of formal and semantic expression of subjective modality
in relation to the strategy of persuasion

Тип модальности	Модальная семантика	Модальные экспликативы
Эпистемическая модальность	семантика доказательства	<i>доказано</i>
	семантика опровержения	<i>опровергнуто</i>
	семантика уверенности	<i>уверен, убеждён, конечно, разумеется, несомненно, безусловно, в самом деле</i>
Деонтическая модальность	семантика разрешения	<i>можно, разрешается, разрешено</i>
	семантика запрещения	<i>запрещено, исключить, нельзя, ни в коем случае не...! даже не...!</i>
	семантика обязательности (долженствования)	<i>должен, обязан, обязательно, требуется + необходимо, нужно, надо, стоит (алетическое долженствование)</i>
Аксиологическая модальность	семантика желательности	<i>лучше, желательно, предпочтительно</i>

Источник: составлено автором на основе «Грамматики-80» Н.Ю. Шведовой.
Source: compiled by the author based on «Grammar-80» by N.Y. Shvedova.

Важно отметить, что модальность долженствования – отдельная семантическая группа модальных значений вне данной классификации (не всегда считается правомерной разновидностью модальности, поэтому целесообразно именуется «семантикой долженствования», «категорией долженствования», «значением долженствования» и т. п.), в которой разнообразные высказывания со значением долга будут сочетаться с алетическим долженствованием (*необходимо*). Именно поэтому для упрощения и схематизации операторы *необходимо, нужно, стоит* в табл. 1 примыкают к семантической группе долженствования. Учитывая сложность соотношения нескольких классификаций на основе семантического признака в ходе попытки их наложения друг на друга, данное обобщение не кажется грубым нарушением таксономической стройности.

Анализ 100 текстов медицинского медиадискурса показал, что наиболее характерны для речевой стратегии убеждения предикативные наречия, модальные слова, краткие

прилагательные и причастия с семантикой долженствования, разрешения и уверенности (рис. 1).

Приведём полученные результаты исследования на примере ряда конкретных модальных экспликативов (из табл. 1): именно на их основе был проведён функционально-прагматический анализ отобранных текстов. В табл. 2 представлены статистические данные, отражающие частотность употребления модальных экспликативов в медиатекстах медицинской тематики.

При приведении подсчётов методом программного моделирования на языке Python учитывались все словоформы изменяемых экспликативов: *обязан – обязана – обязано – обязаны*. Некоторые слова были сгруппированы в силу одинаковых семантико-грамматических характеристик сопоставляемых языков: к примеру, *разумеется, несомненно* и т. п. – модальные слова сходной семантики, которым в английском языке соответствует набор эквивалентов (наречия и модальные слова *naturally, undoubtedly*).

Рис. 1. Типы модальности в речевой стратегии убеждения
Fig. 1. Types of modality in the speech strategy of persuasion

Источник: построено автором на основе анализа корпуса медиатекстов. URL: https://docs.google.com/document/d/1wv56r7JQ4JQWsfzfN_02hSi30-0nXmr/edit.
 Source: compiled by the author, based on the analysis of the media texts corpus. URL: https://docs.google.com/document/d/1wv56r7JQ4JQWsfzfN_02hSi30-0nXmr/edit.

Различия в оттенках модальной семантики данных слов минимальны.

Для получения данных на основе англоязычных текстов использовались регулярные переводческие соответствия: *можно* – *may* (*might* исключён вследствие семантики неуверенности); *разрешено, разрешается* – *permitted, allowed* и т. д. Эквиваленты были отобраны из Кембрижского словаря⁴ в количестве 1:1 или 1:2 (но не более двух единиц перевода на одно русское слово). Полный список эквивалентных единиц, использованных при создании таблицы: *proven, disproven, sure, certain, convinced, of course, naturally, undoubtedly, absolutely, indeed, may, can, granted, allowed, permitted, forbidden, prohibited, discard, mustn't/must not, no case, not*

even, must, have to, ought to, necessarily, necessary, need/needed, worth, required, better, desirable, preferably, should, would. Кроме того, из списка видно, что для подсчёта не использовались полные конструкции, такие как «it is worth»: вместо этого в программу подавалась одна единица – *worth* – более краткая, при этом «ядерная» как с точки зрения компьютерного анализа, так и с точки зрения значения конструкции. Поэтому, например, стоящие рядом *desirable* и *preferably* – это имя прилагательное (именная часть, выраженная прилагательным из выражения «it is desirable») и наречие как самостоятельное модальное слово. В перспективе возможна улучшенная версия компьютерного анализа, проводимая на основании всех соответствий. К примеру, *предпочтительно* будет переведено с русского на английский с учётом

⁴ Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, University Press, 1995. 368 p. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 20.12.2024).

Таблица 2

Количественная характеристика модального плана текстов медицинского медиадискурса

Table 2

Quantitative characterization of the medical media texts modal plan

Модальная семантика	Модальный эксплициатор	Русскоязычные тексты, корпус 16521 слово		Англоязычные тексты, корпус 7092 слова	
		количество единиц	доля, %	количество единиц	доля, %
Доказательство	<i>доказано</i>	1	0,01	0	0
Опровержение	<i>опровергнуто</i>	0	0	0	0
Уверенность	<i>уверен, убеждён</i>	5	0,03	25	0,35
	<i>конечно, разумеется, несомненно, безусловно, в самом деле</i>	21	0,13	3	0,04
	<i>можно</i>	68	0,41	134	1,89
Разрешение	<i>разрешено</i>	2	0,01	1	0,01
	<i>разрешается</i>	0	0		
	<i>запрещено</i>	2	0,01		
Запрет	<i>исключить</i>	4	0,02	0	0
	<i>нельзя</i>	8	0,05		
	<i>ни в коем...!</i>	3	0,02		
	<i>даже не...!</i>	0	0		
	<i>должны</i>	23	0,14	0	0
Долженствование	<i>обязаны</i>	3	0,02	10	0,14
	<i>обязательно</i>	4	0,02	1	0,01
	<i>необходимо</i>	35	0,21	2	0,03
	<i>нужно</i>	25	0,15	13	0,18
	<i>надо</i>	7	0,04		
	<i>стоит</i>	11	0,07		
	<i>требуется</i>	1	0,01	1	0,01
Желательность	<i>лучше</i>	15	0,09	9	0,13
	<i>желательно</i>	2	0,01	0	0
	<i>предпочтительно</i>	1	0,01	0	0
	<i>хотелось бы</i>	0	0	18	0,25

Источник: статистические данные получены посредством разработки аналитической программы на языке Python.

Source: statistical data is obtained through the development of an analytical program in Python.

всего ряда соответствий: *preferably, for preference, first, preferentially, by preference*.

Нулевые значения заслуживают отдельного комментария. С одной стороны, нули могут быть обусловлены объемом выборки, с другой стороны – идиостилем, если предположить, что тексты сайтов поликлиник – продукт очень ограниченного круга авторов (до одного копирайтера на блог учреждения). При этом нельзя не отметить, что абсолютное отсутствие единицы *опровергнуто* –

disproven может быть также вызвано её тенденцией к употреблению в научном стиле.

Исследуемый же корпус текстов мы классифицируем с позиций стилистики как научно-популярный в силу специфики целевой аудитории: прагматику медицинского дискурса определяет такой фактор, как массовый адресат без специальных познаний в медицине. В то же время единицы с тенденцией к употреблению в разговорной речи – *даже не..., хотелось бы* – также отсутствуют

в русскоязычных текстах в силу возможной экспрессивности первого («даже не пытайтесь!») и выражения желания субъекта с оттенком формальности во втором («хотелось бы удостовериться...»). Можно сказать, что *хотелось бы* вводит в текст субъект конкретного волеизъявления, а для выборки на русском языке, как будет видно далее, конкретизация субъекта вовсе не характерна – здесь доминирует обезличенный субъект.

Нули от *запрещено* до *даже не* в правой части табл. 2 (от *forbidden* до *must*) могут быть также вызваны вышеперечисленными причинами: объёмом корпуса, стилем текста, гипотетическим использованием другого переводческого эквивалента в тексте (например, автор тяготеет к планомерному употреблению не учитываемой нами, более редкой единицы *preferentially* вместо *preferably*). Кроме того, для выражения модальности возможно использование фразеологизированных конструкций: *ни в коем случае* – *not by a blame / longsight* (разг.), *даже не* – *never so much as*. Тем не менее, можно сделать вывод, что, по сравнению с русским языком, выражение доказательства, опровержения, долженствования через *must* и запрета не популярны с точки зрения англоязычного медицинского дискурса. Здесь важно подчеркнуть наименьшие показатели у запрета, видимо, как самого нетолерантного и даже конфликтогенного речевого проявления в понимании носителей английского языка. Долженствование табуировано только в случае с произнесением говорящим единицы *must*. Согласно данным Кембриджского словаря, *must* отражает крайнюю степень долженствования (“If something is a must, it is very important to have or do it”), а также коррелирует с субъективным, а значит, спорным, осознанием внутреннего долга (“something is very likely or certain to be true”). Следовательно, авторы статей на английском языке сознательно избегают ряда лексических единиц, поскольку запрет и долженствование в медицинских текстах будут восприняты читателями крайне неодобрительно.

Деонтическая модальность. Деонтическая модальная семантика запрета весьма характерна для русского языка: самым час-

тотным является экспликатор *нельзя* (8). Концептуально доктор будет ассоциироваться у русскоговорящего пациента с целым комплексом запретов и предписаний. Деонтическая модальность разрешения представлена в обоих языках через *можно* (68), однако данная единица соотносится только с косвенным убеждением, и, обладая слабой перлокутивной силой, требует учета контекста. Интересным видится следующее замечание: в английском языке при отсутствии *must* (*должен*) преобладает *have to* (*должен, обязан*) как значение облигаторности, обусловленной извне. Алетические операторы *необходимо* (*necessary*) и *нужно/надо* (*need/needed*) в сопоставляемых языках демонстрируют зеркальные результаты ввиду общеупотребительности *need* в английском (в отличие от более длинного *necessary*), и универсального характера лексемы *необходимо* на фоне несколько более разговорного *нужно*.

Эпистемическая модальность. В рамках реализации стратегии убеждения чаще всего использовались следующие маркеры эпистемической модальности: в русском языке – модальные (вводно-модальные) слова *конечно, разумеется, несомненно* и т. д.; в английском – предикативные прилагательные *sure, certain, convinced* (*уверен, убеждён*). С точки зрения прагматики, это демонстрирует тенденцию к обезличиванию медицинского текста в русскоязычном интернет-сегменте, вероятно, в целях повышения объективности сообщаемой информации. Автор англоязычного медиатекста, напротив, стремится выстроить доверительно-коллегияльные отношения с пациентом: *уверен, убеждён* всегда подразумевают наличие субъекта речи в предложении.

Аксиологическая модальность. Семантика желательности, в целом, характерна для медицинского дискурса на обоих языках. С учётом специфики аксиологической модальности – она соотносится скорее с косвенным убеждением, чем с прямым, – и того факта, что для анализа подходит лишь один её семантический тип (желательность), полученные показатели были ожидаемы. Изначально для данного типа было отобрано меньше всего экспликаторов – 3, но даже на их основе

удалось выявить, что универсальной единицей для двух языков является *лучше/better*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование сплошной выборки в количестве 100 медиатекстов медицинского медиадискурса показало, что 81,3 % от общего количества модальных экспликатов выражают деонтическую модальность. При этом в исследуемых медиатекстах была выявлена высокая концентрация единиц со значением долженствования. Эпистемическая модальность эксплицируется в 11,2 % случаев, в то время как аксиологическая модальность со значением желательности проявляется в 7,5 % от общего количества рассмотренных единиц.

В ходе исследования было дано функционально-прагматическое описание медицинского медиадискурса с точки зрения модусной и пресуппозициональной структур. Проведённый анализ позволил наглядно отразить корреляцию определённого набора текстовых единиц (модальных экспликатов) с семантикой, выражаемой в предложении. Необходимо добавить, что рассмотренные в данной статье экспликативы – далеко не единственное средство выражения модальности при реализации стратегии убеждения, и, тем более, не единственный ресурс, формирующий уровень прагматики текста. В данном исследовании были использованы лишь отдельные модальные экспликативы, отобранные на основании частотности употребления и наличия эквивалента в английском языке. Перспективу дальнейшего исследования составляет более подробный анализ речевых стратегий, реализующих воздействующую функцию в медицинском медиадискурсе, категоризация тактик внутри стратегии убеждения, выявление соотношения разных типов дискурса – авторитарного и коллегиального внутри дискурса медицины (и внутри медиадискурса как более нового

феномена). Список модальных экспликативов, как и корпус медиатекстов, может быть расширен, что позволит впоследствии перейти к поиску ведущей стратегии в зависимости от типа исследуемого дискурса. Данной задаче будет посвящён следующий этап исследования.

Сопоставительный анализ показал, что патернализм создаёт благоприятную почву для убеждения пациента в русском языке. Было выявлено, что в медиатекстах на русском языке чаще функционируют категории долженствования и запрета: характерно прямое убеждение посредством лексемы *должен* как самого яркого экспликатива долженствования. В английском языке особое внимание уделяется вербальному выражению уверенности, причём происходит отказ от категорий деонтической модальности. Такая тенденция обусловлена ориентацией медицинских учреждений на создание психологически комфортного, «экологичного» текста в зарубежном медиапространстве, что характерно для коллегиального медицинского дискурса. В русском же языке, напротив, доминирует авторитарный тип дискурса и наблюдается установка на истинность, полезность и применимость опубликованных сведений: даже в массмедиа преобладает стремление к трансляции фактологической и лабораторно подтвержденной информации. Иначе говоря, русскоязычное интернет-сообщество не боится откровенных запретов – ведь на чаще весов вопросы сохранения собственной жизни и здоровья, квалифицированного медобслуживания в стране и повсеместно качественной медицинской помощи. Следовательно, прямо или косвенно, сознательно или бессознательно, патерналистическая парадигма, «пустившая корни» в российский медицинский дискурс, продолжает функционировать в антропоцентричной картине мира медицинской практики и оказывать влияние на речевое поведение русскоязычных коммуникантов.

Список источников

1. Куликова Л.В., Белецкий С.Б. Дискурс патерналистических отношений в лингвистическом аспекте // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 247-251. <https://elibrary.ru/oxjwuv>
2. Zheng J., Luo R. Research on the global communication of traditional Chinese medicine from the perspective of cognitive linguistics // Journal of Ecohumanism. 2024. Vol. 3. № 4. P. 256-261. <https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3499>, <https://elibrary.ru/jfmacc>
3. Eggers C., Obliers R., Koerfer A. et al. A multimedia tool for the informed consent of patients prior to gastric banding // Obesity (Silver Spring). 2007. Vol. 15. P. 2866-2873. <https://doi.org/10.1038/oby.2007.340>
4. Subhash Ch.P., Balachandra V.A. Effective medical communication. Singapore: Springer Singapore Ltd, 2020. 266 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3409-6>
5. Белецкий С.Б. Дискурсивные практики патернализма // Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2015. С. 50-60. <https://elibrary.ru/tukxjd>
6. Романов А.С. Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 122-134. <https://elibrary.ru/zgqhyb>
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. 284 с. <https://elibrary.ru/qoflwb>
8. Оленев С.В., Каменева В.А., Рабкина Н.В. Концепт ВРАЧ в языковом сознании подростков с ВПС после операции на сердце и их условно здоровых сверстников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 8. С. 2618-2624. <https://doi.org/10.30853/phil20240374>, <https://elibrary.ru/kamtpe>
9. Чигринова Е.А. Компаративный анализ объективации ядерных признаков образа -стереотипа «плохой врач» в российских и британских СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 2 (237). С. 96-101. <https://elibrary.ru/jakcwk>
10. Чигринова Е. А. Особенности объективации образа -стереотипа «хороший врач» в русскоязычных СМИ // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 493-496. <https://elibrary.ru/yobpoh>
11. Болокова Н.К. Преобразование аксиологических параметров концепта «врач» в современной русской лингвокультуре // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6-1. С. 227-231. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-227-231>, <https://elibrary.ru/vkuvdj>
12. Щербакова О.В. О классификации прагматических пресуппозиций // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 2. С. 154-158. <https://elibrary.ru/jvcyzx>
13. Трущелёв П.Н. Грамматика учебного текста и предметные знания (пресуппозиция) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 312-325. <https://doi.org/10.17223/18137083/81/24>, <https://elibrary.ru/pmuume>
14. Снегирёва Н.А. Лингвофилософские аспекты изучения пропозиции // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 1. С. 113-119. <https://elibrary.ru/kjvrll>
15. Темиргазина З.К. Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 44-50. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-05>, <https://elibrary.ru/axoxfs>
16. Ахраменко Л.С. Модальность как способ выражения прагматики текста // Концептуализирующая сила грамматики: сб. науч. ст. Минск: МГЛУ, 2022. С. 58-68. <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/9425>
17. Салтыкова М.С. Прагматический аспект реализации модальности текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 2. С. 113-114. <https://elibrary.ru/raitob>
18. Ахраменко Л.С. Роль модальности в реализации прагматической установки автора в публицистическом дискурсе // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. С. 77-86. <https://elibrary.ru/xpbbyq>
19. Караулычикова Ю.В. О типологическом аспекте модальной семантики // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 4 (25). С. 125-131. <https://elibrary.ru/qedqbr>

References

1. Kulikova L.V., Beletskii S.B. Paternalistichal discourse through linguistics. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2012, no. 2 (33), pp. 247-251. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oxjwuv>

2. Zheng J., Luo R. Research on the global communication of traditional Chinese medicine from the perspective of cognitive linguistics. *Journal of Ecohumanism*, 2024, vol. 3, no. 4, pp. 256-261. (In Russ.) <https://doi.org/10.62754/joe.v3i4.3499>, <https://elibrary.ru/jfmacc>
3. Eggers C., Obliers R., Koerfer A. et al. A multimedia tool for the informed consent of patients prior to gastric banding. *Obesity (Silver Spring)*, 2007, vol. 15, pp. 2866-2873. <https://doi.org/10.1038/oby.2007.340>
4. Subhash Ch.P., Balachandra V.A. *Effective Medical Communication*. Singapore, Springer Singapore Ltd, 2020, 266 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3409-6>
5. Beletskii S.B. Discursive practices of paternalism. *Diskursivnye praktiki sovremennoi institutsional'noi kommunikatsii*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2015, pp. 50-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tukxjd>
6. Romanov A.S. Speech cliches of the US army subculture within the context of ethnocultural stereotyping. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, 2017, no. 33, pp. 122-134. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgqhyb>
7. Krasnykh V.V. *Ethnopsycholinguistics and Linguocultural Studies*. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qoflwb>
8. Olenov S.V., Kameneva V.A., Rabkina N.V. The concept DOCTOR in the language consciousness of adolescents with CHD after heart surgery and their conventionally healthy peers. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2024, vol. 17, no. 8, pp. 2618-2624. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20240374>, <https://elibrary.ru/kamtpe>
9. Chigrinova E.A. The comparative analysis of an objectivization of the main signs of an image stereotype "the bad doctor" in the Russian and British media. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie = The Bulletin of the Adyge State University. The Series: Philology and the Arts*, 2019, no. 2 (237), pp. 96-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jakcwk>
10. Chigrinova E. A. The features of objectivation of the stereotyped image of "a good doctor" in Russian-language mass media. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2018, no. 5 (72), pp. 493-496. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yobpoh>
11. Bolokova N.K. Transformation of axiological options of the concept "doctor" in modern Russian linguistic culture. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea*, 2015, vol. 7, no. 6-1, pp. 227-231. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-227-231>, <https://elibrary.ru/vkuvdj>
12. Shcherbakova O.V. On classification of pragmatic presuppositions. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 2, pp. 154-158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jvcyzx>
13. Trushchelev P.N. Expository text grammar and disciplinary knowledge (presupposition). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 312-325. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/81/24>, <https://elibrary.ru/pmuume>
14. Snegireva N.A. Linguistic-philosophical aspects of proposition study. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 1, pp. 113-119. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kjvrll>
15. Temirgazina Z.K. Modal meanings as effective means of verbal manipulation in the speech of politicians. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2019, no. 6 (78), pp. 44-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/pl19-06-05>, <https://elibrary.ru/axoxfs>
16. Akhramenko L.S. Modality as a way of expressing the pragmatics of a text. *Sbornik nauchnykh statei «Kontseptualiziruyushchaya sila grammatiki» = Collection of Scientific Articles "The conceptualizing power of grammar"*. Minsk, MSLU Publ., 2022, pp. 58-68. (In Russ.) <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/9425>
17. Saltykova M.S. The problem of expressing text modal meanings: pragmatic aspect. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 113-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raitob>
18. Akhramenko L.S. The role of modality in the realization of the author's pragmatic attitude in a publicistic discourse. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2021, no. 1, pp. 77-86. <https://elibrary.ru/xpbbyq>
19. Karaulshchikova Yu.V. On the typology of modal semantics. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*, 2019, vol. 7, no. 4 (25), pp. 125-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qedqbr>

Информация об авторах

ТРОФИМОВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1295-5002>, Scopus ID: 5736804740, Researcher ID: A-6031-2017, trofimova-gn@rudn.ru

КОМЛЕВА Милена Викторовна, преподаватель кафедры русского языка № 5, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-5771-7269>, mlenissima@yandex.ru

Для контактов:

Комлева Милена Викторовна
e-mail: mlenissima@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.01.2025
Поступила после рецензирования 04.03.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Galina N. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Mass Communications Department of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1295-5002>, Scopus ID: 5736804740, Researcher ID: A-6031-2017, trofimova-gn@rudn.ru

Milena V. Komleva, Lecturer at the Russian Language Department no. 5, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-5771-7269>, mlenissima@yandex.ru

Corresponding author:

Milena V. Komleva
e-mail: mlenissima@yandex.ru

Received 14.01.2025
Revised 04.03.2025
Accepted 06.03.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-139-147>

OECD 5.08; ASJC 3315

The problem of cyberbullying in the mirror of videoblogging

Alla M. Shesterina¹ , Vera V. Boguslavskaya²

¹Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

²Pushkin State Russian Language Institute

6 Academician Volgina St., Moscow, 117485, Russian Federation

✉ shesterina8@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. Psychological topics are currently in demand in video blogging. The purpose of the study is to identify approaches of video bloggers of the Russian-speaking sector of the Internet to informing about cyberbullying, to specify the dominant rhetoric in this thematic niche. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the videos posted on the Rutube platform and issued first by prioritization algorithms for the query “cyberbullying”. Based on a multimodal discourse analysis of these videos, we specify the dominant rhetoric in the description of cyberbullying, and also record the dominant subtopics within the key topic. **RESULTS AND DISCUSSION.** Video bloggers are actively developing the topic of cyberbullying. In terms of dominant rhetoric, we cannot speak about the predominance of objective or subjective forms of information presentation – they are present in the analyzed content to an equal extent. At the same time, it can be noted that the rhetorics of optimism and rationality dominate over the rhetoric of frustration. Attention is paid to such aspects of the phenomenon as types, causes and means of preventing cyberbullying. At the same time, cyberbullying is not always defined, indicating that the term is gradually becoming generally accepted. At the same time, its interpretation is extremely variable among different authors, and the range of phenomena united by the term “cyberbullying” is wide. The description of the causes and ways of combating this phenomenon are also varied. **CONCLUSION.** In the analyzed media sector such phenomenon as retelling of the same type of information in different variants, as well as prescriptive manner of narration is widespread. However, the majority of publications are of a constructive nature and are aimed at combating the negative consequences of cyberbullying.

Keywords: new media, network videocontent, videoblogging, cyberbullying, media literacy, media psychology, narrative rhetoric

Funding: This study received no external funding.

Authors' Contribution: A.M. Shesterina – research idea and design, data analysis and interpretation, research results processing, manuscript editing, manuscript text critically review and correction, approval of the manuscript final version. V.V. Boguslavskaya – scientific literature review, source material selection, material processing and editing, data collection, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. A.M. Shesterina is a member of the journal's editorial board of the journal “Neophilology”, but has nothing with decision to publish this article. The article passed the journal's peer review procedure. The authors declare no other conflicts of interests.

For citation: Shesterina, A.M., & Boguslavskaya, V.V. The problem of cyberbullying in the mirror of videoblogging. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):139-147. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-139-147>

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-139-147>

Шифр научной специальности 5.9.9

Проблема кибербуллинга в зеркале видеоблогинга

Алла Михайловна Шестерина¹ , Вера Васильевна Богуславская²

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, 1

²ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

117485, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6

 shesterina8@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Психологическая тематика сегодня востребована в видеоблогинге. Цель исследования – выявить подходы видеоблогеров русскоязычного сектора Интернета к информированию о кибербуллинге, конкретизировать доминирующие в этой тематической нише риторике. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материал исследования – видеоролики, размещённые на платформе «Рутьюб» и выдаваемые алгоритмами приоритетизации первыми по запросу «кибербуллинг». На основе мультимодального дискурс-анализа этих видеороликов мы конкретизируем доминирующие риторике в описании кибербуллинга, а также фиксируем доминирующие подтемы в рамках ключевой темы. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Видеоблогеры активно разрабатывают тему кибербуллинга. В аспекте доминирующих риторик нельзя говорить о преобладании объективной или субъективной формы подачи информации – они присутствуют в анализируемом контенте в равной степени. Наряду с этим, можно отметить, что риторике оптимизма и рациональности доминируют над риторикой фрустрации. Обращено внимание на такие аспекты явления, как виды, причины и средства предотвращения кибербуллинга. При этом определение кибербуллинга даётся не всегда, что свидетельствует о том, что термин постепенно становится общепринятым. Вместе с тем его трактовка чрезвычайно вариабельна у разных авторов, широк круг явлений, объединяемых понятием «кибербуллинг». Также вариабельны описание причин и способов борьбы с этим явлением. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** В анализируемом секторе медиа распространено такое явление, как пересказ однотипной информации в разных вариантах, а также рецептурная манера повествования. Однако большинство публикаций имеет конструктивный характер и направлено на борьбу с негативными последствиями кибербуллинга.

Ключевые слова: новые медиа, сетевой видеоконтент, видеоблогинг, кибербуллинг, медиаграмотность, медиапсихология, риторика повествования

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: А.М. Шестерина – идея и дизайн исследования, анализ и интерпретация данных, обработка результатов исследования, редактирование рукописи, критический пересмотр и коррекция рукописи, утверждение окончательного варианта рукописи. В.В. Богуславская – обзор литературы, подбор первичного материала, обработка и редактирование материала, сбор данных, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. А.М. Шестерина является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования: Шестерина А.М., Богуславская В.В. Проблема кибербуллинга в зеркале видеоблогинга // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 139-147. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-139-147>

INTRODUCTION

Forming media literacy today is one of the key challenges facing media researchers. It is associated with such a process as the mediatization of various spheres of our lives [1]. Its intensity is noted by many researchers as a factor of significant sociocultural transformations that affect the life of society as a whole and each individual [2–5]. This process leads to an exacerbation of those problems that previously existed in the network environment [6–8]. First of all, they are associated with aggressive behavior of users, which is sometimes activated by such qualities of Internet communication as apparent anonymity, impunity, and frivolity. Such problems include – cyberbullying. In the framework of the research, we define cyberbullying as “intentional, systematic aggression directed against a victim using digital technologies” [9], primarily in a networked environment. Unfortunately, survey results show that online bullying is extremely common. Thus, according to the results of a joint study by the social network “VKontakte” and the company that develops survey processes “UXSSR”, in 2023, 57 % of Russians encountered a situation of cyberbullying¹. The results of the 2021 VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) study specify the manifestations of bullying that Russian user most often had to deal with:

- rude comments addressed to oneself – 10 %;
- rude comments about other people – 49 %;
- trolling towards oneself – 7 %;
- trolling towards other people – 39 %;
- insults due to gender, age or views – 6 %;
- insults due to gender, age or views towards other people – 34 %;
- offensive rumors addressed to oneself – 5 %;
- offensive rumors against other people – 31 %;

- threats of violence against oneself – 3 %;
- threats of violence against other people – 21 %;
- publishing private information, intimate photos or videos addressed to oneself – 2 %;
- publication of private information, intimate photographs or videos, address of other people – 21 %;
- publishing offensive photos or videos addressed to oneself – 1 %;
- posting hurtful photos or videos about other people – 26 %².

In addition, it is important to emphasize in the context of the research that cyberbullying victims are often wary of seeking help in the first reality and seek answers online. And due to the process of visualizing media consumption noted by scientists [10–13], they choose network video content as a kind of “advisers”. The quality of video content about cyberbullying in such a situation becomes especially significant, since incorrect explanations, pseudoscientific, unsupported advice can only aggravate the problem. The purpose of the research is to identify the approaches of video bloggers in the Russian-speaking sector of the Internet to informing about cyberbullying, to specify the rhetoric that dominates this thematic niche and to determine the audience’s reaction to this kind of video content.

Despite the significance of the problem, it’s severely understudied. It is safe to say that there are many studies aimed at analyzing the phenomenon itself “cyberbullying” and developing recommendations for responding to this problem [14–17]. There are also studies of video blogs as a relatively new media sector with a significant impact on audiences in general [18–22] and young viewers in particular [23; 24]. However, so far there has been no comprehensive study of the representation of the topic of cyberbullying in the Russian-language video blogging sector in order to identify the authors’ approaches to informing about this problem, as well as to determine the audience’s reaction to this kind of con-

¹ Akimova E. 57 % of Russians have encountered cyberbullying. Why this is a problem. // RBC. 10.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168> (accessed: 14.01.2025).

² Cyberbullying: the scale of the problem in Russia // VCIOM. 07.06.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (accessed: 14.01.2025).

tent. In our study, we strive to close this obvious gap.

MATERIALS AND METHODS

The research material is video hosting channels "Rutube" of a popular science and cultural and educational orientation. The empirical basis of the study was ten videos, prioritized by the platform's recommendation algorithms on demand "cyberbullying" and comments on them: "Cyberbullying" (channel «Digit Lesson»)³, "What is cyberbullying?" (channel "AGOPP")⁴, "What is cyberbullying" (channel "UT Ministry of Internal Affairs of Russia for the North Caucasus Federal District")⁵, "Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it" (channel "RosCo")⁶, "Types of cyberbullying" (channel "Cyberethics")⁷, "Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson "Conversations about important things" (channel "YAKlass")⁸, "Connected by the same network | Cyberbullying" (channel "Center for Global IT Cooperation")⁹, "Cyberbullying. How to deal with bullying on the Internet" (channel "DON-24 TV channel")¹⁰, "Cyberbullying and trolling. What to do?" (channel "Regional Development

Center")¹¹, "What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying" (channel "Anti-terrorism")¹².

The study includes two key stages. In the first stage, we analyze the content of the videos with the aim of identifying the dominant rhetoric of the narrative. In this part of the study, we apply a multimodal analysis, in which we consider the following levels of the work: verbal, intonational, visual, level of subtext and level of context. At each of these levels, we record markers that determine the author's attitude to the subject of the story according to criteria that are essential to us: objectivity or subjectivity, a key idea and an emotional message.

At the second stage, using the discourse analysis method, we identify the audience's reaction to the analyzed video content. To achieve this goal, we analyze comments on videos, recording their content according to the following relevant parameters: significance or insignificance of the topic, positive or negative attitude towards the topic.

The comparison of the results of the first and second stages allows us to identify the interdependence between the dominant rhetoric of the author and the reaction of the audience.

RESULTS AND DISCUSSION

The analysis of the media content in the sample revealed two key rhetoric in which cyberbullying is discussed.

1. Objectivizing the narrative. Online bullying is presented in such videos as a social problem. The means of solving it are media education, adjustment of the legal sphere and psychological assistance.

Narrative objectification is present in 50 % of the analyzed videos. The degree of objectification can vary. The author can be present in the frame, personify the message, but present the material unemotionally ("What is cyberbully-

³ Cyberbullying // Rutube. 16.01.2023. URL: <https://rutube.ru/video/37f71a781e8ba5f6f74e0f0357b58406/> (accessed: 14.01.2025).

⁴ What is cyberbullying? // Rutube. 11.02.2025. URL: <https://rutube.ru/video/d2e62155219d3290b1da5248721a4330/> (accessed: 13.02.2025).

⁵ What is cyberbullying // Rutube. 14.12.2023. URL: <https://rutube.ru/video/51ffab25166bfb4f234969bed282956f/> (accessed: 14.01.2025).

⁶ Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it // Rutube. 24.09.2024. URL: <https://rutube.ru/video/b122d8b344f1ac6a3d60e2daf1abb2f9/> (accessed: 14.01.2025).

⁷ Types of cyberbullying // Rutube. 16.04.2022. URL: <https://rutube.ru/video/1d64d93b67caaf523f1997e67cf78c35/> (accessed: 14.01.2025).

⁸ Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson "Talk about important things" // Rutube. 12.11.2024. URL: <https://rutube.ru/video/03bb482194741a6384f1b11bdda3d57a/> (accessed: 14.01.2025).

⁹ Connected by one network | Cyberbullying // Rutube. 05.08.2022. URL: <https://rutube.ru/video/067514e2fbc0f0b733057bf05c1d5b32/> (accessed: 14.01.2025).

¹⁰ Cyberbullying. How to deal with bullying on the Internet // Rutube. 28.06.2021. URL: <https://rutube.ru/video/0f09c1d42181d2de647181a0fd2662cd/> (accessed: 14.01.2025).

¹¹ Cyberbullying and trolling. What to do? // Rutube. 12.16.2024. URL: <https://rutube.ru/video/5e2e70678215011e7c576df7351a9ed2/> (accessed: 14.01.2025).

¹² What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying // Rutube. 18.09.2024. URL: <https://rutube.ru/video/12b6342846c51b3a153f7c7500b21cfe/> (accessed: 14.01.2025).

ing?”, “Cyberbullying: what is it and how to protect yourself from it”). The author may be absent from the frame and transmit information in voice-over text “Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson “Conversations about important things”). The video can be completely depersonalized: information is transmitted only through video sequences (a combination of images and credits), and the sound series contains only musical accompaniment (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”) or not at all (“What is cyberbullying”). In this case, animation and video formats from the board are often used.

2. Narrative subjectivation. The problem is viewed emotionally. Subjectivation takes two key forms. In the first case, cyberbullying is considered a personal tragedy of a person. The author addresses those who can be considered victims of cyberbullying (“How to combat online bullying”, “Cyberbullying and trolling. What to do?”). In the second case, the author emotionally conveys information about the phenomenon, there is an intimidation of the narrative, the presence of voice makeup, a reduction in the distance of communication, and sometimes fictional fairy-tale characters are introduced (nerpa Zhenya in the video “Cyberbullying”, “Types of cyberbullying”, “Connected by one network| Cyberbullying”).

Regardless of the rhetoric, the authors use a similar composition, including the following compositional nodes in different sequences:

1. Exposition. There is often a reliance on a figurative landmark, the telling of a specific story (“Cyberbullying. How to combat online bullying”, “Cyberbullying and trolling. What to do?”, “Cyberbullying”, “Types of cyberbullying”);

2. Definition of cyberbullying (“Cyberbullying”, “What is cyberbullying?”, “Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson “Conversations about important things”). It is present in only 30 % of the analyzed content, which indicates that the term itself has already become commonly used;

3. Specification of its characteristics and types (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”, “What is cyberbullying?”, “Cyberbullying: what

is it and how to protect yourself from it”, “Types of cyberbullying”, “Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson “Talking about important things”);

4. Determining the causes (“Cyberbullying. How to combat online bullying”, “Cyberbullying and trolling. What to do?”, “Types of cyberbullying”);

5. Recommendations to combat this phenomenon (100 % of the analyzed content).

The last two parts are extremely variable. As a rule, they include general provisions that are supplemented by unique author information.

Thus, among the reasons are the peculiarities of the network environment (primarily – anonymity of communication), poor development of legal norms, psychological illiteracy of the population.

Individualized reasons include the aggressors desire to gain emotions and popularity (“Cyberbullying. How to deal with online bullying”), the power imbalance between the victim and the aggressor (“What is cyberbullying?”), the psychological characteristics of the aggressor (“What is cyberbullying?”). The latter are sometimes taken to the point of absurdity. So, in the video “Cyberbullying and trolling. What to do?” there is a phrase addressed to the victim: “Think, perhaps they (the aggressors) are so sad... And you are so popular”. Such a phrase sounds like an implicit justification for the aggressor. And in the video “Types of cyberbullying” we find excessive hyperbolization of the phenomenon: “Don’t you think that people are basically evil?”.

Common means of struggle include advice not to react to the bully’s attacks, not to make excuses, to block the offender, and to remove the problem from network communication into real communication.

Individual recommendations differ in varying degrees of validity. For example, the recommendation “not to post personal photos” is hardly feasible (“What is cyberbullying. And how to avoid falling victim to cyberbullying”). The same can be said about the recommendation: “Keep an eye on everyone who subscribes to you. Look at which pages they follow. Maybe there are hate groups in subscriptions” (“What is cyberbullying?”). But the recommendations to

use the appropriate settings and algorithms of the networks themselves and to contact the technical support service seem correct (“Cyberbullying. How to combat online bullying”, “Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”). Recommendations are also correct “do not mirror the negative” (“Cyberbullying and trolling. What to do?”), “find someone who will support you”, “take a screenshot of the offender’s messages” (“Cyberbullying”), “contact the police” (“Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”). One of the videos is devoted to the analysis of criminal liability for online bullying (What is cyberbullying”), and the other – administrative liability (“Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”).

You can also note the peculiarity of the recommendations – their focus on children. It can be seen in remarks emphasizing that cyberbullying is primarily a child problem situation: “Tell adults about the problem” (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”), “How can you explain to a child in which case it is better to contact adults?” (“What is cyberbullying?”), “Train your child to report threats to you...” (“What is cyberbullying?”), “Schoolchildren are most often the victims” (“Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”). The focus on children is also supported by the fact that 50 % of the videos from the analyzed sample are made in animated formats.

In terms of emotional message, the following rhetoric can be defined:

1. Rational. The author talks about the problem relatively calmly and carefully (“What is cyberbullying. And how to avoid falling victim to cyberbullying”, “What is cyberbullying?”, “Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”);

2. Optimistic. The author appeals to victims with a positive attitude and a solution to the problem (“Cyberbullying. How to combat online bullying”, “Cyberbullying and trolling. What to do?”, “Cyberbullying”, “Cyberbullying. Educational cartoon for the lesson “Talking about important things”);

3. Frustrating. The author describes the situation as extremely complex, with shocking

problems (“Single Network Linked | Cyberbullying”).

These rhetorics are reinforced intonationally, as well as at the video level – in the use of credits and infographics.

Visual images of victims are an important part of the narrative. They can be broadly divided into three types:

1. Victims at the peak of cyberbullying. Here we see suffering, depression on a person’s face. A dark color palette is used (“Cyberbullying and trolling. What to do?”, “Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”, “Connected by the same network | Cyberbullying”);

2. Victims who have overcome the misfortune and solved the problem. Faces are either serious, concerned and confident, or joyful (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”, “Cyberbullying. How to combat online bullying”, “Cyberbullying”);

3. Victims are popular, famous people who have experienced and dealt with serious problems (“Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”, “Types of cyberbullying”).

Some terminological confusion can be noticed in the analysis of the phenomenon itself. A number of authors interpret the concept “cyberbullying” narrowly, only as deliberate online bullying, while other authors include in the concept “cyberbullying” such phenomena as “trolling” (“Cyberbullying and trolling. What to do?”), “boycott”, “harassment”, “outing”, “dissing”, “frapping” (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”), “happy slapping”, “griefing” (“What is cyberbullying?”), “hating”, “cyberstalking”, “personal data leak” (“Cyberbullying: what it is and how to protect yourself from it”), “cybermobbing”, “body shaming”, “sexism”, “leaking”, “catfishing” (“Types of cyberbullying”).

It is interesting to trace the audience’s reaction to the broadcast content. It can be roughly divided into positive and negative.

Positive reactions include support for victims, support for the author, and support for the company (“Cyberbullying. How to combat bullying on the Internet” – comments from respondents in the video itself in the format of a street

survey). There may also be personal stories of cyberbullying: “I am constantly being bullied on the Internet! It even happened that I wanted to leave the Internet for good!”¹³ (“What is cyberbullying. And how to avoid becoming a victim of cyberbullying”), “I am constantly being bullied on the Internet (((((“Cyberbullying”). The negative reaction is expressed in the formulation of the thesis about the meaninglessness of such content and in the desire to switch the audience’s attention to another topic: “Also for me, the meaning of life” (“Types of cyberbullying”).

CONCLUSION

The results of the study indicate that the network environment pays sufficient attention to the problem of cyberbullying. The authors are generally united in their story about the essence, causes, consequences, forms of this phenomenon and ways to combat them. It is important that there is content addressed to both adult and children’s audiences.

¹³ The author’s spelling and punctuation are preserved in the commentary quotes.

The materials are dominated by two key rhetoric – a realistic and optimistic attitude towards the possibility of solving the problem. Frustrating rhetoric was found in only one video. This can be assessed as a positive approach to communication, since it is important for victims to understand that their situation is solvable.

The negative aspects of developing the topic of cyberbullying in the analyzed media sector include infrequent contact with experts (only in two videos), leading to the repetition of banal statements or even the appearance of erroneous recommendations. Also alarming is the authors’ differing understanding of the “cyberbullying” category. Different authors include various specific communication acts in the range of analyzed phenomena, which devalues some recommendations, since they apply only to individual forms of cyberbullying.

Summarizing the above, we emphasize that on the “Rutube” platform active and fairly correct work is being carried out to improve the literacy of the population regarding the situation of cyberbullying, however, increasing media literacy in this area still cannot be considered fully implemented.

References

1. Vartanova E.L. Media and the city: about current mutual influences. *Medi@l'manakh* = *Medi@lmanah*, 2020, no. 1 (96), pp. 8-19. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rksksg>
2. Amzin A.A. Features of media consumption. In: *How New Media Have Changed Journalism. 2012–2016*. Ekaterinburg, Humanitarian University Publ., 2016, 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xqepzz>
3. Vartanova E.L. Towards the implications of digital transformation of the media environment. *Medi@l'manakh* = *Medi@lmanah*, 2022, no. 2 (109), pp. 8-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814>, <https://elibrary.ru/yrzxdz>
4. Zvereva E.A., Khvorova V.A. Transformation of value orientations of young people in a modern information and communication environment. *Kommunikativnye issledovaniya* = *Communication Studies*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7-28. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.9\(1\).7-28](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.9(1).7-28), <https://elibrary.ru/adfvbn>
5. Fatyanov V.M., Kartavtsev D.A. Features of influence of network Internet communities on value orientations of student youth. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2018, no. 5 (56), pp. 58-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.56.5.007>, <https://elibrary.ru/vvmrhg>
6. Simakova S.I. Collision of thinking in the youth as a consequence of development of visual communications in the media. *Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya* = *Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2017, no. 2 (24), pp. 107-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrgief>
7. Vartanova E.L., Vyrkovskii A.V., Zagidullina M.V. Media text in the era of digital platforms: opportunities and threats. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika* = *Lomonosov Journalism Journal*, 2024, no. 3 (49), pp. 3-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2024.313>, <https://elibrary.ru/uujmhi>

8. Kopylova O.Yu., Fedorchenko K.E. Current practice in the application of digital asceticism. *Materialy Vse-rossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii «Sovremennye tekhnologii v obrazovanii: aktual'nye problemy i tendentsii»* = *Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference "Modern Technologies in Education: Current Problems and Tendencies"*. Izhevsk, East-Europe Institute Publ., 2021, pp. 205-210. (In Russ.) <https://elibrary.ru/evuuym>
9. Shiller A., Vege A. Cyberbullying. In: *How to Read Media*. Moscow, GetEInstitut Publ., 2020, pp. 24-25. (In Russ.)
10. Grabelnikov A.A., Gegelova N.S. *Screen Communication and Visualization of Journalism*. Tver, Tver State University Publ., 2019, 335 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uiznso>
11. Zvereva E.A., Sapunov V.I., Pinchuk O.V., Shesterina A.M. *Peculiarities of Functioning of Modern Audiovisual Media*. Voronezh, Kvarta Publ., 2018, 258 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpbnyi>
12. Kachkaeva A.G., Shomova S.A., Lapina-Kratasyuk E.G. et al. *Multimedia Journalism*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017, 413 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1189-3>, <https://elibrary.ru/xymvj>
13. Shchepilova G.G., Kruglova L.A. Video content on the Internet: features of audience consumption. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 342-354. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).342-354](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).342-354), <https://elibrary.ru/scrrce>
14. Gazizyanov T.A., Mansurova Z.R. Psychology of cyberbullying. Types and reasons of cyberbullying. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva* = *Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective*, 2023, no. 4 (16), pp. 89-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lednpj>
15. Pronina N.A. Cyberbullying as a form of interaction in the modern Internet space. *Obshchestvo = Society*, 2020, no. 2 (17), pp. 91-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jpvhez>
16. Skvortsov K.V., Vasilishin D.O. Cyberbullying as an underestimated threat in Russian society. *Sbornik nauchnykh materialov Mezhdunarodnoi konferentsii «Sub'ektivnoe psikhologicheskoe blagopoluchie»* = *Collection of Scientific Materials of the International Conference "Subjective Psychological Well-being"*. Yaroslavl, RIO YAGPU Publ., 2024, pp. 292-296. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cutgot>
17. Shevko N.R., Kondrateva D.R. Cyberbullying. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2024, no. 110-18, pp. 52-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.18411/tmio-06-2024-976>, <https://elibrary.ru/fdytnc>
18. Beinenson V.A. Development of journalistic genres and formats in video blogs. *Vek informatsii* = *Information Age*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 82-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vyalpa>
19. Demchenkov S.A., Zadneprianskaya A.S. Video blogs as a kind of new media: typology problem. *Materialy 9 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Elektronnye sredstva massovoi informatsii: vchera, segodnya, zavtra»* = *Proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference "Electronic Media: Yesterday, Today, Tomorrow"*. St. Petersburg, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2015, pp. 58-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/idlyde>
20. Doronina Yu.G. Video blogs as new media. *Al'manakh mirovoi nauki*, 2018, no. 6 (26), pp. 97-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvqepz>
21. Mogilevskaya G.I., Kretsu V.O., Kretsu D.O. Videoblog as a communication channel: peculiarities and prospects for development. *Alleya nauki*, 2018, vol. 1, no. 10 (26), pp. 362-366. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ysankh>
22. Nalivaiko Yu.Yu., Kayushova S.R. Ways and techniques to influence the audience through video blogging. *Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time*. Donetsk, DonSU Publ., 2023, pp. 368-370. (In Russ.)
23. Kulikov S.V., Kurbatov V.I., Papa O.M. Virtual identity in the format of self-construction: information resources and information subjectivity. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 2, pp. 60-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.23672/x3780-1235-1427-e>, <https://elibrary.ru/xlqont>
24. Saiganova E.V., Lepneva A.M., Zholudeva A.A. Video blogging as a new space for self-realization of young people. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh nauk*, 2020, no. 3 (74), pp. 95-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cpwpap>

Information about the authors

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the School of Television, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7270-2376>, Scopus ID: 57243108400, shesterina8@gmail.com

Vera V. Boguslavskaya, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Russian Literature and Intercultural Communication Department, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>, Researcher ID: O-2193-2016, VVBoguslavskaya@pushkin.institute

Corresponding author:

Alla M. Shesterina
e-mail: shesterina8@gmail.com

Received 18.02.2025

Revised 02.03.2025

Accepted 06.03.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7270-2376>, Scopus ID: 57243108400, shesterina8@gmail.com

БОГУСЛАВСКАЯ Вера Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>, Researcher ID: O-2193-2016, VVBoguslavskaya@pushkin.institute

Для контактов:

Шестерина Алла Михайловна
e-mail: shesterina8@gmail.com

Поступила в редакцию 18.02.2025

Поступила после рецензирования 02.03.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-148-159>

Шифр научной специальности 5.9.9

Спортивный дискурс на «Ютьюб»: структура и специфика контента

Ольга Сергеевна Рогалева

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, просп. Мира, 55-А

 olga_rogaleva78@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Видеохостинг «Ютьюб» стал эффективной площадкой для функционирования и развития спортивного дискурса. Актуальность изучения спортивного ютьюб-контента определяется недостаточной изученностью данного вопроса, несмотря на растущий интерес исследователей к спортивному дискурсу и к полимодальным текстам, которые обеспечивают наполнение блогов. Цель – систематизировать спортивные ютьюб-каналы, выявив их общие, структурные и жанрово-форматные особенности. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом для исследования послужили ютьюб-каналы спортивной тематики. В качестве базового был использован метод контент-анализа спортивных ютьюб-каналов, собранных методом сплошной выборки. Весь спектр ютьюб-каналов характеризуется по нескольким параметрам: экономическая основа медиадеятельности, уровень технического сопровождения медиадеятельности, тематическая и жанрово-форматная специфика контента. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Разграничиваются три типа каналов: каналы спортивных СМИ и спортивных лиг – медиатексты первого порядка, авторские ютьюб-проекты профессиональных журналистов о спорте и материалы блогеров-непрофессионалов – медиатексты второго порядка, контент рядовых пользователей – медиатексты третьего порядка. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследование существующих медийных практик, функционирующих в русскоязычном спортивном сегменте «Ютьюб», позволяет сделать вывод, что в спортивном секторе видеоблогинга представлены каналы самых разных форматов. Можно говорить о доминировании каналов профессиональной направленности, в которых специалисты, спортсмены, журналисты рассказывают о спорте.

Ключевые слова: спортивный дискурс, медиатекст, видеохостинг, ютьюб-канал, видеоблог, интернет-проект, видеоформат

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: О.С. Рогалева – разработка концепции исследования, сбор и систематизация данных, анализ результатов эмпирического исследования, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рогалева О.С. Спортивный дискурс на «Ютьюб»: структура и специфика контента // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 148-159. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-148-159>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-148-159>

OECD 5.08; ASJC 3315

Sports discourse on “YouTube”: structure and specificity of content

Olga S. Rogaleva

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
 olga_rogaleva78@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. YouTube video hosting has become an effective platform for the functioning and development of sports discourse. The relevance of studying YouTube sports content is determined by the insufficient knowledge of this issue, despite the growing interest of researchers in sports discourse and in multibodal texts that provide content for blogs. The purpose of the study is to systematize sports YouTube channels, identifying their general, structural and genre-format features. **MATERIALS AND METHODS.** The material for the research are YouTube channels of sports topics. As a main method, the method of content analysis of sports YouTube channels collected using the continuous sampling method is used. The entire range of YouTube channels is characterized by several parameters: the economic basis of media activity, the level of technical support of media activity, thematic and genre-format specificity of the content. **RESULTS AND DISCUSSION.** The work distinguishes between three types of channels: channels of sports media and sports leagues - media texts of the first order, original YouTube projects of professional journalists about sports and materials of non-professional bloggers - media texts of the second order, content of ordinary users - media texts of the third order. **CONCLUSION.** A study of existing media practices operating in the Russian-language sports segment of YouTube allows us to conclude that channels of a variety of formats are represented in the sports sector of video blogging. We can talk about the dominance of professional channels in which specialists, athletes, and journalists talk about sports.

Keywords. sports discourse, mediatext, video hosting, YouTube channel, video blog, internet project, video format

Funding. This research received no external funding.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

Author’s Contribution: O.S. Rogaleva – research concept development, collection and systematization of data, a empirical research results analysis, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

For citation: Rogaleva, O.S. Sports discourse on “YouTube”: structure and specificity of content. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):148-159. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-148-159>

ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой в лингвистических исследованиях спортивной коммуникации принято считать работу Б.А. Зильберта и А.Б. Зильберта «Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи» [1], где учёные, выделяя спортивный дискурс в качестве объекта исследования, в общих чертах описывают его конститутивные признаки и обозначают возможные векторы дальнейшего изучения феномена.

Основу предлагаемого исследования составляют следующие теоретические положения, доказанные в научной литературе.

1. Спорт понимается как специфический социокультурный феномен, объединяющий две стороны человеческой деятельности – развлечение и соревнование [2, с. 16].

2. Под спортивным дискурсом понимается «особый тип институционального дискурса, который организован по принципу поля и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединённых прежде всего общностью спортивной тематики и концептуальных (содержательных) доминант» [3, с. 26]. По мнению Е.Г. Малышевой, ядерной зоной спортивного дискурсивного пространства как раз можно назвать спортивный журналистский дискурс [3; 4].

3. Значительное количество субдискурсов спортивного дискурсивного пространства выявляется на базе двух критериев: тематической специализации по видам спорта и канала передачи информации (печать, радио, телевидение, Интернет). Без сомнения, такого рода субдискурсы имеют специфические содержательные, тематические, жанровые, лексико-семантические особенности, которые должны становиться и уже становятся предметом подробного изучения [4, с. 266].

Текстовая деятельность на тему спорта может осуществляться при помощи разных каналов коммуникации. Наибольшее разнообразие коммуникативных/дискурсивных практик, что вполне закономерно, представлено в Интернете. Популярнейшей видеоплатформой стал видеохостинг «Ютьюб»: согласно данным исследования, проведённого в июле 2024 г. компанией «Mediascope»,

«Ютьюб» – самая посещаемая площадка с самым высоким суточным охватом – 112 минут в сутки, или 45 % от среднего времени, которое среднестатистический пользователь проводит в Интернете.

Как медиакомпания, так и отдельные журналисты создают официальные аккаунты на «Ютьюб», продвигая свою медиапродукцию через хостинг.

По справедливому замечанию учёных, количество медиаисследований, направленных на изучение функционирования «Ютьюб», с каждым годом увеличивается, аспектов для осмысления работы видеохостинга становится больше.

Думается, что изучение отдельных технологических платформ и ресурсов с точки зрения коммуникации должно выйти и уже выходит на тот уровень, который задан современной лингвистической наукой [5–7].

Представляется целесообразным рассматривать видеохостинг «Ютьюб» как автономный сегмент интернет-дискурса и как самостоятельный дискурс, тем более что утверждение о составном характере дискурса Интернета, включающем «огромное количество иных дискурсов, реализованных в информационном пространстве Сети» [8, с. 3], стало почти аксиомой.

Тематическое сегментирование видеохостинга приводит к выделению различных субдискурсов – музыкального, игрового, криминального и т. д. В последние годы появилось достаточное количество исследований, которые репрезентируют разные аспекты описания видеоконтента, однако самым продуктивным оказался форматно-жанровый и тематический подход к структурированию и описанию медиаматериала. Так, внимание отечественных исследователей уже привлекли популярные в русскоязычном сегменте «Ютьюб» культурно-просветительские видеоблоги [9], молодёжные видеоблоги [10], контент об экстремальных ситуациях [11], естественно-научный видеоблог [12].

Жанровая специфика видеоконтента на «Ютьюб» проанализирована в работах И.А. Текутьевой [13], В.А. Лушикова, М.В. Терских [14], Е.К. Рева, В.А. Межиной [11], Д.А. Хомич, Г.Г. Щепиловой [15] и др.

Трансформация телевизионных жанров на «Ютьюб» представлена М.Д. Корецким [16]. Исследователями также изучаются видеоэссе [17], подкасты [18] и стримы [19] как поликодовые медиатексты.

«Ютьюб» стал востребованной площадкой для функционирования и развития спортивного дискурса. Весьма значимым и актуальным становится вопрос об устройстве и базовых характеристиках спортивного дискурса на данном интернет-ресурсе.

Таким образом, изучение одной из разновидностей медиадискурса, которая выделяется на основании тематической специализации (спорт) и канала передачи информации (Интернет, платформа «Ютьюб»), является весьма актуальным и позволяет осмыслить современные тенденции, которые характеризуют видео-интернет-коммуникацию.

Основной операциональной и структурной единицей изучаемого дискурса, позволяющей его измерить, выступает, на наш взгляд, ютьюб-канал, каждый из которых имеет свои содержательные, структурные, жанровые и стилистические особенности. Минимальной единицей становится конкретное видео, загруженное на сайт. Как справедливо отмечают исследователи, изучение тех или иных жанров и форматов видеоконтента является одним из наиболее значимых в контексте изучения функционирования этой медийной платформы [11, с. 111].

Каждый канал имеет персональную главную страницу, в начале которой размещается название канала и ссылки на социальные сети автора, затем – ссылки на подразделы, с помощью которых можно перейти к текстам, отвечающим соответствующей тематике. На главной странице канала размещается плейлист видеоматериалов, подборка наиболее популярных материалов. Каждый материал сопровождается кратким описанием того, о чём в нём пойдёт речь.

Традиционно выделяют следующие типы каналов на платформе «Ютьюб» [11, с. 111]:

- ютьюб-каналы традиционных СМИ;
- авторские ютьюб-каналы, использующие журналистскую методику представления информации, и, соответственно,

жанры (такие проекты можно назвать профессиональными);

– авторские ютьюб-каналы, работающие на уровне любителей (это не всегда качественная съёмка, отсутствие сценарного плана, произвольное выступление в кадре).

Другими словами, первым параметром разграничения каналов и выделения субдискурсов выступает субъект коммуникации.

При таком подходе ютьюб-каналы чётко укладываются в матрицу, предложенную Т.Г. Добросклонской для упорядочивания медиатекстов в целом [20]: в анализируемом дискурсе можно выделить медиатексты первого, второго и третьего порядка.

Цель исследования – систематизировать спортивные Ютьюб-каналы, выявив их общие, структурные и жанрово-форматные особенности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для анализа послужил контент, выходявший в течение года (с 13 апреля 2023 г. по 12 апреля 2024 г. на 11 ютьюб-каналах: «Winline Media League» (317 видеороликов), «коробку замело» (49 видеороликов), «Роман с хоккеем» (161 видеоролик), «Советский спорт» (65 видеороликов), «TVSTART» (111 видеороликов), «СЭ Хоккейный» (381 видеоролик), «Коммент.Шоу» (181 видеоролик), «ЕЩЁ НЕ МАТЧ» (80 видеороликов), «Павел Городницкий» (129 видеороликов), «Точка xG» (27 видеороликов) и «ЛЁД» (137 видеороликов).

Выбор материала для исследования определяется востребованностью и популярностью спортивного тематического сегмента на видеохостинге «Ютьюб» как со стороны пользователей, так и со стороны генераторов контента.

Применялись следующие методы исследования: общенаучные методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, систематизации и классификации эмпирического материала, а также специальные научные методы: контент-анализ, проблемно-тематический анализ, семиотический анализ поликодового медиатекста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К медиатекстам первого порядка следует относить «собственно журналистские тексты, формирующие базовый медиаконтент, которые можно также назвать стержневыми или структурообразующими» [16, с. 41]. К ним относятся в первую очередь тексты, производимые и распространяемые крупными информационными агентствами, национальными и региональными СМИ и другими медиаплатформами, имеющими статус официального средства массовой информации.

Отнесём к таковым официальные каналы спортивных лиг и клубов, ютьюб-каналы традиционных спортивных СМИ, а также профессиональные проекты о спорте.

В рамках спортивного дискурса на «Ютьюб» эта категория включает каналы, которые как рассказывают и показывают собственно спортивные события (например, официальные каналы спортивных лиг «Winline Media League», «КХЛ», «ВХЛ»), так и такие каналы, которые занимаются профессиональным анализом этих событий. Последние можно подразделить на две категории: ютьюб-каналы классических спортивных СМИ («СЭ Хоккейный» – ютьюб-канал отдела хоккея газеты «Спорт-Экспресс», «Советский спорт» – ютьюб-канал одноимённой газеты, «TVSTART» – ютьюб-канал телеканала «Старт» и др.) и профессиональные интернет-проекты о спорте («БОЛЬШЕ!», «Взял мяч», «Коммент.Шоу»).

Пример канала, который самостоятельно производит и транслирует спортивные события, – «Winline Media League». За указанный период на канале «Winline Media League» вышло 317 видеороликов, которые условно можно разделить на три категории по жанрово-форматному признаку.

1. Категория «Игровой процесс» (99 видео из 317; 31,23 % от общего числа): подавляющее большинство роликов относится к записям трансляций футбольных или хоккейных матчей, проходящих под брендом «Winline Media League», однако здесь же оказались и записи футбольных челленджей, результаты которых, согласно регламенту

одного из сезонов, учитывались в турнирной таблице, а значит, мы можем отнести их к полноценному игровому процессу.

2. Трансляции игрового процесса максимально приближены к телевизионным: съёмка ведётся с нескольких камер, расположенных вокруг футбольного поля и над ним, во время игры используется компьютерная графика счёта и времени, а за темп игры отвечают комментаторы, которые ведут репортаж.

3. Категория «Околоигровой процесс» (140 видео из 317; 44,16 % от общего числа): включает весь контент, который связан с играми чемпионатов Медийной футбольной и Медийной хоккейной лиг, освещая непосредственно содержание игр. Например, сюда можно отнести все доступные обзоры матчей, подборки лучших голов, жеребьёвки соревнований и несколько выпусков «Контентного комитета». Эта программа является программой скорее развлекательного характера, однако выполняет важную функцию – решает вопрос наделения или лишения игрока статуса медийного спортсмена, определяет значимость участника чемпионата.

4. К категории «Развлекательный контент» (78 видео из 317; 24,61 % от общего числа) отнесём все видеоролики, которые не столько освещают игровой процесс, сколько передают атмосферу вокруг футбольных и хоккейных матчей. Например, в рубриках «Випка» и «Any Given Monday» руководство и главы команд футбольной Медиалиги делятся эксклюзивной информацией о ключевых событиях чемпионата, а также доступно рассказывают о нововведениях в формате его проведения.

Таким образом, канал ютьюб-проекта «Winline Media League» подавляющую часть своего контента посвятил непосредственно играм и освещению их содержания. При этом уровень создаваемого контента крайне высок и легко может соревноваться с традиционной журналистикой.

Традиционные спортивные СМИ используют преимущественно «Телеграм» и «ВКонтакте», ограничивая возможности своего аккаунта на «Ютьюб» – канал служит хранилищем контента. Например, на ютьюб-

канале издания «Советский спорт» изредка появляются интервью с известными в мире спорта людьми. Эти интервью записываются с одного дубля, без склеек и использования компьютерной графики. Съёмка, по-видимому, ведётся с мобильного телефона, однако картинка принадлежит непосредственно журналисту данного СМИ, что свидетельствует о некоторой эксклюзивности контента. Дублирующее хранилище контента классической радио- или ТВ-площадки – так выглядит аккаунт телевизионного канала «Старт» под названием «TVSTART», где выкладываются записи программ, которые выходят в эфире телеканала. Размещение записей происходит нерегулярно. Иногда телеканал предпочитает ютьюб-канал телевизионной частоте в качестве площадки для прямой трансляции.

Ютьюб-канал как самостоятельный интернет-проект в рамках определённого СМИ. «СЭ Хоккейный» – канал, который ранее представлял издание «Спорт-Экспресс» на «Ютьюб», а теперь принадлежит исключительно отделу хоккея. Это разнообразный и разножанровый контент на тему хоккея в виде репортажей с матчей, программ, созданных специально для данного медиаресурса, еженедельных бесед и ток-шоу с хоккейной аналитикой.

Наконец, обратимся к профессиональному интернет-проекту о спорте, который также можно отнести к медиатекстам первого порядка. «Коммент.Шоу» имеет свыше миллиона подписчиков и суммарно более 400 млн просмотров. Данный канал стартовал зимой 2020 г. как самостоятельный профессиональный проект о спорте и футболе. Слоган проекта – «Лучший проект о футболе на русском языке» (на вкладке «О канале» в профиле на «Ютьюб»). Амбассадоры проекта – это профессиональные спортивные комментаторы Константин Генич, Нобель Арустамян, Денис Казанский и Роман Гутцайт. Фактически ведущих на канале «Коммент.Шоу» значительно больше.

Уровень монтажа, графическое оформление видеороликов (в т. ч. анонсирующие картинки), видеоряд и оснащение студий, в которых идёт запись, – всё это едва ли про-

игрывает тем программам, которые выходят на ТВ.

Заметим, что на качество контента влияет наличие спонсора. Так, проект «Коммент.Шоу» финансируется букмекерской компанией «Winline». Компания «Winline» занимается в целом активным продвижением развлекательных интернет-проектов, среди которых есть и проекты о спорте, например, ютьюб-канал о баскетболе «Взял Мяч», ютьюб-канал о хоккее «ЛЕД», ютьюб-канал о теннисе «БОЛЬШЕ!». В свою очередь ведущие программ на спортивных каналах активно рекламируют компанию, предлагая сделать выгодные ставки. Кроме того, оформление ютьюб-каналов осуществляется в той же стилистике, что и у букмекера.

Периодически видеохостинг «Ютьюб» под знаком борьбы с рекламой букмекеров массово блокирует в одностороннем порядке аккаунты, связанные с букмекерскими компаниями. Последняя такая «чистка» случилась в начале 2024 г., и это значительно повлияло на содержание: было скрыто большое количество старых видеороликов, в которых так или иначе присутствует название компании. Волны блокировок делают затруднительным комплексный анализ видеоконтента за год.

Начиная со старта футбольного сезона, то есть с 1 августа 2023 г. по 12 апреля 2024 г., было доступно 239 видеозаписей.

91 видео из 239 (38,08 %) – это стримы и прямые эфиры. Анонсы главных матчей в топ-5 европейских футбольных чемпионатов и чемпионате России («Коммент.Превью»); обзоры и анализ матчей чемпионата Англии по футболу («Английский обзор»), «Коммент.Шоу», который в версии для прямого эфира называется «Коммент.Live».

64 видео из 239 (26,77 % от общего числа) – в формате интервью («Коммент.Тренер», «Елагин остров»), блиц-интервью («40 вопросов»), бесед («Коммент.Шоу», «Ну, так нельзя», «Плохие футболисты», и др.), лайт-шоу («Вечерний Тумлович»).

«Коммент.Биги» и «Нельзя смеяться» (31 видео из 239; 12,97 %) – развлекательные программы. «Нельзя смеяться» – это челлендж: ведущие соревнуются друг с другом,

участвуя в забавных испытаниях (угадать футболиста по его карьере, не засмеяться во время смешного видеоролика, бросить вещь в шалку для одежды так, чтобы та зацепилась за перекладину, и др.). Примечательно, что игровой формат обычно собирает в несколько раз больше просмотров, чем передачи разговорного формата: 14 из 15 самых просматриваемых видео на канале составляют выпуски «Нельзя смеяться».

В «Коммент.Биги» ведущий, который называет себя «мэр Нефтеюганска», или просто «Биги», посещает спортивные мероприятия и делится впечатлениями. Отличительной особенностью роликов служит характер общения ведущего со зрителями и непосредственными участниками: абсурдные, каверзные вопросы приковывают внимание зрителей.

Видео в формате «Shorts» (53 видео из 239; 22,18 % от общего числа) вынесены в отдельную вкладку, длятся они не более 1 минуты (ограничение задано самой платформой). Десять наиболее популярных «Shorts» канала набрали свыше 10 млн просмотров каждый. Это на порядок выше, чем в сегменте стандартных видеороликов: самое популярное видео на канале, не относящееся к «Shorts», собрало почти два миллиона просмотров – в пять раз меньше.

Регулярность выхода программ на канале «Коммент.Шоу» сопоставима с сеткой ТВ-вещания: все видео выходят по строго утверждённому графику, что подтверждает отнесение канала к медиатекстам первого порядка.

У «Коммент.Шоу» есть аккаунты в «Телеграм», в «ВКонтакте», наличие которых увеличивает аудиторию проекта.

Медиатексты «второго порядка» – материалы, которые создаются и распространяются так называемыми «индивидуальными предпринимателями от СМИ» – блогерами и влогерами. Сюда отнесём авторские ютьюб-проекты профессиональных журналистов о спорте и материалы блогеров-непрофессионалов.

Корреспондент сетевого издания «Спорт-Экспресс» Павел Городницкий на авторском ютьюб-канале «Павел Городницкий» анализирует спортивные медиа (плей-

лист «Спортивные медиа»), делится инсайдами из мира футбола (плейлист «Инсайды»), создаёт подкасты (плейлист «Прачечная»), рассказывает биографии легендарных футболистов (плейлист «Вечные видео»), обсуждает новости российского и мирового футбола (плейлист «АиБ»). Регулярное обновление рубрик, разнообразие тем и форматов помогает автору увеличивать аудиторию: на аккаунт подписано почти сто тысяч человек. Любопытно, что сам Павел отмечает, что ротация рубрик связана в том числе и с экономической выгодой для него самого, хотя и отмечает в телеграм-канале, что доход для него – не ключевая характеристика в вопросах развития ютьюб-канала: *Сейчас создание АиБ не очень оправдано экономически, но ладно, тут переживём. Гораздо печальнее, что формат АиБ совсем не развивает канал. Для примера: если АиБ принес 100 новых подписчиков – это успех, а если вечный выпуск принёс меньше 500 новых подписчиков – это провал. Забивать на новости и олдов тоже не хочется, поэтому мы с Димой (это монтажёр) обязательно что-то придумаем. На всякий случай: проблема не в деньгах, а в эффективности.*

Примечательно, что спортивные блогеры могут «задействовать» и не спортивные темы для расширения аудитории канала и монетизации контента. В подкасте «Прачечная» на ютьюб-канале «Павел Городницкий» из 15 выпусков лишь один связан со спортом (видеоролик «10 тупых вопросов о футболе / Отвечает Прачечная и Роман Широков»), и тот, судя по названию, не предназначен для аудитории спортивных болельщиков. В остальных случаях темами для выпусков может становиться практически всё, что интересует ведущих: любимые и нелюбимые виды алкогольных напитков (видеоролик «Прачечная про алкоголь | Худшие напитки, стыдные истории и лучшие бары»), жизнь после 24 февраля 2022 г. (видеоролик «Как мы живём после 24 февраля | Прачечная»), книги (видеоролик «Прачечная – о книгах | Лучший выпуск в истории») и даже анекдоты (видеоролик «Прачечная рассказывает анекдоты. Самый грязный выпуск»).

Ютьюб-канал «коробку замело» Никиты Петухова, который работает на интернет-портале «Sports», также отнесём к медиатекстам второго порядка. Ведущий создаёт видеоролики независимо от основного места деятельности, выпускает их по мере возможности и является единственным ведущим канала.

За указанный период было выпущено 49 видеороликов. Авторское распределение видео по плейлистам «БАЗА», «РАЗБОРЫ», «2022/23» достаточно хаотичное: всё это монологи Никиты Петухова на хоккейную и околохоккейную тематику в виде рассуждений. В плейлист «молнии» включены короткие ролики хронометражем до 7 минут.

Главной темой большинства видеороликов являются различные вопросы, связанные с командами Национальной хоккейной лиги: «За что Перри платили 4 миллиона и почему прогнали», «Овечкин догнал бы Гретцки в 35 лет, если не», «Контракт Нюландера и будущее «Торонто», «Почему «Торонто» платит Мэттьюсу рекордную зарплату?». Реже Никита Петухов обсуждает российский хоккей: «Почему выдача гражданства РФ канадцам – это супер?», «Зачем Роману Ротенбергу девять троек нападения?», «Лучшая тройка в истории МЧМ». В последнем случае темой для обсуждения является звено хоккеистов молодёжной сборной СССР Александра Могильного, Павла Буре и Сергея Фёдорова, которое, по мнению Петухова, является сильнейшим за всю историю Молодёжного чемпионата мира. Очевидна авторская погружённость в мир хоккея и аналитический подход к изложению материала.

Контент интернет-проекта «ЕЩЁ НЕ МАТЧ» состоит из интервью и отрывков из интервью с хоккеистами и хоккейными специалистами. Проект «Точка xG» существует в формате подкаста: ведущие обсуждают европейский футбол.

Отметим, что большинство каналов, которые мы отнесли к медиатекстам второго порядка (кроме канала «Павел Городничий»), не отличаются жанровым разнообразием видеоматериалов.

Итак, отличительными чертами медиатекстов второго порядка можно считать следующие характеристики.

Отсутствует чёткий контент-план, график выхода видеороликов зависит от занятости и желания самого автора.

Отсутствие творческой команды, монтажом видеороликов автор занимается самостоятельно либо вместе с помощником. Его (их) деятельность, как правило, никем не спонсируется. Это влияет и на количественные показатели: число подписчиков и просмотров у блогеров-любителей на порядок ниже, чем у профессиональных проектов, но целевая аудитория может быть сужена до узкой специализации – по виду спорта, отдельной команде и др. – и глубокого погружения в данную проблематику.

Уровень контента, с одной стороны, «не дотягивает» до профессиональных интернет-проектов о спорте, с другой – редко вызывает вопросы о качестве видеозаписи, так как ролики записываются на качественную аппаратуру.

Кроме «Ютьюб», автор может иметь аккаунты и в других социальных сетях, которые функционируют как самостоятельные медиаединицы, а не как дополнение к ютьюб-каналу.

Как видим, ютьюб-каналы специализируются на каком-то одном виде спорта. Аудитория – спортивные болельщики, которые разбираются в предложенной автором теме и готовы активно обсуждать её в комментариях.

Охват аудитории – в несколько раз меньше, чем в медиатекстах первого порядка.

Ютьюб-каналы «третьего порядка». К медиатекстам третьего порядка отнесём «периферийные» ютьюб-каналы, это канал любого пользователя «Ютьюб», который загрузил хотя бы один видеоролик на спортивную тематику, будь то запись спортивной телепередачи, любительская съёмка со стадиона или самостоятельно созданный клип с видеорядом. Главным отличием является то, что контент на «периферийных» каналах выпускается без принадлежности к какому-либо проекту – от лица самого пользователя, бессистемно. Все видео – это буквально

«личный контент» пользователя. Таких каналов на просторах видеохостинга очень много и их количество стремится к бесконечности. Систематизация и описание подобного контента представляются затруднительными ещё и в силу того, что контент не «укладывается» в жанрово-форматные рамки журналистского творчества.

В эту же категорию попадают записи телевизионных трансляций. Так, ютьюб-канал «Владислав Илларионов» публикует ТВ-записи с соревнований по биатлону и лыжным гонкам, преимущественно за 2005–2011 гг., телеканалов «Россия» и «Спорт», за исключением рекламных вставок. Цифры, которые набирает подобный контент, разнообразны: так, запись ТВ-трансляции женской индивидуальной гонки на чемпионате мира по лыжным гонкам 2013 г. за 1 год и 9 месяцев с момента публикации (28 августа 2022 г.) набрала 78 просмотров. Биатлонные трансляции, особенно те, в которых запечатлены успешные выступления российских спортсменов, собирают больше. Например, женскую эстафетную гонку на чемпионате мира по биатлону 2009 г., где сборная России драматично вырвала победу, за полтора года с момента публикации (22 декабря 2022 г.) посмотрели более 164 тысяч раз – это самый популярный видеоролик на канале.

Авторы медиатекстов третьего порядка практически не продвигают свои видеоматериалы: призыв к просмотру может содержаться в названии либо в описании, рекомендательные системы видеоплатформы редко предлагают подобный контент зрителям.

Предлагаемый контент, как правило, не имеет отношения к журналистской деятельности, если это не записи трансляций ТВ-каналов.

Тем не менее, количество просмотров варьируется и напрямую зависит от темы: иногда показатели могут достигать значений стандартного медиатекста первого порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Ютьюб» демонстрирует актуальность и востребованность визуального контента в

современной медиасреде, в том числе спортивного.

Проведённое исследование позволило систематизировать разнопорядковый видеоконтент с помощью понятийного аппарата медиалингвистики, разработанного Т.Г. Добросклонской. Спортивный дискурс на «Ютьюб» представляется нам нежёсткой системой медиатекстов первого, второго и третьего порядка.

Релевантными признаками становятся субъектная организация и жанрово-форматная специфика продуцируемых субъектами текстов – именно они определяют структуру спортивного дискурсивного пространства на платформе «Ютьюб». В спортивном сегменте «Ютьюб» представлены каналы самых разных форматов – от каналов СМИ и спортивных лиг до каналов рядовых пользователей.

Как показывает изученный материал, к медиатекстам первого порядка можно отнести официальные каналы спортивных лиг и клубов, ютьюб-каналы традиционных спортивных СМИ и профессиональные проекты о спорте. Медиатексты второго порядка – это авторские проекты спортивной тематики и материалы блогеров-непрофессионалов. Личный контент обычных пользователей «Ютьюб», публикующих материалы о спорте нерегулярно, отнесён к медиатекстам третьего порядка.

Следует отметить, что упорядочивание спортивного контента существенно затрудняется усиливающимся размыванием границ между профессиональной и любительской журналистикой, а также между жанровыми текстотипами.

Развитие специфических форм медиатекстов, например, таких как «Shorts», обусловлено прежде всего расширением технологического функционала платформы «Ютьюб».

К доминирующим медийным практикам в сфере спорта на «Ютьюб» можно отнести сотрудничество с букмекерскими конторами, актуализацию неспортивной тематики в целях привлечения аудитории, использование диалогических жанров и форматов в медиатеатральности и всё возрастающую популярность видеоформата «Shorts».

Список источников

1. Зильберт Б.А., Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. Москва: МАКС Пресс, 2001. С. 45-55. <https://elibrary.ru/ublbcj>
2. Алексеев К.А., Ильченко С.Н. Спортивная журналистика. Москва: Юрайт, 2014. 428 с. <https://elibrary.ru/vttxxj>
3. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 324 с. <https://elibrary.ru/qymjad>
4. Малышева Е.Г. Тематическое своеобразие субдискурсов современного спортивного дискурсивного пространства (на материале текстов интернет-СМИ о дзюдо) // Петербургские чтения: материалы 56 Междунар. форума. Санкт-Петербург, 2017. С. 266-267. <https://elibrary.ru/ygrtwb>
5. Горшкова Л.А. Коммуникативные особенности социального медиа YouTube в современном информационном пространстве // Медиасреда. 2020. № 2. С. 94-100. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10217>, <https://elibrary.ru/xftjve>
6. Градюшко А.А. Платформа YouTube как площадка для массмедиа: оценка эффективности // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2019. № 2 (225). С. 63-69. <https://elibrary.ru/itmizs>
7. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 2. С. 85-91. <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208>, <https://elibrary.ru/tpyuqu>
8. Горина Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 55 с. <https://elibrary.ru/zpzpcr>
9. Шестерина А.М. Videоблогинг как платформа популяризации ценностей культуры // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 3 (10). С. 41-50. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.03>, <https://elibrary.ru/pcmfnu>
10. Грушевская В.Ю. Дискурсивные особенности молодёжных видеоблогов в российском сегменте YouTube // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 3. С. 160-175. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160, <https://elibrary.ru/gpbdil>
11. Рева Е.К., Межина В.А. Особенности предоставления контента на YouTube об экстремальных ситуациях: жанры и форматы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 110-115. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-110-115>, <https://elibrary.ru/apodxt>
12. Копылова Т.Р., Иванова С.С. Коммуникативно-прагматические параметры естественно-научного видеоблога как жанра интернет-дискурса // Многоязычие в образовательном пространстве. 2023. Т. 15. № 1. С. 32-38. <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-1-32-38>, <https://elibrary.ru/cfjlds>
13. Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107-113. <https://elibrary.ru/xenxer>
14. Луциков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 14. С. 57-75. <https://elibrary.ru/ylrqjt>
15. Хомич Д.А., Щепилова Г.Г. Развитие жанра видеоинтервью в российских спортивных онлайн-медиа (на примере YouTube-канала «Красава») // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 2. С. 43-51. <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.024>, <https://elibrary.ru/cfsacf>
16. Корецкий М.Д. Трансформация телевизионных жанров на площадке YouTube на примере деятельности Алексея Пивоварова // Медиасреда. 2020. Т. 17. № 1. С. 41-44. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10109>, <https://elibrary.ru/djrhci>
17. Малышева Е.Г. Видеоэссе о кино: способы репрезентации и интерпретации содержательных доминант в поликодовой медиатексте // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 2 (66). С. 58-76. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2024-66-2-58-76>, <https://elibrary.ru/niooem>
18. Куницына Н.В. Интервью – ток-шоу – подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 2 (35). С. 140-147. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_2_140, <https://elibrary.ru/edkgjo>
19. Болотнов А.В. Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 111-120. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.10>, <https://elibrary.ru/ealvvk>

20. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва: КДУ; Добросвет, 2020. 178 с. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>, <https://elibrary.ru/cqkwes>

References

1. Zilbert B.A., Zilbert A.B. Sports discourse: basic concepts and categories; research objectives. In: *Language, Consciousness, Communication*. Moscow, MAKS Press, 2001, pp. 45-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ublbcj>
2. Alekseev K.A., Ilchenko S.N. *Sports Journalism*. Moscow, Yurait Publ., 2014, 428 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vttxxj>
3. Malysheva E.G. *Russian Sports Discourse: a Linguocognitive Study*. Omsk, Omsk F.M. Dostoevsky State University Publ., 2011, 324 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qymjad>
4. Malysheva E.G. Thematic uniqueness of subdiscourses in modern sport discursive space (on the material of internet media texts about judo). *Materialy 56 Mezhdunarodnogo foruma «Peterburgskie chteniya» = Proceedings of the 56th International Forum “St. Petersburg Readings”*. St. Petersburg, 2017, pp. 266-267. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygrtwb>
5. Gorshkova L.A. Communicative features of social media YouTube in modern space. *Mediasreda*, 2020, no. 2, pp. 94-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10217>, <https://elibrary.ru/xfjve>
6. Gradyushko A.A. YouTube platform as area for mass media: efficiency mark. *Trudy BGTU. Seriya 4: Print-i mediatekhnologii = Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 2019, no. 2 (225), pp. 63-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/itmizs>
7. Kushneruk S.L. Telegram discourse as product of digital ecosystem: visualization of format. *Terra Linguistica*, 2024, vol. 15, no. 2, pp. 85-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208>, <https://elibrary.ru/tpyuqu>
8. Gorina E.V. *Constitutive features of Internet discourse: Dr. Sci. (Philology) diss. abstr.* Ekaterinburg, 2016, 55 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpzcpr>
9. Shesterina A.M. Videoblogging as a platform for popularization cultural values. *Ethnopsikholingvistika = Ethnopsycholinguistics*, 2022, no. 3 (10), pp. 41-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/epl/2022.03.03>, <https://elibrary.ru/pcmfnu>
10. Grushevskaya V.Yu. Discursive features of youth video blogs in the Russian segment of YouTube. *Diskurs-Pi = Discourse P*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 160-175. (In Russ.) https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160, <https://elibrary.ru/gpbdl>
11. Reva E.K., Mezhdina V.A. Features of providing content on YouTube about extreme situations: genres and formats. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 110-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-110-115>, <https://elibrary.ru/apodxt>
12. Kopylova T.R., Ivanova S.S. Communicative and pragmatic parameters of the natural sciences video blog as a genre of internet discourse. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve = Russian Journal of Multilingualism and Education*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 32-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-1-32-38>, <https://elibrary.ru/cfjlds>
13. Tekuteva I.A. Genre and thematic classification of video blogging. *Mediasreda*, 2016, no. 11, pp. 107-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xenxer>
14. Lushchikov V.A., Terskikh M.V. Video blogging genre, thematical and linguistic properties. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki = Tambov University Reviews. Series: Social Sciences*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 57-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylrqjt>
15. Khomich D.A., Shchepilova G.G. Development of the video interview genre in Russian online sports media (using the example of the YouTube channel “Krasava”). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 43-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.2.024>, <https://elibrary.ru/cfsacf>
16. Koretskii M.D. Transformation of TV genres on YouTube on the example of Alexey Pivovarov's activity. *Mediasreda*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 41-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10109>, <https://elibrary.ru/djrhci>
17. Malysheva E.G. Video essay about cinema: ways of representing and interpreting dominant content in a polycode media text. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestia of Smolensk State*

- University, 2024, no. 2 (66), pp. 58-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2024-66-2-58-76>, <https://elibrary.ru/niooem>
18. Kunitsyna N.V. Interview – tok show – podcasting: classic of genre in the context of media transformations. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2021, vol. 2, no. 2 (35), pp. 140-147. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_2_2_140, <https://elibrary.ru/edkgjo>
19. Bolotnov A.V. Stream as a new hypermedia genre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 111-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.10>, <https://elibrary.ru/ealvvk>
20. Dobrosklonskaya T.G. *Medialinguistics: Theory, Methods, Directions*. Moscow, KDU, Dobrosvet Publ., 2020, 178 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>, <https://elibrary.ru/cqkwes>

Информация об авторе

РОГАЛЕВА Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8141-6312>, olga_rogaleva78@mail.ru

Поступила в редакцию 05.12.2024

Поступила после рецензирования 04.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Olga S. Rogaleva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Research Secretary, Associate Professor of the Journalism and Media Linguistics Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8141-6312>, olga_rogaleva78@mail.ru

Received 05.12.2024

Revised 04.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-160-171>

Шифр научной специальности 5.9.5

Место риторики в процессе междисциплинарной интеграции наук

Татьяна Валентиновна Анисимова

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

 atvritor@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Поднят вопрос о характере междисциплинарных связей риторики, поскольку неоднозначность её статуса порождает и сложности в установлении её связей с другими гуманитарными науками. В связи с этим цель состоит в описании форм межпредметных связей, характерных для современных гуманитарных исследований, и уточнении места риторики в этой системе. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования являются междисциплинарные связи риторики с другими гуманитарными дисциплинами. Для их всестороннего анализа использовалась совокупность дополняющих друг друга общенаучных (абстрагирование, классифицирование, систематизация, интерпретация и др.), а также филологических (сопоставительный анализ назначения гуманитарных дисциплин, дискурс-анализ и др.) методов. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Проанализированы формы междисциплинарности риторики. Они разделены на конструктивные (когда для решения вопросов, находящихся на стыке наук, объединяются самостоятельные дисциплины) и деструктивные (когда имеет место механическое объединение фрагментов разных наук). К первой группе относятся: образование новой науки на стыке других наук; объединение двух равноправных дисциплин для обслуживания специфической области познания; взаимодействие науки и практики; временное объединение самостоятельных наук для решения некоторой сложной проблемы; традиционные формы обогащения наук путём использования концепций, методов и т. п. других наук. Ко второй группе относится межпредметный плагиат: подмена содержания риторики фрагментами, заимствованными из других наук; распределение содержания риторики по другим дисциплинам; неоправданное расширение предмета науки. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Обобщена классификация межпредметных связей риторики. Сделан вывод о её истинном месте в системе гуманитарных наук.

Ключевые слова: риторика, коммуникативная лингвистика, междисциплинарные связи, взаимодействие наук, частные риторики, методология науки, интеграция наук, способы объединения наук

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Т.В. Анисимова – разработка концепции исследования, отбор материалов, анализ форм междисциплинарности риторики, написание черновика рукописи, коррекция рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Анисимова Т.В. Место риторики в процессе междисциплинарной интеграции наук // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 160-171. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-160-171>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-160-171>

OECD 6.02; ASJC 1203

The place of rhetoric in the process of interdisciplinary integration of sciences

Tatyana V. Anisimova

St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

1 Letchika Pilyutova St., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

 atvritor@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The question of the interdisciplinary connections of rhetoric nature is raised, since the ambiguity of its status also creates difficulties in establishing its links with other humanities. In this regard, the purpose of the research is to describe the forms of interdisciplinary connections typical for the modern humanitarian studies and clarify the place of rhetoric in this system. **MATERIALS AND METHODS.** The object of the research is the interdisciplinary connections of rhetoric with other humanitarian disciplines. For their comprehensive analysis, a set of complementary general scientific (abstraction, classification, systematization, interpretation, etc.) as well as philological (comparative analysis of the purpose of humanitarian disciplines, discourse analysis, etc.) methods are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The forms of interdisciplinary rhetoric are analyzed. They are divided into constructive (when independent disciplines are combined to solve issues at the junction of sciences) and destructive (when there is a mechanical unification of fragments of different sciences). The first group includes: the formation of a new science at the junction of other sciences; the unification of two equal disciplines to serve a specific field of knowledge; the interaction of science and practice; the temporary unification of independent sciences to solve some complex problem; traditional forms of enriching sciences through the use of concepts, methods, etc. of other sciences. The second group includes interdisciplinary plagiarism: substitution of the content of rhetoric with fragments borrowed from other sciences; distribution of the content of rhetoric in other disciplines; unjustified expansion of the subject of science. **CONCLUSION.** The classification of interdisciplinary connections of rhetoric is generalized. The conclusion is made about its true place in the system of humanities.

Keywords: rhetoric, communicative linguistics, interdisciplinary connections, interaction of sciences, private rhetoric, methodology of science, integration of sciences, ways of integration of sciences

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: T.V. Anisimova – research concept development, source material acquisition, analysis of forms of rhetoric interdisciplinarity, writing - original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Anisimova, T.V. The place of rhetoric in the process of interdisciplinary integration of sciences. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):160-171. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-160-171>

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ведущих современных тенденций развития науки признаётся постоянное

дробление научного знания, выделение из каждой отрасли всё новых ветвей, которые затем становятся самостоятельными научными дисциплинами. Дифференциация наук

позволяет более глубоко и точно изучать ту или иную важную для общего дела проблему. Начало этого процесса в области филологии в новой истории было положено в XIX веке, когда «филологическое дело» разделилось на собственно филологическое и историческое. В дальнейшем требования к профессионализму филолога быстро возрастают, и освоить весь объём знаний одному человеку становится не под силу. В связи с этим сначала разделились языкознание и литературоведение, а затем и все их крупные разделы приобрели статус самостоятельных наук. Особенно интенсивно процесс деления пошёл во второй половине XX века, когда статус самостоятельных наук приобрели психолингвистика, социолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, гендерная лингвистика, корпусная лингвистика и т. п.

С другой стороны, в XX веке наряду с дифференциацией происходит и интеграция – синтез наук, стирание граней между ними. Одним из первых эту тенденцию заметил и описал В.И. Вернадский: «впервые сливаются в единое целое все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течения духовного творчества человека. <...> С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой – их объект совершенно меняется» [1, с. 155]. В области гуманитарных наук главным направлением междисциплинарности становится антропоцентризм. Вместо абстрактных языковых конструкций в центре внимания оказывается дискурс – текст, погружённый в ситуацию непосредственного общения. Он становится основой объединения собственно текста с экстралингвистическими знаниями об условиях его порождения, что позволяет глубже и точнее оценить его смысл. В эту новую парадигму легко вписывается риторика – наука о способах воздействия на адресата с помощью речи, которая оказывается весьма востребованной в связи с новыми политическими и экономическими условиями в стране, требующими постоянного установления деловых контактов с другими людьми и разрешения конфликтов с помощью переговоров. Сложность, однако, состоит в том,

что, несмотря на обилие собственно научных исследований в этой области, не менее популярно и отношение к риторике как второстепенной дисциплине, отвечающей только за красоту и выразительность речи. В связи с этим нередко возникают противоречия в определении места и назначения риторики в парадигме антропоцентрической лингвистики. Неоднозначность её статуса порождает и сложности в установлении её межпредметных связей с другими гуманитарными науками и ветвями коммуникативной лингвистики, что, в свою очередь, отражается не только на статусе самой науки, но и на её роли в современном образовании.

В связи с этим цель исследования состоит в описании форм межпредметных связей, характерных для современных гуманитарных исследований, и уточнении места риторики в этой системе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования являются компаративистский и коммуникативный подходы. Компаративистский подход предполагает проведение процедур сравнительно-сопоставительного анализа, выявляющего формы междисциплинарности, характерные для современной интеграции наук. Коммуникативный подход требует системного анализа всех имеющихся концепций на соответствие предлагаемого в них места риторики её истинному назначению. Применение этого подхода позволило с помощью методов моделирования и классифицирования построить систему межпредметных связей риторики с другими гуманитарными науками. Материалом исследования являются междисциплинарные связи риторики с другими гуманитарными дисциплинами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на достаточно полную теоретическую разработанность понятия «междисциплинарность», по отношению к риторике это явление далеко не всегда принимает научно обоснованные формы, в связи с чем

их можно разделить на конструктивные и деструктивные.

К конструктивным формам научной междисциплинарности относятся ситуации, когда две (или больше) равноправные дисциплины объединяют усилия для решения вопросов, находящихся на стыке таких наук. Соответственно, если одной из взаимодействующих сторон является риторика, она вступает в междисциплинарные связи как вполне самостоятельный субъект отношений. К этой категории относятся следующие формы.

1. Образование новой науки на стыке других наук. Новая наука получает отдельное название, собственный статус и научный аппарат и перестаёт ассоциироваться с породившими её дисциплинами. Эта самостоятельность обусловлена специфической областью функционирования вновь создаваемой науки и уникальными целями описываемой ею деятельности. Таким образом, в конце XX века в России была оформлена как отдельная наука *пиарология*, отсутствовавшая ранее в номенклатуре научных дисциплин. Она использует методологию, части теории, концепции и т. п. медиалогии, конфликтологии, менеджмента, маркетинга, риторики (см. об этом: [2]), и т. п., однако имеет свой собственный объект (пути и способы формирования имиджа субъекта), позволяющий ей полностью отделиться от породивших её научных концепций. По этому же принципу были образованы в своё время кибернетика, экология, генетика и некоторые другие науки.

2. Объединение двух равноправных дисциплин для обслуживания специфической области познания, находящейся на стыке этих наук. По этому принципу были образованы *биохимия*, *биоинформатика*, *геофизика*, *астрофизика* и пр. Здесь, как правило, преимущественно используются элементы аппарата и методы слившихся наук – те, что подходят для решения смежных проблем. Важно также, что исходные науки продолжают существовать в прежнем виде и обслуживать прежние области, а вновь возникшая наука не претендует на абсолютную самостоятельность, продолжает подпитываться достижениями породивших её дисциплин. Таким образом, здесь в основе объединения

наук лежит общий сложный объект, полноценное описание которого требует участия нескольких научных дисциплин.

Этот вид образования новых наук особенно популярен во всех областях знания, в том числе и в лингвистике, где, во-первых, переход от изучения языка к изучению речи потребовал привлечения научного аппарата из других дисциплин, исследующих деятельность человека (*лингвокультурология*, *психолингвистика*, *юрислингвистика* и пр.), а во-вторых, внедрение в исследовательскую деятельность компьютерных технологий привело к востребованности лингвистики при моделировании коммуникации в информационных системах (*машинный перевод*, *компьютерная лингвистика* и пр.).

Риторика тоже не осталась в стороне от этого процесса и активно взаимодействует с другими дисциплинами. Классическим примером научной концепции, возникшей на стыке дисциплин, может служить лингвистика, пропагандируемая Сочинской школой как «порождаемая синтезом терминологических платформ антропоцентрической лингвистики и (нео)риторики на базе междисциплинарных взаимодействий спектра лингвистических, литературоведческих, гуманитарных дисциплин» [3, с. 77].

Дополнительно к этому в области риторики имеется специфический вид междисциплинарности, возникающий при создании всех частных риторик (юридической, управленческой, военной и т. п.). Эти риторики описывают особенности речевого поведения определённого специалиста, для которого общение с другими людьми является обязательным компонентом профессиональной деятельности. Указанный вид междисциплинарности имеет институциональный (обязательный, принудительный) характер и очевиден для всех участников процесса. Каждая частная риторика является трансфер-интегративной областью научного знания, то есть областью, где пересекается (совмещается) содержание двух взаимодействующих наук.

При написании (и преподавании) таких риторик обязательно должно учитываться содержание (методы, приёмы, терминология и т. п.) дисциплин, участвующих в подготов-

ке соответствующего специалиста. Например, чтобы грамотно описать риторическую специфику юридического консультирования, особенности профилактической беседы с подростками или принципы построения судебной речи, преподаватель риторики должен чётко представлять себе те требования, которые предъявляют к таким речевым ситуациям соответствующие юридические науки. С другой стороны, юрист, рассказывающий студентам о специфике организации уголовного процесса и описывающий особенности поведения обвинителя и защитника в суде, не может ограничиться только юридической теорией, а должен учитывать и рекомендации юридической риторики.

Из всего сказанного, однако, нельзя сделать вывод, что «предмет юридической риторики является синтетическим», то есть объединяющим «элементы и свойства предмета научной риторики и предмета юридической науки» [4, с. 56]. Предмет любой риторики всегда остаётся одним и тем же: это «способы убеждения, разнообразные формы преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемые с учётом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта»¹. Особенности ситуации, аудитории, используемого жанра и т. п. оказывают, конечно, влияние на выбор средств воздействия, однако описание приёмов учёта этих особенностей и принципов отбора средств воздействия всегда даётся по одной и той же методике и составляет основное содержание риторики.

Здесь кроется одна из главных проблем использования междисциплинарных связей любой дисциплины: чем многообразнее такие связи, тем большему размыванию подвергаются её собственная методология и объект изучения. На это, в частности, указывают многие серьёзные исследователи, изучающие указанный аспект: «К сожалению, нередко представители смежных областей, не обладающие базовым филологическим образованием, неряшливо используют современные лингвистические ресурсы и в ито-

ге приходят к неверным выводам, что может компрометировать лингвистические методы в глазах непрофессионального сообщества» [5, с. 38]. Это, конечно, не является основанием для отказа от междисциплинарных связей, однако, чтобы описание различных форм речевой коммуникации оставалось объективным и точным, необходимо сохранение цельности методологии и единства предмета исходных дисциплин.

3. Взаимодействие науки и практики.

В целом междисциплинарность теоретических и прикладных наук весьма многообразна и хорошо описана (см., например, [6–8] и др.). Здесь объединение происходит на основе синтеза знаний и использования методов различных наук для описания общего объекта.

В данном случае нас интересует особенность взаимодействия традиционной науки и методики её преподавания учащимся, поскольку основным назначением риторики является научное обоснование того пути, по которому должен пройти человек, чтобы стать грамотным оратором. У риторики, конечно, имеется своя теоретическая база (общая риторика), основное назначение которой состоит в отборе, систематизации и описании тех элементов коммуникативной лингвистики, которые затем будут использованы в практике обучения. Однако далее она должна вырабатывать и описывать те приёмы, с помощью которых будет происходить обучение людей умению воздействовать на адресата с помощью речи. Соотношение между коммуникативной лингвистикой и риторикой примерно такое же, как между словообразованием (как разделом лингвистики) и методикой преподавания словообразования в школе: обе дисциплины используют в целом один и тот же круг понятий, описывают один и тот же объект действительности, однако имеют совершенно разные цели. Теория может быть громоздкой, противоречивой, дискуссионной и т. п. Методика извлекает из неё базовые элементы, необходимые для образовательного процесса, komponует и выстраивает их в логически непротиворечивую цепь. Далее разрабатываются способы преподнесения этой теории учащимся, соответствующие их уровню развития и целям обучения. Так, в

¹ Авеличев А.К. Возвращение риторики (Предисловие) // Общая риторика. Москва: Прогресс, 1986. С. 5-25.

рамках жанроведения² регулярно исследуются жанры деструктивного поведения (*ссора, бытовой конфликт, проклятье*), жанры непосредственного бытового общения (*пустая болтовня, открытый разговор, потчевание, вечеринка, семейное общение, сплетни*), а также всевозможные экзотические (с точки зрения классификации жанров) явления (*девичий альбом, почётная грамота, пари, заговор*), поскольку любые формы человеческого общения могут быть предметом научного интереса. Однако крайне маловероятно, что какая-нибудь из перечисленных жанровых форм будет включена в состав частной риторики, поскольку специально обучать этим жанрам нет необходимости.

Таким образом, рассматриваемая форма междисциплинарности (как и предыдущая форма) имеет институциональный характер. Основной дисциплиной, состоящей на этом уровне в междисциплинарных отношениях с общей риторикой, является коммуникативная лингвистика, достижения и наработки которой внедряются риторикой в практику преподавания по тому же принципу, как это делается всеми другими «методиками преподавания (чего-либо)».

4. Временное объединение самостоятельных наук для решения некоторой сложной проблемы. Если возникают сложные общественно важные проблемы, решение которых не может быть достигнуто в рамках одной дисциплины, науки объединяют усилия для более полного и всестороннего её рассмотрения. Например, учёные разных направлений могут совместно искать решение проблемы глобального потепления или способы предотвращения ядерной катастрофы. В этом случае можно констатировать рост значения самой науки, которая с помощью объединения усилий специалистов разных отраслей знания способна решать самые сложные задачи.

В филологии проблемы, конечно, не столь глобальны и важны для всего человечества, однако и здесь регулярно встречаются вопросы, ответ на которые можно дать

только совместными усилиями учёных разных направлений. К таковым, например, относится проблема взаимопроникновения языков, специфика языка Интернета и т. п. Риторика тоже принимает участие в решении таких проблем – в той части, где идёт речь о жанрах и способах общения в Интернете или где рассуждается о национальной специфике средств воздействия на аудиторию.

Ещё одной весьма важной областью, где требуются межпредметные связи этого типа, является формирование профессиональных компетенций. Так, ФГОС высшего образования по специальности 45.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»³ требует, чтобы юрист (выпускник вуза) был готов решать среди прочих и такие профессиональные задачи: оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов; организация работы малых коллективов и групп исполнителей в процессе решения конкретных профессиональных задач; преподавание юридических дисциплин в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; осуществление правового воспитания. Понятно, что и работа в малых группах, и обоснование решений, а часто и поиск информации осуществляются с помощью речи. Тем более сугубо риторическими являются задачи консультирования по вопросам права, преподавания юридических дисциплин и осуществления правового воспитания, которые требуют владения не только правовыми знаниями, но и знаниями о том, как понятно, убедительно и целесообразно донести имеющуюся информацию до адресата (см. об этом [9–12] и др.)

Формирование связей при решении всех таких проблем обычно проходит в три этапа. Первый этап состоит в установлении существующего состояния дисциплин и формулировании проблемы, которую предстоит ре-

² Все перечисленные здесь жанры были описаны в разных номерах научного журнала «Жанры речи» (ISSN 2311-0740).

³ ФГОС 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета): Приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1138 // Федеральный государственный образовательный стандарт: офиц. сайт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-05-01-pravovoe-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-1138/> (дата обращения: 01.11.2024).

шить с помощью объединения усилий. При этом формулируются чёткие критерии, определяющие рамки процесса координации. Второй этап предполагает извлечение и формулирование тех элементов теории, которые необходимы для решения общей проблемы. Наконец, третий этап предполагает выработку стратегии применения на практике обновлённой и сформулированной в соответствии с условиями задачи теории. Важно отметить ещё раз: возникновение всех этих комбинаций никак не отражается на статусе исходных дисциплин, продолжающих в полном объёме выполнять свои функции.

5. Традиционные формы междисциплинарности. Самый распространённый вариант установления междисциплинарных связей состоит в том, что никакого формального объединения усилий дисциплин не происходит, однако они обогащаются путём использования концепций, методов и т. п. других наук [13, с. 29].

Для риторики этот вид связи особенно важен, поскольку, будучи сугубо практической дисциплиной, она ищет объяснение тех или иных риторических явлений в концепциях смежных наук. Так, например, описание речевого поведения в конфликтной ситуации невозможно без учёта наработок собственно конфликтологии; риторическое требование к оратору не уклоняться от чётко сформулированного тезиса согласуется с логическим законом тождества «невозможно ничего мыслить, если не мыслить (каждый раз) что-нибудь одно»⁴. В связи с этим А.Л. Дединкин приводит такой пример взаимодействия наук: «ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера» [14, с. 220].

Юридическая риторика, дополнительно к традиционным моделям, может устанавливать со всеми другими частными риториками междисциплинарные связи, обусловленные спецификой назначения юридического дискурса, предназначенного для правового регулирования деятельности людей в разных сферах жизни. В связи с этим в педагогическом, политическом, медицинском, военном,

научном и т. п. видах дискурса в той части, где речь идёт о правовом регулировании соответствующей сферы, появляются элементы юридического дискурса. Показателем использования его элементов в других текстах является обезличенность (отсутствие указания на субъект, на адресанта послания), косвенная императивность (указание на необходимость выполнения определённых действий или, наоборот, запрещение каких-то действий), обобщённость (характеристика коммуникативного события как происходящего между государством и народом (обществом), а не говорящим и слушающим, как в других видах дискурса) и т. п.

Деструктивные формы междисциплинарности могут появляться по причине отсутствия общей методологии, наличия многих научных школ, пропагандирующих совершенно разные, часто никак не коррелирующие между собой подходы к построению научной риторики, что существенно осложняет становление её единой современной теории. Однако наиболее частой причиной разрушения статуса риторики является нежелание авторов учебных пособий разбираться в специфике рассматриваемой ими науки, а также в привлечении устаревших взглядов и концепций, не отвечающих современному состоянию науки. Этими признаками, к сожалению, обладают многие учебники по риторике, рекомендуемые вузами к распространению и внедрению в учебный процесс. В такой продукции междисциплинарность понимается излишне прямолинейно и сводится к механическому перенесению в одну дисциплину фрагментов других дисциплин. Здесь можно выделить следующие формы.

1. Подмена содержания риторики фрагментами, заимствованными из других наук. Это самое примитивное понимание междисциплинарности, весьма популярное во многих современных учебниках, написанных теми авторами, которые не признают научной самостоятельности риторики (Обзор современных учебников по риторике и их концепций см. в [15]).

Обычно в таких работах вопрос о том, что нужно сделать, чтобы создать полноценную речь, подменяется вопросом: что полез-

⁴ Аристотель. Метафизика // Антология мировой философии: в 4 т. Москва: Мысль, 1969. Т. 1. С. 408-428.

но изучить оратору, чтобы расширить свой кругозор. К перечислению фрагментов смежных наук и сводится всё содержание учебника. Так, например в одном таком пособии утверждается, что «риторика и логика тесно связаны в силу того, что логичность является важнейшим условием убеждающей речи»⁵ и подробно описывается, что такое силлогизм. Далее аналогично утверждается, что риторика связана с психологией, юриспруденцией, с культурой речи, этикой, эстетикой и приводятся фрагменты из соответствующих учебников. Ср. ещё: «Риторика опирается на категориальный аппарат различных наук, что обеспечивает полноту аргументации, доказательства, анализа суждений и обобщений. <...> В основной перечень наук, с которыми тесно связана риторика, входят прежде всего философские науки (логика, этика, эстетика), а также языкознание, психология, педагогика, физиология, актёрское мастерство и другие»⁶. Фрагменты содержания перечисленных наук и составляют содержание рассматриваемого учебника.

Не станем отрицать, что между всеми перечисленными науками имеется определённая связь (что характерно и для всех других наук). Однако риторика – это не конгломерат из фрагментов гуманитарных дисциплин, у неё есть свой категориальный аппарат и свой, совершенно особый подход к осмыслению действительности. Поэтому простая подмена содержания риторики параграфами этих дисциплин для решения риторических проблем представляется нецелесообразной и антинаучной. Если предметом этики являются принципы и генезис морали, механизмы нравственного регулирования человеческой жизни и т. п.; если предметом психологии являются психические процессы, регулирующие жизнь человека, его деятельность и поведение, а также взаимоотношения людей в больших и малых социальных группах, то предметом риторики являются речевые фор-

мы реализации всех этих видов деятельности и принципов взаимоотношений людей. Аналогичным образом можно отграничить поле деятельности риторики от всех других дисциплин, которые обычно считают источником её содержания: риторика везде отвечает за обоснование правильности выбора тех жанровых форм, в которые облекается рекомендуемое этими науками содержание. При этом важно ещё раз подчеркнуть: риторическая составляющая не должна сводиться к отработке точности и выразительности речи, не может ограничиваться оцениванием обоснованности употребления терминологии или этикетных формул. Всеми этими аспектами обучающиеся овладевают в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи», которая работает на повышение культурного уровня самого субъекта. Риторический же компонент отвечает за оптимизацию общения субъекта с целевой аудиторией. Это общение обязательно отливается в определённую жанровую форму и строится по правилам, регламентированным риторикой.

Именно поэтому сведение содержания риторики к плагиату из учебников по другим дисциплинам или описанию тех или иных речевых формул, уместных в определённых ситуациях, представляется недопустимым.

2. Распределение содержания риторики по другим дисциплинам. Этот вариант противоположен предыдущему и состоит в том, что риторику разбирают на части и включают в состав других дисциплин.

Самый простой вид такого заимствования состоит в том, что описание речевых ситуаций и жанров профессионального общения тех или иных специалистов включается в учебники по специальным дисциплинам (жанры управленческого общения – в учебники по менеджменту, жанры педагогического общения – в учебники по педагогике и т. п.). Поскольку учебники по юридическим дисциплинам, менеджменту, педагогике и т. п. создаются уже давно, а соответствующие профессионально ориентированные риторики (юридическая, управленческая, педагогическая и т. п.) стали создаваться только в последние два десятилетия, долгое время перекладывание обязанности описания

⁵ Риторика в сфере экономики и юриспруденции / Р.А. Зайнетдинова, А.И. Матвеева, А.В. Сарапульцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2015. С. 15.

⁶ Пыханов Ю.В. Риторика. Москва: ВУ, 2017. С. 8-9.

форм профессионального общения на профильного специалиста было вынужденной мерой. Вместе с тем такие описания, как правило, не имеют научной основы: они бессистемны, поверхностны, сводятся к простым и односторонним рекомендациям. С появлением профессионально написанных частных риторик надобность в подобных рекомендациях отпадает.

Не менее часто у философов возникает желание включить в состав своей дисциплины риторическую теорию аргументации. Ср., например: «В соответствии с определениями, риторика есть искусство красноречия, основанное на теории аргументации, т. е. она является филологической дисциплиной, с одной стороны, а с другой – философской дисциплиной, разделом логики. Таким образом, риторика – это междисциплинарная наука (между философией и филологией)» [16, с. 130]. Однако это не так. Во-первых, риторика не сводится к теории аргументации, исследует и другие аспекты делового общения, что, следуя логике цитируемого автора, должно привести к размещению риторики между филологией и психологией, жанроведением, юриспруденцией и др. На практике же такое распределение предмета риторики по другим наукам невозможно, поскольку риторика имеет свой собственный научный предмет, нуждающийся в самостоятельном (отдельном от других наук) осмыслении. Во-вторых, логика и риторика занимаются разработкой теории аргументации на равных, поскольку они имеют разный взгляд на её предмет и назначение. Логика ориентируется преимущественно на научную сферу, поэтому основным предметом её исследования является доказательство. Риторика ориентируется преимущественно на общественную практику, поэтому основным предметом её исследования является убеждение. Именно потому, что сугубо логических приёмов оказалось недостаточно для построения полноценной юридической аргументации, Х. Перельману и понадобилось в своё время создание теории аргументации (неориторики) на основе «Риторики» Аристотеля. С тех пор, конечно, логика существенно обогатилась за счёт разработки разнообразных неклассиче-

ских логик (логика оценок, интуиционистская, модельная, прагматическая логика и др.), однако и они ориентируются на открытие объективных законов построения высказывания безотносительно к их содержанию и людям их использующим. «Философ – это человек, который стремится к мудрости, любит и ищет истину» [17, с. 131]. В то же время ритор – это человек, который стремится к достижению взаимопонимания с другими людьми, ищет способы установления эффективной и целесообразной коммуникации. С другой стороны, риторическая аргументация на равных правах включает, кроме логических, также этические и эмоциональные аргументы, и их отбор обусловлен опорой на ценности и потребности адресата. Таким образом, риторика является теорией гуманитарной аргументации, в то время как логика описывает преимущественно аргументацию научную (см. об этом [18]). Если «прерогативой философского анализа является способность осмысливать соотношение всеобщего и отдельного в мире, в сознании и реальной жизни людей. Философия способствует формированию обобщённого теоретико-рационального образа мира в его отношении к реальной жизни и сознанию людей» [19, с. 91], то прерогативой риторического анализа является систематизация тех параметров, которые способствуют оптимизации речи, описание тех приёмов, стратегий, жанров, которые позволяют в подходящей по ситуации форме донести до адресата запланированное адресантом содержание.

3. Неоправданное расширение предмета науки. Возникновение и массовое распространение новых средств информации привело и к активизации интереса к особенностям взаимодействия участников общения в их рамках. Хотя сам по себе этот интерес вполне закономерен, в литературе он нередко трактуется расширительно: к риторике Интернета начинают относить и специфику организации сайтов, и сугубо журналистские проблемы построения материалов в СМИ, и т. п. Однако такое расширительное понимание риторики угрожает размыванием её предмета, что неизбежно приведёт к деградации самой науки. Аналогичная ситуация

уже имела место в истории, когда к риторике был отнесён анализ художественного текста, что привело к выхолащиванию её истинного содержания и к последующему забвению на несколько веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, несмотря на то, что междисциплинарность в современной науке весьма востребована, по отношению к риторике она не всегда отвечает актуальной совокупности методологических подходов, которая обеспечивает получение требуемого научного результата. Сложность и неоднозначность определения предмета риторики приводит и к сложности установления её межпредметных связей с другими науками. Риторика использует все традиционные способы таких

связей, участвуя в образовании новых ветвей коммуникативной лингвистики. Вместе с тем специфика предмета риторики, отвечающей в большей степени за методику построения речевого произведения, а не за его содержание, приводит к появлению деструктивных форм междисциплинарности, состоящих в стремлении заменить содержание риторики фрагментами других наук или передать разделы риторики, описывающие содержательные характеристики речи, в другие науки. Кроме того, особенность риторики состоит в том, что она исследует способы оптимизации речевой составляющей деятельности специалистов разных профессий и, соответственно, вступает во взаимодействие не только с родственными ей лингвистическими дисциплинами, но и со всеми дисциплинами, описывающими эти виды деятельности.

Список источников

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста. Москва, 1988. 271 с. <https://elibrary.ru/kbqmgg>
2. Теоретические основы пиар-риторики / отв. ред. Т.В. Анисимова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 511 с. <https://elibrary.ru/axukyi>
3. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 77-83. <https://elibrary.ru/pjovfp>
4. Курскова Г.Ю., Земскова П.Е. Интегративная междисциплинарность юридической риторики // Муромцевские чтения: сб. ст. 20 Междунар. науч. конф. Москва: РГГУ, 2020. С. 54-61. <https://elibrary.ru/rqetip>
5. Норман Б.Ю., Мухин М.Ю. Междисциплинарные тренды современной лингвистики // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 33-39. <https://elibrary.ru/ilwgdp>
6. Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Особенности формирования лексической компетенции на основе профессионально ориентированного дидактического материала // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. Т. 1 (71). С. 105-110. <https://elibrary.ru/djbgnq>
7. Жигунова Т.С. Междисциплинарность как ключевая характеристика научного исследования индустрии туризма и гостеприимства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 226-227. <https://doi.org/10.23672/d8368-0237-0796-y>, <https://elibrary.ru/rmqiad>
8. Перминова Л.М. Полидисциплинарность и междисциплинарность в педагогике и дидактике: методологический анализ, пути решения // Осовские педагогические чтения: материалы Междунар. науч. практ. конф. Саранск, 2023. С. 529-537. <https://elibrary.ru/bcrxpn>
9. Анисимова Т.В. Содержание риторической компетенции выпускника юридического вуза // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 127-131. <https://elibrary.ru/okkukq>
10. Гимпельсон Е.Г. Риторический жанр как основа коммуникативной компетентности специалиста // Педагогика современности: дошкольное образование: материалы Междунар. науч. практ. конф. Москва, 2024. № 2-1 (29). С. 34-38. <https://elibrary.ru/nqechl>
11. Монгина Ф.М., Говорухина Ю.А. Планирование учебной деятельности в процессе формирования коммуникативной компетенции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 101-104. <https://elibrary.ru/ohyqhr>

12. Пригарина Н.К. Место риторики в процессе формирования коммуникативной компетенции специалиста // Филологический аспект. 2024. № S4 (27). С. 23-29. <https://elibrary.ru/huvtan>
13. Осмоловская И.М. Методологические аспекты междисциплинарных исследований в образовании // Ценности и смыслы. 2023. № 4 (86). С. 28-40. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2023-4-28-40>, <https://elibrary.ru/yaefuf>
14. Дединкин А.Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрлингвистика как синкретическая наука // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1 (85). С. 220-228. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228>, <https://elibrary.ru/yilrma>
15. Анисимова Т.В. Современный учебник по риторике для вузов: проблемы, композиция, текст // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 4. С. 240-251. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-240-251>, <https://elibrary.ru/tnfbcm>
16. Малюкова О.В. Логические основания законов юридической риторики // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 9 (202). С. 121-132. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.121-132>, <https://elibrary.ru/csqqhd>
17. Сердобинцев К.С. О важности философии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 131-135. <https://elibrary.ru/fgwiry>
18. Tindale Ch.W. The philosophy of argument and audience reception. New York: Cambridge University Press, 2015. 244 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316181645>
19. Сердобинцев К.С. Философия. Методологические и прогностические возможности анализа общественного развития // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 90-93. <https://elibrary.ru/uamwre>

References

1. Vernadskii V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. In: *The Philosophical Thoughts of the Naturalis*. Moscow, 1988, pp. 20-209. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kbqmgg>
2. Anisimova T.V. (executive ed.). *Theoretical Foundations of PR Rhetoric*. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2014, 511 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/axuky>
3. Vorozhbitova A.A. Theory and practice of the lingvo-rhetorical paradigm: Sochi school. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: Yazyki i spetsial'nost' = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality*, 2012, no. 4, pp. 77-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjovfp>
4. Kurskova G.Yu., Zemskova P.E. Integrative interdisciplinarity of legal rhetoric. *Sbornik statei 20 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Muromtsevskie chteniya» = Collection of Articles of the 20th International Scientific Conference "Muromtsev Readings"*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2020, pp. 54-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rqetip>
5. Norman B.Yu., Mukhin M.Yu. Interdisciplinary trends of modern linguistics. *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 33-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ilwgdg>
6. Vorontsova Yu.A., Khoroshko E.Yu. Peculiarities of the formation of lexical competence based on professionally oriented didactic material. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 1 (71), pp. 105-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/djbgnq>
7. Zhigunova T.S. Interdisciplinary as a key characteristic of scientific research in the tourism and hospitality industry. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2020, no. 7, pp. 226-227. (In Russ.) <https://doi.org/10.23672/d8368-0237-0796-y>, <https://elibrary.ru/rmqiad>
8. Perminova L.M. Polydisciplinary and interdisciplinary in pedagogy and didactics: methodological analysis, solution ways. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Osovskie pedagogicheskie chteniya» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Osov Pedagogical Readings"*. Saransk, 2023, pp. 529-537. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bcrxpn>
9. Anisimova T.V. The content of the rhetorical competence of a graduate of a law school. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (71), pp. 127-131. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okkukq>

10. Gimpelson E.G. The rhetorical genre as the basis of a specialist's communicative competence. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pedagogika sovremennosti: doshkol'noe obrazovanie» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Pedagogy of the Present: Pre-school Education"*. Moscow, 2024, no. 2-1 (29), pp. 34-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nqechl>
11. Mongina F.M., Govorukhina Yu.A. Learning activities planning in the process of the communicative competence forming. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2 (64), pp. 101-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ohyqhr>
12. Prigarina N.K. The place of rhetoric in the process of forming a specialist's communicative competence. *Filologicheskii Aspekt*, 2024, no. S4 (27), pp. 23-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/huvtan>
13. Osmolovskaya I.M. Methodological aspects of interdisciplinary research in education. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*, 2023, no. 4 (86), pp. 28-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2023-4-28-40>, <https://elibrary.ru/yaefuj>
14. Dedinkin A.L. Legal discourse as a multi-dimensional integrated phenomenon and legal linguistics as a synthetic science. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2021, vol. 23, no. 1 (85), pp. 220-228. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228>, <https://elibrary.ru/yilrma>
15. Anisimova T.V. Modern university textbooks on rhetoric: problems, composition, text. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2022, no. 4, pp. 240-251. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-4-240-251>, <https://elibrary.ru/tnfbcm>
16. Malyukova O.V. The logical foundations of the legal rhetoric laws. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 9 (202), pp. 121-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.202.9.121-132>, <https://elibrary.ru/csqchd>
17. Serdobintsev K.S. On the importance of philosophy. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (72), pp. 131-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fgwiry>
18. Tindale Ch.W. *The Philosophy of Argument and Audience Reception*. New York, Cambridge University Press, 2015, 244 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316181645>
19. Serdobintsev K.S. Philosophy. Methodological and prognostic possibilities of social development analysis. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (59), pp. 90-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uamwre>

Информация об авторе

АНИСИМОВА Татьяна Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Калининградский филиал, г. Калининград, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0002-6386-2041>, atvritor@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.12.2024
Поступила после рецензирования 14.02.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Tatyana V. Anisimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines Department, Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kaliningrad, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0002-6386-2041>, atvritor@yandex.ru

Received 04.12.2024
Revised 14.02.2025
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 808+162.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-172-182>

Шифр научной специальности 5.9.5

Полисиллогистические структуры в современной ораторской речи (эпихейрема)

Михаил Иванович Тарасов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
 tarasovmihail123@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Цель исследования состоит в уточнении понятия эпихейремы, в анализе её употребления в текстах патриарха Кирилла. Глобальная, то есть выходящая за рамки данного исследования цель, заключается в развитии теории когнитивных схем, используемых в разных типах дискурса. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Обосновано применение междисциплинарного подхода к изучению полисиллогизмов. Этот подход объединяет когнитивную лингвистику, традиционную лингвистику, логику и риторику. Терминологическая база исследования берётся из логики и риторики. Текстовые фрагменты из речей патриарха рассматриваются как когнитивные феномены, для обозначения которых применяется традиционный термин *фигуры мысли*. Исследование строится на материале публичных выступлений патриарха Кирилла. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Подробно проанализированы теоретические подходы к определению полисиллогизмов и эпихейремы. Рассмотрены комбинированные энтимемы как самый простой вид полисиллогизмов. Установлено, что они строятся как сумма энтимем с препозитивным тезисом и постпозитивным выводом, которые опосредуются аргументом. Рассмотрена история квалификации эпихейрем в литературе. Предложена модель анализа эпихейрем, предполагающая выявление отсутствующих на поверхностном уровне элементов и, соответственно, определение смыслов, транслируемых в эпихейремах имплицитно. Рассмотрена связь эпихейрем и феномена умолчания. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Эпихейремы квалифицированы не только как способ представления сложных суждений, но и как средство внушения и манипуляции. Сделан вывод о перспективности междисциплинарного исследования полисиллогизмов, имеющего в перспективе построение единой теории текстовых структур в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: энтимема, силлогизм, фигуры мысли, патриарх Кирилл, полисиллогизм, эпихейрема, когнитивная модель

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: М.И. Тарасов – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, анализ публицистических текстов и устных выступлений патриарха Кирилла, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тарасов М.И. Полисиллогистические структуры в современной ораторской речи (эпихейрема) // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 172-182. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-172-182>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-172-182>

OECD 6.02; ASJC 1203

Polysyllogistic structures in modern oratorical speech (epicheireme)

Mikhail I. Tarasov

Smolensk State University

4 Przhhevskogo St., Smolensk, 214000, Russian Federation

 tarasovmihail123@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the study is to clarify the concept of epicheireme, to analyze its use in the texts of Patriarch Kirill. The global, i.e. beyond the scope of this research, the purpose of the research is to develop the theory of cognitive schemas used in different types of discourse. **MATERIALS AND METHODS.** The application of an interdisciplinary approach to the study of polysyllogisms is substantiated. This approach combines cognitive linguistics, traditional linguistics, logic, and rhetoric. The terminological basis of the research is taken from logic and rhetoric. The phenomena designated by the corresponding terms are considered as cognitive phenomena, for which the traditional term *figures of thought* is used. The study is based on the material of Patriarch Kirill's public speeches. **RESULTS AND DISCUSSION.** The theoretical approaches to the definition of polysyllogisms and epicheiremes are analyzed in detail. Combined enthymemes are considered as the simplest type of polysyllogisms. It is established that they are constructed as a sum of enthymemes with a prepositive thesis and a postpositive conclusion, which are mediated by an argument. The article considers the history of the qualification of epicheires in literature. A model for the analysis of epicheires is proposed, which involves the identification of elements missing at the surface level and, accordingly, the definition of meanings implicitly translated into epicheires. The connection between epicheireme and the phenomenon of silence is considered. **CONCLUSION.** Epicheirems are qualified not only as a way of presenting complex judgments, but also as a means of suggestion and manipulation. The conclusion is made about the prospects of interdisciplinary research of polysyllogisms, which has in the future the construction of a unified theory of textual structures within the framework of cognitive linguistics.

Keywords: enthymeme, syllogism, figures of thought, Patriarch Kirill, polysyllogism, epicheireme, cognitive model

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: M.I. Tarasov – research concept development, scientific literature analysis, analysis of the publicistic texts and oral speeches of Patriarch Kirill, conclusions and research results formulation, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Tarasov, M.I. Polysyllogistic structures in modern oratorical speech (epicheireme). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):172-182. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-172-182>

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании мы рассмотрим полисиллогистические структуры, используемые в современной ораторской речи и публицистике. В силу того, что объём статьи ограничен, остановимся на одной такой структуре – эпихейреме – наиболее подробно. Почему мы вообще обращаемся к рассмотрению полисиллогизмов? Потому что имеется существенная лакуна в теории текста и дискурса, обусловленная недостаточной изученностью этих языковых форм. (Таких лакун, как мы полагаем, более чем достаточно, это одна из них.)

Мы здесь говорим об объединении логики, риторики и полисиллогизмов потому, что у нас нет других удобных способов именования сложных многоаргументных рассуждений, которыми мы пользуемся и в устной, и в письменной речи и которые эти науки так или иначе описывают. Анализ соотносимых с рассуждением сложных синтаксических целых включает в себя элементы аналитического аппарата этих дисциплин, но делает это достаточно «робко»¹.

Современные логика и риторика, конечно, описывают полисиллогистические структуры, избегая поверхностности, но делают это, на наш взгляд, недостаточно последовательно. Эти речевые формы как бы повисли между логикой и лингвистикой, логикой и риторикой. Логика даёт определения не всем из них (её не интересует так называемая *хрия* и подобные ей структуры). Риторика, если и касается этих фигур, то либо заимствует их определения из логики, либо относит их к такому своему канону, как диспозиция – расположение, а значит, выводит из круга языковых феноменов, которыми интересуется «классическая» лингвистика.

А между тем полисиллогизмы – это, действительно, неотъемлемая, заметная и важная часть ораторской и публицистической прозы. Сами же они, как было сказано, явно обделены вниманием исследователей. Эту «несправедливость» мы и попытаемся хотя бы отчасти устранить. И здесь нам по пути с классиками логической науки, прежде всего

с самим Аристотелем, в трудах которого учёные находят мысли о когнитивной природе мысли и речи, а значит и логики и риторики [1].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Мы помещаем полисиллогистические структуры в круг таких явлений, которые классическая лингвистика описывает как *сложные синтаксические целые*, *прозаические строфы* и т. д. Мы пытаемся описать эти структуры как явления когнитивные, то есть имеющие некий обязательный мыслительный, идеальный, если угодно, каркас, и как явления собственно лингвистические, то есть имеющие определённый порядок следования компонентов и определённый набор обязательных строевых слов. Этот подход относится не только к полисиллогизмам, но вообще к так называемым *фигурам мысли*. Мы берём этот термин из риторики и обозначаем им устойчивые дискурсивные формы речи, которые, кроме упомянутых терминов вроде *сложного синтаксического целого*, именуются также *речевыми жанрами*, *сложными речевыми актами* и др.² Этот терминологический ряд, по-видимому, можно было бы продолжить. Наиболее удачным здесь нам представляется термин *фигура мысли*. Общий очерк фигур мысли дан нами в книге «Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения»³.

Остановимся на вопросе методики исследования более подробно. Вряд ли в рамках одной статьи можно рассмотреть все когнитивные подходы к тексту. О попытках описания когнитивных моделей, применимых к анализу текста, см. в [2; 3]. Тем не менее уже можно назвать основные принципы анализа текста, сложившиеся в когнитивистике. Учёные выделяют элементарные когнитивные объекты. Используя терминологию химии, они иногда называют их *атомами*. Далее утверждают, что эти атомы ассоции-

¹ Валгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос, 2003. С. 58-61.

² См. обзор литературы по вопросу в: Дементьев В.В. Теория речевых жанров. Москва: Знак, 2010. С. 77-154.

³ Тарасов М.И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения. Москва: Юрайт, 2021. 284 с.

руются между собой в простые последовательности – *молекулы*. Далее эти молекулы объединяются в более крупные последовательности. Таким образом, собственно, и продуцируется когнитивная основа текста. Последняя экстернализируется, то есть выводится на «поверхность» речи, см. об этом подробно в [4].

В доказательство правоты своих суждений процитируем относительно свежее исследование А.Д. Кошелева о генезисе мышления и языка: «...множество словоподобных атомов (лексикон) задаётся матрицей базовых (предметных и двигательных) концептов; операция соединения (Merge) соответствует операции сборки биконцептов и пропозиций из биконцептов»⁴.

Используя примеры самого автора, эту модель можно проиллюстрировать весьма просто. Концепты – это *мальчик, есть, банан*. Биконцепты, соответственно, *мальчик ест* и *есть банан*. Пропозиция, составленная из биконцептов, очевидно, такова: *Мальчик ест банан*.

Далее цитируемый автор говорит о иерархической организации пропозиций, их экстернализации и семантико-прагматическом оформлении⁵. Иерархические отношения пропозиций довольно подробно разобраны в так называемой теории риторических структур (ТРС). Между когнитивными, а затем и текстовыми блоками устанавливаются отношения *свидетельства, уступки, развития* и т. д.⁶ См. подробнее в [5].

Здесь мы хотим высказать очень важную для нас мысль: отношения между текстовыми блоками (в исходном виде между пропозициями), отношения соединения между ними многоярусны. Они начинаются с простого соположения, отражающего экстралингвистическую реальность. Могут потом допол-

няться логическими отношениями. Затем – дискурсивными отношениями. Вот простой пример, иллюстрирующий эту последовательность: *Он поскользнулся и упал. Он поскользнулся и **поэтому** упал. – Он поскользнулся? – Да, и поэтому упал*. При этом, как видим, предметное содержание микротекста сохраняется. Именно поэтому мы рассматриваем риторические отношения как необходимую часть внутренней структуры микротекстов, в то время как в ТРС они рассматриваются как связи *между* элементами целого текста. Анализ текста, проведённый только в рамках такого подхода, приводит к таким результатам, которые, на наш взгляд, лишены дидактической составляющей, ср. в [6].

Из пропозиций строятся более сложные когнитивные модели. Здесь самым значительным завоеванием когнитивной лингвистики нам представляется теория фреймов М. Минского [7].

Отметим попутно, что используемый нами метод анализа текста, который укладывается в формулу: *сначала модель – затем текстовое оформление*, показал, как нам кажется, вполне впечатляющие результаты не только в исследовании риторических форм речи, но и в описании нарратива⁷. В применении риторики при анализе текстовых структур главное отличие нашей работы от тех работ, в которых текст прямо соотносится с логическими структурами, см., например в [8].

Материалом для нашего исследования послужили публицистические тексты и устные выступления патриарха Московского и всея Руси Кирилла о Русском мире⁸. Надеемся, наша работа внесёт свой вклад в изучение риторики Патриарха, см. об этом в [9; 10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, что же мы называем здесь полисиллогистическими структурами? Как, соб-

⁴ Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. Москва: Изд. дом ЯСК, 2019. С. 156.

⁵ Там же.

⁶ Mann W., Thompson S. A Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organization. Los Angeles: University of Southern California, 1987. URL: https://www.sfu.ca/rst/05bibliographies/bibs/Mann_Thompson_1988.pdf (accessed: 27.10.2024).

⁷ Тарасов М.И. Теория текста и дискурса. Дискурс повествования. Москва: ФЛИНТА, 2022. 392 с.

⁸ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире. Москва: Всемир. рус. нар. собор, 2015. 120 с. Далее цитаты даются по этому изданию, указываются номер «слова» и страница, на которой расположен цитируемый текст.

ственно, и принято это делать, полисиллогизмами мы называем речевые структуры, в которых обнаруживаются элементы разных логических структур: силлогизма (дедуктивного доказательства) и наведения (индуктивного доказательства). Эти структуры, как следует из вышесказанного, мы определяем как вполне адекватные эквиваленты когнитивных моделей выведения новой информации.

В наших источниках мы выделили целый ряд полисиллогистических структур. К ним относятся комбинированные энтимемы, эпихейремы, сориты, хрии.

Поскольку далее последует материал, довольно трудный для изложения и восприятия, начнём с самого «лёгкого» полисиллогизма – с *комбинированной энтимемы*. Комбинированные энтимемы сочетают в себе обычно и тезис, который расположен препозитивно и доказываемся, и вывод, который расположен постпозитивно и опирается на всю предшествующую структуру. Приведём пример такой энтимемы: *Важно обратить внимание на заботу о природных ресурсах. <Потому что> Рекреационный потенциал Кавказа огромен, но сегодня он используется без должной заботы о восстановлении экосистемы. <Поэтому> Должны вестись научные исследования в сфере охраны природы Кавказа, необходимо реализовывать программы по утилизации отходов, восстановлению флоры и фауны* (2, с. 13).

В нашем случае дедуктивная энтимема продолжается индуктивной, а соединительным мостиком является высказывание «<Потому что> Рекреационный потенциал Кавказа огромен, но сегодня он используется без должной заботы о восстановлении экосистемы».

Иногда, имея в виду то же, что и мы, говорят ещё о *просиллогизмах*, размещающихся в начале полисиллогизма, и *эписиллогизмах*, размещающихся в его конце⁹. Обратим внимание: в таких структурах оба вывода эксплицитны.

⁹ Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». Москва; Нью-Йорк: Изд-во ЧеРо, 2006. С. 527.

В изученных нами текстах Патриарха Кирилла находим полисиллогизмы другого типа. В таких структурах на поверхностном уровне рассуждения имеется только один вывод, второй подразумевается, но, как правило, осознаётся слушателями, поскольку имплицирован в одной из посылок.

Подобного рода построения можно именовать *эпихейремой* (от греч. *ἐπιχειρήμα* – ‘довод, аргумент’). В источниках, описывающих этот способ рассуждения, единства мы не находим.

Аристотель говорит об этой фигуре, когда рассуждает о доказательстве, способном включать несколько доводов – от первых, очевидных, до последних – неочевидных. По его мнению, было бы желательно, чтобы цепь доводов была непрерывной, без лакун. В том случае если какие-либо доводы пропущены, то «...эпихиримы будут казаться софистическими» (Тописка 158a30-35)¹⁰.

Аристотель также говорит об эпихейреме в следующем контексте: «Когда приведённый довод есть доказательство чего-то, тогда, в том случае если [доказывается] нечто другое, совершенно не относящееся к заключению, [которое должно быть выведено], умозаключения об этом не будет; если же оно кажется умозаключением, то оно софизм, а не доказательство» (162a10-15).

Аристотель, очевидно, полагает, что эпихейрема вследствие опущения каких-то своих частей на поверхностном уровне предлагает один вывод, а на имплицуемом уровне – другой. Традицию делать вывод об одном при возможности делать вывод совершенно о другом Аристотель называет софистической. И это объяснимо. Вспомним, например, известный софизм про рогатого человека. На вопрос «Ты терял рога?» следует ответ «Нет». Из этого ответа шутник-софист делает вывод: «Значит, ты рогат!». Очевидно, чтобы сделать такой вывод, надо полностью проигнорировать следующее рассуждение вопрошаемого, связанное с ответом «Нет»: «Нет. Я не терял рога, потому что у меня их и не было». При этом шутнику

¹⁰ Трактат Аристотеля «Тописка» цитируется по: Аристотель. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. С. 347-532.

нужно мысленно дополнить ответ вопрошаемого «Нет» своим ложным комментарием «хотя они у меня были». Вывод шутника строится на домисленных им самим продолжениях ответа «Нет». Вывод вопрошаемого основан на произнесённом, но реальном продолжении его ответа «Нет».

Здесь рассуждение с «потерявшимися» частями используется для создания языковой и логической игры. Разумеется, нас интересуют другие формы эпихейремы, не имеющие такого же определённого игрового характера, но эксплуатирующие тот же принцип организации – потерю элементов контаминированных энтимем.

В словарях по логике эпихейрема трактуется как «сокращённый силлогизм, в котором обе посылки представляют собой энтимемы»¹¹. Пример, иллюстрирующий феномен энтимемы в цитируемом источнике, следующий:

Ложь заслуживает презрения, так как она безразлична;

лесть есть ложь, так как она есть умышленное извращение истины;

следовательно, лесть заслуживает презрения.

Фактически эпихейрема здесь приравнена к «обычному» силлогизму, поскольку вероятно то, что любая часть силлогизма, любой его аргумент может быть превращён в энтимему, что и демонстрирует приведённый пример. Ср. его сокращённый вид, в котором ничего по сути не поменялось:

Ложь заслуживает презрения;

лесть есть ложь;

следовательно, лесть заслуживает презрения.

Эпихейрема, определённая и проиллюстрированная так, как это сделано Д.П. Горским, вряд ли заслуживает собственного наименования, поскольку представляет собой энтимему или силлогизм, части которого подверглись факультативному распространению. Базовая структура рассуждения при этом, как мы показали, остаётся неизменной.

Эпихейрема как риторический феномен известна русской риторике давно. Уже в од-

ной из риторик времён Петра I, «Риторике» Софрония Лихуды (1698 г.), в разделе о расположении упомянуты *силлогизм, эпифими́ма, парадигма, эпихи́рима, соритис, дили́мма* и другие формы организации рассуждения, или толкования утверждения¹².

В «старых» риториках отражены оба упомянутых Аристотелем качества эпихейремы: и её многоэлементность, которая в полном виде проявляется на уровне глубинной структуры, то есть на когнитивном уровне, и её неполнота на поверхностном уровне. Именно эта неполнота предопределяет двусмысленность эпихейремы, то есть то, что она оказывается способна внушить слушателю некоторые не полностью выраженные смыслы.

Способность эпихейрем подразумевать некий дополнительный смысл положена в основу её определения в латиноязычном трактате «О риторическом искусстве...», изданном в Белоруссии. Автор риторики пишет: «Эпихейрема – это сокращённая энтимема, два основных тезиса которой соединяются в один»¹³. Как мы покажем ниже, именно такое понимание эпихейремы подтверждается риторической практикой патриарха Кирилла.

Современные словари риторических терминов, как правило, игнорируют феномен эпихейремы. Исключение здесь – словарь Г.Г. Хазагеров. Он определяет эпихейрему через понятие энтимемы, в свою очередь, энтимему определяет в общих с эпихейремой значениях как «риторический силлогизм, то есть такой силлогизм, посылка которого истинна лишь вероятно: *Он человек обеспеченный, а обеспеченный человек не станет совершать мелкой кражи*»¹⁴. Это определение не представляется исчерпывающим в содержательном отношении, поскольку все без исключения энтимемы строятся на вероятностных утверждениях.

Мы, в соответствии с логической и риторической традициями, примем следующее

¹² Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. Москва: Высш. шк., 2003. С. 99.

¹³ Латиноязычные риторики на Беларуси: Полоцкий трактат «О риторическом искусстве...» 1788, 1799 годов издания. Минск: РИВШ, 2006. С. 227.

¹⁴ Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. Москва: Флинта: Наука, 2009. С. 81.

¹¹ Горский Д.П. и др. Краткий словарь по логике. Москва: Просвещение, 1991. С. 200.

рабочее определение этой фигуры: *эпихейрема* – это рассуждение, составленное из нескольких энтимем и вследствие этого имеющее вывод или аргумент, которые могут быть имплицитны, но важны для автора.

Эпихейремы, подходящие под данное определение, имеются в классических риторических источниках, использованных нами как сравнительный материал. Сокращённая последовательность доказательства в них при желании восстанавливается. Рассмотрим, например, высказывание Диогена из речи Диона Хрисостома о нём и его отношении к слугам. Диоген приводит одну полную энтимему, в тезисе и аргументе которой заложена другая:

Разве ты не замечаешь, насколько беспечальнее, чем люди, живут звери и птицы? Жизнь для них слаще, они здоровее людей, и каждый из них живёт столько времени, сколько ему положено, хотя нет у них ни рук, ни человеческого разума. Но вместо этого и многого иного, чего им недостаёт, у них есть одно величайшее благо – они не имеют собственности (10: 16)¹⁵.

Дополнить это рассуждение можно так:

Звери и птицы живут беспечальнее человека;

Потому что у них нет собственности.

Человек живёт печальнее зверей и птиц,

Потому что у него есть собственность.

И этот тезис не кажется окончательным, от него можно перейти к следующему выводу: *человеку нужно отказаться от собственности*. Все возможности распространения и создают фигуру эпихейремы. Сделаем ещё одно важное для нас замечание. Домысливание наличествующего текста имеет как стохастические, так и облигаторные параметры. Это происходит потому, что эпихейрема и другие полисиллогизмы суть явления риторические, то есть строящиеся на вероятностном развитии исходного положения, причём вероятность эта достаточно велика, но вовсе не строго обязательна. Все вместе такие ве-

роятности и образуют когнитивную картину мира. Обратим также внимание на то, что коммуникативное ударение падает в домысленном тексте на аргумент, а не на вывод. Аргумент же следующий: *Потому что у него (у человека) есть собственность*.

Покажем теперь, как строятся и используются эпихейремы Патриархом Кириллом. При этом представим экспликацию эпихейрем – запись, выявляющую их мыслимую аргументно-выводную структуру. Иначе говоря, покажем, из каких именно энтимем эти эпихейремы сложилась.

Цели (церкви. – М. Т.) должны быть ясно сформулированы. Сегодня народ грамотный. Каждая партия у нас формулирует цели, но одни с ними соглашались, а другие выступают против. Нужно так формулировать цели и задачи общенародной жизни, стратегического развития нашего общества, чтобы это объединяло людей независимо от политических, социальных, этнических, возрастных и прочих групп (1, с. 6).

Вот как можно этот текст представить в виде совокупности энтимем.

(А) ...цели церкви должны быть ясно сформулированы. <потому что> Сегодня народ грамотный. (Б) Каждая партия у нас формулирует цели, но одни с ними соглашались, а другие выступают против. <Поэтому партии не стремятся к единству общества??> (В) <Церковь стремится к единству общества. Поэтому> Нужно так формулировать цели и задачи общенародной жизни, стратегического развития нашего общества, чтобы это объединяло людей независимо от политических, социальных, этнических, возрастных и прочих границ.

В энтимеме (А) мы восстановили только коннектор. В энтимеме (Б) эксплицировали очень важный для патриарха вывод: *Партии не стремятся к единству общества*. В энтимеме (В) выявили такой же важный аргумент: *Церковь стремится к единству общества*

Ещё несколько подобных примеров:

Не всегда нам в истории удавалось хранить единство общества поверх социальных барьеров. Есть с этим проблема и сегодня, особенно в период кризиса. И эту проблему могут использовать наши недруги. Поэтому

¹⁵ Речь Диона Хрисостома цитируется по: Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. Москва: Наука, 1964. С. 18–21.

стремление к справедливости должно не раскалывать общество, не вести нас к новому витку ненависти и розни, но служить достижению социальной гармонии, наполнению конкретным содержанием не только политических, но и социально-экономических прав наших граждан (6, с. 42).

Экспликация эпихейремы как совокупности энтимем:

(А) Не всегда нам в истории удавалось хранить единство общества поверх социальных барьеров. Есть с этим проблема и сегодня, особенно в период кризиса. **<Поэтому** сегодня наличие социальных барьеров и стремление их убрать может подорвать единство общества.> (Б) И эту проблему могут использовать наши недруги. **Поэтому** стремление к справедливости должно не раскалывать общество, не вести нас к новому витку ненависти и розни, но служить достижению социальной гармонии, наполнению конкретным содержанием не только политических, но и социально-экономических прав наших граждан.

Пункт (А) в этом тексте представляет собой даже не энтимему, а законченный силлогизм, правда, с отсутствующим выводом. Мы этот вывод выявили и вывели на поверхность текста – *Сегодня наличие социальных барьеров и стремление их убрать может подорвать единство общества*. Энтимема (Б) представлена в полном виде.

И ещё один пример:

14 ноября прошлого года Государственная Дума приняла важное заявление «О грубых и массовых нарушениях прав религиозных и национальных меньшинств в связи с обострением ситуации в Сирии и Ираке». Этот документ стал важным свидетельством особой роли России в защите страждущих христиан Ближнего Востока. Последние страждущие христиане там сегодня видят надежду на спасение только в России и говорят нам об этом на самом высоком уровне, на уровне патриархов, руководителей христианских общин. Западные страны, которые традиционно поддерживали католическое присутствие на Ближнем Востоке, отказались от этой поддержки, и даже наши католические братья сегодня оказыва-

ются один на один перед этой новой страшной опасностью истребления христиан на Ближнем Востоке. **Поэтому** с усилением роли России в плане защиты прав религиозных меньшинств на Ближнем Востоке, несомненно, возрастает и авторитет нашей страны среди жителей этого региона (6, с. 47).

Экспликация эпихейремы:

(А) 14 ноября прошлого года Государственная Дума приняла важное заявление «О грубых и массовых нарушениях прав религиозных и национальных меньшинств в связи с обострением ситуации в Сирии и Ираке». Этот документ стал важным свидетельством особой роли России в защите страждущих христиан Ближнего Востока. **<Поэтому>** последние страждущие христиане там сегодня видят надежду на спасение только в России и говорят нам об этом на самом высоком уровне, на уровне патриархов, руководителей христианских общин. (Б) Западные страны, которые традиционно поддерживали католическое присутствие на Ближнем Востоке, отказались от этой поддержки, и даже наши католические братья сегодня оказываются один на один перед этой новой страшной опасностью истребления христиан на Ближнем Востоке. **Поэтому** с усилением роли России в плане защиты прав религиозных меньшинств на Ближнем Востоке, несомненно, возрастает и авторитет нашей страны среди жителей этого региона. (В) **<Россия оказывает поддержку восточным христианам. Запад устранился от этой поддержки. Поэтому можно считать, что Россия превосходит Запад в поддержке восточных христиан.>**

В данном случае, как видим, пришлось эксплицировать целую силлогистическую конструкцию – часть (В), составленную из элементов разных энтимем.

Особенность любой эпихейремы состоит в том, что она сочетает структуру доказательства с таким явлением, как умолчание.

О значении умолчания хорошо сказал Деметрий: «Вот в этом и состоит убедительность (ранее упоминались два качества убедительности: ясность и привычность (synēthēs). – М. Т.), и сюда же мы отнесём слова Феофраста о том, что не следует до-

тошно договаривать до конца всё, но кое-что оставить слушателю, чтобы он подумал и сам сделал *вывод* (выделено мною. – М. Т.). Ведь тот, кто понял недосказанное вами, тот уже не просто слушатель, но ваш свидетель, и притом доброжелательный. Ведь он самому себе кажется понятливым, потому что вы предоставили ему повод проявить свой ум. А если всё втолковывать слушателю, как дураку, то будет похоже, что [вы] плохого мнения о нём»¹⁶.

Существует несколько риторических форм умолчания, среди них так называемый *эпитроп* (от греч. *ἐπιτροπή* ‘поворот к чему-либо’) – «... фигура указания таких фактов и деталей, которые склоняют адресата к определённом выводу относительно характеризуемого предмета, лица или события»¹⁷. Добавим, что сам вывод при этом не произносится.

Эпитроп вполне можно трактовать как сокращённую энтимему. Ср. объяснение одного из случаев употребления эпитропа в цитируемой статье: «*Интересы Алексея Степаныча не простирались далее ловли перепелов на дудки и соколиной охоты* (С.Т. Аксаков. Семейная хроника). Указанные занятия не предполагают большой учёности, отсюда вывод о том, что герой С.Т. Аксакова был «совершенный невежда» (здесь и далее выделено В.П. Москвиным. – М. Т.)»¹⁸. Здесь, как видим, автором комментария выведены на «поверхность» речи специальные логические коннекторы (*отсюда вывод*), превращающие цитату в энтимему.

Эпитроп может использоваться как так называемый полуэвфемизм, поскольку часто служит для сглаживания произносимых квалификаций и оценок. Ср.: «... можно заявить: “Этот человек циничный и беспринципный приспособленец”. А можно беспристрастно изложить соответствующие факты: *С самого начала своего писательства проявил он великое умение поставить на литературный рынок только то, что шло в нём ходко, в*

зависимости от иных меняющихся вкусов и обстоятельств (И.А. Бунин. Третий Толстой)»¹⁹.

Попробуем решить, каково же соотношение эпитропа и эпихейремы. На наш взгляд, это соотношение вполне укладывается в рамки предлагаемой нами концепции поэтапного усложнения фигур мысли, «надевания» ими всё новых и новых риторических одежд. В самом деле, в данном случае имеется одно высказывание, с логической точки зрения – это эпихейрема (сокращённая структура из нескольких энтимем), с точки зрения дискурсивной – это эпитроп. Дискурсивная составляющая в данном случае добавляется к логической. Эпитроп, таким образом, это дискурсивное производное от эпихейремы. При этом, конечно, и логическое, и дискурсивное начало в эпихейреме сосуществуют в их нераздельности и расчленяются только в описательных целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпихейремы, таким образом, являются не только средством представления мысли, но и средством внушения или даже манипуляции, так как позволяют «подсказать» слушателю тот или иной вывод, не произнося его прямо.

В целом же о проделанном исследовании можно сказать следующее. Эпихейремы, как и другие полисиллогизмы, представляют собой заметный риторический приём (фигуру мысли) в ораторской практике патриарха Кирилла. Применение комплексного метода исследования эпихейрем, включающего положения когнитивной науки, логики и риторики, риторики как онтологии [11, с. 31], позволяет их адекватно описать, выявляя их имплицитные части. Имплицитные части эпихейрем часто содержат сведения и выводы, важные для оратора, но по каким-то экстралингвистическим причинам не могущие быть выраженными открыто. Таким образом формируется одна из технологий доказывания, см. также в [12].

¹⁶ Деметрий. О стиле // Античные риторики. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 273.

¹⁷ Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 902.

¹⁸ Там же. С. 904.

¹⁹ Там же.

Продemonстрированный нами метод анализа полисиллогизмов в публицистических текстах патриарха Кирилла может быть применён как в научных исследованиях, так и в дидактической практике.

Список источников

1. Чебан А.Г. Фигуры мысли Аристотеля в формировании хайдеггеровского понимания языка: symbolon как трансценденция // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С. 94-99. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.15>, <https://elibrary.ru/nsqysa>
2. Карпукхина В.Н. Типология когнитивных моделей текстопорождения и интерпретации текста: лингвоаксиологический аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2 (78). С. 145-149. <https://elibrary.ru/rseyfv>
3. Тарасов М.И. Когнитивные модели и конструирование нарратива // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2 (50). С. 90-103. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-50-2-90-103>, <https://elibrary.ru/wwkytf>
4. Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва: Прогресс, 1987. С. 317-380. <https://elibrary.ru/ixdjvj>
5. Сусов А.А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 133-138. <https://elibrary.ru/ibvgot>
6. Воронина Л.В., Лопатин Е.А. Когнитивно-риторические аспекты организации современной юридической коммуникации // Юрислингвистика. 2024. № 31 (42). С. 45-51. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3108](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3108), <https://elibrary.ru/aoskyq>
7. Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 152 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007654365?ysclid=m70coowdfy343227445>
8. Петрова Е.А. Особенности выражения проповедей в полисиллогизмах // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 207-213. <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2016.4.21>, <https://elibrary.ru/xdxvch>
9. Аннушкин В.И., Тарасов М.И., Чистякова И.Ю. Риторика Патриарха. Москва: Русистика, 2016. 258 с. <https://elibrary.ru/yjqjkl>
10. Сорокина Л.С. Функционирование логических фигур в тексте современной проповеди: оригинал и перевод // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 316-319. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.63>, <https://elibrary.ru/vzzzhz>
11. Малюкова О.В. Современные риторические нарративы в оптике отечественной риторики // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5 (97). С. 31-41. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.3>, <https://elibrary.ru/yugpkl>
12. Голоднов А.В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 1. № 4-2 (18). С. 113-125. <https://elibrary.ru/sxbkit>

References

1. Cheban A.G. Figures of Aristotle's thought in the formation of Heidegger's understanding of language: symbolon as transcendence. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2022, no. 3 (95), pp. 94-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.15>, <https://elibrary.ru/nsqysa>
2. Karpukhina V.N. The cognitive models of text production and interpretation: the axiological linguistics aspect. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2013, no. 2-2 (78), pp. 145-149. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rseyfv>
3. Tarasov M.I. Cognitive models and narrative construction. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestia of Smolensk State University*, 2020, no. 2 (50), pp. 90-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-50-2-90-103>, <https://elibrary.ru/wwkytf>
4. Abelson R. The structures of persuasion. In: *Language and Modeling of Social Interaction*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 317-380. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ixdjvj>

5. Susov A.A. Discourse modeling in terms of rhetorical theory. *Vestnik VGU. Seriya Filologiya. Zhurnalistska = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2006, no. 2, pp. 133-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ibvgot>
6. Voronina L.V., Lopatin E.A. Cognitive and rhetorical aspects of the organization of modern legal communication. *Yurilingvistika = Legal Linguistics*, 2024, no. 31 (42), pp. 45-51. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3108](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3108), <https://elibrary.ru/aoskyq>
7. Minskii M. *A Framework for Representing Knowledge*. Moscow, Ehnergiya Publ., 1979, 152 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01007654365?ysclid=m70coowdfy343227445>
8. Petrova E.A. The peculiarities of expressing propozemes in polysilogisms. *Vestnik VoLGU. Seriya 2, Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 207-213. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.21>, <https://elibrary.ru/xdxvch>
9. Annushkin V.I., Tarasov M.I., Chistyakova I.Yu. *The Patriarch's Rhetoric*. Moscow, Rusistika, 2016, 258 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjqjkl>
10. Sorokina L.S. Functioning of logical figures in the modern sermon: the original and the translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 316-319. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.63>, <https://elibrary.ru/vzzhhz>
11. Malukova O.V. Modern rhetorical narratives in the optics of Russian rhetoric. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2022, no. 5 (97), pp. 31-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.3>, <https://elibrary.ru/yugpkl>
12. Golodnov A.V. Persuasive textualization strategy in rhetorical metadiscourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2008, vol. 1, no. 4-2 (18), pp. 113-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxbkit>

Информация об авторе

ТАРАСОВ Михаил Иванович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0005-2423-9440>, tarasovmihail123@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.11.2024

Поступила после доработки и рецензирования 11.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Mikhail I. Tarasov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-2423-9440>, tarasovmihail123@yandex.ru

Received 15.11.2024

Approved after reviewing and revision 11.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

Шифр научной специальности 5.9.5

Фразеологизмы с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках

Авасхан Курбанбековна Орозова

Международный университет «Ала-Тоо»
720048, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Анкара, 1/8
[✉ orozova-22@mail.ru](mailto:orozova-22@mail.ru)

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Базовое этическое представление о зле, вступающее в оппозицию с добром, отмечается в человеческих коллективах в разные исторические эпохи и в разных культурах, что находит отражение в такой языковой единице, как фразеологизм, который имеет место в словарном запасе носителя любого языка. Цель исследования – показать результаты сопоставительного анализа русских и кыргызских фразеологизмов с семантикой «зло», раскрыть национально-культурную специфику понятия «зло» как этнически значимого представления о нравственном характере человека. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили лексикографические источники и картотека, составленная автором по наблюдениям за спонтанной речью и фразеупотреблением в живой речи носителей русского и кыргызского языков. Использовались методы сплошной выборки фактического материала, дефиниции, сопоставления; основным методом послужил описательно-аналитический. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Анализ фразеологизмов русского и кыргызского языков с семантикой беспощадности, жестокости и злобности показал, что они отражают не только эмоциональные аспекты человеческой природы, но и особенности культур. В кыргызском языке широко используются такие артефакты, как «меч», «кнут», «кровь» и «яд», которые передают сложные человеческие чувства и моральные пороки. Для выражения негативных качеств используются соматические фразеологизмы, в русском языке преобладают фразеологизмы с зоонимами, объективирующими собственно национальные черты и лингвокультурологическую значимость. Фразеологизмы с семантикой образа злого человека в сопоставляемых языках характеризуются метафорической составляющей, которая отражает национально специфический характер носителей языков. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ фразеологизмов со значением «зло» в русском и кыргызском языках выявил влияние культурных особенностей на их семантику, образность и структуру, отражая специфику восприятия негативных качеств в каждой культуре. Результаты исследования подчёркивают значимость изучения фразеологизмов для углублённого понимания исторического и социального опыта народов, их ментальности и ценностей. Перспективным направлением дальнейших исследований является расширение сравнительного анализа с включением других языков и культур для изучения универсальных и уникальных аспектов восприятия зла.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, зло, русские фразеологизмы, кыргызские фразеологизмы, соматические фразеологизмы, национальная культура

Благодарности. Выражаю благодарность сотрудникам научно-образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка ТГУ им. Г.Р. Державина за консультирование при написании статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.К. Орозова – разработка концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, работа со словарями и авторской картотекой, анализ фразеологизмов русского и кыргызского языков, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Орозова А.К. Фразеологизмы с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 183-193. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

OECD 6.02; ASJC 1203

Phraseological units with the semantics of “evil” in Russian and Kyrgyz languages

Avaskhan K. Orozova

Ala-Too International University

1/8 Ankara St., Bishkek, 720048, Kyrgyz Republic

 orozova-22@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The basic ethical idea of evil, which comes into opposition with good, is noted in human communities in different historical eras and in different cultures, which is reflected in such a linguistic unit as phraseology, which takes place in the vocabulary of a native speaker of any language. The purpose of the study is to present the results of a comparative analysis of Russian and Kyrgyz phraseological units with semantics of “evil”, to reveal the national and cultural specifics of the concept “evil” as an ethnically significant idea of the moral character of a person. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is lexicographic sources and a card index compiled by the author based on observations of spontaneous speech and phrase use in live speech of speakers of Russian and Kyrgyz languages. Methods of continuous sampling of factual material, definition, and comparison are used; The main method is descriptive and analytical. **RESULTS AND DISCUSSION.** An analysis of the phraseological units of the Russian and Kyrgyz languages with the semantics of ruthlessness, cruelty and malice showed that they reflect not only the emotional aspects of human nature, but also the characteristics of cultures. The Kyrgyz language makes extensive use of artifacts such as “sword”, “whip”, “blood”, and “poison”, which convey complex human feelings and moral vices. To express negative qualities, somatic phraseological units are used; in the Russian language, phraseological units with zoonims predominate, objectifying the national traits themselves and linguistic and cultural significance. Phraseologisms with the semantics of the image of an evil person in the compared languages are characterized by a metaphorical component that reflects the nationally specific nature of native speakers. **CONCLUSION.** The analysis of phraseological units with the meaning of “evil” in Russian and Kyrgyz languages has revealed the influence of cultural characteristics on their semantics, imagery, and structure, reflecting the specifics of perceiving negative traits in each culture. The results of the study emphasize the importance of examining phraseological units to gain a deeper understanding of the historical and social experience of peoples, their mentality, and values. A promising direction for further research is the expansion of comparative analysis to include other languages and cultures in order to explore the universal and unique aspects of the perception of evil.

Keywords: phraseological units, semantics, evil, Russian phraseological units, Kyrgyz phraseological units, somatic phraseological units, national culture

Acknowledgments. I express my gratitude to the staff of the Scientific and Educational Center “Rusist” at the Russian Language Department of Derzhavin Tambov State University for advice on manuscript writing.

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: A.K. Orozova – research concept development, scientific literature collection and analysis, working with dictionaries and author’s card catalogs, analysis of Russian and Kyrgyz phraseological units, writing - original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Orozova, A.K. Phraseological units with the semantics of “evil” in Russian and Kyrgyz languages. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(1):183-193. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-183-193>

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, к понятию «фразеологизм» обращался в своё время М.В. Ломоносов, который для неделимых особых языковых знаков использовал термины «фразесы», «идиоматизмы». Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина (идея принадлежит Е.Д. Поливанову) сформировалась только в 40-е гг. XX века. Путь становления фразеологии как особой лингвистической дисциплины подробно освещён в работах В.Н. Телии [1]. Цель исследования – провести сопоставительный анализ русских и кыргызских фразеологизмов с семантикой «зло», раскрыть национально-культурную специфику понятия «зло» как этнически значимого представления о нравственном характере человека.

Сравнительная характеристика фразеологизмов в кыргызском и русском языках рассматривалась в структурном плане, выявлены именные, глагольные, наречные виды фразеологизмов [2]. При рассмотрении фразеологизма как языковой единицы учёные особо обращают внимание на один из важных его компонентов – «образность (или метафоричность)», то есть значение устойчивого словосочетания формируется с помощью образно мотивирующей метафоры, которая изначально отсылает к непрямому значению [3]. Это не прямое значение формирует вторичность фразеологизма, то есть единицы вторичной номинации, что связано с ограниченными языковыми средствами и неисчерпаемостью ассоциаций и концептуального содержания того или иного слова.

В последнее десятилетие активно развивается лингвокультурология, в рамках которой наиболее эффективными являются сопоставительные исследования, выявляются

как уникальные, так и национально культурные различия в восприятии окружающей действительности, концептуализирующие представление о зле. Так, фразеологизмы со значением «зло» рассматриваются как концептуально-метафорические модели этического концепта «зло» [4].

Для современной лингвистики являются актуальными вопросы, раскрывающие национальную картину мира. «Язык как зеркало культуры является одновременно зеркалом системы ценностей того или иного народа, отражает глубокие архетипические представления нации о константах мироздания – добре и зле... Именно культурные ценности, нашедшие выражение в языковой картине мира, позволяют проникнуть в «душу» той или иной лингвокультуры» [5, с. 84].

Фразеологизмы, отражающие значение «зло», являются важной частью языковой картины мира, поскольку они ярко иллюстрируют культурные особенности народов, формирующих этническую языковую картину мира. Зло, как одно из негативных качеств человека, проявляется в таких чертах, как жестокость, подлость, хитрость и злоба, «коварство, двуличие и лицемерие и сопутствующие им качества <...> вероломство, предательство» [6, с. 144], что находит отражение во всех языках. Исследование фразеологизмов с этим значением в русском и кыргызском языках позволяет выявить общие и уникальные черты восприятия и выражения зла, которые формируются под влиянием культурных, исторических и социальных факторов, присущих каждой из двух языковых и культурных систем.

Характеристика однонаправленной метафорической модели «зло – человек», репрезентирующей культурологические знания о злом человеке и категориальную отнесён-

ность объекта номинации, в русском и кыргызском языках представлена недостаточно.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили лексикографические источники. Были использованы словари русского¹ и кыргызского² языков, из которых методом сплошной выборки изъятые фразеологические единицы, и картотека, составленная автором по наблюдениям за спонтанной речью и фразеупотреблением в живой речи носителей русского и кыргызского языков.

Методика исследования сочетает в себе общелингвистические методы (наблюдение, сравнение, интерпретация, обобщение). Использовался сопоставительный метод, позволивший выявить национально-культурное содержание фразеологизмов; метод анализа фразеологизмов с целью установления корпуса фразеологизмов с семантикой «зло»; для установления смысла фразеологизма использовался метод дефиниции; метод системного анализа, объединяющий классификацию и обобщение наблюдаемых связей между языковыми элементами, описательно-аналитический анализ позволил комплексно

исследовать русскую и кыргызскую фразеологию. Всего в рамках настоящей работы было проанализировано 85 фразеологизмов, представляющих образы злого человека в русском и кыргызском языках.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ментальную, или когнитивную, модель «зло – человек» формируют область-источник (сопоставляемые реалии) и область-мишень – человек. Эти области обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания фразеологической единицы в сопоставляемых языках.

Понятие «зло» находит отражение в описании человеческого характера, таких как жестокость, беспощадность и злоба. Так, чувства «беспощадность», «безжалостность» как аспект нравственного зла характеризуются отсутствием у человека сочувствия, его готовность к крайней жестокости. В русском языке это качество отражается в ряде фразеологизмов с яркой экспрессивной окраской. Например, выражение *драть/отдрать* как *сидорову козу* («прост. экспрес.») используется в значении «жестоко, беспощадно бить», «наказывать». Ср.: «*Боярин, – сказал Перстень, удаляясь, – послушай меня, не хвались на Москве, что хотел повесить слугу Малюты Скуратова и потом отдрал его как сидорову козу!*» (А.К. Толстой «Князь Серебряный»). «*Это, ваше благородие, Аксютин так мелет потому, что его самого драли как Сидорову козу... У него и три зуба вышиблено от чужого, можно сказать, зверства...*» (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В приведённых примерах словосочетание *сидорова / Сидорова коза* (в настоящее время фразеологический оборот пишется со строчной буквы) восходит к русскому простонародному имени Сидор. Это имя широко использовалось в русских пословицах и поговорках, например: «*Фофан с толокном, а Сидор с волокном*»; «*У Сидора обычай, а у Карпа свой*»). Распространённость в народе имени Сидор послужила появлению фразеологизма, в котором используется зооним «коза». Это домашнее животное имеет строптивый характер, о чём говорится и в русской, и

¹ Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник: Москва: Рус. яз. Медиа, 2008. 896 с.; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. Москва: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.; Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. Москва: Дело и Сервис, 2001. 208 с.; Мокиенко В.М., Феллецина В.П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под. ред. З.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Москва: Рус. яз., 1990. 220 с.; Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.; Розе Т.В. Большой фразеологический словарь для детей. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 224 с.

² Русско-кыргызский словарь / под. ред. К.К. Юдахина. Бишкек: Шам, 2000. 992 с.; Өнөр алды-кызыл тил. ЖОЖдун студенттери үчүн түзүлгөн фразеологиялык минимумдун түшүндүрмө сөздүгү / А. Осмонкулов, А.Р. Акунова Бишкек, 2007. 160 б. URL: https://new.bizdin.kg/media/books/%D3%A8%D0%BD%D3%A9%D1%80_%D0%B0%D0%BB%D0%B4%D1%8B_%D0%BA%D1%8B%D0%B7%D1%8B%D0%BB_%D1%82%D0%B8%D0%BB.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

в кыргызской сказках «Упрямые козы». Злой Сидор мог наказать упрямую козу, то есть «выпороть (или «выдрать»)), поэтому за именем закрепились отрицательная коннотация: Сидор за провинность козы драл (бил) и безжалостно наказывал её. Возможно, этимология этого фразеологизма восходит к искажённому арабскому выражению «садар ка-за», то есть «приговор судьи».

Аналогичное значение имеет и выражение *стереть в порошок* («прост.» жестоко, беспощадно расправиться с кем-либо).

В русском языке жестокость как моральное качество часто сравнивается с образом грабежа или физического насилия. Такие фразеологизмы, как *ободрать как липку* («разг.», «экспресс.» отбирать всё дочиста, грабить кого-либо) и *кормить кулаками* («экспресс.» избивать, колотить, лупить кого-либо) подчёркивают насильственный характер поведения. Кроме того, выражение *сердце обросло мохом* («экспрес.» кто-то стал чёрствым, бездушным, жестоким) акцентирует внимание на внутренней эмоциональной чёрствости, сопутствующей жестокости.

Злоба, проявляющаяся в намерении причинить вред, выражена в ряде устойчивых русских и кыргызских оборотов. Например, русский фразеологизм *точить зубы* («предосуд.» испытывать чувство злобы против кого-либо или чего-либо, желая причинить вред) подчёркивает внутреннее напряжение и готовность к агрессии. Чувство злобы может проявляться в обмане или манипуляции, что передаётся выражением *наводить тень на плетень* («ирон.» намеренно осложнять что-либо, вводить в заблуждение кого-либо). Русские фразеологические единицы *довести до белого каления* («разг.» приводить в состояние крайнего раздражения, полной потери самообладания) и *довести до греха* («разг.», «экспрес.» чрезмерно рассердить, разозлить кого-либо) иллюстрируют злобу человека через её воздействие на эмоциональное состояние человека.

Для описания беспощадных людей в кыргызском языке часто используются образы, связанные с жестокими и неумолимыми действиями. Например, выражение *жан алгыч* (=букв. «забирающий жизнь») символи-

зирует абсолютное отсутствие жалости у человека, готового причинить боль и даже лишить другого жизни. Похожее значение имеет выражение *баши кесер* (= букв. палач), которое подчёркивает беспощадность и бездушность. Оно отражает образ человека, чьи действия несут страдания и смерть, напоминающая о строгости карательных традиций прошлого. Фразеологизм *кылычынан кан тамган* (= букв. «кровь, капающая с его меча») переносит нас в историческую реальность, где меч был символом власти, силы и способности принимать жестокие решения. Образ *бир көзүнөн кан, бир көзүнөн жаш алуу* (= букв. «кровь с одного глаза, а с другого – слёзы») описывает боль и страдания, причинённые одновременно на физическом и эмоциональном уровне. Темы жестокости в кыргызских фразеологизмах часто связаны с физическими наказаниями или суровым отношением. Например, выражение *жон терисин сыйруу* (= букв. «снимать кожу») используется для описания крайней жестокости, когда наказание становится почти невыносимым. Образ *жундой сабоо* (= букв. «бить как шерсть») ярко передаёт сцену избиения, где жестокость становится главным действием. Фразеологизм *төбөсүнө камчы ойготуу* (= букв. «пороть плетью по голове») акцентирует внимание на силе и принуждении, подчёркивая эмоциональную или физическую боль, нанесённую человеку. Образные выражения типа *кан жалаган иттей кылуу* (= букв. «как собака, лижущая кровь») и *уу тырмак* (= букв. «ядовитый коготь») усиливают впечатление о крайней агрессивности и безжалостности человека, чьи действия сравнимы с поведением хищника.

Злоба в кыргызских фразеологизмах раскрывается через образы скрытых намерений и мрачных чувств. Выражение *кара мүртөз* описывает злопамятного и мстительного человека, чья злоба остаётся внутри, но всегда готова выплеснуться наружу. Фразеологизм *кара ниет* (= букв. «чёрное намерение») подчёркивает наличие злонамеренных планов и подлых мыслей, что символизирует человека, движимого коварством. Образ *жылан өлтүрөйүн десе, таш алып бербеген* (= букв. «даже камень не подаст, когда собираешься

убить змею») передаёт идею полного равнодушия к чужой беде. Такой человек не готов помочь даже в очевидной ситуации, где его помощь была бы уместной.

Такие символы, как МЕЧ, КНУТ, КРОВЬ или ЯД, стали областью-источником для области-мишени «человек», с помощью универсальных метафор выражаются не только пороки, но и сложные человеческие чувства.

Злой человек обладает такими качествами, как хитрость и подлость. Русский фразеологизм *волк в овечьей шкуре* – это человек, скрывающий свои злобные намерения. Злой человек часто сравнивается со *змеёй/змеюкой/гадюкой подкольной* или именуется *гадом ползучим*, что подчёркивает его «злой, скверный характер». Коварство нередко ассоциируется с выражением *коварный, как змея*, указывающим на изощрённую хитрость в поведении. Злые люди нередко вредят окружающим и прибегают к различным уловкам. Они могут намеренно *подставить ножку* (кому-либо в чём-либо навредить), *водить за нос* (обманывать), *заговаривать зубы* (вводить в заблуждение, обманывать), *делать дурачку* (выставлять кого-либо глупом положении). Злой человек сочетает в себе коварство, лицемерие и стремление причинить вред окружающим. Его действия нередко скрыты за обманчивой маской добродетеля, что делает его особенно опасным для доверчивых людей.

В кыргызском языке отмечаются выражения, которые подчёркивают эти отрицательные качества, например, *жүргөн жерине чоп чыкпоо* – человек, который после себя оставляет только следы разрушений и неприятности, создавая проблемы в окружающей среде, словно после его шагов не растёт трава. Выражение *күн карама* (= букв. «следить за солнцем») означает, что человек, меняющий свои убеждения или поведение в зависимости от ситуации, подобно лицемеру, всегда выбирает сторону сильного. Фразеологизм *мышык сопу* означает «кот-праведник» и используется для описания хитреца и лицемера, который мастерски скрывает свои истинные намерения за приятными словами и манерами, обманывая ок-

ружающих. Выражение *эки жүздүү* означает двуличного человека, скрывающего своё настоящее намерение, проявляя лицемерие и обман. Фразеологизм *апкөй тил* (= букв. «притворно-ласковый язык») характеризует того человека, который скрывает свои злые намерения. Это способ проявления хитрости и обмана, когда слова кажутся добрыми, но за ними скрывается манипуляция злом. *Бут тосуу* (= букв. «ставить подножку») говорят о человеке, который намеренно вмешивается в жизнь окружающих, усложняет её. Подобные люди часто действуют скрытно, как *кыл курт* (= букв. «тонкий червь») – человек действует незаметно, обманывая и подрывая доверие других, не показывая своих истинных намерений.

Для того чтобы скрыть свои истинные намерения, злые люди могут использовать стратегию сокрытия своей злобной сущности под маской добродетеля: *кой терисин жамынган* (= букв. «носить шкуру овцы»). Это типичный пример лицемерия, когда человек прикрывает свои злобные намерения и обманывает окружающих, но при этом показывает внешнюю доброту. Фразеологизм *ичи ала* (= букв. «пёстрая внутренность») употребляется в отношении человека, обладающего двуличием и нечистыми помыслами, который имеет коварные и злые намерения.

Таким образом, в русской и кыргызской культуре есть множество выражений, которые точно и ярко описывают злых людей, скрывающих свои чувства, подстраивающихся под выгодные ситуации и манипулирующих другими.

Особо обращают на себя внимание фразеологизмы с соматическим компонентом. Учёные отмечают, что соматическая фразеология являет собой «наиболее древний пласт номинативной лексики» [7, с. 126].

В русском языке соматические фразеологизмы, используемые для описания злого человека, отражают не только негативные черты характера, но и способы проявления агрессии, жестокости или эгоизма. Они тесно связаны с органами тела, что делает выражения особенно яркими и наглядными, например: *чужими руками жар загребать* («пользоваться в своих корыстных целях результа-

тами чужого труда»). Этот фразеологизм показывает хитрость и манипулятивность, подчёркивая, что злой человек использует других для достижения своих целей. Выражение *сломать башку* («экспрес.» сильно покалечить, убить кого-либо) описывает крайние проявления физической жестокости, которые ассоциируются со злобой и агрессией. Фразеологизм *нагреть руки* («предосуд.» наживаться за счёт кого-либо или чего-либо) указывает на жадность и бесчестность, характеризует человека, который стремится любыми способами достичь личную выгоду. *Иродова душа* («устар., прост., бран.» жестокий, скверный человек). Это выражение, связанное с библейским царём Иродом, подчёркивает крайнюю жестокость и бесчеловечность. *Сидеть на хребте* («экспрес.» жить чужим трудом; паразитируя, пользоваться плодами чьего-либо труда) указывает на паразитический образ жизни и эксплуатацию других людей. Устойчивое выражение *высосать кровь* (безжалостно обирать кого-либо, жестоко эксплуатирова) ассоциируется с вампиром, символизируя крайнюю степень эксплуатации. *Трепать нервы* («экспрес.» расстраивать, заставлять нервничать кого-либо).

Злые люди часто доставляют эмоциональные страдания, вызывая раздражение и стресс, ср.: *пить кровь* («презр.» жестоко притеснять, мучить кого-либо), *выпустить кишки* («прост.» зарезать, убить кого-либо) прямо описывает крайнюю степень жестокости, связанную с физическим насилием; *руки чешутся* (испытывать острое желание побить кого-либо, подраться с кем-либо) выражает агрессивные намерения и нетерпение в применении насилия. *Рука зудит* («экспрес.» кто-либо испытывает неодолимое желание рассчитаться с кем-либо, отомстить кому-либо). Фразеологизм *нависеть в уши* («предосуд.» наговорить кому-либо что-либо неприятное) подчёркивает желание мстить или наказать кого-либо, указывает на обман или злонамеренное воздействие.

Кыргызские фразеологизмы с соматическим компонентами занимают особое место в языке, поскольку они ярко и образно отражают человеческие качества, поступки и эмоции злого человека. *Тишин кайроо*

(= букв. «точить зубы») описывает человека, вынашивающего планы мести или вражды, скрывающего злобу, но готового нанести удар. *Желкеси тырышуу* (= букв. «напряжённая шея») означает сердиться, проявлять гнев. Эта метафора акцентирует видимую напряжённость человека, готового к агрессивным действиям. *Таманына ийиш кагуу* (= букв. «вбивать шипы в пятку») означает сознательное причинение боли, унижения или жестокого обращения. *Бут тосуу* (= букв. «ставить подножку») – это намеренное создание препятствий, чтобы навредить другому. *Терисин тескери сыйруу* (= букв. «перевернуть кожу наизнанку») символизирует крайнюю жестокость, преднамеренное причинение вреда. *Жоон муштум* (= букв. «большой кулак») – действовать грубой силой. Фразеологизм *Жузү каралык* (= букв. «чёрное лицо») – характеристика человека, чьё выражение лица или поведение передаёт агрессию, злость или враждебность. *Желкеге минүү* (= букв. «сесть на шею») – злоупотреблять добротой другого человека в своих интересах. *Ичи бузук* (= букв. «испорченный изнутри») говорят о человеке, склонном к преступлениям. *Кара ооз* (= букв. «чёрный рот») – о человеке, который использует свой язык как оружие для оскорблений, клеветы или унижений других. Выражение *кеби суук* (= букв. «холодное, противное лицо») акцентирует внимание на том, что человек не проявляет сострадания и эмпатии, наоборот, относится к чужим страданиям с отстранённостью и жестокостью.

Основополагающий дифференциальный признак устойчивости проявляется в любых устойчивых единицах в любом языке. Однако понятие «устойчивость» в теории фразеологии рассматривается по-разному. Е.Ю. Белозёрова выделяет три понимания устойчивости фразеологической единицы в языке, а именно: «1) устойчивость = константность компонентов; 2) устойчивость = константность в содержании или значении; 3) устойчивость = константность в соотношении формы и содержания» [8, с. 82].

В зооморфных метафорах, формирующих устойчивую единицу с семантикой «зло», и в русском, и кыргызском языках преобладает ядерная лексема «собака», кото-

рая ассоциируется со злым человеком. Несмотря на традиционное восприятие в русской культуре этого животного как друга человека, фразеологические выражения с этим зооморфным компонентом приобретают негативный оттенок. Так, выражения *собачий огрызок* («презр.» о человеке ничтожном, не стоящем внимания), *собачья душа* («бран.» о скверном человеке) передают противоречие между общепринятым представлением о собаке как о верном друге.

Для выражения злобы и агрессии в кыргызском языке фразеологизм *ичине ит өлүү* (= букв. «внутри собака сдохла»), что означает скрытую зависть и недоброжелательность. Фразеологизм *ит өлүк кылуу* (= букв. «убить подобно собаке») – сильно опозорить, унижить человека, чтобы он потерял уважение в глазах других. *Ит корбогон кордукту корсотуу* (= букв. «почувствовать унижение, которое даже собака не испытывала») описывает крайнюю степень унижения и страдания. Эти выражения демонстрируют культурные представления о собаке как о низшем существе.

Ярким является фразеологизм *ичинде кара чаар жыланы бар* (= букв. «внутри имеется гремучая чёрная змея»), который обозначает человека с нечистыми, злыми намерениями. *Жыландай ышкыруу* (= букв. «шипеть как змея») означает ярость и злобу, которые выражаются в резких словах или поведении. Образ змеи в кыргызских фразеологизмах придаёт выражению яркую эмоциональную окраску. Фразеологизм *ичинде ала курту бар* (= букв. «внутри есть пятнистый червь») акцентирует внимание на скрытой хитрости и нечестности, указывая на внутренние пороки, которые не всегда заметны окружающим. Выражение *карышкырга кой кайтаруу* (= букв. «довериться волку пасти овец») используется для описания глупого и опасного поступка, когда доверяешь человеку, который явно способен причинить вред. *Жылкы кыял или жылкы мүнөз* (= букв. «лошадиный характер») характеризует человека как вспыльчивого и злобного, подчёркивая непредсказуемость и резкость его поведения. Фразеологизм *кара чычкан аралатуу* (= букв. «запустить чёрную мышь») метафорически

описывает внесение разлада и смуты в отношения между людьми.

Таким образом, фразеологизмы с соматическими и зооморфными компонентами как в русском³, так и в кыргызском языке [9] выполняют важную функцию – они отражают сложные социальные и эмоциональные состояния через метафорические образы, поскольку «экспрессивно-оценочная метафора является механизмом, развивающим переносное значение, которое служит для характеристики и оценки определённых свойств субъекта» [10, с. 110]. Эти устойчивые выражения не только фиксируют черты национального характера, но и сохраняют в языках важные элементы мировоззрения. При этом «в основе метафоризации лежит когнитивный механизм аналогии» [11, с. 428]. Механизм аналогии ориентирует вектор ассоциации между областью-источником (сопоставляемыми реалиями) и областью-мишенью – человек.

Область-источник в сопоставляемых языках объективирует зоонимы, соманизмы, артефакты и т. п. Дж. Лакофф считал, что метафора – это «когнитивный инструмент для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [12, р. 244]. Иными словами, концептуальная метафора отражает ментальные проекции между областью-источником и областью-мишенью («from a source domain to a target domain») [13, р. 58]. Механизм аналогии при создании фразеологизмов проявляется на уровне образов, а образная аналогия определяет «метафорический характер языка» [11, с. 429]. Аналогия выстраивается на механизме сравнения знаний человека об окружающей действительности – способности человека перенести уже имеющиеся знания о реалиях в область-мишень «человек».

Механизм выделения области, из которой заимствована метафора («сфера-донор») [14]), обеспечивает фокусировку внимания и

³ Милованова А.И. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих своё значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2021. 189 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010833985> (дата обращения: 18.10.2024).

закладывает метафорические модели: зоонимическую, соматическую или синестетическую (по Н.Д. Арутюновой), в основе которой лежит способ восприятия сходств предметов или явлений (например, такие зрительные образы, как меч или кнут или зооморфный образ змеи в русской культуре (*пригнать змею на шею, змея подколенная*), который в большей степени соотносится не с животным миром, а с христианским верованием [15, с. 43] и отражает культурный код этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фразеологизмов с семантикой «зло» в русском и кыргызском языках, связанных с беспощадностью, жестокостью и злобой, показал, что они образуются в результате метафоризации и сравнения, отражают не только эмоциональные аспекты человеческой природы, но и особенности культур. В русском языке в составе фразеологизмов со значением «зло» преобладают зоонимические компоненты, в кыргызском языке широко используются такие артефакты, как меч, кнут, кровь и яд, которые передают сложные человеческие чувства и моральные пороки, являясь доминантами лингвокультурного кода кыргызского народа. Это связано с тем, что кыргызские фразеологизмы отражают кочевую культуру, где выживание зависело от силы, решимости и способности защищать своё, поэтому фразеологические единицы кыргызского языка вобрали в себя переживания поколений, формировавшиеся в

условиях кочевой жизни, где борьба за выживание требовала жёсткости, а иногда и суровой беспощадности.

Фразеологизмы обеих культур характеризуют злых людей, склонных к манипуляции, хитрости и подлости. Соматические фразеологизмы со значением «зло» в обоих языках усиливают их эмоциональную и смысловую нагрузку, обогащают языковую картину мира и помогают глубже понять социальные нормы и моральные ценности.

Фразеологизмы, отражающие значение зла, демонстрируют как универсальные, так и специфические для каждой культуры особенности восприятия негативных качеств. Их изучение подтверждает культурную обусловленность и отражает исторические и социальные реалии народов. Сопоставление русских и кыргызских фразеологизмов способствует углублённому пониманию культурных кодов и межкультурной коммуникации.

В условиях активного развития межкультурной коммуникации уникальная этнокультурная окраска национальных языков, которая раскрывает особенности мировосприятия народов, самобытна. Изучение языкового материала через призму национально-культурного опыта позволяет глубже понять исторические корни, традиционные духовные ценности и особенности мировоззрения различных этносов. Особую значимость в этом контексте приобретает фразеологический фонд языка, выступающий богатым источником сведений о культуре, ментальности и социальном опыте народа.

Список источников

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 288 с. <https://elibrary.ru/sumhnj>
2. Намазова З.Ш., Губашева М.С. Изучение фразеологизмов кыргызского и русского языков в условиях двуязычия и многоязычия // Вестник кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2019. № 4 (66). С. 624-627. <https://doi.org/10.35803/1694-5298.2019.4.624-627>, <https://elibrary.ru/krkens>
3. Медведева Н.П., Парамонова Е.А., Холодионова С.И. Фразеологизм как языковая единица // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 117-121. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-117-121>, <https://elibrary.ru/dmtfha>
4. Ван Т. Модели концептуальных метафор этического концепта «зло» в русской фразеологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 3. С. 162-166. https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_162, <https://elibrary.ru/qbqwss>

5. Ратникова А.Г. Лингвокогнитивный аспект семантики и прагматики при сопоставительно-лингвострановедческом подходе к обучению русскому языку как иностранному (в свете лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова) // Основы теории и практики обучения языку как средству межкультурной коммуникации с учётом национальной культуры адресата. Москва: РИОР, 2023. С. 84-116. <https://doi.org/10.29039/02121-7>, <https://elibrary.ru/nqqtan>
6. Кориунов Ю.В. Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека, в русской и английской лингвокультурах // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 144-150. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.1.23>, <https://elibrary.ru/unbdsq>
7. Батунова И.В., Лобынева Е.И., Николаева А.Ю. Специфика соматических фразеологических единиц с отдельными соматическими компонентами // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2-3 (116). С. 126-129. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.093>, <https://elibrary.ru/jjwuxm>
8. Белозёрова Е.Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 80-86. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-80-87>, <https://elibrary.ru/bpzynu>
9. Асылбекова Ч.А., Асылбекова Б.А. Фразеологические соматизмы кыргызского языка // Вестник Кыргызстана. 2021. № 1-1. С. 7-12. [https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1\(1\)-7-12](https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1(1)-7-12), <https://elibrary.ru/cuncnf>
10. Кислицына Н.Н., Мельниченко Т.В. Особенности передачи коннотации при переводе экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 3-1 (81). С. 108-111. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.29>, <https://elibrary.ru/yqmhlo>
11. Исаева И.П. Метафора в зеркале аналогии // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 428-431. <https://elibrary.ru/ifjxnc>
12. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
13. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p. <https://doi.org/10.5860/choice.37-0239>
14. Скларова О.С. Метафора как лингвокогнитивный механизм формирования художественной картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 113-116. <https://elibrary.ru/pbirka>
15. Кандыбина А.В. Отражение представлений о добре и зле в русских фразеологизмах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-4 (81). С. 42-44. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-42-44>, <https://elibrary.ru/wujazj>

References

1. Teliya V.N. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sumhnj>
2. Namazova Z.Sh., Gubasheva M.S. Study of phraseologies of the Kyrgyz and Russian languages conditions of bilingualism and multilingualism. *Vestnik kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta stroitel'stva, transporta i arkhitektury im. N. Isanova = The Herald of Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isanov*, 2019, no. 4 (66), pp. 624-627. (In Russ.) <https://doi.org/10.35803/1694-5298.2019.4.624-627>, <https://elibrary.ru/krkcns>
3. Medvedeva N.P., Paramonova E.A., Kholodionova S.I. Phraseologism as a language unit. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 101, no. 6, pp. 117-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-117-121>, <https://elibrary.ru/dmtfha>
4. Van T. Models of conceptual metaphors of the ethical concepts "evilness" in Russian phraseology. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2021, no. 3, pp. 162-166. (In Russ.) https://doi.org/10.52452/19931778_2021_3_162, <https://elibrary.ru/qbwss>
5. Ratnikova A.G. Linguocognitive aspect of semantics and pragmatics in the comparative linguocountry studies approach to teaching Russian as a foreign language (in the light of the linguocountry studies theory of word by E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov). *Fundamentals of the Theory and Practice of Teaching Language as a Means of Intercultural Communication, Considering the National Culture of the Addressee*. Moscow, RIOR Publ., 2023, pp. 84-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/02121-7>, <https://elibrary.ru/nqqtan>

6. Korshunov Yu.V. Zoomorphic metaphors playing on deceit, duplicity and hypocrisy of a person in Russian and English linguocultures. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 144-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.1.23>, <https://elibrary.ru/unbdsq>
7. Batunova I.V., Lobyneva E.I., Nikolaeva A.Yu. The specifics of somatic phraseological units with separate somatic components. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2022, no. 2-3 (116), pp. 126-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.093>, <https://elibrary.ru/jjwuxm>
8. Belozeroва E.Yu. Cognitive aspect of analysis of modern English phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 5 (211), pp. 80-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-5-80-87>, <https://elibrary.ru/bpzynu>
9. Asylbekova Ch.A., Asylbekova B.A. Phraseological somatisms of Kyrgyz language. *Vestnik Kyrgyzstana = Bulletin of Kyrgyzstan*, 2021, no. 1-1, pp. 7-12. (In Russ.) [https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1\(1\)-7-12](https://doi.org/10.33514/-1694-7711-2021-1(1)-7-12), <https://elibrary.ru/cuncnf>
10. Kislitsyna N.N., Melnichenko T.V. Features of rendering connotations in translation of expressive-evaluative metaphors in publicistic texts. *Philology. Theory & Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2018, no. 3-1 (81), pp. 108-111. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-3-1.29>, <https://elibrary.ru/yqmhlo>
11. Isaeva I.P. Metaphors in the mirror of analogies. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*. 2024, no. 2-2 (58), pp. 428-431. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ifjxnc>
12. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
13. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books Publ., 1999, 624 p. <https://doi.org/10.5860/choice.37-0239>
14. Sklyarova O.S. Metaphor as a linguocognitive mechanism of the development of fiction world picture. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 4 (147), pp. 113-116. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbirka>
15. Kandybina A.V. Reflection of ideas about good and evil in Russian phraseological units. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, no. 6-4 (81), pp. 42-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-42-44>, <https://elibrary.ru/wujazj>

Информация об авторе

ОРОЗОВА Авакхан Курбанбековна, кандидат филологических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры общеобразовательных дисциплин, Международного университета «Ала-Тоо», г. Бишкек, Кыргызская Республика, <https://orcid.org/0009-0004-1865-0586>, orozova-22@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2024
Поступила после рецензирования 31.01.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Avaskhan K. Orozova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Interfaculty Department of General Education Disciplines, Ala-Too International University, Bishkek, Kyrgyz Republic, <https://orcid.org/0009-0004-1865-0586>, orozova-22@mail.ru

Received 20.11.2024
Revised 31.01.2025
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.2

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

Шифр научной специальности 5.9.5

Урботекст лингвистического ландшафта г. Шымкента

Раушан Дуйсеновна Елибаева

ТОО «Центрально-Азиатский инновационный университет»
160013, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Мадели Кожа, 137
 raushan_1959kz@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования урбанонимов связана с необходимостью изучения городского пространства, которое отражает процессы урбанизации и социокультурные трансформации в современном мире. Коммуникативное пространство казахстанского города Шымкента устанавливает «местные» актуальные номинации в плане употребления русскоязычных и казахских урбанонимов, отражающих исторические и социокультурные контексты, что позволяет урбалексемам служить маркерами для горожан и туристов. Цель исследования – рассмотреть урботекст г. Шымкента как продукт городского ландшафта в статике и динамике и его составляющие компоненты, которые отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужила авторская картотека урбанонимов г. Шымкента. Использовались общенаучные методы (сравнение, наблюдение, комментирование), метод семантической интерпретации и этимологический анализ. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Установлено, что на протяжении истории города шымкентские урбанонимы, как вербальные знаки, свидетельствуют о состоявшемся успешном сотрудничестве русской и казахской культур. Современный урботекст Шымкента обладает чертами изменчивости и устойчивости, отражая процессы человеческого познания и языковой интерпретации городской географической действительности в индивидуальном сознании горожан. Для урботекста анализируемого города характерно функционирование его составляющих на основе структурной стабильности и их приспособляемости. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Современное состояние казахского литературного языка, как и его история, свидетельствуют о том, что урботекст является яркой иллюстрацией структуры урбанонимического знания, в контексте которого реализуется интерпретирующая функция урбанонима, и актуальным маркером казахской языковой личности.

Ключевые слова: диалог культур, городское пространство, топоним, урботекст, город Шымкент, лингвокультурная информация, вербальное пространство

Благодарности. Выражаю благодарность сотрудникам научно-образовательного центра «Русист» при кафедре русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина за консультирование при написании статьи.

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Р.Д. Елибаева – концепция исследования, анализ ономастической литературы, сбор фактического материала, использование авторской картотеки, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Елибаева Р.Д. Урботекст лингвистического ландшафта г. Шымкента // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 194-203. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

OECD 6.02; ASJC 1203

Urbotext of a linguistic landscape of Shymkent city

Raushan D. Elibaeva

Central Asian Innovation University

137 Madeli Kozha St., Shymkent, 160013, Republic of Kazakhstan

 raushan_1959kz@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study of urbanonyms is connected with the need to study urban space, which reflects the processes of urbanization and socio-cultural transformations in the modern world. The communicative space of the Kazakh city of Shymkent establishes “local” topical nominations in terms of the use of Russian and Kazakh urbanonyms reflecting historical and socio-cultural contexts, which allows urbanlexemes to serve as markers for citizens and tourists. The purpose of the study is to consider the urban text of Shymkent as a product of urban landscape in statics and dynamics and its constituent components that reflect the interconnection of languages, cultures and mentality. **MATERIALS AND METHODS.** The author’s card catalogue of urbanonyms of Shymkent serve as the material of the study. General scientific methods (comparison, observation, commenting), method of semantic interpretation and etymological analysis are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is established that throughout the history of the city Shymkent urbanonyms, as verbal signs, testify to the successful cooperation between Russian and Kazakh cultures. Modern urban text of Shymkent has features of variability and stability, reflecting the processes of human cognition and linguistic interpretation of urban geographical reality in the individual consciousness of citizens. The urban text of the analyzed city is characterized by the functioning of its components on the basis of structural stability and their adaptability. **CONCLUSION.** The current state of the Kazakh literary language, as well as its history, testify to the fact that the urban text is a vivid illustration of the structure of urbanonymic knowledge, in the context of which the interpretive function of urbanonym is realized, and an actual marker of the Kazakh linguistic personality.

Keywords: culture dialogue, urban space, toponym, urbotext, Shymkent city, linguocultural information, verbal space

Acknowledgments. I express my gratitude to the staff of the Scientific and Educational Center “Rusist” at the Russian Language Department of Derzhavin Tambov State University for advice on manuscript writing.

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: R.D. Elibaeva – research concept, onomastic literature analysis, factual material collection, use of author’s card catalogues, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Elibaeva, R.D. Urbotext of a linguistic landscape of Shymkent city. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):194-203. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-194-203>

ВВЕДЕНИЕ

Широкое понимание текста (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) способствовало тому, что учёные стали рассматривать семиотику текста в культурно-семиотическом плане как продукт лингвокультурологического образа. В настоящее время активно развивается теория топонимического текста как особого языкового и культурного феномена¹, изучение которого важно для лингвокультурологических, литературоведческих, лингвистических и переводоведческих изысканий [1–3]. Цель исследования – рассмотреть урботекст Шымкента как продукт городского ландшафта в статике и динамике и его составляющие компоненты, которые отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности.

Идеи изучения городского текста как особого знака восходят к работам учёного тартуско-московской семиотической школы В.Н. Топорова, который первым употребил термин «Петербургский текст» и ввёл в научный обиход понятие «городской текст». По мнению учёного, Петербург в русской культуре определён синтезом реалий города, истории его основания и жизни. Этот город относится «к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые немислимы без стоящего за ними целого и, следовательно, уже неотделимы от мифа и всей сферы символического» [4, с. 7], «обозначенное «цельно-единство» создаёт столь сильное энергетическое поле, что всё «множественно-различное», «пёстрое», индивидуально-оценочное вовлекается в это поле, захватывается им и как бы пресуществляется в нём в плоть и дух единого текста» [4, с. 9].

Концепцию о топониме как о свёрнутом структурированном тексте разработал В.М. Горбаневский [5]. По мнению учёного, вербализация развёрнутого топонимического текста осуществляется «в высвечивании» частичного объёма его составляющих (определённых компонентов плана содержания

структуры топонима) «в устной и письменной речи в соответствии с целями и задачами дискурса, стилистическими и иными лингвистическими особенностями монолога и полилога» [5, с. 173]. Эта методика исследования ономастических единиц стала широко использоваться при изучении других разрядов онимов, например, впервые структуру фамильного антропонима-текста рассмотрел В.О. Максимов².

В научный обиход прочно вошло понятие «вертикальный ландшафт городского нарратива», представляющий «собой совокупность взаимосвязанных элементов, открытую к модификациям и развитию, которая структурирована по вербальным локациям, соответствующим разнообразным сферам городского пространства (история, спорт, культура, промышленность, коммуникация и т. д.)» [6, с. 34]. В этой цитате обращает на себя внимание слово «нарратив» (от лат. *gnarus* – «знающий, осведомлённый в чём-либо»), который тесно связан с процессом коммуникации. Учёные подчёркивают, что в условиях межкультурной коммуникации нарратив становится носителем национально-культурной специфики, отождествляя говорящего с определённой лингвокультурной общностью» [7, с. 343].

Новый период в казахской топонимии связан со сменой политического режима, с переходом с советских реалий на национальный казахстанский колорит. Концепция Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР (от 25 октября 1990 г.) наметила путь на сохранение национальной идентичности, в связи с чем в постсоветском пространстве топонимии произошли значительные переименования [8, с. 454]. Отмеченные на сегодня русские урбанонимы в Шымкенте несут отчётливую лингвокультурную общность, иллюстрируя процесс переименований в городском ономастике, или ономастике города (эти понятия синонимичны и общеприняты в научной литературе). Например, в контексте постсоветского простран-

¹ Шурупова О.С. Концептосфера петербургского и московского текстов русской литературы (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2011. 24 с. <https://elibrary.ru/zoecuq>

² Максимов В.О. Вариативность современного русского фамильного антропонимикона: лексикографический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 25 с.

ва Республики Казахстан, *проспект Тауке хана* на протяжении своей истории менял названия. Изначально это была улица Садовая, затем была переименована в улицу имени Сталина, позже в проспект Коммунистический.

В вербальном пространстве шымкентского городского текста русские топонимы в недавнем прошлом являлись заметным отдельным сегментом и отражали историю русско-казахского диалога. В наши дни пласт русских топонимов заметно исчез ввиду национальных топонимических переименований. Тем важнее обратить внимание на урботекст как своего рода «фамильную схожесть» языковых знаков, принадлежащих единому «лингвистическому ландшафту» города.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили урбанонимы, извлечённые методом сплошной выборки из различных источников (интернет-ресурсы: интерактивная и векторная карты, онлайн-карта), справочники, справочники, путеводители для посетителей г. Шымкента), составившие авторскую картотеку. Были использованы общенаучные методы (сравнение, наблюдение, комментирование), метод семантической интерпретации и этимологический анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любой топоним (урбаноним является видом топонима) с его образами является собой реальность, впитывающую мифы, фольклор, предания, обряды и обычаи, креативное творчество номинаторов, письменные и устные речевые жанры, оценочную составляющую, что представляет собой содержательную самостоятельную единицу знания – урбанонимический текст, который формирует термин базового уровня «урбаноним» и структурируют термины субординатного уровня, фиксирующие термины для имён собственных каждого вида городских объектов, а именно:

агороним – название городской площади и открытых пространств в городе;

анойконим – название памятника;

геонимы – названия градостроительных объектов, обеспечивающих транспортные и пешеходные связи между жилыми районами;

гефиронимы – названия мостов;

годоним (название линейного объекта в городе: проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара);

дримоним – название любого лесного участка, например, парка, рощи в городе;

монументоним – название памятника, монумента, городской скульптуры;

некроним – название места погребения; кургана или кладбища древних народов;

ойкодоним – название отдельных зданий, названия музеев;

хороним – название части территории города: района, квартала;

эклезионизм – названия религиозных сооружений: монастыря, церкви, часовни, мечети;

эргонимы – наименования коммерческих предприятий, учреждений (сфера общественного питания);

эклезионим (название мечети, мавзолея, место поклонения религии) и др.

Из сказанного следует, что каждый из фрагментов городского ономастикона отражает единство общего и отдельного. Так, название единичного объекта города Шымкент отражается в сознании человека в виде единичного представления среднеазиатского города как мысленного отражения общих с другими городами и индивидуальных признаков топообъекта по названию Шымкент. В связи с этим в топонимическом значении содержатся знания о существовании географического объекта и тех признаках, которыми он отличается от других.

Заметим, что в диалектах южных регионов Казахстана частотно присутствует звук «Ч» в названиях населённых пунктов, которые и сегодня отмечены на карте страны, например: *Чилик* – село в Енбекшиказахском р-не Алматинской области; *Чунджа* (Шонжы) – село в Уйгурском р-не Алматинской обл.; *Чардара* – село в Шардаринском р-не Туркестанской обл.; *Чакпак* (Шакпак) – село в Байдибекском р-не Туркестанской области.

В календарные даты ЮНЕСКО 2020 г. была внесена дата празднования древнейшего топонима Казахстана – 2200-летний юбилей города Чимкента. Русское транскрибированное название *Чимкент*.

В 1992 г. название города Чимкент было заменено на казахскую форму *Шымкент* (Постановление Президиума Верховного Совета Республики Казахстан от 8 сентября 1992 г.). Транскрипция Шымкент больше соответствует произношению на казахском языке, в то время как Чимкент отражает вариант, свойственный узбекскому произношению. На сегодня это первый по занимаемой площади и третий по численности населения город в Республике Казахстан.

Учёные В.В. Бартольд, Э.М. Мурзаев, В.В. Радлов по-разному трактуют этимологию первой части составного топонима Чимкент. Возможно, это тюркское слово «чим» или «шым» в значении «луг», «травянистая растительность»; возможно, согдийское (иранское) слово «чиминь/чемень» (фонетический вариант «чим»/«чем») в значении «луг», «цветущая долина»; возможно арабское слово «чаман» в значении «роща», «луг». Вторая часть составного топонима Чимкент связана со словообразовательным формантом, преобладающим в топонимах Средней Азии.

Как отмечает П.Б. Лурье, «финали на -kath, -kat, -kand были самыми распространёнными среди значимых формантов... Более того, финаль на -kand, -kant, пожалуй, наиболее узнаваемый маркер оронимов Средней Азии, достаточно вспомнить такие названия, как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Яркенд, Пенджикент»³, в которых компонент «кент» (из иранских языков) переводится как «город», «поселение» или «местность». П.Б. Лурье использовал термин «ороним» в значении «ландшафтный объект».

Правоммерно считать, что название города включает тюркский компонент «чим» или «шым» и определяющий иранский компонент *kent в значении «селение», что в целом отражает этимологию названия топонима

³ Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимики: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 88.

Шымкент – «зелёный город», «зелёный (цветущий) город». Иными словами, топоним «Чимкент» является топонимом-композицией, где одна часть имеет тюркскую этимологию, другая – возможно, иранскую, персидскую или арабскую (этимология затруднена: результат последствий фонетической адаптации при заимствовании или переименовании). Но в любом случае можно считать: «Возникновение таких топонимов должно говорить о глубоком контакте языков» [9, с. 31].

Интересен факт, что в русских письменных источниках отмечается название города *Чеменгень*. Известно, что в 1800 г. горный инженер Т.С. Бурнашев и его сослуживец Михайло Пospelов (с заводов в Омске) совершили путешествие в Ташкент. Ещё в 1792 г. Юнус-Ходжа, правитель Ташкента, «обратился к начальнику Сибирской линии с предложением о расширении взаимной торговли, «чтобы всегда российские купцы для умножения торговли ездили в Ташкентию, а мы – в Россию»⁴. В опубликованных путевых заметках русских посланников о жизни казахского народа в начале XIX века город Чимкент назван *Чеменгень*: «По Ташкенте первым почитается ныне город Чеменгень»⁵.

В честь 50-летия вхождения Чимкента в состав Российской империи в 1914 г. город получил название Черняев. М.Г. Черняев (Туркестанский генерал-лейтенант) руководил штурмом захвата города в 1864, 1865 гг. Однако в 1924 г. городу было возвращено историческое название.

От Цитадели потянулась первая улица Николаевская (позднее Советская, ныне Казыбек би). Это была центральная улица нового города, на которой некогда находился собор Николая Угодника, и в обиходе улица называлась Никольский. Здесь в 1886 г. был

⁴ Путешествие Бурнашева и Пospelова в «страну Ташкентию» // История развития Казахстана, история Караганды – Новиков Владимир Яковлевич: сайт. URL: <http://novikovv.ru/burnashev-i-pospelov/puteshestvie-burnasheva-i-pospelova-v-stranu-tashkentiu> (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ 386 улиц переименовывают в Шымкенте // Международное информационное агентство «Казинформ». 31.10.2024. URL: <https://www.inform.kz/ru/nazovut-bezimyannie-ipereimenuyut-386-ulits-vshimkente-d72cc2> (дата обращения: 25.11.2024).

заложен общественный городской сад, который именовался Соборным садом, в настоящее время это парк «Кен баба».

Солнечный Шымкент всегда отличался обилием зелени и плодовыми деревьями, о чём свидетельствовали русские названия улиц. «Любая культура имеет свой корпус имён собственных, однако, будучи ономастической универсалией, по многим причинам (вследствие языковой моды, популярности имени, исторических событий, политических изменений, прецедентности имени и др.) имена собственные легко преодолевают государственные границы, утверждаясь в любом языке» [8, с. 454]. Ср.: названия улиц Шымкента: Берёзовая, Виноградная, Грушевая, Зелёная, Земляничная, Вишнёвая, Клубничная, Малиновая, Сиреневая, Тополиная, Урючная, Фруктовая, Цветочная.

На 2023 г. многие русские названия были переименованы, что отражает тенденции языкового развития и законы функционирования урбанонимии, которые находятся в регулярном переустройстве. В настоящее время наблюдается тенденция сосуществования прежних и новых названий, при этом старые названия продолжают активно употребляться в речи, выполняя функции уточнения и дополнения. Приведём список некоторых переименованных улиц:

1-я Зелёная балка (ныне ул. 1-я Коксай);

2-я Зелёная балка (ныне ул. 2-я Коксай);

3-я Зелёная балка (ныне ул. 3-я Коксай);

Абрикосовая (ныне ул. М. Данова);

Ландышевая (ныне ул. Инжугул);

Персиковая (ныне ул. Шабдалы);

Плодовая (ныне ул. Мауели);

Садовая (бывший проспект Коммунистический, ныне ул. Тауке хана), Урожайная (ныне ул. Мейирбекова), Плодовая (ныне ул. Мауели);

Солнечная (ныне ул. Куншуак);

Урожайная (ныне ул. Мейирбекова).

В 2024 г. управление культуры, развития языков и архивов Шымкента наметили значительные изменения в названии улиц. В список этих переименований внесены: улица «Ф. Достоевский» будет исправлена на «Фёдор Достоевский», улица «Толстой» будет

названа «Лев Толстой»⁶. Указание имени при фамилиях личности, прославивших русскую литературу, в честь которых названы улицы, подчёркивает уважительное отношение к русской национальной культуре.

В наши дни визитной карточкой города является Шымкентский Арбат (по аналогии с Московским Арбатом), протяжённость которого составляет 500 метров, находится в центре города по проспекту Бейбитшилик.

Шымкент принадлежит к числу древних городов Средней Азии, он находился на отрезке Великого шёлкового пути. В это время в Средней Азии устная культура преобладала над письменной формой, названия городских объектов появлялись в жизни города как факт культуры и языка повседневности.

Современный город хранит исторические факты, о чём свидетельствуют такие урбанонимические словосочетания, как *Старый город*, «*Старое городище Шымкент*» (Цитадель)⁷. В начале XIX века старые жители города называли это место «*Иски Чимкент*» (старый город). Городище Чимкент включало шахристан (резиденции правителя и знати) – цитадель и расположенные за пределами шахристана многочисленные пригородные ремесленные слободы (рабады). 22 сентября 1864 г. Кокандский гарнизон войск под руководством царского генерала М.Г. Черняева штурмом овладел крепостью высотой в 25 метров. С этого времени через город Чимкент стал проходить важный торговый путь, связывающий Западную Сибирь и европейскую Россию со Средней Азией.

Принимая во внимание тот факт, что урбанонимы отражают «концептуальную информацию с помощью языка и способны хранить и отражать результаты ментальной деятельности человека» [10, с. 246], коррект-

⁶ 386 улиц переименуют в Шымкенте. URL: <https://www.inform.kz/ru/nazovut-bezimyannie-ipereimenuyut-386-ulits-vshimkente-d72cc2> (дата обращения: 25.11.2024).

⁷ Урбаноним *Старый город* отмечается в различных городах мира (Баку, Барселона, Прага, Варшава, Таллин) и в российских городах (Выборг, Дербент). В Москве «Старым городом» можно назвать исторический район Китай-город, в Симферополе «Старый город» – это бывший крымскотатарский торговый городок Ак-Мечеть.

но считать, что структурированное коммуникативное целое урбанонимической лексики, то есть урботекст, дифференцирован тематически. Так, в структуре самаркандского текста учёные выделяют термин «гефироним-текст» (названия мостов). «Гефироним является собой сжатый (свёрнутый) текст, содержащий адресный, хронологический, историко-культурный, краеведческий, национально-культурный компоненты» [11, с. 876]. Е.В. Липатова подчёркивает: «Словарь русской ономастической терминологии» содержит термин «топоним-фраза» со ссылкой на словарную статью «имя-фраза». Термин «имя-фраза» отмечен в значении «любое имя собственное, представляющее собой короткий текст». В качестве примера приводится казахский топоним «Те-келитау» («Гора, где водятся козлы») [11, с. 874]. Поскольку «любое имя собственное» может представлять собой короткий текст, то урбанонимы, как вид топонима, также являются собой короткие тексты.

При рассмотрении урбанонимических микротекстов, например Екатеринбурга, учёные выявляют уровневую организацию маркеров городской идентичности [12], выделяют доминантные темы урбанонимических микротекстов, которые отражают территориальную идентичность [13].

Для изучения городской топонимии в научной литературе появилось новое понятие «урбанонимический дискурс» – «совокупность знаковых произведений/микротекстов, которая включает городские топонимы и связанное с ними вербальное и невербальное окружение» [13, с. 217].

Урботекст отражает ментальное пространство горожан: представления об истории города, его обычаях, фольклоре (местные герои, образы и мифы), что составляет своего рода основу, на которой формируются урбанонимические знания. Замечено, что в урбанонимии древнего города, как правило, закономерно главенствует тема истории города и исторические личности, что характерно для трансляции региональной идентичности городов [14] и репрезентации урбанонимического знания [15].

Например, название парка культуры и отдыха «Парк Байдибек би» на проспекте Байдибек би, название самого высокого в Казахстане памятника Байдибек би (высота 23 метра), расположенного в северной части Шымкента, восходят к исторической личности, известному казахскому батыру, военачальнику, мудрому правителю, жившему в окрестностях Восточного Каратау, – Байдибеку Карашаулы (даты рождения и смерти неизвестны, предположительно жил в XI–XII веках). Этот монументоним, образованный от антропонима, хранит и транслирует культурную и историческую информацию о казахском этносе.

Из сказанного следует, что существенным инструментом выявления и понимания урботекста служит подход, направленный на выявление актуализации конкретных знаний и ассоциаций. Урботекст оказывается сложным комплексом лингвистического и экстралингвистического контекстов, в которых сведения об урбанониме переплетаются со сведениями об именуемом городском объекте. Речь идёт о том, что к лингвистической составляющей значения урбанонима обязательно добавляется географический объект (в нашем случае лексемы парк, проспект, памятник), в результате чего актуализируется значение урбанонимической единицы: парк Байдибек би, проспект Байдибек би, памятник Байдибек би.

Изучение урботекста ставит вопрос о его структуре, «типах урбанонимов» [16, с. 17] и принципах «портретирования конкретного города с его историей и культурой» [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если понимать топонимический текст как свертхтекст, то в нём можно выделять продукты «городского» языка: урботекст или эрготекст и др., продуцируемые реальной городской жизнью. Так, в ноябре 2021 г. городе Шымкенте существовал пивной бар под названием «Тамбовский Волк». В настоящее время в г. Тамбове существует магазин «Продукты из Казахстана». Подобного рода эргонимы свидетельствуют о достаточно глубоком и устойчивом межкультурном диа-

логе двух стран, воплощении как межъязыкового, так и межкультурного взаимодействия, об отражении истории и национального самосознания казахского этноса.

Актуализация урбанонимов, отражающих организацию урбанонимического знания в человеческом сознании, локализуется в трёх важнейших координатах – в городском пространстве, времени и сознании горожан. Это триединство обусловлено двумя причинами. Во-первых, городское пространство и время являются объективными категориями, которые едины и неразрывны. Во-вторых, осознание и восприятие единства пространства и времени, фиксация этого единства в урботексте, а также само существование тех или иных урбанонимов невозможно и без речевых ситуаций, осуществляемых между

«городом», с одной стороны, и «коллективным горожанином» (совокупность мыслящих субъектов – носителей городского урбанонимикона, формирующего урботекст), с другой стороны.

Этот своеобразный диалог отражают исторические документы, письменные художественные тексты, устные тексты, включающие и бытовые диалоги, что позволяет рассматривать урботекст не только в историко-этимологическом аспекте (диахронном), но также и в синхронном аспекте, представить урботекст в статике и динамике, поскольку его составляющие компоненты отражают взаимосвязь языков, культур и ментальности.

Урботекст Шымкента (Чимкента) отражает исторические, культурные, а также природные особенности местности.

Список источников

1. *Липатова Е.В.* Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 67-75. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
2. *Картавенко В.* Семантика топонима как концентрированного текста. W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 2014. С. 55-64. <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
3. *Шурупова О.С.* Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97-102. <https://elibrary.ru/ndeown>
4. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство, 2003. 616 с. <https://elibrary.ru/vnjoij>
5. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. Москва: О-во любителей рос. словесности, 1996. 304 с.
6. *Алексеева Е.А.* Иноязычный урбаноним как индикатор поликультурного диалога // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2022. Т. 15. № 1. С. 27-37. <https://elibrary.ru/qyosqz>
7. *Обдалова О.А., Левашкина З.Н.* Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332-348. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>, <https://elibrary.ru/qncnrd>
8. *Щербак А.С., Елибаева Р.Д.* Дифференциальный модус: его проявление в топонимике // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 448-455. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455>, <https://elibrary.ru/eevvxx>
9. *Дыбо А.В., Байбосын А.М., Кенжалин К.К. и др.* Ещё раз о монгольском языковом пласте в казахских топонимах // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 1. С. 27-71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002, <https://elibrary.ru/epzkue>
10. *Щербак А.С.* Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 246-251. <https://elibrary.ru/nkfyef>
11. *Липатова Е.В.* Гефиронимы в структуре самаркандского текста // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 871-878. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>, <https://elibrary.ru/cykszsy>
12. *Вепрева И.Т., Харитонов А.В.* Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 184-199. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037, <https://elibrary.ru/luvorc>

13. Голомидова М.В., Дмитриева А.В. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 3. С. 213-236. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039, <https://elibrary.ru/xbtbjh>
14. Разумов Р.В., Горяев С.О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 201-219. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024, <https://elibrary.ru/xchzvs>
15. Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 5-11. <https://elibrary.ru/yvvlvop>
16. Шмелёва Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с. <https://elibrary.ru/fuwgqj>

References

1. Lipatova E.V. Representation of the Samarkand text in the linguocognitive aspect. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 67-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-67-75>, <https://elibrary.ru/vryrio>
2. Kartavenko V. Semantics of toponym as concentrated text. *W Kręgu Zagadnień Semantyki i Stylistyki Tekstu*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014, pp. 55-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.06>
3. Shurupova O.S. Moscow text of Russian literature and its heroes. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2011, no. 1, pp. 97-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndeown>
4. Toporov V.N. *Petersburg Text of Russian Literature*. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2003, 616 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vnjoij>
5. Gorbanevskii M.V. *Russian Urban Toponymy: Methods of Historical and Cultural Study and Creation of Computer Dictionaries*. Moscow, Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti Publ., 1996, 304 p. (In Russ.)
6. Alekseeva E.A. Foreign toponyms as markers of polycultural dialogue. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda = Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 27-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qyosqz>
7. Obdalova O.A., Levashkina Z.N. "Narrative" as a cultural phenomenon and an object of discursive activity. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2019, no. 48, pp. 332-348. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/48/21>, <https://elibrary.ru/qncnrd>
8. Shcherbak A.S., Elibaeva R.D. Differential mode: manifestation in toponymics. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 448-455. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-23-448-455>, <https://elibrary.ru/eevvxx>
9. Dybo A.V., Baibosyn A.M., Kenzhalin K.K. et al. Revisiting the Mongolian stratum of Kazakh place names. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 27-71. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.002, <https://elibrary.ru/epzkue>
10. Shcherbak A.S. General Russian word in aspect representation theory of regional concept sphere of onims. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 4 (108), pp. 246-251. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nkfyef>
11. Lipatova E.V. Hephryonyms in the structure of the Samarkand text. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 4, pp. 871-878. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-871-878>, <https://elibrary.ru/cy kzsy>
12. Vepreva I.T., Kharitonova A.V. Onomastic space of Ekaterinburg: level-based markers of regional identity. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2023, vol. 20, no. 3, pp. 184-199. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.037, <https://elibrary.ru/luvorc>
13. Golomidova M.V., Dmitrieva A.V. The image of Ekaterinburg through the prism of urbanonymic discourse. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 213-236. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.039, <https://elibrary.ru/xbtbjh>
14. Razumov R.V., Goryaev S.O. Manifestations of regional identity in contemporary Russian urbanonymy. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 201-219. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024, <https://elibrary.ru/xchzvs>
15. Shcherbak A.S. Universal property of urbanonymical categorization. *Neofilologiya = Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvvlvop>

16. Shmeleva T.V. *Veliky Novgorod: Onomastic Portrait*. Veliky Novgorod, Pechatnyi Dvor Typography, 2020, 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fuwgqj>

Информация об авторе

ЕЛИБАЕВА Раушан Дуйсеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и литературы, руководитель Центра изучения языков, Центрально-Азиатский инновационный университет, г. Шымкент, Республика Казахстан, <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, raushan_1959kz@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2024
Поступила после рецензирования 01.03.2025
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Raushan D. Elibaeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Languages and Literature Department, Head of the Language Learning Center, Central Asian Innovation University, Shymkent, Republic of Kazakhstan, <http://orcid.org/0000-0003-1859-2641>, raushan_1959kz@mail.ru

Received 19.12.2024
Revised 01.03.2025
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 004.928+778.5

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-204-219>

Шифр научной специальности 5.10.1

Роль референсов в работе художника анимации

Наталья Геннадьевна Кривуля

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, 1

 hstv-sn@bk.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Создание любого экранного продукта невозможно без работы с референсами – вспомогательными изобразительными материалами. Аналоговые и дигитальные каналы дают большой объём визуального контента, порождая проблемы поиска и отбора необходимой информации. Значимым этапом в работе художника над созданием визуального контента является работа с референсами, систематизация и классификация которых не была осуществлена в полном объёме. Цель исследования заключается в определении типов и видов референсов, принципов их систематизации и краткой характеристики, особенностей формирования референсных баз, а также в описании основных методов работы с ними. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования стала практика отечественных и зарубежных художников анимации. При проведении исследования использовались междисциплинарные подходы, а также сравнительный и классификационный методы. На основе сопоставительного анализа практического опыта художников отечественных и зарубежных студий раскрыты разные аспекты работы с референсами. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Предложено разделение референсов по характеру материала (статические и динамические), по форме создания (заимствованные и авторские), по тем задачам, для которых их используют. Описаны принципы формирования референсных баз и дана краткая характеристика основных баз, расположенных на интернет-ресурсах. **ВЫВОДЫ.** Полученные результаты имеют прикладной характер и могут быть использованы в практике как художников, занимающихся созданием экранных произведений, так и обучающихся по направлению «Художник анимационного фильма и мультимедиа».

Ключевые слова: анимация, референсы, визуальные материалы, изобразительное решение, мудборд, художник-постановщик, аниматор

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Н.Г. Кривуля – идея, обзор современных исследований по проблеме, анализ практического опыта художников отечественных и зарубежных студий, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кривуля Н.Г. Роль референсов в работе художника анимации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 204-219. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-204-219>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-204-219>

OECD 5.09; ASJC 3316

The meaning of references in the work of an animation artist

Natalia G. Krivulya

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉ hstv-sn@bk.ru

Abstract

INTRODUCTION. Creating a screen product is impossible without working with references – auxiliary visual materials. Analog and digital channels provide access to a large amount of visual content, causing problems in finding and selecting the necessary information. An important stage in the artist's work on creating visual content is working with references, the systematization and classification of which has not been carried out in full. The purpose of the research is to determine the types of references, the principles of their systematization and brief description, the features of the reference bases development, as well as to describe the main methods of working with them. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the practice of domestic and foreign animation artists. Interdisciplinary approaches, as well as comparative and classification methods, are used in the study. Based on a comparative analysis of the practical experience of artists from domestic and foreign studios, various aspects of working with references are revealed. **RESULTS AND DISCUSSION.** The separation of references according to the nature of the material (static and dynamic), according to the form of creation (borrowed and author's), according to the tasks for which they are used. The principles of the reference databases development are described and a brief description of the main databases located on Internet resources is given. **CONCLUSION.** The results obtained are of an applied nature and can be used in the practice of both artists engaged in the creation of screen works and students in the field of "Animation film and multimedia artist".

Keywords: animation, references, visual materials, visual solution, moodboard, animation, production designer, animator

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: N.G. Krivulya – idea, review of modern research on the problem, analysis of practical experience of domestic and foreign studios, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Krivulya, N.G. The meaning of references in the work of an animation artist. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(1):204-219. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-204-219>

ВВЕДЕНИЕ

Создание анимационного фильма подобно божественному творению, но это и сложный творческий и производственный процесс [1; 2]. С момента знакомства с вербальной основой фильма и отталкиваясь от неё, художник начинает работать над его образно-выразительным решением, изобразительным миром, дизайном персонажей, локаций и реквизита [3]. Придумать и нарисовать новый мир с чистого листа сложно даже опытному профессионалу. Приступая к работе, художник ориентируется на определённые изобразительные образцы, стилистику и технологии для реализации задуманного. Бывают ситуации, требующие погружения в изучение материала, проведения экспедиций или исследовательских изысканий.

Анимация – это не всегда авторское производство [4; 5]. Художник работает в творческой группе, совместно решающей то, каким должен быть предстоящий фильм, в какой стилистике и технологии он должен быть создан, на какую аудиторию он будет рассчитан [6, с. 158]. Для решения этих и целого ряда других творческих задач художники обращаются к референсам. Они же служат вдохновением и информационным материалом не только для него, но и для всей творческой группы.

Постановка проблемы, или что такое референсы в анимации. В переводе с английского референс значит отсылка, рекомендация, справка, пример, справочный материал, рекомендация. Для художников анимации референс – это любой вспомогательный визуальный материал, который они подбирают, исходя из поставленных задач, и на который опираются при разработке художественной концепции фильма, дизайна и движения персонажей.

Референсы задают направления работы, они являются отправным материалом для разработки стилистики и мира фильма. Ю. Норштейн, размышляя о кино, писал: «*Кино – слишком дорогое удовольствие, чтобы пускаться в плавание без навигационных прибо-*

ров»¹. Переформулировав эту мысль, можно сказать, что референсы для художника являются одними из таких навигационных приборов. Они не только рожают предощущение будущего фильма и дают ориентиры для продюсера и режиссёра, отталкиваясь от которых может идти работа над проектом, но и служат вспомогательным материалом для создания визуальной ткани фильма, наполнения её характерными и запоминающимися деталями, выразительными элементами и яркими образами.

Практики анимации знают, что такое референсы, и работают с ними в силу собственного опыта. Чаще всего можно найти разного толка статьи, посвящённые использованию реферативного видео для аниматоров, то есть для художников, занимающихся «оживлением» персонажей². Также имеется достаточно большой объём литературы, посвящённой методам работы художников, одним из которых является сбор материала. Он состоит из теоретической и практической частей, то есть из изучения литературных и документальных источников, написания этюдов, выполнения вспомогательных рисунков с натуры и по памяти, создания копий [7, с. 60; 8]. Сбор материала имеет много общего со сбором референсов, но эти методы нельзя назвать идентичными. В научной литературе до сих пор нет чёткого представления того, что, собственно, может рассматриваться в качестве референсов для работы над анимационным фильмом, какие виды и формы референсов бывают, как с ними следует работать, по каким критериям их отбирать, где следует искать референсы и что такое референсные базы, появившиеся в результате цифрового поворота в искусстве и развития систем визуальных интернет-библиотек и видеохостингов.

¹ Норштейн Ю. Снег на траве: в 2 кн. Москва: Фонд Юрия Норштейна, Красная площадь, 2008. Кн. 1. С. 104.

² Kennedy J. Character acting: a case for better animation reference. Animation Reference: How To Use Video Reference for Animation. Gregg Azzopardi: website. 12.03.2023. URL: <https://greggazzopardi.com/animation-reference-the-essentials-of-using-video-reference-for-animation/> (accessed: 05.10.2024).

Под референсами в анимации чаще всего подразумевают любой визуальный материал. Но данное определение не является исчерпывающим. В качестве референсов могут использоваться отдельные литературные фрагменты, стихотворные строки, меткие афоризмы, музыкальные произведения или мелодии, задающие тон всему художественному решению. Например, когда Ю. Норштейн снимал свой фильм «Цапля и журавль» и обсуждал с Фр. Ярбусовой, художником фильма, его колористическое решение, он охарактеризовал его, используя метафорические ощущения, навеянные литературными строками. Как говорил режиссёр, колорит фильма должен быть пронизан пушкинским светом «Печаль моя светла...» и гоголевской горечью «Скучно жить на этом свете господ...».

Важность референсов, или для чего они нужны. Работа над созданием базы референсов является важнейшим этапом в разработке художественного решения и одним из первых шагов подготовительного периода при производстве любой экранной продукции.

На разных этапах работы над фильмом референсы, собранные художником-постановщиком, выполняют различные задачи.

В первую очередь референсы стимулируют творческий поиск художника. Опираясь на них, ему легче разрабатывать стилистику изобразительного решения, придумывать и проработать персонаж, его движения, жесты, мимику, находить характерные для повествования игровые и образные детали, создать запоминающиеся локации, представить цветовую партитуру фильма. Художник подбирает референсы под каждую конкретную задачу, для каждого персонажа, для каждой локации, в которой происходит действие, для разработки костюмов, игрового и статического реквизита. Обращаясь к референсам, он находит те значимые детали, которые вносят в решение убедительность, делают его интересным и запоминающимся. Например, внимательное отношение к деталям и их доскональная проработка является одним из творческих кредо для художников диснеевской студии. Это стало отличительной особенностью художественного стиля

студии Ghibli и Х. Миядзаки. Детали в его картинах играют решающую роль, благодаря им фантастические миры его лент воспринимаются реальными и порой даже более реальными, чем сама реальность. *«Аниме может изображать вымышленные миры, но я, тем не менее, считаю, что в своей основе оно должно иметь определённый реализм. Даже если изображённый мир – ложь, уловка состоит в том, чтобы сделать его настолько реальным, насколько это возможно»* – говорит режиссёр [9].

Во-вторых, референсы являются вдохновляющим фактором не только для художника, но и для всей творческой группы. Они дают режиссёру и продюсеру представление о том, как может быть визуализирован сценарий фильма, в какой стилистике фильм может развиваться. В анимационной индустрии художники-постановщики используют референсы и силу своего воображения, чтобы предлагать идеи для художников по локациям, по персонажам и реквизиту.

В-третьих, референсы необходимы для рабочих питчингов, давая представление о ситуации на рынке анимационной продукции, демонстрируя актуальные на данном этапе тренды. Анализ группы референсов, отражающих пласт потенциальной конкурентной продукции, помогает понять её слабые и сильные стороны.

В-четвёртых, анализируя референсы, собранные художником и организованные в мудборд, продюсер и режиссёр могут сформировать представление об объёме предстоящих работ и оценить предварительную стоимость проекта.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования стала практика отечественных и зарубежных художников анимации. При проведении исследования использовались междисциплинарные подходы, а также сравнительный и классификационный методы. На основе сопоставительного анализа практического опыта художников отечественных и зарубежных студий раскрываются разные аспекты работы с референсами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виды и типы референсов. В современном кинопроизводстве уже стало аксиомой мнение, что невозможно создать оригинальное и профессиональное художественное решение без того, чтобы не иметь базы референсов по проекту. Игнорируя этап поиска, сбора и работы с референсами, художник вынужден проходить путь разработки художественного решения самостоятельно, опираясь только на собственные силы, свою насмотренность и опыт, а значит, это может требовать гораздо больше усилий и времени. При этом стоит понимать, что художник может не обладать достаточным опытом для решения целого комплекса проблем художественного характера. Поэтому сбор и работа с референсами составляют важную часть творческого процесса в работе над фильмом.

Приступая к работе над проектом, художнику следует собрать необходимую вспомогательную информацию и умело использовать её в своей дальнейшей работе. Общая эрудиция помогает дифференцировать информационные потоки, разделяя поступающий материал в соответствии с поставленными задачами.

Вне зависимости от поставленных задач, референсы по качеству материала можно разделить на две основных группы: *статичные* и *динамические* изображения.

Группу *статичных референсов* составляют любые изображения: картины и скетчи художников, плакаты, афиши, собственные наброски, зарисовки, этюды, фотографии, кадры из фильмов, рекламы и компьютерных игр.

Группа *динамических референсов* представляется видеоматериалами. Это могут быть фрагменты из научно-популярных и игровых фильмов, ролики с видеохостингов, любительские видеозаписи, специально снятые сценки с приглашёнными актёрами или видеоматериал со своим участием. Чаще всего к динамическим референсам обращаются, когда работают над анимацией персонажей, над разработкой их характера, мимики и артикуляции. Обращение к видеореференсам может гарантировать, что анимация будет

выглядеть достоверной и максимально убедительно передавать суть действия.

Видеореференсы помогают аниматорам лучше раскрыть сюжетное действие, найти нюансы за счёт изучения той или иной эмоции или движения на различных видеоматериалах. Например, если в какой-то сцене персонаж грустит, то, изучая видеореференсы, связанные с грустью, аниматор может использовать полученные знания для создания своей анимации, добиваясь максимальной выразительности движения.

Без видеореференсов не обойтись, когда необходимо санимировать танцы или сцены драк. В сюжетах «Лео и Тиг. Волшебные песни» (2016 – по наст. вр.) все танцевальные сцены сделаны по видеореференсам, найденным на видеохостингах. Их подбором занимался постановщик Н. Козлов, о чём он подробно рассказал в одном из интервью³.

Но только этим использование динамических референсов в анимации не исчерпывается.

Динамические референсы играют важную роль при погружении в материал, изучении исторического контекста, культуры, природы того периода или места, в котором будут развиваться события фильма. Например, при работе над фильмом «В поисках Немо» (2003) аниматоры студии Pixar подробнейшим образом изучали всё, что им предстояло изобразить. Эндрю Стэнтон, один из создателей фильма, ещё на этапе написания сценария досконально изучал поведение тропических рыб. Художники и аниматоры до начала работы не только просматривали документальные фильмы о мире Большого Барьерного кораллового рифа Австралии, изучали подводные съёмки, слушали лекции ихтиологов, посещали океанариумы, выставки рыб и медуз, но и научились погружаться с аквалангом. Во время погружений они собственными глазами увидели подводную красоту Большого Барьерного рифа и производили собственноручно видеосъёмки, того, что их впечатлило. Этот материал помог им в рабо-

³ «Маяки» для аниматора или работа с референсами // Анимационная студия «Паровоз». 19.11.2021. URL: <https://blog.parovoz.tv/mayaki-dlya-animatora-ili-rabota-s-referensami/> (дата обращения: 05.01.2024).

те над фильмом, но его было недостаточно, и впоследствии на студии был установлен огромный аквариум, позволяющий им внимательно наблюдать за его обитателями. Разумеется, это не стало причиной того, что в фильме был точно воссоздан мир океана. Художники и аниматоры привнесли много своего, того что явно противоречит научным данным. Например, они наделили рыб мимикой и по-иному расположили их глаза, так, чтобы можно было выразительно сыграть сложные человеческие эмоции. Кстати, для этого они изучали съёмки с мимикой собак. Кроме того, они изменили их природные повадки: черепахи не мигрируют семьями, а рыбы-клоуны не заботятся о своём потомстве. Для того чтобы сделать Дори, забывчивую, но оптимистичную спутницу Марлина, более обаятельной, создатели наделили её веснушками.

Помимо вышеперечисленных примеров видеореференсы бывают обучающимися или справочными. Они помогают аниматорам и художникам создавать те или иные движения или мимику персонажей в различных программах, содержат всевозможные советы, позволяющие работать в них более эффективно.

Референсы бывают двух видов: **заимствованные** из разнообразных источников и **авторские**, то есть созданные самостоятельно художником или его группой под конкретный проект и для решения определённых задач.

Чаще всего художники предпочитают обращаться к разным ресурсам и каналам доставки визуальной информации и там искать материалы. Это могут быть книги и журналы по искусству, архитектуре, культуре, моде, фотоальбомы, различные сайты и видеосервисы.

Помимо этого, художники, работая над проектом, могут сами создавать визуальный материал, делая тематические зарисовки и наброски, обращаясь к натуре [10]. Если в фильме персонажи животные, то логично делать серии набросков, отправившись для этого в зоопарк или наблюдая за ними в живой природе. Подобная практика имеет место на многих студиях. Во время работы над

«Дамбо» (1941) У. Дисней специально водил своих аниматоров в зоопарк, а потом и вовсе привёл на студию слонёнка. Когда на диснеевской студии шла работа над фильмом «Бемби» (1942), аниматоры не только смотрели документальные фильмы, но и немало времени проводили в Лос-Анджелесском зоопарке. Для более эффективной работы художников У. Дисней организовал на студии небольшой зоопарк. Как вспоминают сотрудники студии, во время работы над фильмом по коридорам свободно разгуливали два оленя, вдоль стен висели и стояли клетки с теми животными и птицами, которые должны были превратиться в героев мультфильма. Художники постоянно делали наброски с реальных животных, наблюдая за их повадками и пластикой движения. И только после того, как художники могли свободно их рисовать с необходимой степенью реалистичности, они переходили к непосредственной работе над анимационными образами, добиваясь характерности и очеловечивания.

Во время работы над лентой «Король Лев» (1994) одними походами в зоопарк и просмотром фильмов о дикой природе Африки дело не обошлось. Художники студии за впечатлением ездили в Кению и там наблюдали за жизнью львов в Серенгети. Не обошлось и без того, что на студию приводили живых львов, и художники делали с них реалистичные наброски.

В книге «Королевы анимации Disney. Кто и как придумывал всем известных принцесс: от Белоснежки до Мулан» приведено немало примеров работы художников диснеевской студии на натуре. Такая работа была важной частью художественного процесса на любом проекте. Вот как описывает Н. Холт работу художников над сюжетом «Вальс цветов» в «Фантазии» (1940), снимаемой на музыку сюиты из балета «Щелкунчик»: «*Этель*⁴ и *Бьянка*⁵ часами сидели

⁴ Этель Кулсар (16 января 1908 г. – 12 октября 1994 г.) – одна из художниц и аниматоров диснеевской студии, работавших на «Фантазии» (1940).

⁵ Бьянка Маджолли (13 сентября 1900 г. – 6 сентября 1997 г.) – первая женщина-аниматор, принятая У. Диснеем. Она проработала на студии с 1934 по июль 1940 г.

где-нибудь на территории студии, зарисовывая, как сорняки прорастают через асфальт, стараясь передать на бумаге, как они колышутся от каждого дуновения ветра. Художники стремились сделать так, чтобы созданный ими экранный мир выглядел как можно более реально: они изучали снежные хлопья, которые кружит зимний ветер, опадающие осенью листья»⁶.

Стоит отметить, что не только художники и аниматоры диснеевской студии, работая над проектами, делали натурные зарисовки, изучали природу, животных и тот мир, который должен был возникнуть в кадре. Этим занимались все, даже сценаристы, художники по раскадровкам и спецэффектам.

С. Холланд⁷ была главным сценаристом эпизода «Вальс цветов», она стремилась превратить его в «изящную визуализацию искусства и природы», для этого она, по словам Н. Холт, «отвезла свою небольшую команду сценаристов и Германа Шултейса, специалиста по спецэффектам, в заповедник «Айдауайлд» в горах Сан-Джасинто, на востоке Лос-Анджелеса. Они провели там очень много времени, даже арендовали небольшую хижину и прозвали её своей «летней студией». Расположившись на склоне холма, художники наблюдали, как листья кружатся на ветру, на растениях начинают набухать почки, стручки с семенами взрываются, а миниатюрные грибочки кучкуются в сырой земле. Пока сценаристы орудовали карандашами, Герман Шултейс, используя весь свой арсенал самых разных камер, производил макросъёмку маков, чертополоха и сосновых иголок. Наблюдая за тем, как капли росы отражают солнечный свет, члены команды раздумывали над тем, как передать этот эффект в фильме»⁸.

Практика работы на натуре является одним из методов сбора нужного материала к фильму. Для разработки и прорисовки про-

странства художники могут использовать натурные зарисовки, пейзажные и интерьерные этюды.

Когда анимационный мир в общих чертах или непосредственно создаётся под впечатлением от реального места или воспроизводит это место, как было, например, в мультфильмах «Иллюзионист» (2010) (Эдинбург), «101 далматинец» (1961) (Лондон), «Ходячий замок» (2004) (Кольмар), «Принцесса и лягушка» (2009) (Новый Орлеан), «Ведьмина служба доставки» (1989) (Стокгольм), «Лука» (2021) (Генуэзское побережье и порт Россо), то исследовательские поездки в это место обычно совершаются ведущими членами съёмочной группы. Это даёт художникам возможность погрузиться в атмосферу места, изучая и фиксируя все аспекты, которые способствуют передаче ощущений реальности, для того чтобы создать в фильме мир, который был бы максимально правдоподобным. В случае с «Принцессой и Лягушкой» команда неоднократно посещала Новый Орлеан. Как отмечает Ян Гудинг, художник-постановщик фильма, «В Новом Орлеане... мы сделали тысячи фотографий мельчайших деталей, просто чтобы убедиться, что мы действительно правильно сделали все окна и все кронштейны, которые их держат, балконы и кирпичные узоры на тротуарах, папоротники, растущие из трещин. Мы пытаемся получить всё это, чтобы у вас возникло ощущение, что это место реально»⁹.

В своих последующих работах Ян Гудинг остался верен своему принципу и, уже приступая к новым проектам, он проводил тщательное исследование всего того, что ему предстояло воплотить на экране, досконально собирал материал и посещал места, вдохновляясь реальностью. Когда режиссёры «Моаны» Р. Клементс и Д. Маскер пригласили его взяться за реализацию этого проекта, он творчески подошёл к решению и снова, следуя диснеевской традиции, начал работу со сбора референсов. Однако, как он отметил в одном из интервью, свою работу он начал с того, что много времени провёл, собирая ре-

⁶ Холт Н. Королевы анимации Disney. Кто и как придумывал всем известных принцесс: от Белоснежки до Мулан. Москва: Бомбора, 2022. С. 68.

⁷ Сильвия Холланд (20 июля 1900 – 14 апреля 1974) – художник по концепт-артам и вторая женщина сценарист-раскадровщик на диснеевской студии.

⁸ Холт Н. Королевы анимации Disney. С. 74.

⁹ Kurtti J. The Art of Princess and the Frog. San Francisco: Chronicle Books, 2009. P. 15.

ференсы в Интернете, но это не дало искомого результата и только сбilo его с толку¹⁰. Для создания аутентичного мира ему пришлось не только беседовать с экспертами из разных областей, но и отправиться в экспедицию в южную часть Тихого океана.

К подобной практике при работе над проектами прибегают не только аниматоры диснеевской студии, но и художники студии «Гибли». Работая над пейзажными локациями, они подробно изучают флору местности, делают десятки акварельных рисунков и графических зарисовок. Так К. Ога – художник, создающий завораживающие миры в фильмах Х. Миядзаки и И. Такахата, работая над северными пейзажами для фильма «Принцесса Мононоке», вынужден был отправиться в исследовательскую поездку в Сираками-Санчи, чтобы изобразить деревню Эмиси, где жил Аситака, даже несмотря на то, что художник сам вырос в этих местах и хорошо их знал. Он сделал множество снимков, натуральных зарисовок, этюдов и погрузился в местную атмосферу. О проделанной работе он говорит: *«Есть много фотографий буковых лесов, но я не знаю, какова форма их корней. Я не знаю, как растёт местная трава и как опавшие листья покрывают землю. В путешествии я увидел разницу между каждым буком и почувствовал воздух, я уловил много замечательных деталей, которые перенёс в свои фоны... Во время путешествия я наблюдал, как ростки пробиваются сквозь подтаявший снег, и использовал эти образы для фона»*¹¹. По мнению И. Такахата и С. Кобаяси¹², невероятная достоверность и изящность проработки деталей фонов, сделанных К. Ога, и секрет его мастерства заклю-

чаются в том, что он не только пользуется интуицией и наблюдательностью, но и постоянно рисовал наброски, сделав их частью своей жизни.

Для сбора материала к проектам можно посетить музеи и там, изучая экспонаты, делать необходимые зарисовки утвари, деталей интерьеров, костюмов, всевозможных механизмов, карет, кораблей и иных транспортных средств.

Важным вспомогательным инструментом являются видеореференсы. На различных сайтах есть немало роликов, которые могут быть использованы в работе аниматоров. Но обращения к ним не всегда бывает достаточно для полноценной разработки сцены. Найденные в Интернете ролики редко оказываются именно тем, что нужно, и часто не соответствуют конкретным задачам. Прежде чем приступить к оживлению персонажа, аниматоры проигрывают сцену. Недаром в эпоху рисованной анимации аниматоров называли рисующими актёрами. В своей практике они постоянно используют зеркало, но этого было недостаточно. Если была возможность, аниматоры сами проигрывали анимируемую сцену и снимали её на киноплёнку, в особых случаях для этого приглашали профессиональных актёров. Подобная практика была широко распространена на диснеевской студии [11]. К данной практике прибегали и отечественные аниматоры [12]. Тотальное применение исходного видеоматериала для создания анимационного движения стало основой для появления ротоскопной технологии. Аниматоры достаточно быстро осознали как плюсы, так и минусы данного метода. Он был малоэффективен для анимирования антропоморфных животных или предметов, а также стилизованных персонажей.

Несмотря на то, что у ротоскопинга были свои минусы, аниматоры продолжали обращаться к референсным видео.

С распространением видеотехнологий создание референсного видео для конкретной сцены стало довольно популярным методом работы над анимацией. Запись собственного видеореференса – отличный способ убедиться, что для работы у аниматора есть

¹⁰ Celestino M. "Moana" art director Ian Gooding on designing the lush Pacific Island environments for Disney's new film // ITM: website. 22.11.2016. URL: <https://insidethemagic.net/2016/11/interview-moana-art-director-ian-gooding-on-designing-the-lush-pacific-island-environments-for-disneys-new-film/> (accessed: 07.10.2024).

¹¹ Хлебко Ю. Кадзуо Ога: мастер, создавший лес Тоторо и луга в «Ходячем замке» // Smirnov School: школа компьютерной графики. 01.03.2022. URL: <https://render.ru/ru/SmirnovSchool/post/22396> (дата обращения: 05.10.2024).

¹² Ситиро Кобаяси (30 августа 1932 г. – 25 августа 2022 г.) – художник, учитель Кадзуо Ога, с 1964 г. работал на студии Тоеи.

именно тот материал, который ему необходим для создания выразительной и естественной анимации. Обычно это делается с помощью цифровой видеокамеры или фотоаппарата с возможностью записи видео со скоростью 30 кадров в секунду. Но в особых случаях для более детального анализа движения можно снимать видео в диапазоне 210–420 кадров в секунду. Видео лучше всего снимать на хромакее, чтобы посторонние детали в кадре не мешали анализу движения.

Создание собственного подготовительного видеоматериала для сцены позволяет аниматорам выбирать из него нюансы и детали своих движений и применять их к персонажам, которых он анимирует. Собственно, созданное видео с игрой позволяет создать движение, которое будет более точно отвечать драматургическим задачам и иметь большую убедительность в отличие от того, если бы аниматор просто просмотрел чужое видео и постарался бы догадаться о нюансах движения. Кроме того, создание собственного референсного видео позволяет проиграть несколько вариантов искомого движения для одной и той же сцены и выбрать из каждого ролика то, что наиболее соответствует поставленной задаче.

В связи с вышеизложенным следует отметить ещё один важный момент: если вы анимируете женский персонаж, по возможности следует использовать референс с женским видео. Несмотря на то, что общие составляющие бега или походки будут одинаковыми как для мужчин, так и для женщин, существуют большие различия в характере движений зависимости от пола. Итоговые результаты будут лучше, если исходные кадры, используемые для анимации, будут соответствовать полу персонажа, которого необходимо создать.

Работая над изобразительным решением фильма, художник-постановщик решает различные задачи. Для каждой из них могут быть подобраны свои референсы.

Стилистические референсы представляют примеры художественной стилизации. Эти материалы могут демонстрировать не только примеры удачных стилизаций, уже используемых в анимационных фильмах, иллюстрациях или дизайнерских решениях, но

и содержать изображения, которые могут стимулировать творческий потенциал художника при разработке оригинального стилистического решения. Например, для Ю. Норштейна и Фр. Ярбусовой при разработке изобразительного решения фильма «Цапля и Журавль» (1974) одним из референсных материалов стала японская живопись и в частности гравюры К. Хokusая, а образное решение фильма «Лиса и Заяц» было найдено благодаря обращению к росписям на прялках и к городецкой живописи. Приступая к работе над фильмом, режиссёр вместе с художником пересмотрели в Историческом музее сотни прялок. Погружение в образный мир городецкой росписи стало отправной точкой не только для стилистического решения, но и для гармонического решения живописного пространства, выстраивания архитектуры всего фильма. Одно из изображений кота на сиденье расписного стульчика, опубликованное в книге о городецкой живописи, послужило основой для разработки образа Зайки – главного персонажа фильма. *«Важный такой кот, полный достоинства. Он неотрывно огромными глазами следит за тобой с сиденья стула, на котором был нарисован... Я показал Франческе: «Вот глаза нашего Зайчика». Прошу не думать, что мы механически перенесли народную живопись в наш фильм. Увидев изображение кота, я мысленно пробежал весь фильм и понял, что взгляд этих неизбежных глаз может прошивать фильм от края до края... Прялочная живопись в качестве монтажного соединения и взгляд Зайчика с экрана стали связующим веществом фильма»*¹³.

Технологические референсы представляют собой примеры использования той или иной анимационной технологии, возможности применения спецэффектов для достижения определённых целей.

Кинетические и эмоциональные референсы – это референсы движений, жестов, мимики. Их использование помогает проанализировать механику движения, вычленив из движения наиболее выразительные мо-

¹³ Норштейн Ю. Снег на траве. Кн. 1. С. 97.

менты, проанализировать их и уже на основе полученных знаний создать собственное драматургическое решение, найти более выразительную точку для демонстрации изображаемого движения, предложить более интересный ракурс действия. Подготавливая кинетические референсы, многие ведущие аниматоры советуют не столько пользоваться чужим материалом, роликами, найденными в Интернете, сколько самим создавать такие видео, снимая себя или приглашая актёров для разыгрывания сцены и демонстрации движения.

Цветовые референсы представляют подборку визуальных материалов, выполненных в определённой колористике. Подборка цветовых референсов может отражать как общую колористическую гамму всего проекта, его атмосферу, настроение, так и соответствовать его отдельным сценам.

Так Ю. Норштейн, задумывая снять фильм по сказке Б. Шергина «Золочёные лбы», размышляя над текстом, уже на этом этапе представлял себе общую цветовую гамму будущего фильма. Как пишет режиссёр «...сказка «Золочёные лбы» привела меня в восторженное безумство. Там всё свежее – и текст, и словарь. Я ходил и разговаривал репликами из этой сказки. И всерьёз думал о фильме, об изображении, которое, казалось бы, и не проявляется текстом. Почему-то оно виделось мне тёмно-коричневым, каким-то густым, с тонкими разработками. Как дерево, потемневшее от времени»¹⁴.

Подборка цветовых референсов может стать основой для цветовой драматургии фильма. Размышляя о цвете в фильме, Ю. Норштейн писал: «Цветовая гамма должна ощущаться... внутренне и соответствовать ритму фильма и развитию действия. Значение цветовой символики даёт дополнительную уверенность в правильном выборе колорита»¹⁵.

В некоторых случаях цветовые референсы даже могут быть основой для разработки цветового решения каждого из персонажей или помогать представить эмоционально-психологический портрет героев, их цветовую ауру.

Предметные референсы – это визуальный материал, собираемый для решения конкретной задачи. Он может выполнять информационно-реферативную функцию, но также служить основой для дальнейшей разработки художественного образа и его деталей. Предметные референсы помогают художнику выстраивать композицию кадра или сцены, наполнять их характерными, узнаваемыми деталями. Например, в фильме есть карета, и художнику необходимо её нарисовать. Для этого он может собрать различные изображения карет и уже на их основе разработать собственное изображение, которое будет соответствовать определённой эпохе и стране. Это решение может быть компилятивным, но если перед ним стоит задача нарисовать не просто карету, а карету, принадлежащую конкретному историческому лицу, или почтовую карету, то создание такого образа требует знание материальной культуры. В этом случае художник проводит доскональное исследование и ищет конкретный исторический изобразительный материал, посещает музеи и архивы, изучает соответствующие исторические труды с целью найти точное описание искомого объекта, его изображение, а по возможности даже чертежи. Однако, если он не связан историческими рамками и какой-то конкретикой, то, используя изображения и фотографии реальных карет и иных средств передвижения, он может придумать карету самого невероятного дизайна.

Предметные референсы подбираются для всех элементов сцены. В первую очередь для разработки персонажа. В анимации весь фильм держится на точно найденных образах героев, их запоминающимся силуэте, выразительных деталях, проработанном характере. Эту группу вспомогательных материалов составляют так называемые *персонажные референсы*. Их могут составлять материалы, способные помочь в разработке внешнего образа персонажа, его костюма, причёски, игровых атрибутов. Разрабатывая персонаж, художник может ориентироваться на реальные или исторические личности, актёров, звёзд шоу-бизнеса и политики. Для этого в подборку персонажных референсов он мо-

¹⁴ Норштейн Ю. Снег на траве. Кн. 1. С. 91.

¹⁵ Там же. С. 103.

жет включить кадры из фильмов, портретные рисунки и фотографии, сделанные им собственноручно или найденные в сторонних источниках. Говоря о разработке персонажа, можно сказать словами А. Ахматовой *«Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда...»* Ю. Норштейн, разрабатывая образ Акакия Акакиевича, везде искал характеризующие его детали, жесты, мимику. В своих поисках он обращался и к реальности, наблюдая за пассажирами метро и делая фотографии Б.И. Жуковского¹⁶, к портретам П. Капицы, М. Сарьяна, Г. Рождественского, к фотографиям младенцев, плачущих лиц, лиц пожилых женщин и узников концлагерей, а также к живописным произведениям, к работам Ф. Гойя, Рембрандта, малых голландцев, портрету А.С. Пушкина кисти И. Ленёва. Размышляя о персонаже, он пишет: *«О нём ничего не скажешь, он бесцветный, его ничего не привлекает в жизни, кроме писания букв... Нами сделано, наверное, не меньше двухсот набросков этого персонажа. Мучение было невероятное. Трудно нарисовать ничто...»*¹⁷. И далее *«Было просто невозможно найти облик Акакия Акакиевича – всё было не так. Трудность состояла в том, что его внешность должна была быть текучей, меняющейся... Он не мужчина, не женщина, не человек, обладающий определённой внешностью, у него нет выразительных черт лица»*. Обращение к фотографиям реальных людей давало образу Акакия Акакиевича достоверность, благодаря этому в нём *«происходило соединение документального факта и вымысла. Вымысел устремлялся к документальности. Документальность окружена вымыслом»*¹⁸.

Важной частью при создании базы персонажных референсов являются наброски с натуры. А. Петров главного героя для фильма «Старик и море» (1999) увидел в отце своей супруги. Готовясь к съёмкам фильма, он сделал с него сотни набросков и фотографий, заставляя разыгрывать различные сюжетные

ситуации. Эти натурные материалы послужили отправной точкой для дальнейшей разработки персонажа.

Помимо персонажных референсов, большое внимание художник уделяет подборке *референсов для локаций*. Этой частью работы на крупных проектах может заниматься художник по фонам. Создание сложного, убедительного мира в фильмах может превратиться в целое исследование и потребовать даже отдельной экспедиции. Так, при работе над фильмом «Книга Джунглей» (2016) творческая группа вместе с целым штатом художников и супервайзеров в течение трёх месяцев путешествовала по Индии, изучая архитектуру, а также флору и фауну бенгальских джунглей. Около тысячи отдалённых мест джунглей в Индии были сфотографированы, эти исходные референсы использовались для создания цифровых лесов в фильме.

Поездки для сборов референсов к локациям становятся обязательной частью работы над проектом, и это необязательно путешествие в конкретную местность. Для создания локаций к вымышленным пространствам художники могут вдохновляться видами самых разных мест реального мира. Причём, как отмечают многие художники, полагаться только на чужие референсы при создании качественного продукта невозможно. Необходимо иметь собственные живые представления. Т. Франсуа, вице-президент Ubisoft, говоря о важности личных впечатлений, сборе собственных референсов для разработки локаций в компьютерных играх, отмечает, что «если ты опираешься только на произведения других людей, твоё творчество превращается в блёклое отражение исследований, которые провели за тебя они. В таких условиях невозможно вносить инновации, искать свой взгляд на мир и создавать что-то оригинальное»¹⁹. Поэтому собственноручно собранные и сделанные фотографии, видеоролики, зарисовки, наброски, заметки в блокноте могут быть гораздо более значимыми и

¹⁶ Борис Иванович Жуковский – отец Александра Жуковского, оператора, работавшего с Ю. Норштейном, в том числе и над фильмом «Шинель».

¹⁷ Норштейн Ю. Снег на траве. Кн. 2. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹ Леонов А. Как добывают референсы: путешествия, суды, «шпионаж» // DTF: сайт. 29.01.2020. URL: <https://dtf.ru/gamesdev/98238-kak-dobyvayut-referensy-puteshestviya-sudy-shpionazh> (дата обращения: 07.01.2024).

информативными, чем то, что будет собрано за месяцы поиска материалов на страницах Интернета.

Ассоциативные или вдохновляющие референсы представляют любые изображения, которые напрямую не относятся к материальному миру проекта, к персонажам и среде, но они содержат в себе образно-эмоциональные представления, передают какое-то настроение, ощущение, которое художник хочет передать в фильме. Ассоциативные референсы – это то, что может абсолютно не иметь отношения к реальности, но то, что рождает образные ассоциации, что служит вдохновляющим началом. Ассоциативные референсы могут быть предвестниками ещё не сформированных идей, начальными штрихами, пятнами, образами будущего решения. Они формируют путь к тому, что неясно, что только является в ощущениях. Пусть это кажется парадоксальным, но через них начинается понимание того большего, что не заключено в словах сценария, что существует между строк, только лишь в ощущениях. В конкретные изображения они могут и не перерасти, но через них фиксируется эмоциональные ощущения, состояние, настроение, они могут стать камертоном ко всей работе или прологом к предстоящей работе.

Ю. Норштейн, вспоминая работу над мультфильмом «Цапля и Журавль», никак не мог решить, как должно было выглядеть пространство мультфильма, где должны были жить его герои. С самого начала было понятно, что это должно было быть пространство болота, но дальше у режиссёра возникала проблема. Неожиданно ему в руки попала книга А. Бонара «Греческая цивилизация» и там были фотографии птиц и развалин древнего города Персеполя. Эти фотографии не имели прямого отношения к фильму, но в представлении режиссёра они соединились в единый образ, который стал ключом к решению пространства. Как вспоминает Ю. Норштейн, у него *«мгновенно возникло решение фильма: птицы будут жить среди развалин старинной усадьбы»*²⁰. Впоследствии фотография развалин Персеполя дала толчок сбо-

ру материала – предметные референсы – для разработки конкретного пространства. *«Мы с Франческой перелопатили множество изображений «руинного стиля», после чего были сделаны эскизы»*²¹.

Объединённые в группу ассоциативные референсы могут использоваться для создания мудборда (moodboard), демонстрирующего предполагаемое цветовое и стилистическое решение, атмосферу проекта. По сути мудборд – это ассоциативный ряд из визуальных образов, «резонирующих» с темой фильма.

Как формировать базы референсов и где их искать. При поиске референсов используйте различные информационные каналы и ресурсы.

Создание баз референсов прошло долгий путь со времён, когда собранные визуальные материалы прикреплялись в виде распечаток, зарисовок, вырезок, сканов на специальные доски или информационные панели, до создания статических презентаций в виде PDF-файлов. Сегодня, когда члены команды могут работать удалённо, распространённым становится создание онлайн-баз. Такие референсные подборки могут включать видео, изображения, ссылки, стилистические примеры и колористические выкладки, открывая целый новый мир творческих возможностей.

Благодаря Интернету многое можно найти на его страницах. Для поиска референсов созданы специальные сайты с визуальным контекстом наподобие Pinterest или Designspiration. На них можно искать аналоги к отобранным изображениям, создавать тематические доски с подборками визуальных материалов, переходить из поиска картинок на сайты, с которых они были взяты. Поиск на этих ресурсах ведётся по тэгам. Для поиска референсов можно обращаться к каталогам с портфолио или на сайты студий, а также на сайты с готовыми кейсами (Dribbble, Awwwards или Behance). Фотоматериалы можно искать на фотобанках, причём некоторые из них представляют материалы, которые можно использовать в дальнейшей ра-

²⁰ Норштейн Ю. Снег на траве. Кн. 1. С. 133.

²¹ Там же. С. 134.

боте, не нарушая авторских прав. Как правило, это сайты со стоковыми фотографиями. Среди популярных можно назвать Unsplash и Adobe Stock. Ресурс Bodies InMotion предлагает большую библиотеку фотографий природы в движении: балерины, акробаты и спортсмены. Есть раздел с разобранными покaдрово эмоциями, трёхмерными моделями, которые можно вращать в различных направлениях, примеры скетчей, сделанных на основе исходных фотографий. Все исходные движения и эмоции представлены в виде серий фотографий.

Для сбора визуального материала можно обратиться на сайты различных музеев, многие из них предлагают оцифрованные каталоги коллекций и базу изображений произведений искусства.

В поисках изобразительного материала могут быть использованы видеоролики с сайтов типа Vimeo, Reference! Reference!, а также видеоконтент (документальные и игровые фильмы, анимация), размещённый на различных видеохостингах. Не стоит забывать и о социальных сетях. В ТикТоке, ВКонтакте и других соцсетях имеется много изображений различного характера, которые можно включить в подборку.

Особенности работы с референсами. Умение собирать и работать с референсами – это отдельный этап подготовительного периода, раскрывающий уровень профессионализма художника. Зачастую те, кто только начинает свою профессиональную карьеру в анимации, не понимают задач, которые выполняют референсы, и не имеют навыков их сбора, систематизации и работы с ними. Сбор референсов может идти на чисто эмоциональном посыле. Художник будет бессистемно собирать то, что ему нравится, вне зависимости от целей и задач проекта, его сюжета и персонажей. В дальнейшем он, не обладая навыками анализа собранного материала, начинает копировать из него либо отдельные фрагменты, либо заимствует стилистические приёмы. Однако копирование референсов полезно в случае совершенствования технических приёмов, но не развития творческого мышления.

Неграмотный подход при работе с референсами приводит к ряду проблем.

Во-первых, это проблемы этического характера, когда художник, находясь под эмоциональным впечатлением от референсов, буквально повторяет исходное изображение, в лучшем случае внося в него незначительные изменения. Это может рассматриваться как частичный плагиат.

Во-вторых, заимствование стилистики или художественных приёмов из референсного материала без осмысления и переработки сопряжено с невольным повторением уже найденного художественного решения. Это ведёт к потере оригинальности, снижению художественного разнообразия, появлению штампов и, как итог, невозможности представить нечто оригинальное и самобытное. Впоследствии это будет формировать у зрителя ощущение вторичности представленного визуального решения, визуальные аллюзии, отсылающие к ранее снятым фильмам.

Не стоит механически копировать даже самые подходящие референсы. Необходимо уметь анализировать собранный визуальный материал, интерпретировать его, осмысливая и отбирая то, что подходит именно для разрабатываемого художественного решения фильма или проекта, что вписывается в общий замысел, что помогает решению образно-выразительных и драматургических задач.

При изучении видеореференсов для создания анимации важно обращать внимание на детали, благодаря которым движение выглядит естественным и выразительным. Важно точно видеть и уметь анализировать вес, силу, ускорение, отслеживать перемещение массы тела, жесты, движение глаз, тонкие нюансы мимики. Подмеченные нюансы могут быть впоследствии акцентированы и усилены, а их наличие придаст движению естественность и достоверность. В создании анимации внимание к точно найденным деталям имеет решающее значение.

При создании анимационного движения желательно пользоваться не одним видеореференсом, а постараться найти разные ролики на одно и то же движение. Хорошим материалом для анализа могут стать фрагменты из игровых лент, они дают представление о

различной манере актёрской игры, о разных способах создания драматургической культуры.

При просмотре видеореференсов аниматору необходимо делать заметки, отмечая для себя наиболее важные моменты, которые приоритетны для разыгрываемой сцены. Помимо заметок важно делать небольшие схематичные зарисовки, помогающие понять механику движения. Рисование во время анализа видеореференса помогает вычленить ключевые фазы движения и создать собственное представление о нём.

Однако, работая с видео, аниматор должен не оказаться под его влиянием и не стремиться его копировать. Это может привести к тому, что созданное путём слепого копирования движение будет слишком натуралистичным, невыразительным и скучным. Аниматор должен помнить об анимационной условности, выразительности силуэта и об основных принципах анимации, применять их к референсному материалу и включать творческое воображение.

Помимо видеореференсов при создании анимационного движения аниматоры в качестве вспомогательного материала могут использовать сцены из ранее снятых мультфильмов. Это особенно актуально, если аниматор работает над серийным проектом, возможно до него кто-то уже анимировал данный персонаж и создавал необходимое или похожее движение. Анализ таких сцен может стать незаменимым подспорьем для начинающего аниматора, помогая ему, с одной стороны, оставаться в рамках утверждённой пластики для данного персонажа, а также сэкономить время и силы при анимации новых сцен. С другой стороны, если, анализируя ранее снятые сцены, аниматор видит недочёты в характере движения персонажа, он может при необходимости улучшить анимацию, сделать движение более выразительным и правдоподобным.

Использование в качестве референсов сцен из ранее снятых мультфильмов при разработке собственного проекта может быть полезно. Такие сцены могут быть применяться как обучающий материал. Их анализ может помочь в понимании того, как анима-

тор выстраивает драматургию сцены, как разыгрывает ту или иную эмоцию или отыгрывает реакции, как входит и выходит из сцены. Однако работа с такими референсами сопряжена со своими сложностями. Во-первых, находясь под очарованием выбранного фрагмента и чужой стилистики, есть большая доля опасности повторить их, не внося изменения и не перерабатывая. Это приводит к формированию штампов и понижает качество создаваемого проекта. Во-вторых, анимационный референс движения – это результат чужой интерпретации реалистичного движения и применение определённой стилизации, коэффициента гипертрофии для достижения конкретного эффекта. Причём степень условности движения зависит от целого ряда факторов, начиная от темы и сюжета фильма, его жанра, стилистического решения и кончая форматом и возрастом аудитории, на которую он рассчитан.

Анимационные референсы можно использовать для анализа принципов стилизации, выявления того, как работают при создании движения правила анимации, для вдохновения, но они непригодны для анализа природы движения, его реалистической физики и механики, которую следует изучать только на фотографическом видеоматериале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художники, работающие в кино, всегда пользовались вспомогательными материалами. Это в большей степени касалось художников игрового кино, но и аниматоры прибегали к их использованию. Хотя очень долго считалось, что работа над фильмом начинается с поисков художественного образа и стилистических решений, с разработки персонажного ансамбля. Максимум, на что мог обращаться на начальном этапе своей работы художник-постановщик, так это образцы классического или декоративно-прикладного искусства. Доступность визуальной информации, возникающая в связи с распространением цифровых технологий и появление баз изображений в Интернете, многое изменили в работе художников и аниматоров. Перед художниками открылись

новые возможности, изменилась методика работы в подготовительном периоде, стало легче вести диалог между членами творческой группы в плане разработки художественной концепции экранного произведения, вырос уровень взаимопонимания между членами творческой группы и продюсерами. Но имеется и другая сторона этого процесса. Доступность визуальной информации и неумение с ней работать, анализировать материал, а порой и творческая пассивность приводят к появлению штампов, работе в

рамках утвердившихся трендов, ведёт к снижению количества оригинальных решений, а порой и к эстетической безвкусице, тиражированию безграмотных как с художественной, так и с технической стороны визуальных решений. Работа с визуальными референсами стала отдельным профессиональным навыком художников-постановщиков и аниматоров. Его формированию должно происходить на этапе профессиональной подготовки будущих специалистов в рамках учебных программ.

Список источников

1. Богачев Р.О. Будущее индустрии 2D-анимации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-1 (89). С. 40-43. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-2-1-40-43>, <https://elibrary.ru/tvxujg>
2. Хабибуллин И.М. О проблеме создания анимационных фильмов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 997-1004. <https://elibrary.ru/jxkmng>
3. Воронова А.В. Мастерство художника-постановщика. Санкт-Петербург: Санкт-Петерб. гос. ин-т кино и телевидения, 2023. 80 с. <https://elibrary.ru/zqejjy>
4. Яровая Н.Ю. Анимация в цифровой среде // Вестник ВГИК. 2024. Т. 16. № 1 (59). С. 145-157. <https://elibrary.ru/enoiyb>
5. Румянцева А.Ю., Косинова М.И. Анализ российского анимационного рынка // Актуальные направления повышения доходности проектов креативных индустрий-2024: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 2024. С. 86-93. <https://elibrary.ru/boitia>
6. Корнацкий Н.Н. Студия «Дисней» в 1975 году: рассказывает Ф.С. Хитрук // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2023. № 1. С. 146-166. <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2023-1-146-166>, <https://elibrary.ru/bocewf>
7. Новиков А.М. Методология художественной деятельности. Москва: Эгвес, 2008. 72 с. <https://elibrary.ru/pfintex>
8. Бортник Ю.Ф. Использование референсов в учебном рисунке: плюсы и минусы // Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования: материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2022. С. 3-6. <https://elibrary.ru/cuwozc>
9. Wu C.-I. Hayao Miyazaki's Mythic Poetics: Experiencing the Narrative Persuasions in Spirited Away, Howl's Moving Castle and Ponyo // Animation: An Interdisciplinary Journal. 2016. Vol. 11. Issue 2. P. 189-203. <https://doi.org/10.1177/1746847716643777>
10. Кирилова С.Н. Значение быстрого наброска и референса в практике художника анимации // АРТ-ВИЗУАЛИС. Теоретические докл. 4 Всерос. творческой конф. Омск: Ом. гос. техн. ун-т, 2016. С. 14-16. <https://elibrary.ru/wmyebl>
11. Бэррьер М. Уолт Дисней. Человек-студия. Москва: АСТ, 2020. 320 с.
12. Сивожелезова А.Н. Ротоскопия в анимации на примере работ Льва Атаманова // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 12 (51). С. 262-267. <https://elibrary.ru/wsbbjo>

References

1. Bogachev R.O. The future of 2d animation industry. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 2-1 (89), pp. 40-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-2-1-40-43>, <https://elibrary.ru/tvxujg>
2. Khabibullin I.M. On the problem of creating animated films. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 36, pp. 997-1004. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxkmng>

3. Voronova A.V. *The Skill of a Production Designer*. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Film and Television Publ., 2023, 80 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqejjy>
4. Yarovaya N.Yu. Animation in digital media. *Vestnik VGIK = Journal of Film Arts and Film Studies*, 2024, vol. 16, no. 1 (59), pp. 145-157. (In Russ.) <https://elibrary.ru/enoiby>
5. Rumyantseva A.Yu., Kosinova M.I. Analysis of the Russian animation market. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye napravleniya povysheniya dokhodnosti projektov kreativnykh industrii-2024» = Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Current Directions for Increasing the Profitability of Creative Industries Projects-2024"*. Moscow, 2024, pp. 86-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/boitia>
6. Kornatskii N.N. Disney studio in 1975: Fyodor Khitruk reports. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka = Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*, 2023, no. 1, pp. 146-166. (In Russ.) <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2023-1-146-166>, <https://elibrary.ru/bocewf>
7. Novikov A.M. *Methodology of Artistic Activity*. Moscow, Egves Publ., 2008, 72 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pfntex>
8. Bortnik Yu.F. Using of references in educational drawing: pros and cons. *Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya» = Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Design and Design Education"*. Minsk, 2022, pp. 3-6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cuwozc>
9. Wu C.-I. Hayao Miyazaki's Mythic Poetics: Experiencing the Narrative Persuasions in Spirited Away, Howl's Moving Castle and Ponyo. *Animation: An Interdisciplinary Journal*, 2016, vol. 11, issue 2, pp. 189-203. <https://doi.org/10.1177/1746847716643777>
10. Kirilova S.N. The Importance of Quick Sketch and Reference in the Practice of an Animation Artist. *Teoreticheskie doklady IV Vserossiiskoi tvorcheskoi konferentsii "ART-VIZUALIS" = Theoretical reports of the 4th All-Russian Creative Conference "ART-VISUALIS"*. Omsk, Omsk State Technical University Publ., 2016, pp. 14-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wmyebl>
11. Barrier M. *The Animated Man. A Life of Walt Disney*. Moscow, AST Publ., 2020, 320 p. (In Russ.)
12. Sivozhelezova A.N. Rotoscopy in animation as exemplified by Lev Atamanov's works. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, vol. 2, no. 12 (51), pp. 262-267. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wsbbjo>

Информация об авторе

КРИВУЛЯ Наталья Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, руководитель научного отдела Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4580-1357>, Researcher ID: R-2816-2019, hstv-sn@bk.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024
Поступила после рецензирования 29.11.2024
Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Natalia G. Krivulya, Dr. Sci. (Art), Professor, Head of Scientific Department of the School of Television, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4580-1357>, Researcher ID: R-2816-2019, hstv-sn@bk.ru

Received 31.10.2024
Revised 29.11.2024
Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Print ISSN [2587-6953](#)
Online ISSN [2782-5868](#)
DOI: [10.20310/2587-6953](#)

Научно-теоретический журнал

Неофилология

2025. Т. 11. № 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

Редакция:

Главный редактор *А.С. Щербак*
Ответственный секретарь *И.В. Ильина*
Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*
Редакторы английских текстов: *Е.А. Мамонова, Н.А. Михайлова*
Администраторы сайта: *М.И. Филатова, Н.А. Михайлова*

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Подписано в печать 18.03.2025. Дата выхода в свет 15.04.2025
Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».
Печать на ризографе. Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 25,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 25038. Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов
Компьютерная вёрстка: *М.И. Филатова*

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Информацию о журнале «Неофилология» см. на веб-сайте: <https://neophilology.elpub.ru>

